

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ УКРАИНЫ

ХАРКОВСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ассоциация докторов наук государственного управления

ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: теория и практика

**сборник научных трудов
Ассоциации докторов наук государственного
управления: Специальный выпуск**

Харков
Издательство “ДокНаукДержУпр”
2013

УДК (351+342+321+316) (062.552)''540*3''

ББК 67

П 88

Рекомендовано к печати Ученым советом Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, протокол № 12/176-5 от 23 мая 2013 г.

Постановлением президиума ВАК Украины от 30 марта 2011 г. № 1-05/3 «О внесении периодических печатных научных специализированных изданий в новый перечень научных специализированных изданий Украины» сборник «Публичное управление: теория и практика» включен в Перечень научных специализированных изданий Украины в сфере науки «Государственное управление»

Редакционная коллегия:

Василий Мартыненко, д.гос.упр., проф. –
главный редактор;

Александр Радченко, д.гос.упр., проф. –
научный редактор;

Юрий Куц, д.гос.упр., проф. – заместитель
главного редактора;

Константин Козлов, к.гос.упр., доц. –
ответственный секретарь;

Владимир Бабаев, д.гос.упр., проф.;

Валерий Бакуменко, д.гос.упр., проф.;

Наталья Гончарук, д.гос.упр., доц.;

Андрей Дегтярь, д.гос.упр., проф.;

Нина Диденко, д.гос.упр., доц.;

Елена Долгалёва, д.гос.упр., проф.;

Дмитрий Карамышев, д.гос.упр., доц.;

Алексей Крюков, д.гос.упр., проф.;

Николай Латынин, д.гос.упр., проф.;

Наталья Липовская, д.гос.упр., доц.;

Валентина Мамонова, д.гос.упр., проф.;

Александр Мельников, д.гос.упр., проф.;

Татьяна Пахомова, д.гос.упр., проф.;

Сергей Серёгин, д.гос.упр., проф.;

Светлана Хаджирадева, д.гос.упр., проф.;

Юрий Шаров, д.гос.упр., проф.

Эдуард Афонин, д.соц.н., проф.;

Елена Донченко, д.соц.н., проф.;

Мария Пирен, д.соц.н., проф.;

Анатолий Ручка, д.соц.н., проф.;

Юрий Сурмин, д.соц.н., проф.;

Лариса Хижняк, д.соц.н., проф.;

Николай Головатый, д.полит.н., проф.;

Валентина Гошовская, д.полит.н., проф.;

Александр Соснин, д.полит.н., проф.;

Сергей Телешун, д.полит.н., проф.;

Юрий Шайгородский, д.полит.н.;

Леонид Шкляр, д.полит.н., проф.

Олег Амосов, д. э. н., проф.;

Бадирхан Дадашев, д. э. н., доц.;

Вячеслав Дорофиев, д. э. н., проф.;

Александр Поважный, д. э. н., проф.;

Светлана Черемисина, д. э. н., доц.;

Александр Горелик, проф. (США).

П 88 Публичное управление : теория и практика : сборник научных трудов

Ассоциации докторов наук государственного управления. – X. : Изд-во “ДокНаукаДержУпр”. – Специальный выпуск – Июнь, 2013. – 280 с.

ISSN 2307-3101 для печатной версии; 2307-3454 для онлайн-версии журнала.

Статьи специального выпуска содержат основные доклады четвертого теоретико-методологического семинара с международным участием «Архетипика и государственное управление», состоявшегося 22-26 мая 2013 г. в г. Киев. Содержание докладов носит междисциплинарный характер и освещает проблемы демократического созидания государства, встающие в сфере публичного управления и общественной политики. В них с позиций архетипики рассматриваются проблемы теории и истории государственного управления, формирования и функционирования механизмов государственного управления, службы в органах государственной власти и местного самоуправления.

Для ученых, государственных служащих, политиков, преподавателей, слушателей и студентов, интересующихся проблемами публичного управления и общественной политики.

УДК (351+342+321+316) (062.552)''540*3'';

© Ассоциация докторов наук государственного управления, 2013

NATIONAL ACADEMY OF PUBLIC ADMINISTRATION
AT THE PRESIDENT OF UKRAINE
KHARKIV REGIONAL INSTITUTE OF PUBLIC ADMINISTRATION
ASSOCIATION OF DOCTORS OF SCIENCES ON PUBLIC ADMINISTRATION

**PUBLIC MANAGEMENT:
theory and practice**

**Collection of scientific works
Association of Doctors of Sciences on Public
Administration: Special Issue**

Kharkiv
Publishing House «DokNaukDerhzUpr»
2013

UDC (351+342+321+316) (062.552)"540*3"

BBK 67

P 88

Issue approved by the Academic Council of the National Academy of Public Administration, the President of Ukraine, the minutes № ????? May ??, 2013.

Collection of Scientific Works "Public Management: theory and practice" was included to the list of Ukrainian specialized scientific editions in Public Administration by the Resolution "About including the periodical printing scientific specialized editions to the new list of scientific specialized issues" of the Presidium of High Attestation Commission, Resolution № 1-05/3, March 30, 2011

Editorial Board:

Vasyl Martynenko, D.Publ.Adm., Prof.

– Editor-in-Chief;

Oleksandr Radchenko, D.Publ.Adm., Prof.

– Editor-in-Science;

Yurii Kuts, D.Publ.Adm., Prof.

– Deputy Editor-in-Chief;

Konstantin Kozlov, PhD.Publ.Adm., Ass.Prof.

– Executive Secr.;

Volodymyr Babaev, D.Publ.Adm., Prof.;

Valerii Bakumenko, D.Publ.Adm., Prof.;

Nataliya Goncharuk, D.Publ.Adm., Ass.Prof.;

Andrii Degtyar, D.Publ.Adm., Prof.;

Nina Didenko, D.Publ.Adm., Ass. Prof.;

Olena Dolgal'ova, D.Publ.Adm., Prof.;

Dmytro Karamyshev, D.Publ.Adm., Ass.Prof.

Oleksii Kryukov, D.Publ.Adm., Prof.;

Mykola Latynin, D.Publ.Adm., Prof.;

Nataliya Lypovs'ka, D.Publ.Adm., Ass.Prof.;

Valentyna Mamonova, D.Publ.Adm., Prof.;

Oleksandr Mel'nykov, D.Publ.Adm., Prof.;

Tatiana Pahomova, D.Publ.Adm., Prof.;

Sergii Ser'ogin, D.Publ.Adm., Prof.;

Svitlana Khadzhyradeva, D.Publ.Adm., Prof.;

Yurii Sharov, D.Publ.Adm., Prof.

Eduard Afonin, D.Soc.Sci., Prof.;

Olenn Donchenko, D.Soc.Sci., Prof.;

Larisa Khyzhnyak, D.Soc.Sci., Prof.;

Mariya Piren, D.Soc.Sci., Prof.;

Anatoliy Ruchka, D.Soc.Sci., Prof.;

Yurii Surmin, D.Soc.Sci., Prof.;

Mykola Golovatyi, D.Pol.Sci., Prof.;

Valentyna Goshovs'ka, D.Pol.Sci., Prof.;

Oleksandr Sosnin, D.Pol.Sci., Prof.;

Sergii Teleshun, D.Pol.Sci., Prof.;

Yurii Shaigorods'kyi, D.Pol.Sci.;

Leonid Shklyar, D.Pol.Sci., Prof.

Oleg Amosov, D.E.Sci., Prof.;

Badurkhan Dadashev, D.E.Sci., Prof.;

Vyacheslav Dorofienko, D.E.Sci., Prof.;

Alexander Povazhnyj, D.E.Sci., Prof.;

Svetlana Cheremisina, D.E.Sci., Prof.;

Alexander Gorelik, PhD, Prof. (USA)/

P 88 Public management : theory and practice : the collection of scientific works of the Association of Doctors of Sciences on Public Administration. – Kh. : Publ. House "DokNaukDerzhUpr", – Special Issue. – January 2013. – 172 p.

ISSN 2307-3101 (print version); **2307-3454** (on-line version).

The articles of the scientific collection present the reports of the First methodological-theoretic seminar with international participants "Archetypics and Public Administration" held on May 22-26, 2013 in Kyiv (Ukraine). The contents of reports have the interdisciplinary character and clarify the problems of state's formation which arise in the sphere of public administration and social policy. From the positions of archetypics, some theoretical, methodological, and scientific-practical aspects of the theory and the history of public administration, formation and functioning of mechanisms of public administration, and service in state's bodies and local selfgovernment bodies are considered.

For scientists, civil servants, politicians, teachers, students, competitors for master's degree and for all who are interested in the problems of public administration and public policy.

UDC (351+342+321+316) (062.552)"540*3";

© Association of Doctors of Sciences on Public Administration, 2013

Достопочтенные дамы и господа!

Искренне поздравляю вас с открытием 4-го теоретико-методологического семинара с международным участием «архетики и государственное управление».

Ваш научный форум проходит в этом году в древней и славной столице Украины — городе Киеве. История и культура этого города тесно связаны с архетипами восточного славянства, а его ойкумена крепится правдивыми знаниями и вечными гуманистическими ценностями. Можно без преувеличения утверждать, что научное и культурное наследие Киева служит действенной силой, побуждающей к творчеству и гармонизирующей его результаты для современной государственно-управленческой элиты.

Нынешнее собрание является хорошей возможностью для исследователей школы архетики взглянуть вглубь веков, увидеть свои тысячелетние корни, почувствовать титаническую энергию творения добрых дел великими предшественниками, проникнуться славным духом Киевской Руси. Надежными путеводителями для современников предстают София Киевская и Киево-Печерская Лавра, Запорожская Сечь и Киево-Могилянская Академия, Владимир Великий и Тарас Шевченко.

Именно здесь закалялась украинская общественная история, которая временами неожиданно для многих народов меняла направление своего течения, а ее создатели решительно выпрямлялись после столетних унижений. На этой земле возникла казацкая вольница, которая вдохновлялась исторической памятью и победоносностью киеворусской эпохи, освящалась водами седого Днепра (Борисфена). Здесь ковались народная воля и государственность.

К этим святым местам, возвышенным национальными апостолами правды и науки, где вершилась история, чеканилось слово правды и лелеялось чувство национального достоинства, вы возвращаетесь словно паломники.

Уверена, что прикоснувшись к духовным святыням древнего Киева, ваша научная школа архетики и ее участники получают новые импульсы к творчеству и объединению.

Пусть мудрость и опыт профессоров и преподавателей, творческое вдохновение и стремление к чести и гражданской ответственности молодых ученых возвысятся над всеми временными неурядицами и неприятностями как истинные гуманистические доминанты.

Вице-президент
Национальной академии государственного
управления при Президенте Украины

М. Н. Белинская

Олег АМОСОВ, Наталья ГАВКАЛОВА

МОДЕЛИ ПУБЛИЧНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ (АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА)

АМОСОВ
Олег,
AMOSOV
Oleg,

доктор экономических наук, профессор, засл. деятель науки и техники Украины, Первый заместитель директора Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Харьков.

Аннотация: в статье представлено авторское видение публичного администрирования и эволюционирования моделей. Приведена аргументация в пользу существования национальных архетипов, которые составляют парадигмальные основы публичного администрирования. Доказана необходимость формирования фундамента модели «Good Governance» в отечественном публичном администрировании на архетиповой парадигме.

Ключевые слова: публичное администрирование, архетипы, модели публичного администрирования, национальная архетипика.

УДК 35.071

Постановка проблемы. Современные процессы, происходящие в украинском обществе, характеризуются разнообразием направлений влияния: с одной стороны, они неустойчивые, транзитивные, стагнационные, с другой – модернизационные, реформаторские, возрождающие. Современная наука пытается рассматривать подходы к стабилизации процессов в политической, экономической, социальной и культурологической среде посредством предложения новых способов использования существующего инструментария управления, новых моделей управления как в сфере публичной власти (публичное администрирование), так и в государственном управлении, а также механизмов, реализация которых предусматривает новое видение отношений «власть – общественность» и базируется на национальной архетипике.

Исходя из того, что модели публичного администрирования («Old Public Management», «New Public Management», «Good Governance») формируются и эволюционируют во времени как в странах, так и в рамках принятых основных моделей социально-экономических систем (англосаксонская и континентальная) на архетипической парадигме, настоящее исследование является важным, а тема данной статьи актуальна и своевременна.

Анализ последних исследований и публикаций. Упомянутые проблемы отражены в вопросах, рассматриваемых в рамках недавно сформированных в Украине научных направлений, включающих публичное администрирование и архетипику. Теорией и практикой публичного администрирования в Украине занимаются А. Андрийко, М. Белинская, В. Мартыненко, А. Радченко, В. Толкованов, А. Колодий [1–5] и др. Несмотря на публикации, появляющиеся в Украине, до настоящего времени нет единого мнения относительно сложившейся модели публичного администрирования и существуют противоречия в определениях публичного управления и публичного администрирования, что предопределяет целесообразность представления авторской дефиниции исследуемых явлений.

Цель статьи. Несмотря на многочисленные публикации зарубежных исследователей, в которых описывается, обсуждается и анализируется действие моделей публичного администрирования в обществе, и разработки отечественных ученых, исследующих особенности адаптации концепций публичного администрирования, принятых в мире, среди украинских теоретиков и практиков не существует единого взгляда ни на действенность моделей, ни на доминанту конкретной модели в отечественной действительности, базирующейся на архетиповой парадигме.

Целью в контексте вышеизложенного является обоснование исследования научно-теоретических основ моделей публичного администрирования с точки зрения существования архетиповой парадигмы.

Изложение основного материала. Достижение цели исследования предусматривает, прежде всего, представление описания моделей и обоснование принципов их построения в отечественном

обществе, в связи с чем необходимо определить дефиницию «архетипическая парадигма». Информация из Большого экономического словаря дает следующее определение термина «парадигма»: «Парадигма (от греч. пример, модель, образец) – это совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным миром, объединяющая большинство его членов. Парадигма определяет эволюционный путь развития фундаментальных положений» [6]. С учетом наличия различных классификационных признаков отметим, что парадигма может быть научной, государственной, персонифицированной, общепринятой и т.п. В свою очередь, оперирование понятием «архетипическая парадигма» соответствует классификационным признакам научной и государственной парадигмы.

Известно, что архетип как коллективное бессознательное или доосознанное имеет характерные для данного общества черты. Соглашаясь с существованием украинского феномена в архетипике, отметим, что в данном исследовании архетипическая парадигма касается, в первую очередь, общественных моделей (англосаксонской и континентальной), которые стали основанием для возникновения модели в сфере публичного управления «New Public Management» с ее последующим эволюционированием, и начнем изложение результатов с экскурса в историю.

Публичное администрирование можно определить как взаимовлияние субъекта управления и носителя власти на общественные процессы и отношения в соответствии с общественно-значимыми функциями и полномочиями. В узком смысле публичное администрирование связано с исполнительной ветвью власти и рассматривается как: 1) профессиональная деятельность государственных служащих, которая включает все виды деятельности, направленные на реализацию решений правительства; 2) изучение, разработка и внедрение направлений государственной политики. В широком смысле под публичным администрированием понимают систему управления, представленную административными институтами в рамках принятой структуры власти.

Государственное управление (англ. Public administration) – деятельность органов государственной власти по практическому воплощению выработанного на основе соответствующих процедур политического курса. Деятельность государственных служащих традиционно отождествляется, с одной стороны, с политической деятельностью, а с другой – с законотворческой деятельностью.

Исходя из представленного определения, заимствованного из теории и практики управления в США, государственное управление тождественно публичному администрированию, но развитие европейской научной мысли создает предпосылки для трактовки государственного управления как деятельности, которая находится в поле компетенций государственных служащих. Публичное администрирование – деятельность более широкая, которая охватывает реализацию функций с целью удовлетворения заинтересованных сторон всего социума. Учитывая, что общественные отношения в государствах формируются на фоне существующих национальных особенностей, господствующие архетипы становятся непременным составным элементом публичного администрирования в отдельном государстве.

ГАВКАЛОВА
Наталья,
GAVKALOVA
Natalia,

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой публичного администрирования и региональной экономики Харьковского национального экономического университета, г. Харьков.

***Аннотация:** в статье представлено авторское видение публичного администрирования и эволюционирования моделей. Приведена аргументация в пользу существования национальных архетипов, которые составляют парадигмальные основы публичного администрирования. Доказана необходимость формирования фундамента модели «Good Governance» в отечественном публичном администрировании на архетиповой парадигме.*

***Ключевые слова:** публичное администрирование, архетипы, модели публичного администрирования, национальная архетипика.*

УДК 35.071

Реализация стратегии интеграции Украины в европейское пространство сопровождается принятием концепций, изложенных в Белой книге европейского управления [7], и, соответственно, рассмотрением государственного управления как специализированной сферы деятельности только государственных служащих, а публичного администрирования – как сферы деятельности представителей всего украинского общества.

В отечественном правовом поле в «Концепции реформирования публичной администрации» закреплено понятие публичной службы, которая рассматривается как профессиональная деятельность, определенная Законом Украины «О государственной службе» и «О службе в органах местного самоуправления», основная цель которой заключается в качественном предоставлении публичных услуг гражданам на уровне, соответствующем европейским стандартам, обеспечении эффективного использования публичных средств, своевременном и адекватном реагировании на социально-экономические, внешнеполитические и другие вызовы.

Т. Желюк справедливо отмечает [8], что четкого разграничения между публичным администрированием, службой, управлением и государственным управлением нет. В этом контексте, как считает ученый [8], заслуживают внимания подходы к регламентации публичного администрирования, изложенные в Белой книге европейского управления. Согласно данной книге публичное администрирование обеспечивает реализацию публичной политики, которая является результатом перехода от политики ответственности лидеров к личному участию самих граждан и структур гражданского общества, где ответственность берет на себя политически активная часть общества, и в силу этого происходит выделение публичной политики в отдельную сферу. В отличие от государственной (правительственной) политики, которая выражает направленность политического руководства всем обществом, она выражает интересы нации, отдельных секторов и регионов, общественных классов, групп населения, а следовательно, для ее успеха особенно необходима добровольная широкая поддержка всех действующих лиц, связанных с этой политикой. Длительный многовековой период европейской интеграции привел также к формированию унифицированных архетипов, которые и стали основой моделей общественной организации и управления.

Итак, публичное администрирование в нашем понимании не тождественно государственному управлению, оно имеет более широкий спектр действий, поскольку охватывает заинтересованные стороны всего общества.

Теория и методология публичного администрирования нашли отражение в трудах Вудро Вильсона («Изучение публичного администрирования», 1887 г.), Анри Файоля («Промышленное и общее управление», 1916 г.), Леонарда Уайта («Введение в изучение государственного управления», 1926 г.), Честера Барнарда («Функции исполнительной власти», 1938 г.), Герберта Саймона («Административное поведение», 1947 г.), Дуайта Уалдо («Административная государство», 1948 г.), Мишеля Крозье («Феномен бюрократии», 1963 г.), Питера Дракера («Эффективная исполнительная власть», 1966 г.), Уильяма Нисканен («Бюрократия и репрезентативное государственное управление», 1971 г.), Эндрю Далшира («Публичное административное управление», 1973 г.), Джеймса Марча и Йохана Олсена («Переосмысливая институты», 1989 г.), Дэвида Осборна и Теда Гейблера («Переосмысливая государственное управление», 1992 г.). Таким образом, видим, что публичное администрирование как понятие вошло в обращение во второй половине XIX в., что создало предпосылки к его эволюции, и как следствие – мы имеем дело с готовым научным продуктом, который прошел апробацию в управленческой практике. Однако влияние архетипов на публичное администрирование не было отмечено исследователями. При этом мы делаем акцент на том, что архетипика нашла свое отражение в Христианской этике, на которой построена вся система бизнеса и менеджмента.

В. Вильсон считал, что административно-государственное управление можно изучать и на этой основе создать точную науку. Несмотря на то, что данная наука

была, по мнению В. Вильсона, результатом развития политической науки, но существовала разница между административно-государственным управлением и политикой, которую необходимо учитывать – если в политике определяются главные цели государства, то управление занимается реализацией этих целей, т.е. управление зависит от политики и имеет свои собственные законы развития. «Администрирование находится вне сферы политики. Административные вопросы не являются политическими вопросами. Хотя политика и ставит задачу перед администрацией, но администрация не должна страдать от манипулирования ее подразделениями. Административное управление зависит от политики и в том смысле, что политические органы определяют правила деятельности администрации в праве. Публичное администрирование является детализированным и систематическим исполнением. Как следствие, конституционные и административные вопросы различаются: «разница состоит из общих планов и специальных средств» [14, с. 25]. Цель изучения публичного администрирования заключается в детальном исследовании методов управления и выработке на этой основе его принципов. Для этого следует изучать опыт других стран с использованием компаративного метода анализа. Поэтому публичное администрирование как относительно самостоятельная сфера деятельности должна быть подконтрольна общественному мнению и не входить в противоречие с демократическими принципами организации общества.

М. Вебера, В. Вильсона, А. Файоля, Г. Саймона и других ученых можно рассматривать как таких, которые предложили базовую модель в публичном администрировании – Old Public Management. Сущность модели можно раскрыть следующими положениями.

Old Public Management – классическая бюрократическая форма организации, описанная Максом Вебером как идеальный тип рациональной формы правления на основе принципа правотворчества; она отличается высоким уровнем прогнозируемости для политики и для граждан.

К характерным особенностям бюрократической организации относятся, прежде всего следующие:

- разделение труда, основанное на функциональной специализации;
- четко зафиксированная иерархия авторитетности;
- система правил, посредством которой устанавливаются права и обязанности должностных лиц;
- система способов преодоления рабочих ситуаций (стандартизированные процессы);
- обезличенный характер отношений между людьми;
- поощрение или продвижение по службе на основе профессиональной компетентности на основе принципов служебной карьеры;
- принцип соответствия требованиям деловой документации.

Теоретические основы New Public Management (Теория общественного выбора / Public Choice/ и менеджерализм) состоят в следующем. Существует два теоретических подхода к определению основ концепции NPM:

- теория общественного выбора (public choice);
- теория менеджмента.

Авторы реформаторских концепций в русле теории public choice пытаются ограничить влияние бюрократии на политику путем повышения конкурентного давления на сферу общественного управления и тем самым усиления позиций граждан (и политики). В рамках реформаторского подхода на основе теории менеджмента ставка делается на расширение свободы действий бюрократии путем отмены ограничений и усиления экономических стимулов.

«New Public Management» – это совокупность административно-политических стратегий реформирования, в основу которой положено преимущественно толкование административной деятельности сквозь призму частной экономики. Модель

реформирования NPM не является догматическим и завершенным перечнем мероприятий, однако зачастую предусматривает реализацию следующих шагов:

- приватизация и устранение избыточного уровня регулирования;
- выведение за пределы единой структуры или автономизация отдельных административных подразделений;
- введение элементов конкуренции в административную деятельность, а также заимствование методов менеджмента из сферы частной экономики в сектор общественного управления.

В отечественной среде бытует мнение, что концепция «Good Governance» вытесняет концепцию «публичного администрирования», которая возникла в 90-х гг. и которая с ее «односторонней ориентацией на эффективность, она наполняет концепцию государственного управления социальной и гуманитарной составляющими; формирует новый подход к пониманию необходимого самоуправления, которое должно теперь отвечать не только требованиям эффективности, а быть открытым, доступным, подотчетным, подконтрольным и чувствительным требованиям граждан, их потребностям и просьбам» [5]. Мы не совсем согласны с тем, что в Украине сформированы условия для смены упомянутых концепций, наоборот, теория публичного администрирования продолжает развиваться вместе с научными исследованиями в сфере государственного управления, а практика значительно отстает от теории, что обуславливает необходимость внесения поправок в нормативно-законодательные документы и осуществления высокоуровневого контроля в процессе реформирования публичного администрирования в Украине. При этом мы можем выдвинуть гипотезу, что национальная архетипика позволяет сформировать современную систему публичного администрирования.

Опыт высокоразвитых стран Европейского Союза и США демонстрирует значительные результаты в направлении расширения публичного администрирования, предусматривающего либерализацию государственной власти, что базируется на демократических началах и подразумевает партисипативное, партнерское взаимодействие между властными структурами на всех уровнях управления [9].

В отечественной науке возникает ряд направлений, которые рассматривают публичное администрирование и с позиций отказа от вертикали, и как бизнес-процесс, и через призму морально-этических аспектов и духовности, то есть с учетом национальной архетипики.

Однако авторы данного исследования делают акцент на невозможности отказа от вертикали в современном украинском обществе, которое, находясь под воздействием трансформационных процессов, отличается существенной дифференциацией, хаотичностью и низким уровнем общественного самосознания и самоконтроля. К этому следует добавить несовершенство нормативно-законодательной базы и низкий уровень контроля над исполнением законов.

Таким образом, прежде всего следует сформировать эффективно действующий механизм государственной власти, а дальнейшими шагами может быть формирование управленческой горизонтали и предоставление абсолютных прав и свобод общинам. Этих соображений придерживается В. Шарий, акцентируя внимание на необходимости поиска оптимальной модели власти, которая отвечала бы всем требованиям современного демократического мира, вызовам глобализации, национально-культурным и историческим традициям [10].

Более действенным, на наш взгляд, может быть представление публичного администрирования в виде бизнес-процесса. По аналогии с предприятием государственная власть на всех уровнях управления должна быть сформирована таким образом, чтобы обеспечить эффективность ее осуществления, а также результативность и производительность. Из этого следует, что представители государственной власти на местах и территориальные общины должны действовать так, чтобы присущие им материальные, финансовые и информационные ресурсы, человеческий, интел-

лектуальный и социальный капитал формировались и использовались наиболее эффективно. В контексте данного вопроса следует выделить проблему перенасыщения представительных органов местного самоуправления в Украине, численность представителей которых в несколько раз выше, чем, например, в США. Это сопровождается некачественным выполнением функций государственными служащими, их дублированием одновременно с хаотичным изучением и использованием западного опыта.

Поскольку речь идет о непроизводственной сфере, особое внимание следует уделить управлению транзакциями, под которыми понимается обмен «пучками» прав. При всей очевидности природы категории «сделки», введенной в оборот Р. Коузом в первой половине XX в., исследование источников возникновения транзакций, так же как и управление ими, остается не законченным и требует научного обоснования. Рассмотрение в рамках транзакций налогов как источников доходной части местного бюджета не вызывает научных дискуссий, но отнесение налогов к транзакциям в чистом виде является спорным вопросом и не принимается рядом исследователей. Мы считаем, что налоги необходимо относить к транзакциям, поскольку они являются одной из немногих статей доходов, которыми могут частично распоряжаться органы местного самоуправления. Эффективность управления транзакциями будет отражаться теми действиями местных органов власти, которые обеспечат стабильность социально-экономического развития административно-территориальных образований при условии правильного выбора приоритетных направлений перераспределения финансовых ресурсов. Обеспечение развития территории и будет результатом эффективности бизнес-процесса и, как следствие, произойдет усиление демократизации в современном обществе. Права и свободы граждан должны обеспечиваться посредством эффективного управления транзакциями, а наиболее важные вопросы необходимо решать путем всенародного голосования и, таким образом, реализовывать свой архетип.

Важными при этом являются вопросы морально-этических аспектов и духовности, которые формируют базис профессиональной компетентности государственного служащего. Характер решения управленческих задач требует корректного и профессионального осуществления полномочий социально ответственными гражданами в сфере публичной власти. Но, как отмечают ученые, современное положение публичного администрирования в Украине характеризуется определенными особенностями, которые затрудняют принятие управленческих решений, что связано с реформированием общественных отношений на фоне заметного снижения уровня жизни значительной части населения, определенной потери доверия к власти. Несмотря на это, этические нормы и моральные ценности являются почти бессознательной, неотъемлемой составляющей развития духовности и морально-этических отношений в обществе в условиях современности.

Подытоживая вышеизложенное, хотим отметить, что публичное администрирование на местах будет обеспечиваться посредством результативного формирования, распределения и перераспределения доходной части местных бюджетов, увеличения самостоятельности регионов в формировании доходной и расходной частей бюджета области в соответствии с компетенцией органов регионального управления, участия территориальных общин в управлении региональным развитием; активного вовлечения органов местного самоуправления и населения в процессы управления и решения социально-экономических проблем развития территорий, постепенной адаптации государственной службы к международным стандартам с учетом национальных неформальных институтов, в основе которых лежат архетипы.

Следует отметить, что адаптацию государственной службы Украины необходимо осуществлять путем применения комбинаций различных действий [11, с. 23]: имитации – применения в конкретных ситуациях методов действий, которые уже используются в странах Европейского Союза и доказали свою эффективность; диффузии,

предусматривающей активный обмен опытом между различными субъектами преобразований, это касается в равной степени как центральных органов публичной власти, так и региональных, а также неправительственных организаций и предполагает обучение, изучение опыта за рубежом, приглашение иностранных экспертов.

Основными направлениями трансформации отношений между центральными и региональными органами власти в сфере публичного администрирования следует считать такие: обеспечение доступа местных властей к финансовым рынкам, кредитным ресурсам, установление новых критериев административной ответственности руководителей органов местного самоуправления и распорядителей бюджетных средств, внедрение новых принципов и механизмов отношений «власть – общественность» относительно формирования программ, механизмов подотчетности и общественного контроля [12], изменение финансового обеспечения региональных программ в соответствии с изменениями функций по обеспечению стабильности социально-экономического развития регионов и предоставление населению социальных услуг надлежащего качества.

Выводы и дальнейшие направления научных исследований. Таким образом, публичное администрирование в процессе эволюции претерпело ряд изменений, о чем свидетельствует существование не менее трех общеизвестных моделей – «Old Public Management», «New Public Management» и «Good Governance». Мы не можем утверждать, что в Украине публичное администрирование описывается моделью «Good Governance», что соответствует высшему уровню развития социально-экономической системы, характеризует социально ориентированное управление и определяет принципы управления на демократических основах без учета национальной архетипики. Напротив, мы считаем, что в стране наблюдается одновременное существование моделей «Old Public Management» и «New Public Management», которые определяются отечественной архетипической парадигмой. Архетипические особенности обуславливают необходимость внедрения государственной политики, направленной на увеличение самостоятельности регионов в определении долгосрочной стратегии социально-экономического развития региона, в выборе средств реализации формирования и обеспечения эффективного перераспределения синтезированного капитала региона, формирования доходов и расходов бюджета области органами регионального управления, участия органов местного самоуправления и территориальных общин и привлечения населения к процессам управления и решения социально-экономических проблем развития. Все это создает предпосылки для формирования модели «Good Governance» в публичном администрировании.

Дальнейшие направления научных исследований заключаются в детализации направлений развития публичного администрирования в Украине, конкретизации влияния транзакций на эффективность публичного администрирования, исследовании влияния архетипов на результативность публичного управления с определением различий в дефинициях «публичное управление» и «публичное администрирование».

Рекомендации органам законодательной и исполнительной власти:

- создание возможности для развития неформальных общественных институтов, базирующихся на национальных архетипах;
- обеспечение доступа местных властей к финансовым рынкам и кредитным ресурсам, установление новых критериев административной ответственности руководителей органов местного самоуправления и распорядителей бюджетных средств;
- внедрение новых принципов и механизмов отношений «публичное администрирование – общественность» по формированию программ и механизмов подотчетности и осуществления общественного контроля;
- изменение финансового обеспечения региональных программ в соответствии с изменениями функций по обеспечению устойчивости социально-экономического развития регионов и предоставления населению социальных услуг надлежащего качества, что напрямую влияет на снижение транзакций в публичном администрировании.

Список литературы:

1. Андрійко О. Академічні дослідження проблем державного управління та адміністративного права: результати і перспективи [Електронний ресурс] / О. Андрійко, В. Полухович // Юридичний журнал, – 2004. – № 5. – Режим доступу : <http://justinian.com.ua/article.php?id=1191>.
2. Мартиненко В. Питання парадоксальності сучасного державно-управлінського знання / В. Мартиненко, Ю. Древаль // Публічне управління: теорія та практика : зб. наук. праць Асоціації докторів наук з держ. упр. – Х. : Вид-во «ДокНаукДержУпр», 2011. – № 1 (5). – С. 60–65.
3. Радченко О. Компаративний аналіз моделей демократичного політичного режиму держав початку ХХІ століття / О. Радченко // Публічне управління: теорія та практика : зб. наук. праць Асоціації докторів наук з держ. упр. – Х. : Вид-во «ДокНаукДержУпр», 2011. – № 1 (5). – С. 90–96.
4. Толкованов В.В. Посібник з питань партисипативної демократії (демократії участі) на місцевому рівні / В.В. Толкованов, А.К. Гук, В.М. Олуйко, В.Я. Прошко. – К. : Крамар, 2011. – 199 с.
5. Колодій А. Процес деліберації як складового демократичного врядування / А. Колодій / Демократичні стандарти врядування й публічного адміністрування : матеріали науково-практичної Конференції ЛРІДУ НАДУ при Президентові України (4 квітня 2008 р.). – Львів, 2008. – С. 106–110.
6. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрайяна. – 3-е издание стереотипное. – М. : Институт новой экономики, 1998. – 864 с.
7. Европейский Союз: основополагающие акты редакции Лиссабонского договора с комментариями. – М. : Инфра-М, 2008. – 698 с.
8. Желюк Т.Л. Публічне управління: сучасні реалії та перспективи для України / Т.Л. Желюк // Збірник матеріалів доповідей за матеріалами Науково-практичної конференції з міжнародною участю «Публічне управління та регіональна політика в країнах Центральної і Східної Європи» (22 жовтня 2012 року). – Тернопіль : ТНЕУ, 2012. – 202 с.
9. Pollitt C. Public Management Reform: A Comparative Analysis / C. Pollitt, G. Bouckaert. – Oxford : University Press, 2004. – 240 p.
10. Шарій В.І. Характеристика світових тенденцій розвитку місцевого самоврядування [Електронний ресурс] / В.І. Шарій // Публічне адміністрування: теорія і практика : електронний збірник наукових праць. – 2012. – Випуск 1(7). – Режим доступу : http://www.nbu.gov.ua/e-journals/Patp/2012_1/12svirms.pdf.
11. Лахижа М. Адаптація державної служби України до стандартів ЄС: регіональні аспекти / М. Лахижа // Європеїзація публічного адміністрування в Україні в контексті європейської інтеграції : матеріали наук.-практ. конф. (17 груд. 2009 р., м. Дніпропетровськ) / за заг. ред. Л.Л. Прокопенка. – Д. : ДРІДУ НАДУ, 2009. – С. 22–24.
12. Адміністративні послуги місцевих органів державної виконавчої влади : монографія / [А.О. Чемерис, М.Д. Лесечко, А.В. Ліпенцев та ін.] ; за заг. ред. А.О. Чемериса. – Львів : Вид-во ЛРІДУ НАДУ, 2004. – 152 с.
13. Державне управління регіональним розвитком України : монографія / [за ред. В.Є. Воротіна, Я.А. Жаліла]. – К. : НІСД, 2010. – 288 с.
14. Wilson W. The Study of Administration / W. Wilson // Discipline and History. Political Science in the United States / J. Farr and R. Seidelman (eds.). – Ann Arbor : APSA, 1993. – 315 p.

**БОРОВИЦКАЯ
Елена,
BOROVYTSKA
Olena,**

кандидат философских наук, доцент, докторант Института психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины, г. Киев.

Аннотация: в статье речь идет о стратегических мыслительных тенденциях государственного управленца как неосознаваемых механизмах его деятельности. Архетипы рассматриваются как побуждающие факторы ее регуляции. Демонстрируется актуальность научной концепции стратегической организации и регуляции процесса творчества, разработанной академиком В.А. Моляко, поскольку видится как вариант методологического дополнения в государственном управлении.

Ключевые слова: архетипы, государственное управление, доверие, интерес субъективности, стратегия, стратегическая регуляция, КАРУС.

УДК 17.02:316.46

Олена БОРОВИЦЬКА

АРХЕТИПЫ КАК ПОБУЖДАЮЩИЕ ФАКТОРЫ СТРАТЕГИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Постановка проблемы. Рассматривая процесс государственного управления, всегда пытаемся говорить о стратегической тенденции его организации и регуляции, причем обращая особо пристальное внимание на проблему мыслительного поиска управленцем контакта со своим персоналом (здесь понятие «персонал» употребляется в широком его понимании). Этот активный поиск организовывается и реализуется таким регулятором, как стратегия. Сущность стратегии как своеобразного психического образования, доминирующей конструктивной мыслительной тенденции государственного управленца заключается в его готовности к действию как творческому взаимодействию со своим персоналом. Побуждающим фактором такого взаимодействия выступает интерес субъективности как глубокий механизм его регуляции, а исходным принципом — принцип взаимного доверия [1, с. 81—91; 2, с. 26—39].

Следует напомнить, что понятие интерес субъективности получило концептуальную разработку еще в феноменологии Эдмунда Гуссерля, знаменитого ученика Brentano Франца, — предвестника феноменологии. Интерес субъективности понималась Гуссерлем как структура субъекта, в которой его Я «дотрагивается» к опыту Другого [3; 4, с. 282—297].

В контексте нашего исследования интерес субъективности — это исходная структурированная форма опыта, конструктивная архетипная форма психического взаимодействия. Интерес субъективное взаимодействие — организованная система психической активности субъектов, взаимодействующих с целью создания так называемого коммуникативного «комфорта». Такое взаимодействие невозможно без умения налаживать и поддерживать контакты. Его особенно важной чертой и является общая цель как ценность, что означает предвидение результата, способствующего удовлетворению обоюдных интересов и реализации потребностей каждого через взаимодействие как интерес субъективную сущность [2, с. 26—39].

Деятельность управленца как гражданина, сознательные «программы» его поведения взаимодействуют с различными сферами психики — генетически унаследованными и теми, которые сложились еще на ранних стадиях его онтогенетического (прижизненного) формирования. Первичный психический опыт способен к актуализации и репрезентации первичных знаний как праопыта (структурированных внутренних смыслов как бессознательных паттернов) благодаря активации смыслов психических состояний, внутренне и внешне детерминированных, причем на всех этапах филогенеза.

Рассуждение о ментальном коде культуры в качестве кода нации стало возможным благодаря исследованиям контекстуальной активации именно структур коллективного бессознательного (в частности, архетипического слоя ментальности) как универсальных факторов конструирования коллективной реальности (социальной, культурной, политической и др.).

Таким образом, исследуя формирующую роль архетипов в государственном управлении, обращаем внимание и на интерперсональную особенность их сущности. Заметим, что предпосылки интерперсонального подхода в современной психологии были заложены и получили концептуальную разработку в виде интерперсональной теории в психиатрии современным американским психоаналитиком и психиатром Гарри Стеком Салливаном и, вероятно, как вариант синтеза психоанализа и бихевиоризма [10].

Что касается целесообразности и необходимости использования стратегического подхода к исследованию организации и регуляции государственного управления, он видится эффективным и, прежде всего, благодаря исследованию его как процесса творческого взаимодействия. Решение актуальных общественно значимых проблем несомненно детерминируется стратегией как мыслительной тенденцией личности управленца, а значит, и средствами самого процесса управления. основополагающими побуждающими факторами его стратегической регуляции являются архетип доверия и архетип интересубъективности как исходные структурированные формы опыта в широком его понимании.

Стратегический подход предполагает исследование как управленческой природы кадровой политики вообще, так и культуры мышления, а значит, и профессиональности каждого управленца как гражданина. Поскольку способность руководителя понять специфику унификации в качестве консолидации субъективного и коллективного в системе государственного управления, в частности в процессе анализа проблемных ситуаций и принятия конструктивных политических решений, свидетельствует об особенностях стратегий как его доминирующих мыслительных действиях (способа мышления), глубинных тенденций организации и регуляции процесса управления. Заметим, что не исключается еще и опасность проявления так называемого «голового» субъективизма, а значит, непонимания, и таким образом, получения только негативных последствий от такого процесса. Итак, учитывая вышеуказанные проявления психологических особенностей управленца, наблюдаем и сам процесс конструирования диалога, определяющего сущность его культурной интенции (к-интенции). Наблюдаем, как же все-таки способно выстроиться единство Высших предметов метафизического познания в качестве ценностных элементов его внутреннего опыта как руководителя (Добродетели, Морального Совершенства, Блага, Истины, Красоты, Добра, Единого как общего универсального Абсолюта и т. д.), конституируемого к-интенциями как экзистенциальными проявлениями; наблюдаем, как же выстраивается единство Высших предметов с «предметами» социальной реальности, которые также конституированы личностью руководителя, и не только в качестве носителя Высших общечеловеческих ценностей, но и его индивидуальным (глубинным) смыслом, а также другими свойствами, непременно детерминируемыми социальными характеристиками и т. д.

Анализ последних исследований. Хотя предлагаемая проблематика и уходит своими корнями в глубинную психологию, а именно аналитическую, однако является интердисциплинарной, поскольку выстраивается на фундаментальных категориях, понятиях и идеях как психологии, так и психиатрии, политологии, социологии, государственного управления, культурологии и философии (З. Фрейд, К. Юнг, Гарри Стек Салливан, Г. Лебон, Г. Тард, Дж. Мид, Э. Дюркгейм, Брентано Франц, Э. Гуссерль, И. Кон, Э. Афонин, А. Мартынов, П. Крупкин, Е. Донченко, Ю. Романенко, Т. Вакулова, О. Шипунова, А. Радченко, А. Агафонов, Т. Яценко, Роберт Столорой, Бернард Брандшафт, Джордж Атвуд, А. Шюц, Т. Лукман, К. Леви-Стросс, Л. Леви-Брюль, Майерс-Бригс и др.).

Что касается эффективности стратегического подхода, то он реализуется прежде всего относительно изучения процесса мышления такими исследователями, как Дж. Брунер, С. Василейский, Л. Гурова, В. Бондаровская, В. Моляко, Т. Горобец-Чмут, М. Смутьсон и др.

Этот подход реализуется и в изучении различных видов творческой деятельности, причем на разных возрастных уровнях (О. Бедлинский, В. Моляко, А. Музыка, В. Рыбалка, Н. Ваганова, Л. Моисеенко, Н. Череповская, В. Чернобровкин, С. Шаванов, И. Белая, Н. Латыш и др.).

Цель исследования. Прежде всего, мы пытаемся исследовать прообразные предпосылки психической активности государственного управленца как глубинные механизмы организации его деятельности. Мы не задаемся целью говорить о когнитивных параметрах архетипа, на чем неоднократно акцентировалось и акцентируется в психоаналитических исследованиях, и далеко не о специфических закономерностях опредмечивания («оживления») психического в его архетипических проявлениях, а скорее об архетипической сущности как «динамическом» проопыте управленца, о структурно-функциональных особенностях глубинного слоя его бессознательного.

Будем говорить о прообразных предпосылках, детерминирующих стратегические мыслительные тенденции государственного управленца, как о неосознаваемых механизмах его деятельности, где архетипы рассматриваются как побуждающие факторы ее организации и регуляции.

Изложение основного материала. Сущность стратегии как своеобразного регулирующего психического феномена заключается в актуализации знаний и комплекса умений госслужащего как опыта управленца. Стратегическая организация процесса государственного управления предполагает его целенаправленные действия как синтетическую готовность к взаимодействию. Такое взаимодействие зиждется на истоках доверия, способствует актуализации опыта, необходимого для понимания сущности общественно значимых проблем. Таким образом, конструктивное использование знаний самим управленцем и направляет его стратегический поиск решения проблем в интересующее русло.

Активный управленческий поиск именно тех подходящих стратегических механизмов управления способствует продуктивности его деятельности как таковой. Таким образом, стратегические мыслительные тенденции как факторы продуктивной организации государственного управления способствуют достижению конструктивной реализации долгожданной общественно значимой цели.

В контексте наших рассуждений актуальной является мысль В.А. Моляко относительно понимания стратегии как психологического регулятора, который не включает в себя детальный план и не считается методом или способом решения задачи, а видится индивидуализированной мыслительной тенденцией личности, проявлением ее психологической готовности к деятельности [9].

Сущность этого стратегического подхода, разработанного В.А. Моляко, заключается в пятиступенчатой модели организации творческого процесса (системный тренинг КАРУС, по В.А. Моляко) [9]. Заметим, что государственный управленец при необходимости прибегает к модификации того или иного фрагмента системы творческого тренинга КАРУС, учитывая как содержание, так и роль стратегий в качестве мыслительных тенденций (комбинирование, аналогизирование, реконструирование) организации процесса управления, детерминируемых, как правило, формой и методом самого управления.

Обратим внимание, что система КАРУС как классическая методика основана на конкретном изучении процесса конструкторского творчества, его циклов, а также стратегий и тактик, используемых в деятельности конструкторов [9]. Именно согласно таким, обнаруженным в процессе исследования конструкторской деятельности главным ее стратегиям, система и получила название – КАРУС (аббревиатура наименований стратегий) [9].

1. КОМБИНИРОВАНИЕ (стратегия, направленная на осуществление комбинаторных действий) организовывается с помощью стратегии аналогизирования, непременно трансформирующей теоретические установки.

2. АНАЛОГИЗИРОВАНИЕ (стратегия, направленная на поиск аналогов). Ее роль заключается в обнаружении сходства между структурами и функциями каких-либо

двух различных объектов (образов). На основании определения их схожести переносим данную структуру или функцию в новое решение. Наблюдаем полные аналогии (абсолютное совпадение структуры или функции), значительные аналогии (преобладающее совпадение, и использование структуры или функции в новом решении), а также фрагментарные аналогии (схожесть или частичная схожесть элементов /функций/ двух объектов /образов/, их использование в новом решении). Позже находим близкие аналогии (сравнение однотипных предметов /образов/), отдаленные аналогии (сравнение различных типов предметов /образов/, независимо от того, к какому классу они принадлежат), слишком отдаленные аналогии (сравнение абсолютно разных предметов /образов/, причем как структурно, так и функционально). Заметим, что стратегия поиска аналогов может дополняться и другими стратегиями (комбинированием, реконструированием и др.).

3. РЕКОНСТРУИРОВАНИЕ (стратегия реконструирующих действий) осуществляется также на основе аналогизирования и непременно с помощью трансформации теоретических установок.

4. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПОДХОД (равномерное гармоничное сочетание вышеупомянутых действий). Универсальная стратегия основывается на одномоментном или же поочередном использовании всех трех предыдущих стратегий – аналогизирования, комбинирования и реконструирования.

5. СТРАТЕГИЯ СЛУЧАЙНЫХ ПОДСТАНОВОК (или стратегия «проб» и «ошибок»). Поиск выхода из так называемого «тупика» путем «мозгового штурма». Фиксируются и используются все возможные воображаемые варианты случайных образов в процессе решения задачи. (Для детального ознакомления с тренинговой методикой КАРУС – см. «Творческая конструктология (пролегомены)» – автор В.А. Моляко) [9].

Например, к ним относится стратегия поиска аналогов, в основе которой лежит механизм эталонирования, заключается в поиске эталонов из предыдущего опыта. Эти эталоны могут совпадать с объектом понимания — в таком случае речь идет об узнавании и припоминании. В других случаях эталоны субъекта могут иметь признаки, качества или свойства, подобные характеристикам объекта понимания, тогда говорим о более или менее отдаленных аналогиях.

Более сложной является стратегия комбинирования. Она заключается в том, что субъект либо сопоставляет составляющие элементы задания, либо конструирует составляющие различных элементов знаний и предыдущего опыта. Особенно четко эта стратегия проявляется при исследовании неординарных проблем, решение которых требует, главным образом, перекомбинирования, а значит – реконструирования составляющих элементов исходного условия задачи, благодаря доминирующему стратегическому действию как мыслительной тенденции, детерминируемой прошлым опытом.

Одновременно заметим, что стратегии поиска аналогов и комбинирования не всегда способны обеспечить успешность процесса управления. Очень часто в зависимости даже от формы или метода государственного правления специфическая «конструкция» процесса управления может предвидеть и существование некоторых скрытых смыслов, требуя, таким образом, от управленца использования нескольких способов (путей) организации процесса. В частности, он может использовать шаблонное средство как своего рода метод управления, что, в свою очередь, даст возможность получения безошибочного результата или же окончательного осознания невозможности использования данного средства. В ситуации, когда управленец способен использовать другой способ в качестве необходимого средства процесса управления, посмотреть на него с иной стороны, отказаться от предыдущего как торжествующего, говорим об использовании субъектом стратегии реконструирования.

Универсальная стратегия дает возможность отказаться от стереотипов в процессе понимания и поиска решения задачи. Эта стратегия допускает использование вышеуказанных стратегий в их свернутом виде.

Исследуя прообразные предпосылки как критерии понимания процесса актуализации неосознаваемых компонентов в качестве глубинных механизмов бессознательного в процессе управления, указываем на преимущество стратегической мыслительной тенденции подстановок как особенного действия, способного активировать прежде всего работу бессознательного в процессе применения необходимого способа управления.

Обратим внимание, что в процессе государственного управления необходимо учитывать предпосылки бессознательного выбора стратегии управления, что особо значимо в его осуществлении. Предпосылками неосознаваемых действий как мыслительных тенденций психики управленца считаем прообразные предпосылки как психические детерминанты этих действий. Архетипы всегда служат психическим фундаментом прообразных предпосылок его мыслительной активности. Итак, прообразными предпосылками стратегической организации и регуляции процесса государственного управления являются исходные комплексно структурированные формы опыта управленца (архетипы как прообразы) в широком его понимании.

Как известно, критерием успеха любого взаимодействия является доверие как стратегический фактор его эффективности. (О доверии как глубинном механизме актуализации успеха взаимодействия см. статью «Архетипні витокі довіри: дитяча ідентичність в умовах перманентного очікування») [1, с. 81—91]. Актуальным рефреном звучит как памятка каждого госуправленца его этическая ответственность — как показатель и профессиональной пригодности, и устойчивости самого феномена «этичности» как фактора его духовности вообще.

Очень важно, чтобы глубинные нюансы доминирующей стратегии поведения не наложились на выбор этических средств регуляции управления, прежде всего, чтобы предотвратить регрессию как деструктивный способ функционирования психики вообще, при необходимости вовремя опередить ее. А это связано, как известно, с такими феноменами, как уважение, доверие, откровенность, искренность, надежность, которые играют существенную роль в организации и регуляции процесса управления, прежде всего, как элементы так называемой «психодинамической диагностики», служащие интуитивным критерием выбора консенсусной стратегии поведения. В случае такого нарушения возникают безысходность, угроза использования манипулятивной стратегии как девиантной стратегии организации и регуляции управления. В таком случае ни одна из предложенных выше стратегий (комбинирование, аналогизирование, реконструирование, универсальный подход, стратегия случайных подстановок) как операциональная мыслительная тенденция не будет ни продуктивной, ни эффективной в процессе государственного управления.

Необходимо помнить, что сущность стратегии в качестве своеобразного психического образования заключается как в осознанной, так и в неосознанной готовности управленца к действию как взаимодействию. Именно доверие и сопровождается интересубъективностью как побуждающим фактором продуктивной организации управления. Именно их одномоментная актуализация и способствует ускоренному достижению конструктивной реализации управленческой цели. Доверие всегда является исходной формой уверенного взаимодействия, поскольку процесс управления способен как к конструированию, так и реконструированию реальности. Тогда ни что иное, как доверие интегрирует мысли к мирному сосуществованию и конституируется их смыслом. Таким образом, доверие является культурным ресурсом.

Архетип интересубъективности — это символический конструктивный образ бессознательной «коллективной психики», особенная доминанта формирования и развития коллективного сознания. Именно такое понимание структурного образа управленческой психики, в котором доминирует Самость, и способно, прежде всего, считать доверие принципом мирного сосуществования в контексте взаимодействия как реализации общих общественно значимых интересов. Идея доверия рассматривается как идея взаимного понимания, консенсуса. Доверие — элемент позиции, и в

случае, когда интересы взаимно согласованы, согласованным является и предложение относительно их обоюдной реализации. Однако в отдельных случаях необходимы стратегии нейтрализации либо унификации различных психических состояний и, прежде всего, в контексте активации рецессивных структурных образов психики, в частности Персоны (объективация ее инфляционной формы) или Тени.

А в таком контексте актуальным рефреном звучит мысль об архетипическом неврозе! Продуктивным будет участие управленца тогда, когда он чувствует и корректирует в своей психике эти рецессивные признаки, а также способен их заметить и в психике других! Например, с точки зрения Е.А. Донченко, архетипические неврозы – это следствие отсутствия работы собственной души человека, именно в этом смысле они и являются внеперсональными [8]. Человек, которому не открылись собственные душа и дух, как правило, часто акцентирует внимание на библейских заповедях, много говорит о том, каким следует быть, как необходимо жить, становится фанатическим патриотом, националистом, революционером или диссидентом, то есть выполняет роль Героя или Жертвы из эсхатологического мифа [8].

Под архетипическими формами психики понимаем первичные бессознательные интенции, реализующиеся как устойчивые паттерны поведения. Тот или иной вид стратегической тенденции, определяемый как преобладающее мыслительное действие (аналогизирование, комбинирование, реконструирование), детерминировано комплексными структурированными формами опыта в широком его понимании. Таким образом, детерминированная опытом стратегическая тенденция тоже способна к детерминации. В данном случае она детерминирует процесс государственного управления, направляя поток мыслительного поиска в определенный, не всегда конструктивный (зависимо от актуализации доминирующей архетипической формы психического) способ принятия решения.

Эффективность процесса государственного управления заключается в своевременном обнаружении управленцем такого деконструирующего влияния архетипических форм. Таким образом, как уже говорилось выше, это — проявление его рецессивной формы психики, как правило, актуализированной (фиксированной) установки, способной отображаться в самом процессе управления. Это чаще всего актуализация в памяти управленца его бывшей нереализованной потребности как формы отрицательного опыта. Напомним, что такая перманентная актуализация бывшей нереализованной потребности создает эффект незавершенного действия (по Б.В. Зейгарник) [5; 6; 7], что, в свою очередь, чревато отсутствием контакта управленца со своим персоналом. Таким образом, возникает существенная преграда в дальнейшей организации процесса управления как такового.

Выводы. Тренинговая методика КАРУС позволяет управленцу в течение всего процесса имплицитно «внедряться» в свою актуализированную установку, концентрируясь на предпосылках формирования стратегии и бессознательного ее регулирования. Управленец пытается сконцентрироваться, чтобы ощутить свою неосознаваемую активную эмоциональную направленность на организацию процесса управления с помощью той или иной стратегии из системы КАРУС. Как правило, система стратегий всегда модифицируется управленцем, что способствует продуктивному поиску эффективного способа управления процессом. Государственный управленец должен обращать внимание прежде всего на предпосылки самой динамики структурно-функциональных особенностей стратегической мыслительной тенденции, наблюдать за тем, каким образом в процессе управления происходит трансформация элементов воображаемой схемы как функциональной структуры управления (отдельных мини-структур схематического образа этого процесса). Важно, согласно какой стратегии и что именно управленец корректирует, меняет. Одновременно он выясняет и смысловые закономерности уже новообразованных структур в качестве автономных мини-структур будущей целостной модели (схемы) управления, пытается объяснить предпосылки активации глубинных побуждающих факторов своей

активности как «смысловой регуляции» состояния психологической готовности к мыслительным действиям (аналогизированию, комбинированию, реконструированию и др.) как к стратегиям управления. Государственный управленец выполняет роль конструктора на протяжении всего процесса управления. Таким образом, он не только обращает свое внимание на осознание «скрытых» механизмов как препятствий в процессе управления, но и способствует формированию собственного умения тут же ощутить психологическую готовность как способность к действиям (аналогизированию, комбинированию, реконструированию) и мгновенно отыскать преобладающую мыслительную тенденцию как необходимую доминирующую стратегию управления, а значит, и актуализировать свое ощущение уверенности в надежном выборе.

Итак, главное в стратегической организации и регуляции госуправления – способность управленца к безошибочному определению доминирующей мыслительной тенденции и состояния психологической готовности к конструктивному действию в процессе решения проблемы.

Модель Образа управления как его схема, сконструированная в воображении управленца, является динамичной. В процессе мыслительной работы она развивается, «обрастает находками», дополняется все новыми «красками». Госуправленец демонстрирует знания, ранее им накопленные, как конструктивные благодаря психологической готовности к действию как способности выстраивать все новые и новые структуры с помощью накопленного опыта. Таким образом, он способен к привнесению нового в свои впечатления, а значит, и изменению их с помощью мыслительного действия как стратегической тенденции, так что в результате возникает ранее не существовавший Образ как Новое Решение – эффективный способ управления. То есть, он составляет основу своего будущего действия, которое мы и считаем его новой стратегией поведения в качестве новой стратегии государственного управления. Прошлое зафиксировано в образах памяти, а будущее представлено в мечтах и фантазиях. Они воплощаются в образной конструкции, причем вначале через вербальную, а затем и через действенную репрезентации. Происходит преобразование как переработка данных накопленного опыта, в результате чего структурируется новое представление о способе как о единственном эффективном методе управления – долгожданное решение проблемы.

Таким образом, государственный управленец формирует способность к созданию чувственных образов на основе его предрасположенности к действию как психологической готовности (стратегической мыслительной тенденции) преобразовывать (трансформировать) менее эффективный способ государственного управления. Процесс создания Образа (будущей схемы) управления проходит в воображении как в «наглядном» плане и может трансформировать даже саму стратегию, при необходимости заменить одну на другую. Он может репрезентировать опыт в любой форме отображения, однако при этом не только создавая чувственные образы, но и продуцируя новые мысли как конструктивные идеи. Таким образом, тут репрезентируется схема комплексных действий управленца в качестве эффективного метода государственного управления.

Однако заметим, что в воображении неоднократно может актуализироваться еще и его психологическая проблема (например, бывшая нереализованная потребность и т. д.). Тогда созданный Образ проблемы воспринимается самим управленцем зачастую отстраненно и «живет» будто бы независимо от своего «творца». Кто-то может мгновенно ее почувствовать, другому для этого необходимо приложить максимум усилий. Заметим, что здесь опять-таки приходит на помощь стратегия как психический регулятор. Таким способом в воображении «отсекаются» лишние подробности, возникают единственно точные детали, определяется так называемая степень надежности, сопровождаемая самой смелой фантазией, сопоставляются элементы структуры как крайности проблемы, рождаются именно такие конструктивные неожиданности, ко-

торые непременно требуют своего внедрения. Управленец пытается внедрить то, что придумал, способствуя «прочтению» его смысла в качестве собственного решения проблемы. Заметим, что у личности, способной к конструированию, доминирует такой тип стратегической мыслительной тенденции, как творческое моделирование Образа. В нашем случае, творческое моделирование Образа – это моделирование Образа эффективного метода управления. Тогда управленец ни в коем случае не останется в долгожданном состоянии решения проблемы. Конечно же, это никак не свидетельствует о том, что он несет в своем воображении уже готовый «конструкт».

Заметим, что мышление управленца, активно функционируя в процессе решения проблемы, способно к различным «пробам» и «ошибкам» (здесь речь идет о стратегии случайных подстановок). Происходит поиск выхода из так называемого «тупика» путем «мозгового штурма». Фиксируются и используются все возможные воображаемые варианты конструкций случайных образов в процессе решения проблемы, совершается так называемый творческий поиск. Именно в таком случае особое внимание отводим интуиции. Если же госуправленец способен услышать ее зов внутри себя, тогда найденное им будто случайно, интуитивно решение проблемы получит его оценку как безошибочное решение и послужит мощным импульсом дальнейшей работы его воображения. Заметим, что именно феномен интуиции, так называемого «побочного видения», является довольно значимым и в поисках эффективного способа управления. Принцип динамики такой мыслительной стратегии основан на обратной связи в качестве регулирующей, поскольку сам принцип обратной связи и является тем физическим энергетическим критерием функционирования человеческого организма как биологического вида вообще, а не только его психического.

Государственное управление как Конструктивный Образ процесса демонстрирует сложную комплексную структуру с присущими ей целостностью, системностью, актуальностью, субъективностью, неполной экспликацией, континуальностью, динамичностью и непостижимостью всеохватывающего восприятия.

Таким образом, государственное управление как Образ процесса управления является продуктом трансформации перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, функционирует на различных уровнях осознаваемости с помощью постоянного задействования знаний и переживаний как опыта и только при конкретных, вербально интерпретируемых условиях.

Возникает необходимость построения интересубъективной стратегической модели государственного управления с участием образов-переживаний как своеобразных эмоциональных форм опыта – структурированных элементов ментального, актуализированных устойчивых форм переживаний как критериев (прообразных предпосылок) организации и регуляции процесса государственного управления. Архетип интересубъективности способствует внутреннему коллективному единству, актуализируя необходимость взаимопонимания людей, основанного на взаимном доверии!

Вывод — деятельность государственного управленца в формате интересубъективности демонстрирует его искренность и откровенность, требует умения руководить именно так, чтобы общественные мысль или требование всегда заслуживали внимания, имели смысл и ценность как общезначимые в контексте улучшения работы государственной структуры, а значит, и процесса управления вообще. Еще в нашем формате понимания процесса государственного управления важное значение имеет публичность в структуре органов исполнительной власти — и как способ регулирования командной работы, и как способ формирования отношений между самими сотрудниками, поскольку такая публичность основана на доверии, уважении, надежности, откровенности, искренности. Основопологающим фактором интересубъективной публичности служит отсутствие предвзятости и дискриминации по возрастным, социальным или гендерным характеристикам, вероисповеданию, культурным отличиям, физической неполноценности и т.д. Таким образом, интересубъективность всегда зиждется на откровенности и искренности, и как основа модели поведения государственного управленца исходит из принципа взаимного доверия.

Интерсубъективная модель управления обеспечит функционирование принципа внутренней ответственности должностного лица как его «незапятнанных» чести и достоинства, поэтому и не потребует лично от него или органов власти публичного объяснения и обоснования своих политических действий, поскольку значимость и закономерность такого психологического принципа определяются тем, что он гарантирует выполнение и других не менее значимых принципов функционирования процесса: эффективности, результативности, продуктивности, предсказуемости.

Интерсубъективность является так называемой глубинной стратегией организации и регуляции государственного управления. Таким образом, она служит критерием его эффективности и продуктивности. Актуализация интерсубъективной сущности личности в качестве должностного лица способствует стратегической регуляции государственного управления, основанного, прежде всего, на принципе взаимного доверия как принципе обратной связи управления!

Особенная значимость тренинговой системы КАРУС как методологического дополнения в государственном управлении заключается в исследовании прообразных предпосылок структурно-функциональных закономерностей стратегических тенденций управления и изучении его предрасположенности к преобладающему мыслительному действию, синтетической психологической готовности, исходящей из его устойчивой как доминирующей тенденции мыслительного поиска успешного способа решения проблемы.

Таким образом, актуальность стратегического подхода мотивируется его интегративностью благодаря признакам универсальности и мобильности, а его так называемая «терапевтическая миссия» заключается в организации государственного управления как творческого процесса!

Список литературы:

1. Боровицька О.М. Архетипні витоки довіри: дитяча ідентичність в умовах перманентного очікування / О.М. Боровицька // Соціальна психологія : науковий журнал / гол. ред. Ю.Ж. Шайгородський. – Київ, 2012. – № 3 (53). – С. 81–91.
2. Боровицкая Е.Н. Интерсубъективная сущность архетипа как проблема практической феноменологии (в поисках универсальной методологии исследования) / Е.Н. Боровицкая // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях: сборник материалов международной научно-практической конференции (Пенза-Прага, 5–6 марта 2011 года). – Пенза-Прага, 2011. – С. 26–39.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1992. – № 7.
4. Гуссерль Э. Логические исследования : Т.2. 4.1. Исследования по феноменологии и теории познания. Исследование V. Об интенциональных переживаниях и их «содержаниях» / Э. Гуссерль // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. – Рига, 1988. – С. 282–297.
5. Зейгарник Б.В. Личность и патология деятельности / Б.В. Зейгарник. – М., 1971.
6. Зейгарник Б.В. Патология мышления / Б.В. Зейгарник. – М., 1962.
7. Зейгарник Б.В. Патопсихология / Б.В. Зейгарник. – М., 1976. – 238 с.
8. Донченко О.А. Архетиповий менеджмент / О.А. Донченко. – Кіровоград, 2012. – 264 с.
9. Моляко В.А. Творческая конструктология (пролегомены) / В.А. Моляко. – К., 2007. – 388 с.
10. Салливан Г.-С. Интерперсональная теория в психиатрии / Г.-С. Салливан. – Москва ; СПб, 1999. – 346 с.

Татьяна БУТЫРСКАЯ

КАТЕГОРИИ НЕОПЛАТОНИЗМА КАК АРХЕТИПЫ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Постановка проблемы. В данной статье анализируются принципиальные вопросы, связанные с такими фундаментальными понятиями человеческого познания бытия, как государство и государственное строительство. В доступном нам опыте мы не находим более сложного для человека объекта познания, чем государство. Неполнота нашего знания о государстве очевидна, так же как и очевидны случайности в нашем государственном строительстве. Осознавая методологическую неполноту познания государства, мы осознаём также и то, что преодолеть эту неполноту при помощи теоретического инструментария социологии, политологии и т.д. невозможно. Только философия может претендовать на метафизические прорывы, когда исследователь может созерцать государство как целое. Отсюда понятно наше обращение к философским категориям и понятиям неоплатонизма как к культурным феноменам человечества, несущим архетипическую информацию.

Предвидим естественно возникающий вопрос – почему не античные категории и понятия? Тому есть причины, лежащие в самой направленности современного познания, в его цивилизационной дискурсивности. Да, безусловно, неоплатонизм опирался на триаду Платона «Единое – Ум – Душа» [1], но сама эта триада переосмысливалась неоплатониками в иных условиях бытия, в иную мировоззренческую эпоху – в эпоху эллинизма¹. Следовательно, и представления о бытии у неоплатоников отличны от того понимания, которое сформировалось в классической античности.

Кроме того, просматриваются некоторые современные параллели с решением подобных проблем. Неоплатонизм, или поздний римский эллинизм, преодолевал материализм стоицизма, принимавшего только телесную основу мира. Современная философия, не вмешиваясь в материализм марксизма, отошла в сторону от проблем бытия, занявшись проблемой его элемента – человека, показав тем самым своё равнодушие к решению проблемы бытия в условиях глобальных проблем современности. Исключением является М. Хайдеггер, но он потому и тяготеет к античности, что истоки решения проблемы бытия находятся в её идейном пространстве.

По сути, постмодернизм только довел до логического предела начатое в V–VI веках нашей эры разрушение языческого безличностного Единого и замены его личностным Единым средневековой апологетики и патристики. Вот какую продолжительность имеют циклы разрушения идеи. Но! Когда они, казалось бы, окончательно уничтожают саму суть идеи, формы, она совершенно непредвиденно, непредсказуемо возрождается в том самом месте, где был объявлен её окончательный конец. Что здесь имеется в виду?

¹От греческого *hellen* – грек; греко-римская философия в период от Александра Македонского (356–323 до Р.Х.) до Аврелия Августина и позже – вплоть до конца Древнего мира (середина VI века до Р.Х.) В частности, в 529 г. вышел запрет императора Юстиниана на деятельность философских школ. Остается добавить, что как платонизм, так и неоплатонизм были преданы анафеме на двух Поместных Соборах в Византии (1076 и 1351 гг.).

БУТЫРСКАЯ
Татьяна,
BUTYRSKA
Tatyana,

доктор наук
государственного
управления,
профессор кафедры
государственного
управления и местного
самоуправления
Ивано-Франковского
национального
технического
университета нефти
и газа, г. Ивано-
Франковск.

Аннотация: в статье рассматриваются принципиальные вопросы, связанные с такими фундаментальными понятиями человеческого познания бытия, как государство и государственное строительство, анализируется проблема, с которой столкнулась техническая цивилизация и которая формулируется как проблема единого и многого. Автор обращается к философским категориям и понятиям неоплатонизма как культурным феноменам человечества, несущим архетипическую информацию.

Ключевые слова:
бытие, государство,
государственное
строительство,
проблема единого и
многого, категории
неоплатонизма,
архетипическая
информация.

УДК 316.7 : 351.85

Здесь имеется в виду, что проблема, с которой сегодня столкнулся Европейский союз (а в широком смысле – вся современная техническая цивилизация), это проблема Единого и многого. В методологическом отношении вопрос перехода от Единого к многому является центральным вопросом всей неоплатонической философии.

Изложение основного материала. Изменения, происходящие в настоящее время в мировой системе, наталкивают нас на мысль о том, что на наших глазах происходит образование некоей новой реальности, всё яснее и чётче просвечивающейся через эмпирическую повседневность. Однако при этом парадоксальным образом в мировом сообществе возобновляется иерархия наиболее устойчивых ценностей, которые воспринимаются как неизменные, определяющие основы человеческого бытия. В этой иерархии особое место занимает государство, государственные ценности, значение государственности для внутренней гармонии социума.

Аристотель утверждал [2], что философия содействует реализации целей государства. Разум – нус, логос – является самым ценным в человеке, а значит и теория, как чистое, не связанное с пользой познание, стоит на высшем месте. И здесь надо подчеркнуть чрезвычайно важное, на наш взгляд, обстоятельство, а именно: обращение античной теории к государству позволило древним грекам создать ту систему обоснований, которая, собственно, и является классической философией в её современном научном понимании.

Очевидно, психологически государство в античном мировоззрении представляет проекцию наиболее важного, по мнению К.Г. Юнга [3, с. 584–585], самого центрального из архетипов – самости.

С одной стороны, архетип самости имеет смысловое значение управителя внутреннего мира, *sis*. – коллективного бессознательного. Так, Плотин пишет, что все так или иначе восходит к единству; каждая частная вещь необходимо содержит свое внутреннее единство, определяющее ее самость [4].

С другой стороны, самость выступает символом целостности и как символ целостности является совпадением противоположного. Понятие самости применительно к государству есть напряжение «коллективного» – государственного строительства, в процессе которого происходит становление государства как целого. В современном горизонте «самость» также является понятием философии М. Хайдеггера, обозначающем само-бытие (бытие Я). В эпоху классической античности считалось, что государство не должно пониматься как некое свойство бытия – оно тождественно с ним: человек – бог – государство. Античное государство – это общность, к которой каждый принадлежит естественным образом, которая каждого воспитывает, поддерживает и предоставляет для него поле деятельности. Понятие человека прямо связано с принадлежностью к государству, участием в полисной жизни. Соответственно, первый долг гражданина – укрепление государства. Греческое полисное государство было священным – у Эсхила в «Эвменидах» перед его судом вставали даже боги.

Другое дело – неоплатонизм.

Во-первых, после того, как все полисы (начиная с Александра Македонского) были объединены, эллинистическая система обоснований уже не была, в отличие от эпохи античной классики, обращена к государству. Вместе с этим изменением утрачиваются сущность и смысл фундаментальной античной категории «гражданин», целиком и полностью связанной с античным – философским – пониманием государства. По сути, это связано с созданием новых государственных объединений, где выполнение гражданского долга, понимаемого в категориях античной социальной жизни, на которых выросли граждане античного государства, становится невозможным. С разрушением античного государства утрачиваются объективные нормы гражданской жизни, рушится понятие справедливости² как объективное основание государственного бытия.

²Каркас которого тщательнейшим образом возводился большинством диалогов Платона.

Во-вторых, глубокая вера древних греков в то, что способность творить существует постольку, поскольку существует греческое государство (*sic. полис*), оказалась в широком смысле провидческой. Ведь что такое, по сути, есть философия? Философия – это обоснование положения человека в бытии. Так вот, в изменившихся условиях – разрушения греческого государства и образования на его основе крупных государственных объединений – создание новых систем обоснования положения человека в бытии как таковое прекратилось.

Греки, а вслед за ними и римляне, видели в отсутствии полисов признак варварства, невозможность жить полноценной жизнью. Существенно в этом контексте отметить, что на территории сегодняшней Украины в VI веке до н.э. появился Херсонес-Севастополь, насчитывающий 25 тысяч жителей. В то время Херсонесское государство было равно Афинам и другим крупным европейским центрам³. К сожалению, в Украине он сегодня не символизирует ничего, кроме участка земли близ моря, пригодного к прагматическому использованию.

По Платону господство материальных интересов (*sic. жадность, погоня за деньгами*) является основной причиной разложения общества и государства. Продолжая и развивая идеи Платона (и Аристотеля – там, где он им не противоречит) о государстве, неоплатоники, во-первых, полагали прагматизм опасным для истинного, объективного познания, и отсюда, во-вторых, видели свою задачу в освобождении человека как существа материально обременённого к возможно более чистой духовности.

Существенно подчеркнуть, что с древности и до наших дней предметом размышлений о государстве являются самые общие и глубокие идеи и принципы, из которых человек должен исходить в своей жизни и деятельности, в понимании государственной действительности и в отношении к ней. Это те категории, которые Плотин в «Энеадах» обозначил как «Идеал-Формы». Ещё Аристотель рассматривал категории как служебные – знаковые конструкции представления о реальности. По его собственному определению, категории являются «способами представления» (и являются местоимениями греческого языка). При этом категориальные конструкции могут опредмечиваться и прямо соотноситься с воплощаемой реальностью. В этом случае они входят в осознаваемую онтологию символического поля государства – *sic.*, онтологизируются. И возможно, что в третьем тысячелетии социологическую категорию Маркса «формация» применительно к государству и обществу целесообразнее заменить философской категорией Плотина «Идеал-Форма» [4]. Или же, выражаясь точнее, возвратиться в своей эманации к источнику единого, питающему реки, но ничего при том не теряющего, ибо «что представляет собой это несметное число новых форм бытия, которые они без устали изобретают – все эти «изгнания», «впечатления», «раскаянья»?» [4].

Период распада Римской империи характеризуется изменением ситуации в Европе и в первую очередь – изменением характера отношений между людьми. Существенно подчеркнуть, что аналогичный процесс в это же время развернулся и в зоне ирано-индийских цивилизаций (Иран, близлежащие к нему зоны северо-западной Индии, Средней Азии и Закавказье) – его инициировало падение Парфянского царства, которое длительное время выступало гегемоном в этой части Древнего Мира. И в этот же период происходит перелом в восточной части Древнего Мира – в восточно-азиатских землях, объединенных Ханьской империей.

По сути, распад Римской империи был лишь одним из проявлений трансформации принципов социальных отношений, происходящей в этот период во всем Древнем Море. Следует отметить, что на момент распада Западная Римская империя существовала как ассоциация племен, тогда как в Византийской империи сохранялись единство и власть императора. В дальнейшем этот фактор в значительной степени повлиял на формирование западного и восточноевропейского понимания государ-

³Херсонес был разрушен в XIII веке н.э., в эпоху татаро-монгольского нашествия.

ства: если в западноевропейском понимании формируются новые понятия государства, то восточноевропейское мировоззрение во многом сохраняет то надличностное – «метафизическое» – понимание государства, которое идет из времен античности. Изменение ситуации, принципов социальных отношений, вызванное расширением в Европе родоплеменных отношений («варварства») и управления на основе «вождизма», обуславливает другое понимание государства и отношений в государстве. В контексте его развития возникает противоречие, а именно: с одной стороны государство – это союз, это общество, с другой – определяющими для государства отношениями являются отношения антагонизма.

В этих условиях сформулировать Единое, в котором совпадали бы все противоположности, было задачей, требовавшей тонкой и глубокой диалектики⁴. В диалоге «Парменид» [1, с. 329–400] античные мыслители – в частности, Зенон, Сократ, Аристотель и Парменид – упражняются в диалектике единого и многого. По сути, здесь мы впервые имеем дело с антиномиями (от греч. *antinomia* – противоречие в законе)⁵ – в данном тексте антиномиями единого: сначала предполагается, что единое существует, и рассматриваются вытекающие из этого следствия (абсолютное и относительное полагание единого с выводами для единого) [6, с. 344–381], относительное и абсолютное полагание единого с выводами для иного [6, с. 381–387]), затем предполагается, что единое не существует, и так же рассматриваются вытекающие отсюда следствия (относительное и абсолютное отрицание единого с выводами для единого [6, с. 387–395], относительное и абсолютное отрицание единого с выводами для иного [6, с. 395–399]).

Антиномии присутствуют и в тексте «Ареопагитик» [7], содержание которых близко и к платоновскому «Пармениду», и, соответственно, к неоплатонизму – в частности, к неоплатонику Проклу (412–485), который, по свидетельству Марина [8, с. 441–454], разборчиво выделил в древних сочинениях все, что было подлинного, отвел как поношение все, что обнаружилось легковесного. Прокл толковал о предметах сократических и платонических, о каждом из этих предметов рассуждал с выразительностью и ясностью, обо всех них оставил записи в своих сочинениях⁶. Иначе говоря, Прокл обобщал и обосновывал учения Аристотеля и Платона (именно в таком порядке)⁷. У Дионисия Ареопагита также просматривается платоновская триада «единое – ум – душа», с акцентом на Едином, которое признается необходимой сущностной характеристикой Бога. Определяя Бога, Ареопагит употребляет такие методы, как апофатичность (непознаваемость бога, апофатический путь отрицаний) и катафатичность (положительный, катафатический путь утверждений). В то же время Дионисий не связывает апофатический метод только с Единым (соответствующим 1-й посылке «Парменида»), а катафатический – со сферой умопостигаемого бытия (2-я посылка «Парменида»), но и то, и другое рассматривает как разные способы описания Единого. Точнее, он рассматривает их как разные способы описания Бога,

⁴Неоплатонизм как философская система сводится к учению об иерархическом строении бытия и к конструированию таких нисходящих его ступеней, которые эмануруют путем постепенного ослабления из первой ступени: Единое, Числа, Ум, Душа, Космос, Материя [5, с. 176–179].

⁵У И.Канта – антиномии чистого разума (тезис: мир имеет начало во времени и ограничен также в пространстве; антитезис: мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен и во времени, и в пространстве, и т.д. [6, с. 245–262].

⁶Марин пишет [8, с. 449], что Прокл без труда прозрел все эллинское и варварское богословие и вывел его на новый свет для всех, кто хотел и мог ему следовать, вдохновенными своими толкованиями и согласованиями.

⁷Прокл менее чем за два года прочитал насквозь все писания Аристотеля, а укрепившись в этом, словно в малых предварительных таинствах, приступил к истинным таинствам Платонова учения, переписывая сказанное Платоном в единый свод и со своими замечаниями [8, с. 445–446].

который есть Единое: его природа – это природа единого сущностного блага, которое, как и у неоплатоников, не только не выносит ограниченности и замкнутости, но от переполнения выходит из своих пределов. То есть, здесь налицо, во-первых, фундаментальный принцип неоплатонической философии: принцип эманации, истечения, *sic*. – перехода от единого к многому, во-вторых – сочетание различных подходов к осмыслению Единого, в-третьих – истолкование Единого как блага, их тождественность, идентичность.

В чем суть метода антиномий? В отличие от классического диалектического метода, который предполагает сталкивание противоположностей, предметом антиномического рассмотрения выступает бесконечное целое, в котором полярные противоположности опосредованы. При этом для того чтобы совместить элементы целого, определить их взаимопереход, нужно прежде осмыслить, постичь это бесконечное целое. Так, Плотин пишет о мировой гармонии, направляемой божественным Умом по отношению к которому даже космос является вторичным, но не в смысле времени своего возникновения, а как последующая, более низкая эманация, находящаяся в Уме свои прообразы и архетипы, вечно поддерживающие ее существование и именно таким образом предшествующие ей [4].

В результате мы подходим к тому, что современное государство – это целое, правильное понимание которого невозможно без философских представлений о государственном строительстве. Организация государственного строительства решается двояко: путем «восхождения» от сущности государства к действительному бытию – методология, и путем «восхождения» от имеющегося бытия государства к его сущности – технология. Отметим, что оба эти процесса взаимосвязаны, взаимообусловлены и могут быть реализованы только совместно. Ограничение одной из компонент процесса ограничивает содержание другой. Такая взаимосвязь обусловлена надличностной природой государства. Исходя из надличностной природы государства, организационные предпосылки государственного строительства приобретают характер перехода от личностного к надличностному. Именно как переход, как сопряжение личностного и надличностного воплощается государство.

Поэтому, несмотря на то, что содержание государства на протяжении истории менялось, задачи, поставленные ещё античными мыслителями, никогда полностью не терялись из виду в государственном пространстве. Плотин пишет, что «самая низшая душа во Всеобщей Душе должна соответствовать более высоким душам, которые тихо и спокойно управляются с целым» [4], то есть качество души определяется именно этой её способностью – управляться с целым.

Главный тезис диалектического учения заключается в том, что оппозиция или противоречие, которое возникает между актуальным и потенциальным состоянием государства, – это решающая сила, которая обеспечивает его развитие и завершение. Тем не менее, рассматривая стадии изменения состояния, мы должны признать необходимость обеспечения определенной взаимосвязи фаз или структур состояния государства. Так как наличия факта «возникновения» совсем не достаточно для определения диалектического процесса, процесс этот возникает, когда две системы, которые непредвиденным образом идут одна за другой, служат одна другой ориентиром, что свидетельствует о поступательном развитии их структур. По сути, «диалектическое описание должно быть в состоянии обозначить основные процедуры решения, с помощью которых указывается выход из противоречивой ситуации путем изменения референтов» [9, с. 305].

Иначе говоря, диалектическое противоречие не раскрывает в полной мере характера отношений между явлениями и событиями реальности, которые имеют место в существовании государства. В отличие от диалектической логики, где парные категории выражают полярные противоположности целого, в антиномической логике парные категории выражают разные опыты и, соответственно, разные мироотношения. При этом как факт реальной действительности следует рассматривать в силу

равновеликости этих опытов следующие моменты: первое – ни одному из них нельзя отдать явное предпочтение, второе – ни один из них невозможно игнорировать.

Важно также подчеркнуть, что метод антиномий ограничивает сферу применимости системного метода, потому что если государство целостно, то он, стало быть, и сверхсистемно. Между тем, государство сегодня по-прежнему рассматривается с позиций системного подхода. По этому поводу необходимо отметить следующее: ещё В. Вернадский выдвигал гипотезу, согласно которой биосферу следует рассматривать как сложную композицию различных неевклидовых пространств организмов и локальных евклидовых пространств неорганических объектов, с которыми взаимодействуют эти организмы [10, с. 270–271]. Что такое композиция? Композиция – это законченное целостное образование, имеющее смысловой центр. Этим композиция отличается от системы, конструкции, классификации и других родственных им понятий. Очевидно, что в концепции целого осознание свойств государства уже не может быть описано в традиционных отношениях диалектики. Познание сущности государства должно осуществляться на основе композиционного подхода, как гносеология государства [11].

Следует понимать, что единое тоже есть некоего рода понятие, так же как и целое, и эйдос, и идеал-форма. Наилучшим образом понятие эйдоса, или формы, или мыслеобраза, или идеала, сам Плотин поясняет на примере человека⁸ следующим образом: «Так и человек, будучи частью человечества, самим человечеством не является. А потому и невозможно требовать от него, чтобы он достиг сверкающих вершин добродетелей, поскольку тогда бы он был не человеком, но эйдосом человека. В то же время целое благоволит той своей части, которая заботится о своем возрастании в добре, ибо когда возрастает малое, украшается и большое. А потому и в человеке светит тот внутренний свет, направляющий его помыслы к горнему, что как бы высвечивает в нем самом его предвечное изваяние» [4].

В 386 году с «Эннеадами» Плотина знакомится Августин Аврелий, который, начиная с этого времени, исповедует, выражает и обосновывает философскую сущность неоплатонизма. Трансформируя идеи неоплатонизма, Августин употребляет понятие «архетип», которое использовалось ещё Платоном, трактуя его как восходящий образ, лежащий в человеческом сознании. О Плотине он пишет как о великом платонике, превосходнейшем философе, который говорит, что душа умна, и с которым у него существует полнейшее согласие (О граде божием, X, 2).

Эллинский мир – это период смутного времени греческой цивилизации. Болезненно обесмысливается сама суть бытия, ранее наполненная государством как целью общественного развития и гражданским долгом по его обеспечению. Здесь, потерпев полное гражданское крушение ценностей, можно только искать утешения и забвения, то есть, уже не в великом жизненном смысле Парменида, когда горизонт государственного бытия только освещался, а в том трагическом смысле эллинизма, когда прежние великие теории античности адаптируются к его угасанию.

Напрашивается аналогия, прослеживается некоторая похожесть ситуации: мировой кризис первого века нашей эры, когда пришла в упадок огромная рабовладельческая формация, разрушалась тысячелетняя рабовладельческая культура – и мировой кризис третьего тысячелетия нашей эры, когда приходит в упадок огромная капиталистическая формация, достигшая грандиозных результатов в развитии техники, разрушается социальная эпоха капитализма с его культурой и идеологией (см., напр., Дж. Сорос, И. Валлерстайн, Ф. Фукуяма и др.) Общее – субъективизм, индивидуализм, обостренный появлением новых философских концепций, отрывающих человека от объективных основ природы и общества, способствующих тому, что человек видит внешнюю необходимость не только в государстве, но и в обществе.

⁸Здесь обязательно надо отметить следующее: кроме того, что Плотин поясняет эйдос наилучшим образом, он также и единственный, кто поясняет эйдос на примере человека.

Есть и более конкретные моменты, касающиеся совсем недавних событий 90-х годов XX века и их почти пугающего сходства с событиями 476 года I века. И те, и другие события выразились в изначально почти безболезненном, никого не поразившем и скорее символическом, чем революционном, акте. Сравним. Распад Римской империи: германский наемник Одоакр лишил номинальной власти императора Ромула, отправив его на южноиталийскую дачу, а атрибуты императорской власти отослал в Константинополь. При этом в самой Италии тогда мало что изменилось, по-прежнему действовали магистратуры и римский сенат, все так же сохраняли своё богатство и влияние в пространстве упраздненной Римской империи её могущественные аристократические кланы. И полумистический распад Советского Союза, когда при полностью сохранившейся территории, границах и инфраструктуре его в одночасье не стало вследствие подписания некоего соглашения, подлинник которого сейчас даже не могут найти. При этом в самом Союзе тогда мало что изменилось: по-прежнему действовали все государственные структуры, все так же сохраняли своё богатство и влияние в пространстве упраздненной Советской империи её могущественные аристократические кланы.

В чем пугающее сходство, и почему оно пугающее? Сходство в том, что крупнейшие объединения государств, великие империи распались как следствие смены иконических знаков. И римская, и советская цивилизация – как текст! – была дешифрована, декодирована путем вмешательства в её семиотическое поле. Рациональные логичные объяснения, такие, например, как результат борьбы и т.д., здесь не объясняют ситуацию. Ничего не значит и гипотеза об одряхлении – на момент ухода в небытие Рим обладал аппаратом римского права, а Советский Союз обладал ядерной мощью⁹. Но, по-видимому, бороться с иконическими знаками для человеческого сознания не то же самое, что бороться с явным врагом. В целом же эта ситуация требует, на наш взгляд, самого пристального изучения – не в том сугубо политическом ключе, о высокомерии которого писал ещё К.Г. Юнг, а как логико-философское исследование гомеостаза и мгновенного распада крупнейших социальных метасистем. Сейчас же можно лишь сказать, что, по-видимому, мы здесь имеем дело с той специфической бессознательной реакцией социума, основой для понимания которой является учение Плотина о душах, которые «выходят из единства, но по-прежнему состоят в определенной форме сообщества». То есть, применительно к рассматриваемой нами ситуации, люди подсознательно сохраняют парадоксальную веру в то, что, выходя из того единства, которое существовало в форме объединения государств, империй, они все так же принадлежат, состоят в определенной форме сообщества. В теории шизоанализа, или трансцендентального анализа, согласно Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, это плотинское понимание воспроизводится применительно к трактовке бессознательного как связанного не с проблемой смысла, а с проблемой устройства, *sic*. не с тем, что это значит, а с тем, как это работает [14]. Однако Плотин поясняет это все же несколько иначе: «Они являются единой душой потому, что не принадлежат безгранично какой-то определенной вещи; они, так сказать, соприкасаются краями; они бросаются то в одну, то в другую сторону, но от общего источника не уходят, подобно свету, который рассеивается на земле и может светить в разных домах, но при этом ни на мгновение не перестает быть одной субстанцией» [4].

Античная система была построена на принципах рациональности, она была предназначена для познания и описания рациональных аспектов мироздания. Основа античного бытия – человек, бог, государство. В эпоху эллинизма происходит гибель

⁹И всё так же в несуществующей более Римской империи продолжало действовать знаменитое римское право. Для кого оно сохранялось и что оно отправляло? Система искусственных правил, интеллектуальный продукт, созданный ушедшей цивилизацией, которую оно было призвано, но не сумело – да и не могло – сохранить. Так же, впрочем, как и могучий ядерный арсенал Советского Союза не сохранил советскую цивилизацию

философии, крушение культуры, распад государства, которые невозможно описать с помощью системы – система не описывает нерациональность. Надо было выйти за рамки античного миропонимания не с целью его отрицания, а для того, чтобы заново обосновать композицию бытия, сохранить человеческое и божественное начало в гибнущем мире.

Отсюда в эпоху неоплатонизма, или классического периода позднего эллинизма, по А.Ф. Лосеву [5, с. 147–190], происходит как бы обобщение античного периода развития. Происходит реставрация философских концептов Платона и Аристотеля (платоновского учения об идеях, аристотелевского учения о формах). В неоплатонизме философия Платона и Аристотеля поднимается на новую ступень, происходит подчинение стоического телесного материализма и практицизма платоно-аристотелевской диалектике. По мнению Лосева, в этом – в росте платоно-аристотелевской диалектики – заключается одна из основных особенностей неоплатонизма и его эпохи как последнего результата античного социального развития, его прощального резюме.

В работе Гераклида Понтийского (ученика Платона) Рим описывается как «эллинский город-государство», так как греки считали все, что выходит за рамки полисного устройства, варварством. Однако с изменением ситуации в Римской империи происходит переход от обоснования гражданских добродетелей в полисном государстве, которое утрачивает свою актуальность и необходимость, к спасению личности, что абсолютно противоречило раннему периоду античности. Даже само понятие «личность» происходит от латинского слова *persona*, в древнегреческом языке оно отсутствовало, так как в античном социуме общественное безусловно преобладало над личным – в этом заключалась его феноменальная сущность. Почему феноменальная?

Феноменальная – потому что полностью противоречит современным установкам на обособленность индивида от коллективной деятельности (см, напр. [12]), и как результат – позволила достичь той высоты созерцательного мышления, которая до сих пор существует только в модусе античного бытия.

Основные выводы. Указанное позволяет нам сделать следующий вывод. Без опоры на государство, понимаемое как цель общественного развития, греческая философия остается классической системой обоснований, неприменимой в современном обществе. Это касается абсолютного большинства её категорий и понятий – в том числе и понятия демократии, которые теряют своё изначальное смысловое содержание вне условий античного государства. Что есть в этом контексте демократия? В этом контексте демократия – это власть большинства, то есть такое общественное устройство, в котором борьба за материальные блага становится всеобщей. Этому вполне соответствует утверждение Ф. Хайека о том, что единственное, чего не выдержит современная демократия – это необходимости существенного понижения жизненного уровня в мирное время или даже непродолжительного периода отсутствия положительных сдвигов в экономических условиях [12, с. 220].

Согласно неоплатонизму, чрезмерность в одном всегда возмещается переменной в противоположном (Ф. Ницше в «Человеческое, слишком человеческое» [13] формулировал это так: когда ты всматриваешься в бездну, бездна всматривается в тебя, а К.Г. Юнг считал, что не существует освященного или почитаемого обычая, который при случае не сможет обратиться в свою собственную противоположность. И чем более крайним оказывается то или иное положение, тем более вероятной следует ожидать энантиодромии, конверсии чего-либо в свою противоположность [3, с. 596].

Собственно, в опыте государственного строительства мы имеем достаточно примеров подобной конверсии – и о превращении монархии в тиранию, демократии в охлократию, аристократии в олигархию и т.д., предупреждали ещё Аристотель и Полибий.

Но! Классическая философия потому и присутствует постоянно в пространстве бытия, что она необычайно гибка и способна к безграничным трансформациям –

что, собственно, показывает нам бесконечная череда эманации философской мысли от классического единства, которое перетекает через край и дает жизнь множеству современных концепций, учений и теорий, соединяясь с ними, и которые, в свою очередь, совершают бесконечный круговорот возвращения многого к истокам единого, к первоначальному философской мысли, к совершенству единого.

По сути, это было показано и предсказано Платином, основателем неоплатонизма, в первом веке нашей эры. В отношении современного государства необходимо понимать, что здесь процесс эманации включается помимо нашей воли, но, осознав его, мы сразу включаем в работу все то, что обобщено в греческой классике неоплатонизмом, включая и опыт коллективного действия – государственного строительства.

Таким образом, в категориях неоплатонизма мы имеем единообразные и регулярно повторяющиеся способы понимания государственного устройства. Это позволяет нам обозначить эти категории как символические выражения смысла государственности, *sic*. архетипы коллективного бессознательного. Как архетипы коллективно-бессознательного они имеют всеобщую природу, включая в себя идентичное для всех людей содержание и образ, мысленную модель государственного устройства.

Список литературы:

1. Платон. Избранные диалоги / Платон. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. – 506 с.
2. Аристотель С. Метафизика / Аристотель ; пер. с греческого А.В. Кубицкого. – М. : Эксмо, 2008. – 608 с.
3. Юнг К.Г. Символы трансформации / Карл Густав Юнг ; [пер. англ.]. – М. : АСТ : АСТ-Москва, 2009. – 731 с.
4. Плотин. Эннеады / Плотин ; пер. Т. Сидаш. – СПб : Издательство Олега Абышко, 2004–2005. – 2880 с.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики: поздний эллинизм / А.Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1980. – 766 с.
6. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – Симферополь : Реноме, 2003. – 464 с.
7. Ареопагитики (фрагменты) / пер. С.С. Аверинцева // Антология мировой философии : в 4-х т. – М. : Мысль, 1969. – Т. 1. : Ч. 2. – С. 606–620.
8. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М. : Мысль, 1986. – 571 с.
9. Мулуд Н. Анализ и смысл / Н. Мулуд. – М. : Прогресс, 1979. – 347 с.
10. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М. : Наука, 1988. – 519 с.
11. Бутирська Т.О. Методологія принципу композиції в публічному управлінні / Т.О. Бутирська // Вивчення та впровадження в Україні іноземного досвіду удосконалення діяльності органів влади : матеріали VII Міжнародної науково-практичної конференції (28 листопада 2012 р.). – Полтава: ПолтНТУ, 2012. – Ч. I. – 171 с.
12. Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек ; пер с англ. Н. Ставиской // Новый мир. – 1991. – № 8. – С. 181–234.
13. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла : книга вторая / Ф. Ницше // Избранные произведения. – М. : Сирин, 1990. – 415 с.
14. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; [пер. с фр. С. Н. Зенкина]. – М. ; СПб : Изд-во Ин-та экспериментальной социологии «Алетейя», 1998. – 288 с.

**ВЛАСЕНКО
Александра,
VLASENKO
Olexandra,**

старший
преподаватель
Академии
муниципального
управления, г. Киев.

Аннотация: в статье исследована система связей между архетипами национальной ментальности, социально-экономической модели, национальной инновационной системы и национальной модели государственного управления; выявлено, что формирование и развитие национальной инновационной системы зависит от глубины и скорости превращения традиционной экономики в экономику знаний; предложена классификация национальных инновационных систем на основе этнометрического подхода с целью формирования оптимальных механизмов управления ими.

Ключевые слова: национальная экономическая ментальность, национальная культурная ментальность, архетипы национальной ментальности, социально-экономическая модель, национальная инновационная система, национальная модель государственного управления.

УДК 35:002.8

Александра ВЛАСЕНКО

ВЛИЯНИЕ АРХЕТИПОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМОЙ

Постановка проблемы. Изменения парадигмы конкурентной борьбы в условиях глобализационных вызовов и влияния научно-технического прогресса на традиционную экономику приводят к поиску новых подходов к управлению социально-экономическими системами. Вышеупомянутые процессы вносят изменения не только в социально-экономическое бытие нации, но и влияют на формирование новых архетипов ментальности нации, которые находятся в системе тесных взаимосвязей с национальной экономикой, национальной культурой, социально-экономической системой, национальной инновационной системой (НИС) и национальной системой государственного управления. Выявление и осмысление этих связей влияет на эффективное формирование механизмов государственного управления национальной инновационной системой.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретико-методологическую основу статьи составляют публикации как отечественных, так и зарубежных ученых, раскрывающих проблематику системы взаимосвязей между архетипами национальной ментальности, социально-экономическим бытием нации, глобализационными вызовами, развитием научно-технического прогресса и государственным управлением выше обозначенными процессами. Это Э.А. Афонин [1], О.В. Бондаренко [2, 3], М. Вебер [4, 5], Н.В. Латова и Ю.В. Латов [10], В.В. Липов [11], Н.О. Лосский [12], М. Аарон Е.В. Голд [15], Г. Хофстеде [16].

Изложение основного материала. В основу исследования положена гипотеза, что в современных условиях архетипы национальной ментальности оказывают одно из наиболее существенных воздействий на формирование типа модели государственного управления НИС. С целью проверки гипотезы, предлагаем нижеследующую этапность исследования:

I этап – выявление и исследование системы связей между национальной ментальностью и социально-экономической моделью развития страны;

II этап – анализ характера взаимосвязи между национальной социально-экономической моделью страны и национальной моделью государственного управления;

III этап – обоснование взаимосвязи между национальной социально-экономической моделью и моделью национальной инновационной системы, которая обусловлена активацией процессов, способствующих изменениям в традиционной экономике и постепенному формированию и переходу к экономике знаний и управления НИС государством;

IV этап – анализ и выбор методологического аппарата классификации национальных социально-экономических моделей стран с целью дальнейшего применения его для проведения классификации НИС;

V этап – проведение классификации национальных инновационных систем на основе предложенной методологии.

Приступаем к проведению исследования.

1 этап – выявление и исследование системы связей между национальной ментальностью и социально-экономической моделью развития страны.

Нами была выдвинута гипотеза, что на формирование и развитие типа модели государственного управления национальной инновационной системой влияют архетипы национальной ментальности. На эту гипотезу нас натолкнули научные исследования Г. Хофстеде [16], который внес важный вклад в понимание организаций. Он утверждает (подкрепляя концепции практическими примерами), что национальные культуры оказывают систематическое воздействие на организацию через те ценности, которыми их работники руководствуются в жизни и на рабочем месте. Ученый первым поставил вопрос о том, что организации в значительной степени являются «порождениями» своей национальной среды и предложил теоретическую структуру, в рамках которой могли быть объяснены взаимосвязи между организацией и культурой. Теоретические работы и практические усилия Г. Хофстеде были направлены на оказание помощи менеджерам мультинациональных компаний в понимании и учете в повседневной управленческой деятельности многообразия сложившихся архетипов и культурных традиций, которые обусловлены рамками национального менталитета и в которых формировалась личность работников. В 1970-х гг. основное внимание в исследованиях Г. Хофстеде уделялось анализу различий национальных культур и их влияния на организации, а позже, в 1980-х гг. – различиям организационных культур в рамках одной нации.

Ключевым моментом в его работах фигурировала национальная культура.

Национальные культуры, в отличие от этнических, не являются изначальной неотъемлемой формой исторического бытия человеческих сообществ, так как возникновение наций – феномен сравнительно поздний. В социогуманитарных науках до сих пор не выработана общепринятая теория этого процесса. Одни ученые рассматривают становление наций как дифференциацию и осложнение внутриэтнических связей. Другие акцентируют внимание на связи процесса национального строительства с формированием государства. Третьи считают главным психологический фактор – появление национального характера как особого феномена, впитывает в себя этнические и социальные черты ментальности одного или нескольких народов, объединенных общей исторической судьбой. Однако все исследователи согласны с тем, что не существует этнически однородных наций. В большинстве случаев национальное объединение происходит на основе этнически родственных племен и даже разных рас (например, бразильская нация). Становление национальной культуры осуществляется, как правило, параллельно с образованием нации и национальной государственностью [13, с. 261–262].

В Большом толковом словаре по культурологии национальная культура определяется как «синтез культур различных социальных слоев и групп соответствующего общества, нации и характеризуется единством территории, государственностью, общностью экономической жизни» [9].

Национальная культура складывается исторически – в процессе длительного совместного существования этнических общностей, связанных единой территорией, экономикой, языком. В этом процессе возникает общность духовной жизни, появляются особенности национальной психологии, формируются такие признаки нации, как национальное самосознание и национальная ментальность.

Понятия, связанные с национальной ментальностью и менталитетом стали рассматриваться не так давно. Так, понятие «менталитет» было внесено в изучение «духа народа» только в 20-х гг. XX века. Его разработкой занимались представители историко-психологического и культурно-антропологического направлений Леви-Брюль, Люсьен Февр, Марк Блок. В первоначальном контексте «менталитет» означал наличие у представителей того или иного сообщества, например, такой как национально-этническая или социально-культурная общность людей, какого-то определенного «умственного инструментария», своего рода «психологической оснастки», которая

дает возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя.

Национальный менталитет тесно связан с формированием национального самосознания и на обыденном уровне носит мистический, эмоциональный или религиозный характер.

Для того, чтобы сформировать адекватную национальную модель менеджмента, на наш взгляд, следует исходить не от понятия «национальный менталитет» как стиля жизни нации, а от понятия «национальная ментальность», что отражает глубинный уровень сознания нации, ее стиль мышления и имеет типичные «ментальные характеристики, символически оформлены в их архетипы» [1, с. 251].

«Ментальность нации предстает целостным феноменом, комплексно отражающая особенности духовности народа и его мировосприятие, отражает степень развития общества как социальный индикатор его состояния. <...> Естественное и культурное, рациональное и эмоциональное, индивидуальное и общественное, национальное и общечеловеческое – все это скрывается в сущности ментальности» [2, с.10] и сформированных на ее основе архетипов.

Так, по определению известного ученого в области исследований национальной ментальности О.В. Бондаренко, «национальная ментальность – это общая для социально-политической или этнической общности людей совокупность характеристик поведения и мышления, с помощью которых можно оценивать и прогнозировать социальные реакции людей на определенные события в конкретной стране. Она является алгоритмическим компонентом ума народа» [3, с. 169-170].

Национальная ментальность как влияет на развитие и формирование материального и духовного бытия нации, так и находится под их влиянием и может со временем поддаваться изменениям. Причем социально-культурная идентичность нации, как правило, формируется под влиянием верований, идей и теорий. Одним из мощных инструментов влияния на формирование национальной ментальности является религия. Она в наибольшей степени содержит в себе потенциальные возможности выхода на ментальные контексты пребывания человека в мире и в обществе.

Религиозное сознание непосредственно сталкивается с феноменом ментальности людей и несет в себе существенный ментальный потенциал, участвуя в организации жизнедеятельности человека. Как отдельное проявление психологического феномена, религия позволяет объяснять характеристики ментальности (т.е. архетипов – прим. авт.) своих субъектов во внерелигиозном смысле. Кроме того, <...> при всей неповторимости исторических этапов развития нации, они имеют внутреннюю взаимосвязь и логику. Ментальность при этом выступает определенным стержнем «духа народа», который позволяет говорить о национальной культуре, которая обновляется, разворачивается во времени, но никогда не исчезает, пока существует народ. Ментальность народа коренится в исходных условиях его жизни, она выходит из пограничных факторов его бытия как определенного социума. Ментальность не возникает заново с каждой естественным или социальным событием, она постоянно воспроизводится, выступает как целостность, все время разворачивается в самой себе, сохраняя себя как целое. Она имеет определенную структурную иерархию, из составляющих от более фундаментальных и устойчивых, которые образуют ее основу (ментальный архетип), к более поверхностным и подвижным, которые еще находятся в стадии формирования [2, с. 18].

Взаимосвязь между ментальностью, материальным и духовным бытием нации отражается в таких понятиях как «национальная экономическая ментальность» и «национальная культурная ментальность».

Особенности экономических ценностей и норм поведения, характерных в той или иной степени для всех представителей какой-либо этнической группы, характеризуют ее национальную экономическую ментальность [6, с. 222].

Национальная культурная ментальность принятая в западной социальной психологии интегративная характеристика культуры народа, нации, концентрирует ее

духовные устремления, отражает глубинный и устойчивый тип индивидуального и коллективного сознания и поведения ее представителей. Представляя собой органический синтез мировоззрения и психологических ориентаций, ментальность определяет культурно-семантическое и аксеологическое пространство общества [7].

Следует отметить, что национальная экономическая ментальность влияет на формирование архетипов экономики, которыми пользуется нация в своей хозяйственной деятельности, то есть, в национальной экономике. Национальная культурная ментальность, соответственно, через архетипы культуры оказывает влияние на формирование и развитие национальной культуры. Национальная экономика и национальная культура под влиянием внешних и внутренних факторов могут изменяться, что со временем (в зависимости от того насколько устойчивы и влиятельны эти изменения) приводит к тому, что начинает меняться национальная ментальность и ее архетипы. Такие процессы набирают активности и становятся чрезвычайно актуальными в условиях глобализационных вызовов и мощного роста научно-технического прогресса. И в этом ракурсе интересна мысль Э.А. Афонина: «историческая судьба каждого конкретного народа зависит от его возможности хранить, развивать и возобновлять собственный социальный организм и от способности адаптироваться к изменениям...» [1, с. 255]. Сохранению архетипов национальной ментальности способствует поддержка самим обществом устойчивости своих архетипов культуры и экономики.

Описание национальной экономики и национальной культуры в количественных и качественных характеристиках, предоставляет возможность для построения двух отдельных моделей: национальной экономической модели и национальной социально-культурной модели. Между национальной экономической и культурной ментальностью существует тесная взаимосвязь за счет: а) общей платформы – национальной ментальности; б) тесной взаимосвязи и взаимовлияния между архетипами национальной ментальности и ее составляющими – архетипами национальной экономической и культурной ментальности. Эта взаимосвязь, безусловно, отражается как между национальной экономикой и национальной культурой, так и между их моделями. При построении моделей национальной экономики и культуры, следует учитывать описанную особенность, предоставляющей основания для формирования общей модели национальной социально-экономической системы. Попытка отразить систему сложных связей между архетипами национальной ментальности и национальной социально-экономической модели продемонстрирована на рис. 1.

Рис. 1. Структурно-логическая схема влияния архетипов национальной ментальности на формирование национальной социально-экономической модели.

Социально-экономическая система рассматривается нами как целостная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих социальных и экономических институтов (субъектов) и отношений по поводу распределения и потребления материальных и нематериальных ресурсов, производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг. Любая социально-экономическая система страны имеет определенные характеристики, в том числе и национальные. Используя этнометрические подходы и архетиповую методологию, выше описанную систему можно описать с помощью системного подхода и математического моделирования, которые облегчают процесс проведения аналитических работ. Фактически, в результате аналитического описания мы получаем национальную социально-экономическую модель любой страны, требующей управления со стороны государства.

II этап – анализ характера взаимосвязи между национальной социально-экономической моделью страны и национальной моделью государственного управления.

Если национальную социально-экономическую модель страны мы будем рассматривать с позиций системного подхода, то для того, чтобы построить систему управления национальной социально-экономической моделью, нам следует определиться с объектом управления и управляющей системой. В нашем случае объектом управления будет выступать непосредственно национальная социально-экономическая модель страны, а управляющей системой – национальная модель государственного управления (менеджмента).

Задача управляющей системы – выполнение специальных и общих функций. Качество выполнения задач во многом зависит от построения оптимальной структуры управляющей системы, на формирование которой влияют два фактора: структура объекта управления, система подготовки информации и принятия решений.

Процесс формирования структуры управляющей системы на основе структуры объекта управления национальной социально-экономической модели (ОУ НСЭМ) помогает определить перечень специальных функций. Изменения, которые происходят в объекте управления, должны отображаться и в управляющей системе. И вот здесь существует интересный момент: так как объектом управления избрана СЭМ, состоящая из экономической и культурной моделей страны, изменение архетипов экономики и культуры неизбежно отразится на национальной культуре и экономике страны. И этот нюанс необходимо обязательно учитывать при формировании НСЭМ.

Итак, мы пришли к выводу, что архетипы национальной ментальности, безусловно, оказывают влияние как на формирование НСЭМ, так и на формирование национальной модели управления СЭМ.

Что касается структуры системы подготовки информации и принятия решений, то она влияет на формирование общих функций и зависит от этапов, которые проходит информация, т.е. процессов преобразования первичных данных в информацию для принятия управленческих решений. В управляющей системе процесс управления связан с движением информационных потоков, которые влияют и изменяют объект управления.

III этап – обоснование взаимосвязи между национальной социально-экономической моделью и моделью национальной инновационной системы, которая обусловлена активацией процессов, способствующих изменениям в традиционной экономике и постепенному формированию и переходу к экономике знаний и управления НИС государством.

Экономика знаний – это экономика, в которой и специализированные, и повседневные знания являются источником роста. В экономике знаний определяющим является интеллектуальный потенциал общества, на который она опирается и который составляет совокупность повседневных (обыденных) и специализированных (научных) знаний, которые накоплены в сознании людей и материализованные в технологических способах производства [8, с. 27].

Характерными признаками экономики, базирующейся на использовании факторов знаний, является доминирование в структуре ВВП высокотехнологичных отраслей и

интеллектуальных услуг, формирование подавляющей доли национального дохода за счет инновационной или технологической ренты, высокий уровень капитализации компаний, основная стоимость которых формируется благодаря нематериальным активам, то есть интеллектуальной составляющей. Экономика знаний является основой и главной составляющей «инновационной экономики». Ее фундаментальная основа – это производительные знания и качественное содержательное образование, обуславливающие способность к воплощению гуманитарно-интеллектуального капитала в результаты производственной деятельности. Главное отличие экономики знаний от так называемой «товарной экономики» состоит в непрерывном технологическом обновлении производства и самовоссоздании его «знаниевых» факторов, их неотчуждаемости в процессе экономического обмена, быстром обновлении и отнесенности к доступности для использования [14, с. 1].

Таким образом, инновационная экономика требует соответствующих подходов, методов и механизмов управления, которые требуют системного подхода в условиях современных глобализационных вызовов. А это значит, что возникает необходимость в формировании соответствующей системы управления инновационными процессами на уровне государства. То есть, формирование системы управления национальной инновационной системой.

Итак, мы можем сделать вывод, что в зависимости от внешних современных глобализационных вызовов для формирования и развития национальных социально-экономических моделей, и от того какими темпами и в каких объемах проходят процессы, влияющие на отход от традиционных условий хозяйствования и утверждения экономики знаний, перед государством возникает необходимость формирования и развития национальной инновационной системы. Вопросы формирования и развития национальной инновационной системы (НИС) для Украины в современных конкурентных и глобализационных условиях существования всех стран мира – чрезвычайно актуальны.

IV этап – анализ и выбор методологического аппарата классификации национальных социально-экономических моделей стран с целью дальнейшего применения его для проведения классификации НИС.

В большинстве прогрессивных стран национальные инновационные системы уже сформированы. Украина только начинает рассматривать вопрос создания своей национальной инновационной системы. И здесь важен момент ознакомления с опытом других стран. Следует понимать, что каждый опыт формирования и развития НИС может быть практически полезным для Украины по разным причинам. Например, это могут быть особенности, связанные с национальным менталитетом, исторически сложившейся системой государственного управления национальной экономикой, общим состоянием национальной экономики и состоянием новационно-инновационной сферы и обеспечением её соответствующей инфраструктурой.

Экономисты и социологи считают, что одним из важнейших факторов качественных различий между странами Востока, развивающихся и развитых стран Запада – это различия в ментальных ценностях, которыми люди руководствуются в хозяйственной деятельности. Проблема не в том, возможно ли в восточных странах построить эффективную рыночную экономику, а в том, какими особыми методами ее необходимо строить [10, с. 161].

Для выбора показательной модели национальной инновационной системы для Украины, прежде всего, необходимо провести классификацию существующих моделей национальных инновационных систем на основе соответствующей методологической базы. Методология данного исследования в своей основе должна основываться на соответствующем подходе, принципах и методах, с помощью которых и будет осуществляться классификация моделей национальных инновационных систем.

Методологической основой нашего исследования мы избрали теорию культуры. В рамках которой проводится типология культур и, в том числе, отдельно выделяются разные национальные культуры. Классификация национальных культур осущест-

вляется на основе этнометрического подхода, который представляет собой направление кросс-культурных исследований и помогает осуществить анализ ментальных характеристик различных этнических групп (обычно речь идет о нации) с использованием формализованных (математических) методов. Данный подход применяет методы количественного анализа национальных культур, основанные на сравнении национальной ментальности какой-либо страны с другими национальными ментальностями.

Основателем этнометрии считают нидерландского социального психолога Гирта Хофстеде. Им были предложены национально нейтральные критерии для анализа практики менеджмента в 64 странах. Этот анализ известный на Западе как «исследование ИБМ», основанное на анкетировании 116000 менеджеров и сотрудников многонациональной корпорации в период 1967-1973 годов. В процессе опросов и анализа файлов кадровых служб использовались двадцать иностранных языков.

На конечном этапе были выделены четыре группы независимых переменных, позволяющих различать разные страны по таким критериям, как дистанция власти, избегание неопределенности, индивидуализм-коллективизм и преимущественно маскулинный (мужественный) или феминный (женственный) стиль поведения. Позже, китайским ученым было предложено составить опросник для исследования мнения среди студентов в 23 странах по всему миру и, в результате, было получено пятое измерение – долгосрочная / краткосрочная ориентация.

Согласно методике Г. Хофстеде, каждая из исследуемых стран получает оценки по пяти измерениям, значение которых варьируется в интервале от 0 до 100. Общее количество исследуемых стран составляет до 60. Результаты исследования представлены в работе Г. Хофстеде «Культуры и организации» [16]. Со сгруппированными в таблицу данными можно ознакомиться в работе М. Аарона и Е.В. Голд [15, с.44]. Побочным результатом исследования Г. Хофстеде было выявление шести кластеров национальных культур:

- англоязычные страны;
- скандинавские страны;
- «немецкие» страны Центральной Европы;
- страны «латинской» Европы;
- страны Латинской Америки;
- страны Юго-Восточной Азии.

Рост интереса к проведению классификации стран на основе социально-культурных характеристик активизирует исследования их влияния на экономическое развитие и формирование соответствующей модели управления.

В этом ракурсе, по нашему мнению, интересны работы М. Вебера «Хозяйственная этика мировых религий» и «Протестантская этика и дух капитализма». В них проводится глубокий анализ влияния религиозных ценностей на хозяйственную жизнь общества [4; 5]. Свою задачу ученый видит в выявлении «психологических и прагматических религиозных связей, в которых коренятся практические импульсы к действию» [4, с. 43]. М. Вебер отмечает, что внешне сходные формы экономической организации могут быть связаны с очень разными по своему характеру этическими системами. Это своеобразие по-разному влияет на развитие общества. Религиозная обусловленность хозяйственного поведения превращается в один из основных детерминантов хозяйственной этики. В свою очередь особенности религиозных мировоззренческих систем формируются под влиянием географических, социальных, политических, национальных и экономических факторов.

На основе работ М. Вебера и Г. Хофстеде отечественный ученый В.В. Липов продолжает исследовать специфичность влияния мировых религий на характер хозяйства в научной публикации «Религиозные ценности как фактор зависимости от предшествующего развития и формирования социально-экономических моделей» [11].

В.В. Липов связывает эту специфику со следующим: объединяя людей не знаниями и способом мышления, а верой и переживаниями, недоступными познанию, ре-

лигия овладевает иррациональным уровнем человеческого сознания. Любая вера в своих представлениях о ценностях претендует на абсолютную истинность. Одновременно, в отличие от всех форм ценностного сознания, религия дает ценностное осмысление всего сущего. Как обобщенное проявление национальной культуры, ценности усваиваются и передаются от поколения к следующему поколению в процессе повседневного, прежде всего, семейного бытия людей. Они непосредственно влияют на характер этого бытия, и лишь постепенно, частично, в течение значительных промежутков времени, времени смены поколений, изменяются под влиянием внешних обстоятельств народного бытия. Эмоциональная сила и безграничность религиозной символизации способствует превращению многих категорий религиозной ценностной системы в понятие светского ценностного сознания, которые теряют всякий мистический смысл. Мировоззренческие ценности религиозных конфессий оказывают значительное как прямое, так и опосредованное влияние на характер, нацеленность, интенсивность, социальную наполненность хозяйственной активности своих прихожан [11, с. 60–61].

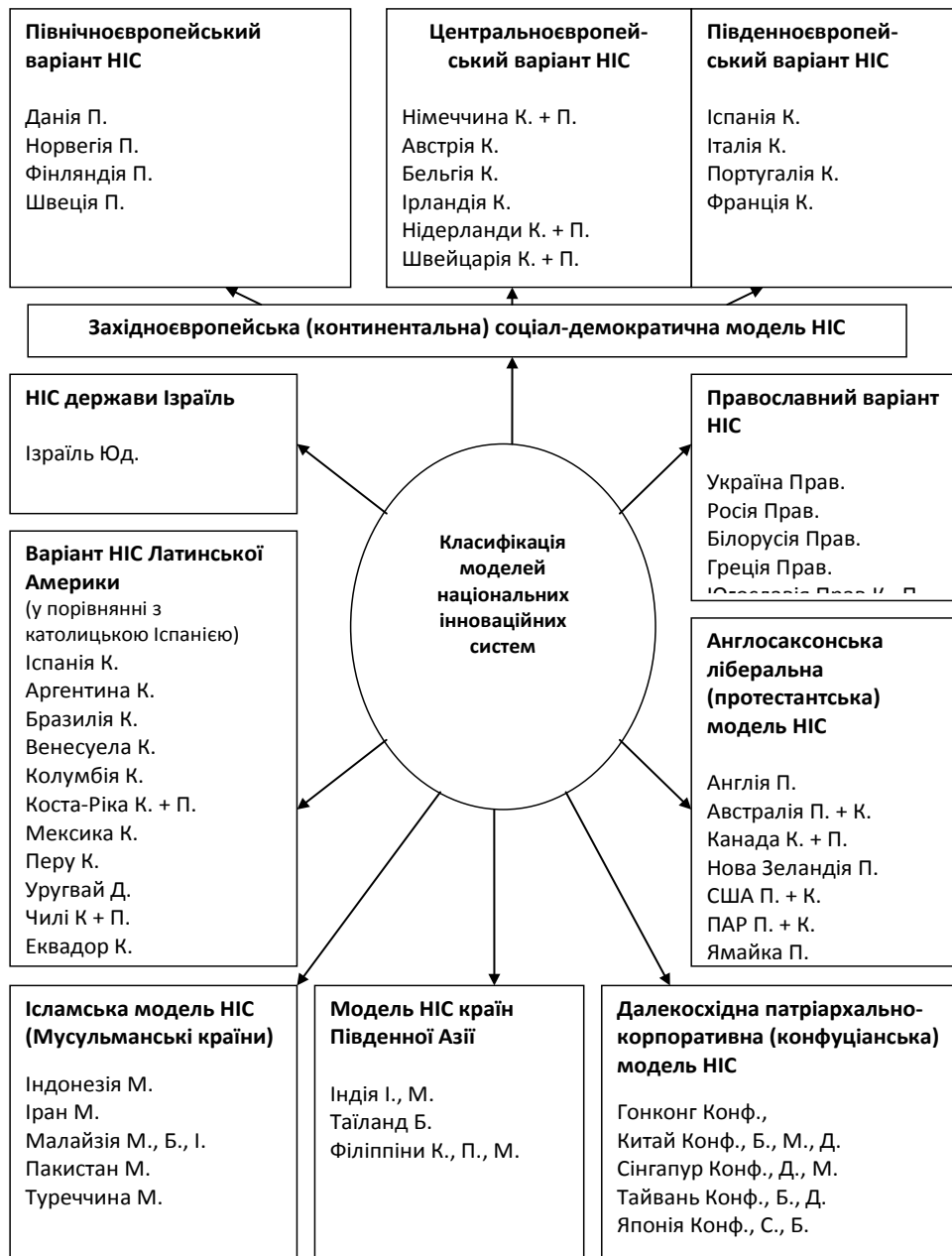
В своей работе он группирует страны в соответствии с преобладающей социально-экономической моделью (СЭМ) и представляет данные о доминирующих в отдельных странах религиозных конфессиях [11, с. 59–60]. Это позволяет проследить связь между религиозными ценностями, особенностями национальной деловой культуры и соответствующими СЭМ. Анализ представленных В.В. Липовым данных свидетельствует о тесной взаимосвязи между моделью социально-экономического устройства общества и преобладающей религиозной конфессией. Ценностная составляющая религиозного мировоззрения оказывает значительное влияние на социально-экономическую жизнь общества, становление особенностей национальной хозяйственной традиции [11, с.58]. Классическим примером религиозного подхода к освещению ценностного сознания может послужить работа Н. Лосского «Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей» [12, с. 250–315].

Так как на третьем этапе данного исследования нами доказана связь между социально-экономической моделью страны и необходимостью формирования соответствующей НИС в условиях перехода от традиционной экономики к инновационной, то можем утверждать, что НИС напрямую зависит от СЭМ страны.

У этап – проведение классификации национальных инновационных систем на основе предложенной методологии. Таким образом, согласно вышеприведенным выводам нашего исследования и на основе методологии Г. Хофстеде [16], научных работ М. Вебера [4; 5] и исследований В.В. Липова [11], нами составлена классификация моделей национальных инновационных систем. К православному варианту НИС мы включили дополнительно такие страны как Украина и Белоруссия, что, на наш взгляд, есть вполне целесообразным (см. Рис. 2).

Выводы и дальнейшие направления научных исследований. В результате нашего исследования гипотеза о влиянии архетипов национальной ментальности на формирование механизмов государственного управления НИС получила подтверждение. Нами обнаружено, что национальная ментальность условно делится на национальную культурную и экономическую ментальности, в рамках которых формируются архетипы, которые, соответственно, влияют на национальную культуру и экономику. Когда в национальной экономике большая доля инновационной продукции начинает преобладать в структуре ВВП, есть все основания утверждать о формировании инновационной экономики, а затем и экономики знаний. По своей природе эти типы экономик существенно влияют на кардинальные изменения условий и уровня жизни нации (особенно при воздействии глобализационных тенденций), что, безусловно, отразится и на формировании новых архетипов в национальной ментальности.

Предложенная классификация НИС, которая основывается на научных трудах и исследованиях М. Вебера, Г. Хофстеде и В.В. Липова, позволит определиться с перечнем НИС стран, сходное ментальными характеристиками (архетипами) для Украины.

Примечания: Б – буддисты, И – индуисты, Иуд. – иудеи, Д – даосисты, К – католики, Конф. – конфуцианцы, М – мусульмане, Прав. – православные, П – протестанты, С – синтоисты

Рис. 2 Классификация моделей национальных инновационных систем.

Изучение опыта этих стран будет чрезвычайно полезным для становления процессов эффективного государственного управления формированием и развитием украинской инновационной системы с учетом особенностей национального менталитета.

Рекомендации органам законодательной и исполнительной власти.

1. Сформировать систему мониторинга архетипов национальной и экономической ментальности с целью разработки эффективной стратегии государственного управления НИС.

2. Разработать стратегические и тактические меры по государственному управлению формированием и развитием национальной инновационной системы в Украине с учетом особенностей национального менталитета.

3. Разработать систему мер по поддержке архетипов национальной ментальности, которые влияют на развитие национальной инновационной системы в Украине.

4. Изучение опыта стран, схожих по ментальными характеристиками в Украине и которые имеют успешную практику относительно государственного управления формированием и развитием национальными инновационными системами.

Список литературы:

1. Теория культуры : учебное пособие / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. – СПб : Питер, 2008. – 592 с.
2. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М. : Вече, 2003. – 512 с.
3. Афонин Э.А. Универсальное и уникальное в процессах общественной трансформации / Э.А. Афонин, А.Ю. Мартынов // Публичное управление: теория и практика : сборник научных работ ассоциации докторов наук государственного управления. – Х. : Изд-во «ДокНаукДержУпр», 2010. – № 3–4. – С. 250–263.
4. Бондаренко О.В. Українська економічна ментальність: соціально-філософський аналіз : автореф. дис. ... д-ра філософ. наук [Электронный ресурс] / О.В. Бондаренко ; АПН України ; Ін-т вищ. освіти. – К., 2008. – 32 с. – Режим доступа: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis64r_81/cgiirbis_64.exe.
5. Бондаренко О.В. Українська національна економічна ментальність і «дух капіталізму» / О.В. Бондаренко // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії : збірник наукових праць / гол. ред. В.Г. Воронкова.– Запоріжжя: Вид-во ЗДІА, 2008. – Вип. 37. – С. 167–180.
6. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Часть 1. Домохозяйства современной России [Электронный ресурс] / под ред. Нуреева Р.М. – Изд. 2-е, испр. и дополн. – М. : МОНФ, 2003. – 319 с. – Режим доступа : <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/01/espr1.pdf>.
7. Этнопсихологический словарь / Г.Н. Волков [и др.] ; ред. В.Г. Крысько ; Академия педагогических и социальных наук ; Московский психолого- социальный ин-т. – М. : [б.и.], 1999. – 342 с.
8. Економіка знань та її перспективи для України : [наук. доп.] / [Гесць В.М., Александрова В.П., Бажал Ю.М., Данько М.С., Дем'яненко В.В.] ; Ін-т екон. прогнозування НАН України. – К., 2005. – 168 с.
9. Семиноженко В. Доктрина економіки знань (проект) [Электронный ресурс] / В. Семиноженко. – Режим доступа : http://www.semynozhenko.net/ufv/files/ec_znan.doc.
10. Латова Н.В. Восточнославянские страны на ментальной карте мира по Г. Хофстеду [Электронный ресурс] / Н.В. Латова, Ю.В. Латов // Наукові праці Донецького національного технічного університету. – Донецьк : ДонНТУ, 2010. – Вип. 38-1. – 230 с.
11. Hofstede Geert. Cultures and Organizations: Software of the Mind: Intercultural Cooperation and its Importance for Survival / Geert Hofstede. – New York : McGraw Hill, 1991.
12. Marcus Aaron and Emilie W. Gould. Crosscurrents: Cultural Dimensions and Global Web User-Interface Design / Marcus Aaron and Emilie W. Gould // Interactions / ACM Publisher. – July/August 2000. – Vol. 7 : No. 4. – P. 32–46.
13. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий / М. Вебер // Избранное. Образ общества. – М. : Юрист, 1994. – С. 43–77.
14. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранное. – М. : Прогресс, 1990. – С. 61–272.
15. Липов В.В. Религиозные ценности как фактор зависимости от предшествующего развития и формирования социально-экономических моделей [Электронный ресурс] / В.В. Липов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2005. – № 3 : Т. 3. – С. 57–73. – Режим доступа : <http://www.rsu.ru/evjur/data/2005/journal3.3.pdf>.
16. Лосский О.Н. Ценность и бытие. Бог и царство божие как основа ценностей / О.Н. Лосский // Бог и мировое зло. – М. : Республика, 1994. – С. 250–314.

ДОРОШЕНКО
Сергей,
DOROSHENKO
Sergii,

аспирант
Классического
приватного
университета,
г. Запорожье.

***Аннотация:** статья посвящена научному и практическому осмыслению государственно-частного партнёрства через призму архетипики в государственном управлении. Проанализирована взаимосвязь структурных элементов человеческой психики, скрытых в коллективном бессознательном, с возникновением и нынешним состоянием ГЧП, как одним из инструментов государственного управления.*

Ключевые слова: архетип, государственное управление, государственно-частное партнёрство, коллективное бессознательное, инстинкты, психика, общественные отношения, социально-экономическое развитие.

УДК 351.(477-25)

Сергей ДОРОШЕНКО

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЁРСТВО КАК СЛЕДСТВИЕ АРХЕТИПИКИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Постановка проблемы. Парадигма социально-экономических отношений в обществе порождает трудности в системе распределения благ созданных этим обществом. Современная цивилизация переживает глобальный системный кризис, и главными факторами в этом процессе являются универсальные первичные врожденные психические структуры, которые является сущностью коллективного бессознательного и составляет архетипику в теории управления как таковой [1].

Государство в любом случае – это форма организации людей, инстинктивно объединенных для решения общих проблем. Важные научно-практические задачи, что все больше возникают перед обществом любого государства, приводят к необходимости создания такого алгоритма государственного управления который бы позволял достигать синергетического эффекта от совместной деятельности общин и институтов различных форм собственности. Специфика таких форм социально-экономических отношений формируется с учетом того что человеком движут инстинкты, а также условные и безусловные рефлексы. В этом контексте инстинкт самосохранения предполагает поиск таких форм отношений при которых субъект получал бы максимальную выгоду при минимальных усилиях, а также то, что в современном обществе называется «уверенность в завтрашнем дне».

Актуальность темы. Актуальность данной темы исследования заключается в научно-практической новизне и возможностях применения такого гибкого инструмента государственного управления как государственно-частное партнерство. А учитывая то, что в Украине парадигма использования инструмента ГЧП на стадии формирования и адаптации к реалиям экономической системы нашего государства необходимость дальнейших исследований объективно возрастает. Более того, ввиду того что отказ от административно-адресной и переход на саморегулирующуюся систему экономики это вопрос не столько реформ сколько менталитета народа, и как следствие высшего управленческого корпуса, то поиск, а главное адаптация инструментов социально-экономического развития имеет первостепенное значение для всей системы государственного управления Украины. В защиту этого тезиса может стать вывод Венской комиссии о том, что Конституция Украины является одной из лучших в Европе, но выполнение ее положений является не удовлетворительным, что является следствием архетипики в социальных отношениях, кстати, не только Украины, но и большинства стран постсоветского пространства. Такое обобщение объясняется ментальной схожестью и культурной близостью народов современной Украины, России и Белоруссии.

Анализ последних исследований. Специфика темы данной статьи предусматривает, что анализ существующих исследований должен состоять из двух блоков. Во-первых интерес представляют исследования в области архетипики как таковой и архетипики госу-

дарственного управления, а во-вторых исследования в сфере государственно-частного партнерства и механизмов его реализации.

Рассматривая вопрос архетипа нельзя обойти фундаментальные положения которые определены Карлом Густавом Юнгом. Архетип в аналитической психологии, основанной Карлом Юнгом – универсальные начальные врожденные психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного, распознаваемые в нашем опыте и является, как правило, в образах и мотивах сновидений. Он отрицал идеи, согласно которым личность полностью определяется его опытом, обучением и воздействием окружения. Юнг считал, что каждый индивид появляется на свет с «целостным личностным эскизом, который потенциально представлен с самого рождения». И что «окружение вовсе не дает возможности личности им стать, а лишь выявляет то, что уже было в ней заложено», таким образом отказавшись от ряда положений психоанализа.

Вместе с тем Юнг выделял несколько уровней бессознательного – индивидуальное, семейное, групповое, национальное, расовое и коллективное бессознательное, которое включает в себя универсальные для всех времен и культур архетипы. Юнг считал, что существует определенная унаследованная структура психики, которая развивалась сотни тысяч лет, которая заставляет нас переживать и реализовывать наш жизненный опыт вполне определенным образом. И эта определенность выражена в том, что Юнг назвал архетипами, которые влияют на наши мысли, чувства, поступки. Таковы основные положения, которые дают ключ к пониманию научно-практических исследований и тенденций в области изучения архетипики, в том числе в государственном управлении.

К современным исследователям в области изучения архетипики можно отнести Илясофа Ф.Н., Бирича И.А., Маленко С.А., Афолина Э.А. и других. В последнее время особое внимание уделяется архетипики в государственном управлении, как практической области применения научно-теоретических исследований.

В свою очередь, существенный вклад в рассмотрение проблем ГЧП внесли такие ученые, как В.Варнаровский, М.Джеррад, Д.Дельмон, В.Еггерс, И.Запатрина, В.Лихачев, С.Осборн, К.Харрис [2, с.10]. Также важнейшие тенденции и противоречия становления и развития государственно-частного партнерства в различных странах мира основательно освещены в работах зарубежных и украинских ученых: М. Айрапетяна, А. Алпатова, Г. Бекетта, С. Варналия, В. Геца, А. Головинова, М. Готтре, М.А. Клименко, П. Кучман, Л. Леона, К. Павлюк, А. Рейда, П. Савранского, Л.Федулова, Ю. Фомичева, Ф. Харвич. В многочисленных законодательных актах, нормативно-правовых документах многих стран, программных и аналитических докладах ОЭСР, Европейской Комиссии раскрыты институциональные основы развития и регулирования ГЧП в современных условиях [3, с. 186].

Определение не решённых ранее задач. На данный момент к кругу нерешенных задач относятся вопросы эффективного применения ГЧП в Украине. Именно «эффективность» применения этого инструмента является определяющим показателем. Это связано в первую очередь с тем, что инструмент ГЧП как таковой практикуется во многих развитых странах мира, а Украина на современном этапе пытается приспособить существующие практики использования к современным реалиям на своей территории. Таким образом, сложилась ситуация когда отдельные элементы целостных системных подходов в ГЧП в других странах собраны в бессистемную целостность украинской модели. И определяющим фактором в этой проблеме является не учет архетипики при разработке инструментария использования ГЧП в Украине. Таким образом, рассмотрение темы архетипики в государственном управлении может помочь в решении многих существующих проблем.

Целью статьи является научное и практическое осмысление государственно-частного партнерства через призму архетипики в государственном управлении. Необходимо проанализировать взаимосвязь структурных элементов человеческой пси-

хихи, скрытых в коллективном бессознательном, с возникновением и современным состоянием ГЧП, как одним из инструментов государственного управления.

Изложение основного материала. Государственно-частные партнерства успешно внедряются практически во всех отраслях экономики и сферах общества. В рамках ГЧП реализуются проекты по строительству и содержанию школ, дорог, мостов, общественных мест, больниц, инфраструктуры водоснабжения, водоотведения и электроснабжения, аэропортов, общественного транспорта и всех других ключевых компонентов современной цивилизации. Для того чтобы создать среду, в которой потенциал ГЧП может быть полностью использован, важно, чтобы орган, который намерен начать партнерство, понимал истинные мотивы, побуждающие частные структуры к участию в реализации публичных проектов. Осознание сложности управления подобными проектами требует от органа власти надлежащей правовой и процедурной подготовки [4, с. 9].

Рассмотрение ГЧП во взаимосвязи с архетипикой государственного управления необходимо начинать с научно-практического осмысления движущих сил коллективного бессознательного и связанных с этим процессов как в обществе в целом и даже с элементами психики каждого человека в частности.

Любой процесс в системе имеет частотные характеристики, которые формируют логику поведения элементов в этой системе. Поведенческие реакции любой системы на воздействие внешней среды строятся на основе информационного обеспечения, свойственного каждой из них. Это положение справедливо по отношению и к живым организмам. В животном мире информационное обеспечение поведения наука называет, во-первых, инстинктами и безусловными рефлексам, обусловленные генетически для каждого из видов, и, во-вторых, условными рефлексам, в которых отражены индивидуальный опыт живого организма по адаптации к среде обитания, и который НЕ наследуется генетически при смене поколений.

Человек Разумный как биологический вид при таком подходе отличается от животного мира прежде всего тем, что благодаря устной речи, изобразительному искусству и письменности каждому входящему в жизнь поколению доступны для освоения не только опыт и жизненные навыки взрослых поколений живущих, но в той или иной степени – зафиксированные культурой опыт и жизненные навыки поколений, ушедших из жизни.

Информационное состояние общества – это состояние информационного обеспечения его поведения, обусловленное биологически и социально (культура) каждым новым поколением.

Жизнь общества – это процесс обновления его информационного состояния, протекающий и на уровне физиологии, и на уровне культуры общества, формируя определенную архетипику. На уровне социальной обусловленности идет процесс обновления прикладного теоретического знания и навыков, в результате которого новые технологии и управленческие решения вытесняют прежние решения того же назначения и в целом расширяется множество технологий и технических решений.

Если в первой четверти XX века через технологически неизменный мир проходили многие поколения, то в наши дни, наоборот, на жизнь одного поколения приходится несколько смен технологий, технических решений, теоретических знаний и практических навыков, необходимых как в быту, так и в профессиональной деятельности – возможности, определяющие поддержание достигнутого и дальнейшего роста социального статуса человека.

Это обстоятельство обуславливает качественные изменения в психологии людей, в морально-этической обоснованности и целеустремленности их деятельности, в избрании средств достижения ими целей; предопределяет качественные изменения того, что можно назвать логикой социального поведения: это – массовая статистика психологии личностей, выражающаяся в реальных фактах жизни [5].

В этом контексте логика социального поведения является прямым следствием изменения соотношения эталонных частот биологического и социального времени.

Под ее влиянием эволюционирует алгоритм человеческого поведения, что в свою очередь отражается на подходах и методах государственного управления системой и решении проблем и новых задач которые ставит перед обществом жизнь.

Объективное явление, которое названо здесь изменение соотношения эталонных частот биологического и социального времени – собственная характеристика глобальной биологически-социальной системы. Это информационный процесс, протекающий в иерархически организованной системе. Из теории колебаний и теории управления известно, что, если в иерархически организованной многоуровневой (разнокачественной) системе происходит изменение частотных характеристик процессов, являющих каждое из множества свойственных ей качеств, то система переходит в другой режим своего поведения. Это общее свойство иерархически организованных систем, обладающих множеством разнообразных качеств, к классу которых относятся как человеческое общество в целом, так и иерархически организованная психика каждого из людей.

Государственное управление на основе прежней логики социального поведения, обусловленной прежней статистикой распределения людей по типам строя психики, уже теряет устойчивость, т.е. предсказуемость, и порождает много неприятностей и социальных проблем.

Формирование логики социального поведения, отвечающей новому соотношению эталонных частот, протекает в наше время и каждый из нас в нем участвует и сознательно целеустремленно, и бессознательно на основе усвоенных в прошлом автоматизмов поведения.

Таким образом, весь инструментарий которым пользуется общество в конкретное время являются производными от структурных элементов человеческой психики, скрытых в коллективном бессознательном этого общества. Как следствие, возникновение механизма ГЧП является компромиссом между членами общества, его слоями и группами интересов.

Его появление обусловлено внутри-социальной борьбой каждого за возможность расширения спектра потребления. Согласно теории потребления Маслоу весь спектр потребления состоит из пяти базисных составляющим (пирамида Маслоу):

- физиологические потребности (потребности низшего уровня) являются необходимыми для выживания. Они включают потребности в еде, воде, защите, отдыхе;
- потребности в безопасности включают потребности в защите от физических и психологических опасностей со стороны окружающего мира и уверенность в том, что физиологические потребности будут удовлетворяться в будущем (покупка страхового полиса или поиск надежной работы с хорошими видами на пенсию);
- социальные потребности (потребности в принадлежности, дружбе, любви) включают чувство причастности к чему-либо или кому-либо, поддержки;
- потребности в уважении включают потребности в личных достижениях, компетентности, уважении со стороны окружающих, признании.
- потребности в самовыражении, самореализации – потребности в реализации своих потенциальных возможностей и росте как личности [6].

Маслоу считает, что психические (физиологические) потребности среднего гражданина удовлетворяются на 85 %, экзистенциальные – на 70, социальные – на 50, престижные – на 40, самовыражения – на 10 %. Статистика говорит, что только один-два процента людей стремится к вершине пирамиды Маслоу.

Механизм ГЧП обеспечивает решение первых двух ступеней – вопросы физиологии и безопасности, которые являются базисными. И если вопрос физиологии понятен, то вопросы безопасности требуют дополнительного пояснения. Так, безопасность заключается не только в прямом смысле ее понимания, как угроза жизни, но и что более значимо, в безопасности от проблем социально-экономического характера (износ материально-технической базы среды, потеря потенциальных возможностей экономического развития, экологические угрозы, энергетическая безопасность и

т.д.). Главное преимущество ГЧП – гибкость его применения, как и самого интеллект человека, и пригодность к решению системных проблем социально-экономического развития общества согласно логике социального поведения.

На протяжении второй половины XX века во многих странах, органы власти были вынуждены решать близкие по характеру фискальные проблемы. Развитие обществ и рынков неизбежно привело к росту спроса населения на общественные услуги, а, следовательно, к увеличению соответствующих бюджетных расходов. Долгое время органы власти удовлетворяли спрос населения с помощью традиционного инструментария, а именно увеличения объема бюджетных поступлений путем увеличения объемов или базы. Однако в конце прошлого века комплекс факторов – стремительный рост бюджетного дефицита, углубление глобализации, протесты общественности по росту налогов – лишил правительства возможности увеличивать поступления в соответствующие бюджеты. Такое препятствие стало толчком к поиску новых моделей финансирования общественных услуг и публичной инфраструктуры. В начале 1990-х годов стало очевидным, что государство не может использовать механизм приватизации для повышения эффективности использования или развития инфраструктуры, которая традиционно является монополией государства и с правовой и политической позиций не может быть передана в собственность бизнеса. Речь шла, прежде всего, о социальной инфраструктуре (больницы, школы, детские сады), стратегические объекты (авто-и железнодорожные магистрали, газо-и нефтепроводы), коммунальные объекты (водопроводы, теплоцентрали, местные дороги). Во многих странах мира сильную оппозицию по возможности приватизации этих объектов сформировали профсоюзы. Стоит вспомнить, что в некоторых странах, где были совершены прецеденты приватизации базовой инфраструктуры, например в регионе Южной Америки, неэффективная государственная монополия была заменена на более успешную частную монополию, стоимость услуг которой, кроме того, выросла [7, с. 52].

Ввиду того, что архетипика в государственном управлении порождает определенный инструментарий реализации государственной политики, ГЧП не должно быть чем-то костным и неизменным.

Исходя из исследования использования механизмов сотрудничества государственного и частного секторов в мировой практике, можно утверждать, что каждая страна использует свои инструменты и формы при внедрении системы ГЧП. В результате такой деятельности осуществляется не только использование финансовых и других ресурсов частных партнеров и сокращения бюджетных расходов, но и успешное управление при реализации проектов или программ ГЧП в различных сферах хозяйствования.

Инструмент ГЧП представляется в этом контексте гибкой идеей приспособленной к той или иной экономической системе. Именно поэтому этот инструмент используется во многих странах, но в каждой по-своему. Спектр его применения в разных странах тоже отличается. Но всех объединяет идея ГЧП, которая своей гибкостью применения позволяет приспособить ее к практически любой экономической системе. И эта гибкость в соответствии с архетипикой является определяющим фактором для внедрения ГЧП в любой стране. Доказательством этого служит пример Украины. Так, не прибегая к глубокому анализу специфики государственного управления, не говоря уже об архетипике, инструмент ГЧП был формализован в ЗУ «О государственно частном партнерстве» [8]. Как следствие он представляет собой диссонансными набор методов применения других стран и не соответствует реальному положению социально-экономической системы Украины. Такое положение дел при внедрении ГЧП присуще многим развивающимся странам. Так, в Украине, для получения качественных результатов от использования ГЧП в государственном управлении, научно-практический подход к его формированию должен основываться с учетом архетипов украинского общества.

Дальнейшее изучение и использование мирового опыта эффективного взаимодействия государства и бизнеса будет способствовать успешному применению принципов, форм и механизмов ГЧП в Украине как на национальном, так и на региональном и местном уровнях.

Учитывая изложенное, парадигма использования ГЧП должна обеспечивать следующие основные тенденции:

1. преимущественное использование ГЧП в сферах традиционной государственной ответственности объектах общего пользования (общественный транспорт, коммунальная инфраструктура, социальная инфраструктура, объекты культуры, исторические памятники и т.д.) и в общественных услугах;

2. открытый, прозрачный диалог между государством, обществом и бизнесом: государство и община определяет, какие именно общественные услуги и инфраструктура являются приоритетными, а частные инвесторы, формирующие соответствующие предложения, должны максимально соответствовать требованиям государства и общин;

3. рост инвестиций в проекты ГЧП в период экономического кризиса (как фактора безопасности) с целью консолидации усилий государства и бизнеса в направлении преодоления ее негативных последствий и обеспечения посткризисного развития;

4. государственное стимулирование частных инвестиций путем предоставления экономических льгот и гарантий представителям бизнеса, реализующим общественно важные проекты ГЧП.

При этом важнейшими особенностями механизмов обеспечения государственно-частного партнерства являются:

— продолжительность отношений между органами государственной власти, местного самоуправления и частными партнерами, сохранение государственной и коммунальной формы собственности на объекты ГЧП с одновременным внедрением механизмов управления инфраструктурой частными партнерами;

— открытость и прозрачность деятельности органов государственной и местной власти относительно определения частных партнеров;

— обеспечение предоставления качественных и удешевлённых услуг как показатель результативности и эффективности государственно-частного партнерства;

— сочетание ресурсов финансово-кредитных учреждений под гарантии органов государственной и местной власти;

— распределение рисков, определение обязательств и ответственности в договоре государственно-частного партнерства;

— защита интересов и удовлетворение потребностей общества, контроль за качеством предоставления услуг частными партнерами, обсуждение и мониторинг проектов с участием общественных организаций.

Выводы. Таким образом, проведенное научно-практическое осмысление ГЧП через призму архетипики в государственном управлении дало возможность проанализировать взаимосвязь структурных элементов человеческой психики, скрытых в коллективном бессознательном, с возникновением и современным состоянием ГЧП как одним из инструментов государственного управления.

Становится очевидным, что для эффективного применения ГЧП в Украине, существующие теоретико-методологические основы и нормативно-правовые акты должны претерпеть определенные изменения. Прежде всего необходимо откорректировать методологию и практику применения ГЧП учитывая архетип украинского общества, а следующим шагом должна стать полная интеграция механизма ГЧП в систему государственного управления в Украине.

И, наконец, показаны основные тенденции и особенности внедрения механизма ГЧП в случае, если парадигма принятия решений в системе государственного управления будет приведена в соответствие с реально существующей архетипикой.

Рекомендации органам законодательной и исполнительной власти. Анализ возникновения и научно-практического применения государственно-частного партнерства позволяет определить следующие основные рекомендации для органов законодательной и исполнительной власти:

1. формирование институциональной среды, в частности нормативно-правового и методического обеспечения развития ГЧП, согласованного с мировой практикой;
2. введение новых современных моделей ГЧП на основе изучения и реализации опыта развитых стран;
3. адаптация широко используемых в мире механизмов ГЧП в условиях Украины;
4. создание центров поддержки пилотных проектов ГЧП, реализация пилотных проектов, их мониторинг и распространение передового опыта;
5. информационное обеспечение развития ГЧП, распространение передового опыта, внедрения соответствующих учебных дисциплин;
6. стимулирование частных инвесторов к реализации инфраструктурных проектов путем совершенствования бюджетной поддержки и налогового законодательства;
7. преодоление коррупции, разработка и внедрение эффективной системы мотивации и контроля в органах, ответственных за реализацию ГЧП со стороны государства.

Реализация указанных приоритетных задач позволит наладить эффективное сотрудничество между всеми членами общества как носителями коллективного бес-сознательного и привлечь финансовые ресурсы иностранного частного сектора с целью реализации общественно важных проектов ГЧП в Украине.

Список литературы:

1. Архетип (психологія) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : www.ru.wikipedia.org.
2. Варнавский В.Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски / В.Г. Варнавский ; РАН ; Институт мировой экономики и международных отношений. – М. : Наука, 2005.
3. Аналіз світового досвіду розвитку державно-приватного партнерства та проблеми його застосування в Україні / під ред. А.В. Мостепанюка. – К. : Бізнес-інформ, 2012.
4. Винницький Б. Досвід та перспективи впровадження державно-приватних партнерств в Україні та за кордоном / Винницький Б., Лендъел М., Онищук Б., Сегварі П. – К. : К.І.С., 2008
5. Краткий курс [Електронний ресурс]. – Режим доступу : www.kob.su.
6. Пирамида Маслоу [Електронний ресурс]. – Режим доступу : www.ru.wikipedia.org.
7. Harvey B. Shrinking the State: The Political Underpinnings of Privatization / Harvey B. Feigenbaum, Jeffrey R. Henig, Chris Hamnett.
8. Про державно-приватне партнерство : Закон України : № 2404–VI.

Валентина ЄВДОКИМОВА

**МИРОВОЙ ОПЫТ МОДЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ КАК АРХЕТИПНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УКРАИНЕ**

**ЄВДОКИМОВА
Валентина,
IEVDOKYMOVA
Valentya,**

*главный специалист
управления труда и
социальной защиты
населения Печерской
районной в городе
Киеве государственной
администрации, г. Киев.*

***Аннотация:** в
статье сравниваются
архетипные подходы к
становлению системы
государственного
управления передовых
стран мира и системы
государственного
управления Украины,
а также сделана
попытка обоснования
необходимости
сохранения научных
кадров в процессе
совершенствования
как механизмов
государственного
управления в целом,
так и предоставления
административных
услуг в частности.*

***Ключевые слова:**
лидерство, развитие,
государственное
управление,
государственная
служба, образование,
научный потенциал,
административные
услуги, европейские
стандарты.*

УДК 354

Постановка проблемы. Если рассмотреть мировой опыт моделей государственного управления передовых стран мира как образец для подражания, а соответственно, развитие передовых стран — как свидетельство правильности выбранного направления развития, значительную актуальность приобретает осмысление архетипных аспектов эволюции и особенностей развития передовых стран мира для совершенствования механизмов государственного управления, в частности предоставления административных услуг в Украине.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемы государственного управления в разные времена рассматривались такими выдающимися учеными, как Платон, Аристотель, Цицерон, Конфуций, Спиноза, Макиавелли, Гоббс, Монтескье, Ж-Ж. Руссо и др. М. Вебер стал автором концепции рациональной бюрократии, которая является значительным достижением в развитии теории государственной службы. Отечественные исследования проблем государственного управления отражены в трудах современных ученых, таких как Э. Афонин, М. Белинская, В. Бодров, В. Князев, С. Мосов, Н. Нижник, М. Пирен, С. Попов, Ю. Сурмин, С. Серегин и др., которые, пользуясь термином «государственный менеджмент» или нет, подчеркивают необходимость общих тенденций человекоцентрической ориентации систем государственного менеджмента на обеспечение потребностей конкретного гражданина, которая является определяющим принципом демократии.

Изложение основного материала. Государственное управление — это деятельность государства, направленная на создание условий для наиболее полной реализации функций государства, основных прав и свобод граждан, согласования различных групп интересов в обществе и между государством и обществом. Ключевыми понятиями для государственного управления являются государство и государственная власть, поскольку государственное управление является способом функционирования и реализации государственной власти с целью становления и развития государства [8].

Поскольку государственная служба фактически олицетворяет государство и государственную власть, институт государственной службы занимает одно из центральных мест в государственном управлении. Государственная служба олицетворяет государственный порядок и управленческие структуры государства. Учитывая это, общественное мнение относительно эффективности и результативности выполнения государством своих функций в значительной степени формируется в зависимости от того, какой представляется государственная служба во взаимодействии с населением. Принципы, правовые и организационные основы государственной службы, условия и порядок реализации гражданами Украины права на государственную службу определяются в Законе Украины от 17.11.2011 № 4050-VI «О государственной службе», который должен вступить в действие [3].

Особенностью института государственной службы является то, что благодаря ей обеспечивается выполнение возложенных на органы государственной власти функций. Если рассматривать государственную службу в современном понимании как профессиональную деятельность по обеспечению выполнения функций и полномочий государства, то ее истоками являются социальные условия ее формирования и развития. Проблемой реализации Украиной европейской интеграции является невозможность европеизации государственной службы в целом, а также в части предоставления административных услуг без внедрения в нее европейских стандартов.

Глобализационные процессы неизбежно приведут к расширению инфраструктуры взаимодействия с миром, и Украине важно как вовремя присоединиться к этим процессам, так и удержать позиции в будущем, особенно в нынешних условиях.

Поскольку ориентация на научные знания, полученные из другой ментальной и национальной среды, не смогут в полной мере способствовать решению экономических, политических и социальных проблем Украины, целью данной работы является обоснование необходимости сохранения отечественных научных кадров в процессе совершенствования механизмов государственного управления и предоставление конкретных предложений по сближению и вхождения Украины в европейское административное пространство в контексте предоставления административных услуг.

Признаком процессов глобальной трансформации и усиления действия факторов глобальной интеграции является реализация современной концепции развития цивилизации, которая предусматривает единый перечень требований к институтам государства, являющихся главными закономерностями мирового развития [9; 10].

Одним из новых факторов глобальной интеграции и источников экономического роста Украины может стать экспортная сфера услуг, удовлетворяющая глобальный спрос на интеллектуальный / информационный продукт [4].

Анализ архетипов зарубежного опыта государственного управления дает возможность определить, какие из концепций развития государственной службы зарубежных стран могут быть адаптированы к украинским реалиям.

В развитых странах Запада в течение длительного исторического периода постепенно вводились важные изменения в административно-государственном аппарате управления за счет систематического разделения труда сверху вниз. Централизованная перестройка государственной службы вызвала, с одной стороны, увеличение численности чиновничества, с другой – изменение его качественного состава.

Одной из характерных черт централизации государственного управления было расширение состава «канцелярии» (франц. – *bureau*). Отсюда и термины «бюрократия», «бюрократизация». Постепенно вводилась иерархия чинов в зависимости от личной выслуги и знаний человека, его профессиональной квалификации. Введение постоянного денежного жалования для всех категорий чиновников усиливало их зависимость от государственной власти. В Западной Европе процесс бюрократизации начался в XV–XVI веках [5], в Америке – в XVIII веке. Процесс формирования национальных бюрократических структур в большинстве стран Запада закончился примерно одинаково – во второй половине XIX века.

Среди показательных можно выделить французскую модель государственной гражданской службы, которая формируется в период французской революции при Наполеоне I. Тогда провозглашаются открытость государственной службы и служение общественным интересам, создается система конкурсного отбора служащих, создаются специальные учебные заведения для подготовки государственных служащих. В то же время преобладает тенденция к усилению служебной централизации, дисциплине, к кастовости служащих.

В США в 60-х годах XIX века на федеральном уровне практически отсутствовала профессиональная бюрократия в европейском понимании. Большое распространение получила введенная в 1829 году президентом Э. Джексоном «*victor's spoils system*», согласно которой должности получали представители победившей партии. Большую популярность в конце XIX – начале XX века получила концепция о необ-

ходимости введения в США «рациональной» модели государственной службы европейского образца.

В 1883 г. в США был принят закон Пендлтона, получивший название «Закон о гражданской службе». Принятие этого документа положило начало законодательному оформлению современного института гражданской службы (civil service). Закон Пендлтона предусматривает проведение открытых конкурсных экзаменов для претендентов на государственные должности и сохраняет силу в США до настоящего времени.

В 1887 г. профессор Вудро Вильсон – будущий президент США – положил начало теоретической разработке вопросов административно-государственного управления в своей работе «Изучение администрирования». Вильсон подчеркнул, что «наука администрирования будет искать способы улучшения деятельности правительства, сделает его работу менее трудоемкой, приведет в порядок организацию управления». Вильсон считал, что смена политического руководства не должна влиять на деятельность постоянного административного аппарата. Таким образом, задачей государственной администрации провозглашалось оперативное и компетентное воплощение в жизнь решений любой группы политических лидеров – «избранных нации».

В вопросах реформирования государственной службы, а именно разграничения политической как направления выработки государственной политики и административной как предоставления административных услуг, все большее значение приобретает совершенствование предоставления административных услуг в Украине.

По данным государственной службы статистики в 2011 году общее количество занятого населения в отраслях экономики Украины в возрасте 15—70 лет составляла 20247,7 тыс. человек, из них государственных служащих – 232979 человек, что составляет около 1,15 % от общего количества занятого населения.

Необходимость осуществления экономических и социальных преобразований, достижение экономического роста и предоставление государством гражданам управленческих услуг на высоком уровне закономерны, мотивированы в процессе продвижения в направлении европейской интеграции и раскрыты в Стратегии реформирования государственной службы в Украине [12]. Там говорится, что лица, имеющие право занимать административные должности в системе государственного управления, должны сохранять институциональную память во время политических изменений, организационный опыт, обеспечивать бесперебойную работу органов государственной власти в соответствии с законодательством. Смена руководителей и подчинения органов государственной власти не могут быть основанием для освобождения от должностей государственных служащих, занимающих административные должности в органах государственной власти. В таких условиях немалое значение в системе государственного управления приобретает уровень образования лиц, которые являются государственными служащими.

Однако проведенное исследование (см. табл.1) [6; 7] указывает на тенденцию к снижению востребованности научного знания в системе государственного управления Украины, что может свидетельствовать о постепенной деградации общества.

Здесь уместно было бы обратиться к архетипным аспектам опыта передовых стран мира, а именно – Японии, которая в середине XX века особое внимание уделила повышению уровня образования управленческих кадров, поскольку считалось, что в будущем экономический рост может быть ограничен не рыночными условиями, а недостатком талантливых управленцев [11]. С этой целью системой управления Японии всячески поощрялось и положительно воспринималось приобретение государственными служащими соответствующих знаний.

Особое внимание в системе управления Японии уделялось перспективному видению, честности, широте взглядов и рациональному анализу, поддержанию стремления государственных служащих к занятию должностей в надежде, что в долгосрочной перспективе они станут успешными и изменят саму культуру государственного управления.

Общие тенденции востребованности научного знания
в государственном управлении Украины

	на 31.12.2010 г.		на 31.12.2011 г.	
	чел	% к общ. количеству	чел	% к общ. количеству
всего руководителей госслужащих	71100	100	69750	100
из них имеют научную степень	1260	1,77	1149	1,65
из них доктора наук	161	0,23	128	0,18
из них имеют ученое звание	344	0,48	290	0,42
из них профессора	99	0,14	68	0,01
всего специалистов госслужащих	166814	100	163229	100
из них имеют научную степень	579	0,35	585	0,36
из них доктора наук	28	0,02	23	0,01
из них имеют ученое звание	82	0,05	69	0,04
из них профессора	10	0,06	9	0,005

В Украине согласно Конституции [1] полномочия органов исполнительной власти и органов местного самоуправления могут определяться только законами, поэтому вопрос предоставления ими административных услуг должен регулироваться на законодательном уровне с применением единого подхода.

Отсутствие правового разграничения функций и властных полномочий, осуществление которых является непосредственной обязанностью органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, в частности связанных с предоставлением ими платных услуг, была одной из причин, влияющих на коммерциализацию их деятельности. Несовершенство и несогласованность законодательных актов различной юридической силы и непрерывное введение новых платных услуг приводили к росту коррупции в соответствующей сфере государственного управления и неоправданному взысканию средств с физических и юридических лиц.

Правовая неопределенность в области предоставления услуг создавала ряд недостатков в работе органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, а также в работе предприятий, учреждений и организаций, относящихся к сфере их управления. Принятие Закона Украины «Об административных услугах» призвано способствовать становлению, благоустройству и дальнейшему развитию системы предоставления административных услуг на четко определенных правовых основах и позволит удовлетворить запросы потребителей административных услуг, обеспечит защиту их прав и интересов, гарантированных законом.

Закон Украины от 06.09.2012 № 5203-VI «Об административных услугах» [2] определяет правовые основы реализации прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц в сфере предоставления административных услуг.

Административная услуга этим законом определяется как результат осуществления властных полномочий субъектом предоставления административных услуг по заявлению физического или юридического лица, направленный на установление, изменение или прекращение прав и / или обязанностей такого лица в соответствии с законом.

Субъект обращения – физическое или юридическое лицо, которое обращается за получением административных услуг.

Субъект предоставления административной услуги – орган исполнительной власти, другой государственный орган, орган власти Автономной Республики Крым, орган местного самоуправления, их должностные лица, уполномоченные в соответствии с законом оказывать административные услуги.

Согласно части третьей статьи 16 Закона Украины «Об административных услугах» Кабинетом Министров Украины Постановлением от 30 января 2013 № 57 утверждён Порядок ведения Реестра административных услуг, где определён механизм ведения Реестра административных услуг как единой информационной компьютерной базы данных об административных услугах, предоставляемых в соответствии с законом субъектами предоставления административных услуг.

Статья 14 Закона Украины «Об административных услугах» определяет организационное обеспечение предоставления административных услуг путем:

1) обеспечения бесплатного автоматизированного удаленного доступа администраторов в режиме реального времени к информации в информационных системах субъектов предоставления административных услуг, предприятий, учреждений, организаций, которые принадлежат к сфере их управления, в которых содержится информация, необходимая для предоставления административных услуг, если иное не предусмотрено законом;

2) предоставления на основании запросов администраторов информации, необходимой для выполнения возложенных на них задач;

3) обеспечения предоставления административных услуг субъектам обращений в сроки, установленные законом, на основании соответствующих документов, полученных от администраторов.

В соответствии со статьей 18 финансовое и иное обеспечение деятельности системы государственных органов, органов власти Автономной Республики Крым, органов местного самоуправления по предоставлению административных услуг осуществляется за счет Государственного бюджета Украины и соответствующих местных бюджетов.

Статья 17 предусматривает с 1 января 2014 года:

— возможность получения субъектами обращения информации о ходе рассмотрения их заявлений;

— возможность получения субъектами обращения с помощью средств телекоммуникационной связи результатов предоставления административных услуг;

— возможность осуществления субъектами обращения оплаты за предоставление государственной услуги дистанционно, в электронной форме.

Поэтому было бы уместно обратить внимание на государственном уровне на исходную позицию предоставления административных услуг, а именно, оснащение рабочих мест субъектов предоставления административных услуг, что автоматически на порядок повысит качество предоставления административных услуг.

Если рассмотреть предоставление административных услуг в Украине с позиций архетипов настоящей жемчужины китайской мудрости «Дао-Дэ цзин» – «Осуществление Великого начинается с малого», можно отметить насущную необходимость надлежащего обеспечения материально-технической составляющей выполнения Закона «Об административных услугах».

Выводы

1. В данном исследовании предпринята попытка обоснования необходимости сохранения отечественных научных кадров в процессе совершенствования механизмов государственного управления, что позволит более творческого подхода к выполнению должностных обязанностей, а также возможность систематизации и анализа как выполняемых задач, так и своей трудовой деятельности в целом.

Учитывая, что движущей силой научного подхода к выполняемым заданиям являются факторы, которые проявляются в качестве выполнения возложенных на должностное лицо обязанностей и наличие творческого подхода к полномочиям, с целью прекращения «вымывания» научного потенциала из государственного управления, учитывая проведенное научное исследование и опыт передовых стран мира, существует необходимость закрепления на законодательном уровне роли моральных и материальных мотивационных факторов для совершенствования уровня образования государственных служащих, а именно, раздел VI статьи 46 Закона Украины от

17.11.2011 № 4050-VI «О государственной службе», который должен вступить в действие, следует дополнить пунктом: «государственным служащим, которые имеют научную степень кандидата или доктора наук, устанавливается ежемесячная надбавка в размере соответственно 100 и 150 процентов должностного оклада».

2. Одной из первоочередных задач Украины в продвижении к приведению системы государственного управления в соответствие с европейскими стандартами определяется разграничение политических и административных должностей. Политическая составляющая в системе государственного управления должна устанавливать стратегические направления развития общества, а административная по части предоставления административных услуг обеспечивать тактическую реализацию и внедрение намеченной стратегии; профессиональное, надежное, политико-нейтральное, беспристрастное осуществление задач государства и способность эффективно действовать в условиях политических изменений. Поскольку выполнение поставленных задач требует адекватного и соответствующего требованиям времени оснащения рабочих мест субъектов предоставления административных услуг, необходимо законодательно закрепить это требование, а именно, пункт 1 статьи 18 Закона Украины от 06.09.2012 № 5203-VI «Об административных услугах» изложить так: «Финансовое, (дополнить: современное материально-техническое обустройство рабочих мест субъектов предоставления административных услуг) и другое обеспечение деятельности системы государственных органов, органов власти Автономной Республики Крым, органов местного самоуправления по предоставлению административных услуг осуществляется за счет Государственного бюджета Украины, соответствующих местных бюджетов».

Список литературы:

1. Конституція України : прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року / Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
2. Про адміністративні послуги : Закон України : від 06.09.2012 р., № 5203-VI // Урядовий кур'єр. – 2012. – № 184.
3. Про державну службу : Закон України : від 17.11.2011 р., № 4050-VI // Урядовий кур'єр. – 2012. – № 8.
4. Афонін Е.А. Експортоорієнтована сфера послуг – новий вектор економічного зростання України / Е.А. Афонін, С.Л. Благодетелева-Вовк // Український соціум. – 2012. – № 4 (43). – С. 141–160.
5. Василенко И.А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия : учебное пособие / И.А. Василенко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Изд. корп. «Логос». – 2001. – 200 с.
6. Державна служба статистики України. Кількість державних службовців та посадових осіб місцевого самоврядування на 31 грудня 2011 року // Статистичний бюлетень. – Київ, 2012. – 35 с.
7. Державний комітет статистики України. Кількість державних службовців та посадових осіб місцевого самоврядування на 31 грудня 2010 року // Статистичний бюлетень. – Київ, 2011. – 45 с.
8. Енциклопедія державного управління : у 8 т. : Т. 1. Теорія державного управління / наук.-ред. колегія : В.М. Князев (співголова), І.В. Розпутенко (співголова) та ін. – 2011. – С. 157.
9. Оболенський О.Ю. Державна служба : навчальний посібник / О.Ю. Оболенський. – К. : КНЕУ, 2003. – 344 с.
10. Пірен М.І. Конфліктологія : підручник / М.І. Пірен. – К. : МАУП, 2003. – 360 с.
11. Райт Г. Державне управління / Г. Райт ; пер. з англ. В. Івашка та ін. – К. : Основи, 1994. – 109 с.
12. Стратегія реформування системи державної служби в Україні // Офіційний вісник України. – 2000. – № 16. – С. 63. – Ст. 665.

Татьяна НОВАЧЕНКО

ЛЮДИНОЦЕНТРИЗМ ЯК ПРИНЦИП І ПРІОРИТЕТ ДЕРЖАВНОГО УПРАВЛІННЯ В УКРАЇНІ

Постановка проблеми. Переходный этап развития современного украинского общества обуславливает потребность в профессионалах с высоким уровнем компетентности в любых сферах жизнедеятельности, особенно в области государственного управления. Соблюдение императива ценности человека важно не только в налаживании взаимодействия органов власти с общественностью, но и в кадровой политике, осуществляемой в контексте реформирования властно-управленческих институтов. Кадровая ситуация требует качественного обновления подготовки молодых руководителей, которые осознают необходимость осуществления общественных реформ, отвечающих современным требованиям и европейским стандартам. Однако для того чтобы быть проводниками реформ, начинающие руководители должны иметь соответствующую поддержку. Речь идет об институте наставничества для молодых руководителей – создании условий для их развития, обеспечения возможностей обмениваться опытом и повышать свою квалификацию в соответствии с требованиями времени. Таким образом, определяются новые факторы становления их авторитета.

Анализ последних исследований и публикаций дает основания утверждать, что к проблеме наставничества как в теоретическом, так и в практическом плане было обращено внимание ученых во все времена. Теория наставничества зарождается в эпоху античности (Сократ, Платон, Аристотель, Сенека) и Средних веков (Винсент из Бове, П. Абеляр, Ф. Аквинский, Эразм Роттердамский, Н. Макиавелли). Наиболее активно проблема наставничества, воспитания и учительства развивалась в теории педагогической науки, как зарубежной, так и отечественной (митрополит Илларион, В. Мономах, Ж.Ж. Руссо, И. Песталоцци, Я. Коменский, К. Ставровецкий, К.Д. Ушинский В.А. Сухомлинский, В.С. Макаренко, Н. Гаврилов и др.). Исследование проблемы самоактуализации личности (А. Маслоу, К.Г. Юнг) обуславливает ее корреляцию с феноменом наставничества. В настоящее время система наставничества активно исследуется зарубежными учеными, в основном в бизнесе (менторство и коучинг). Ученые описывают этапы становления и развития наставничества, его преимущества, недостатки и трудности (Джой-Меттьюз, Д. Меггинсон, Г. Сюрте, Д. Дюбуа, Д. Клаттербак, Э. Парслоу, Е. Стокдейл, Л. Тилман и др.).

Определение ранее не решенных задач общей проблемы. Феномен наставничества интегрирован в различные сферы человеческой деятельности, но является одной из наименее исследованных проблем взаимоотношений руководителя и подопечного. Исследование этого аспекта в украинской научной мысли наблюдается в основном в педагогике. Однако существующие формы взаимодействия между старшим и младшим поколением требуют исследования и внедрения инструментария наставничества в практику государственного управления как метода подготовки молодых руководителей к решению задач в многовариантной управленческой деятельности.

Цель статьи – исследование архетипных основ феномена наставничества, определение его роли в формировании авторитета молодого руководителя.

НОВАЧЕНКО
Татьяна,
NOVACHENKO
Tetyana,

кандидат педагогических наук, доцент, докторант кафедры государственной политики и управления политическими процессами Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Киев.

Аннотация: в статье обосновывается архетипная природа наставничества. Руководитель-наставник – это доверенное лицо, друг, фасилитатор, партнер, вдохновитель, учитель, компетентная, уверенная, личность, сила которой аккумулируется в архетипе Самость. Реальный пример авторитетного руководителя-наставника корректирует и укрепляет ценностно-мотивационную сферу молодого управленца. Наставничество представляется значительным фактором формирования авторитета молодого руководителя.

Ключевые слова: наставник, молодой руководитель, авторитет, архетипы.

УДК 35.01; 159.964

Изложение основного материала. Наставничество как процесс передачи опыта и знаний от старших к младшим членов общества и форма взаимоотношений между учителем и учеником существовало уже в первобытном обществе под видом обряда инициации (от лат. *initiatio* – начало, посвящение). Этот обряд был распространен в первобытных обществах народов мира, а его суть заключается в переводе молодежи в ранг взрослости. Инициация имела целью подготовку подрастающего поколения к общественной, производственной, брачной и духовной жизни. Подготовкой к этому обряду занимались специальные наставники, которые обучали молодых людей определенным ритуальным правилам и умениям [10, с. 162].

Понятие «наставник» (анг. «mentor») впервые было употреблено в древнегреческой мифологии. Оно приписывалось Ментору – мудрому советнику, пользовавшемуся не только доверием Одиссея, который на время своего длительного отсутствия поручил ему воспитание сына, а и общественности. Исторические записи свидетельствуют о том, что культура, ценности и навыки приобретались именно через наставничество. С течением времени теория наставничества приобрела огласку и положительную репутацию. Поэтому, кроме мифов, идея наставничества укореняется и ведет свой отсчет с античности. Древние философы пытались определить основные задачи в деятельности наставника и соотносили ее с обучением и воспитанием [2]. Известно, что беседы Сократа как метод философствования майевтика (греч. *maieutike* – «повивальное искусство») базировался на том, что диалектический спор подводит к истине с помощью продуманных наставником вопросов. Это влекло за собой открытие потенциала ученика, что помогало «самозарождению» истины в его сознании. Важно, что в поисках истины наставник и ученик, находясь в равном положении, руководствовались тезисом «я знаю только то, что ничего не знаю». Платон отмечал, что осуществлять воспитание способен, в первую очередь, наставник почтенного возраста, который должен обеспечить постепенное восхождение ученика к миру идей [2]. Примером этого является известный факт, что Аристотель был наставником Александра Македонского.

Таким образом, основным инструментарием наставничества были собственный жизненный пример и образцовое моральное поведение, однако главной задачей наставника является пробуждение мощных душевных сил ученика. Поэтому быть наставником в древних обществах – большая честь и ответственность. Значимость роли наставничества подкрепляется традицией христианства. Так, вечные основы наставничества в своем подвиге и учении предоставил Иисус Христос. В Священном Писании приведены примеры раннехристианского обучения и воспитания, что проявляется в отношениях Христа и его учеников-апостолов, которые не были ограничены в общении со своим наставником. Христос наставлял Апостолов и других верующих в отношении того, как необходимо вести земную жизнь, чтобы попасть в Царство Божие. Позже эту роль взяли на себя священники, которые стали «духовными наставниками» прихожан. Таким образом, идея наставничества как метода обучения и воспитания взрослых впервые реализовалась в христианстве.

Винсент из Бове видел особую ценность в хорошем примере, который может предоставить мудрый, зрелый учитель своим ученикам. От наставника требуются пять качеств: талантливый ум, честная жизнь, смирение знаний, природные ораторские способности и опыт [1, с. 113]. К укоренению наставничества в ремесленных специальностях привело развитие средневекового города, где этот феномен был воплощен в форме отношений «мастер – ученик». Наставник принимал способного ученика и раскрывал ему все тайны своего искусства. Практика наставничества продолжилась и в эпоху Возрождения; в частности, в Италии авторитетом пользовались педагоги, которые пытались гармонично воспитывать своих подопечных. Традиционно такой подход наблюдается в воспитании будущих правителей. К примеру, гуманист Гуарино из Вероны преподавал во Флоренции, Венеции и родной Вероне и всегда был образцом для подражания. Так, в 1429 г. он был приглашен воспитателем к наследнику феррарского престола Леонелло Дьесте. Особой заслугой Гуарино в деле обучения и

воспитания было то, что он заложил основы практического применения знаний наставника, что выводит этот феномен за рамки теории.

В произведении «Воспитание Христианского государя» Эразм Роттердамский подробно рассматривает целый ряд вопросов, связанных с духовно-нравственным наставничеством правителя, а также с общественной значимостью этого дела. Существенная часть произведения посвящена размышлениям о месте и роли в воспитании самого наставника. «Кто бы ни взял на себя задачу быть наставником государя, то пусть подумает и о том, что ему предстоит чрезвычайно важное, но и чрезвычайно опасное дело... Подумай, наставник, в какой степени ты обязан отечеству, которое доверило тебе все свое благополучие» [12, с. 17]. В произведении Н. Макиавелли «Государь» и Мартина Лютера «О светской власти, и в какой мере ей следует подчиняться» определяется роль наставника в воспитании идеального правителя [7; 6]. Ж.-Ж. Руссо считал, что главное и самое сложное искусство наставника – уметь ничего не делать со своим подопечным, полагая, что на него влияют три фактора: природа, люди и общество. Каждый из этих факторов выполняет свою роль: природа развивает способности и чувства; люди учат, как ими пользоваться, общество увеличивает опыт, что вместе обеспечивает естественное развитие ученика. Следовательно, задача наставника – привести в гармонию действие этих сил.

Древнейшим отечественным литературным памятником, в котором поднимаются вопросы наставничества, является философско-педагогический трактат морально-патриотического направления «Слово о законе и благодати», написанный киевским митрополитом Илларионом между 1037 и 1050 гг. В средневековой Европе «Поучение детям» Владимира Мономаха (1096 или 1117 г.), стало первым произведением, написанным светским лицом. В нем, также впервые, была обоснована необходимость перехода от религиозно-аскетического воспитания в наставничестве, что связывалось с практическими потребностями человека. Мономах считал, что основой всех успехов человека являются труд и личный пример наставника. Институт наставничества был развит и в Запорожской Сечи, где он основывался на народно-христианских принципах дружбы, любви, взаимоуважения и демократизма. Последовательность и системность этого процесса достигались благодаря заботе опытных казаков, их товарищеской поддержке молодых рыцарей. Таким образом, начиная с античности, большое внимание уделяется роли наставника в подготовке молодого поколения к той или иной деятельности. Так, наставничество внедряется и в управленческую сферу, а в становлении и развитии будущего правителя особую роль играет личность наставника.

В последней трети XX века в США актуализируется роль наставника как спонсора и защитника карьерного роста младшего партнера, которым наставник занимался. Поэтому благодаря такому подходу младшего партнера процесса часто называли протезе (с фр. *protégé*), то есть лицом, которое должно быть защищено. В Европе концепция наставничества воплощается в практику без передачи накопленных знаний и опыта наставника, а лишь создает фундамент, на котором подопечный должен выстраивать собственный багаж теории и практики.

В 30-е годы прошлого века в СССР также применяется такой метод обучения, как наставничество. По всей стране опытные работники брали под патронаж молодых рабочих с целью научить их своим методам труда. Смыслом такого движения было то, что обучение проходило непосредственно на рабочем месте. В дальнейшем наставническое движение сосредоточилось в системе профессионально-технического образования и производственного обучения, где предусматривается уже не только обучение специальности, но моральное и культурное воспитание молодого рабочего. Согласно вышеизложенному, актуализируется одно из определений понятия «наставничество» – это «форма профессиональной подготовки и целенаправленного воспитания высококвалифицированных рабочих, осуществляемая рабочими-наставниками. Наставник наряду с обучением профессии вводит молодого рабочего в сферу социально-психологических отношений, через которые происходит реализация профессиональной роли работника» [4, с. 227].

Актуальны размышления о проблемах наставничества К.Д. Ушинского. Ученый отмечал важность сотрудничества наставника и подопечного, а также необходимость непрерывного самосовершенствования личности учителя. Л. Тилман называет наставничество «учебным партнерством между двумя или более лицами, которые имеют желание делиться опытом или развивать совместный интерес» [15, с. 609].

Таким образом, содержание наставничества постоянно эволюционирует, а его процесс происходит в любой сфере – социальной, религиозной или профессиональной, однако требования к личности наставника являются неизменными, в любое время он должен быть мудр, опытен и нравственен. Наставник оказывает консультативную помощь своему подопечному; в таких отношениях наблюдается положительная эмоциональная связь, которая проявляется в уважении и доверии друг к другу.

Учитывая тот факт, что в органах государственной власти в настоящее время сотрудничают люди нескольких поколений, вполне логично обратиться к восстановлению в новых условиях института наставничества. Это должно способствовать актуализации потенциала молодых кадров, возвращению инновационного, сильного и авторитетного управленца. Как известно, становление демократии современного украинского общества предусматривает гуманность, смысл которой определяет ценность человека и является тем постулатом, на котором должна строиться вся система государственного управления. Поэтому приоритетным представляется не уровень должности, а степень влиятельности руководителя, деятельность которого предусматривает умение вести работников за собой к общей цели, ориентируясь на современные ценности, указывая на безусловную важность того, во что человек верит, ради чего живет, к чему стремится и чем руководствуется в своих выборах, и ценностей, которыми руководствуется в своей жизни человек, – это своеобразный индикатор его качества.

Одной из важных ценностных основ управленческой общности современного общества является ее ориентация на образ (идеал) успешного человека, который способен реализовывать себя на уровне высоких достижений. Известный американский психолог Абрахам Маслоу, исследовавший процессы самоактуализации, отнес таких людей к личностям, которые самоактуализируются. Им обычно 60 или более лет, но есть люди, которые двигаются в этом направлении, в направлении зрелости. Процесс актуализации предусматривает развитие или открытие своего истинного «Я», а также развитие очевидного или латентного потенциала. Конкретизируя путь к самоактуализации, А. Маслоу описывает типы реального поведения человека для ее достижения.

1. Самоактуализация означает переживание полное, живое, самоотверженное, сосредоточенное и углубленное, то есть переживание без подростковой застенчивости. В момент самоактуализации индивид является целиком и полностью человеком. Это момент, когда «Я» реализует само себя... Ключом к этому является бескорыстие.

2. Если понимать жизнь как процесс постоянного выбора, самоактуализация означает: каждый выбор надо решать в пользу роста. Выбирать развитие вместо страха десять раз на день – значит десять раз продвинуться к актуализации, что является непрерывным процессом и означает многократные отдельные выборы: врать или оставаться честным, воровать или не воровать. Итак, самоактуализация означает выбор из этих возможностей для роста.

3. Актуализироваться – значит становиться реальным, существовать фактически, а не только потенциально, поскольку Самость – сердцевина или природа индивидуума, которая включает темперамент, уникальные вкусы и ценности. Поэтому самоактуализироваться – это значит быть в согласии со своей внутренней природой.

4. Честность и принятие ответственности за свои действия – существенные моменты самоактуализации. Каждый раз, когда человек берет на себя ответственность, он самоактуализируется.

5. Процесс развития своих возможностей и потенциала – это также самоактуализация. Это означает использование своих способностей и ума ради того, чтобы делать хорошо то, что ты хочешь делать.

6. Учиться верить в свои суждения, инстинкты и действовать в соответствии с ними – и это самоактуализация. Это ведет к лучшему выбору в жизни, в частности к выбору профессии.

А. Маслоу очерчивает переходные моменты самоактуализации и называет их «пик-переживания», утверждая, что в эти моменты человек более цельный, более интегрированный, осознающий себя. В такие моменты он думает, действует и чувствует наиболее ясно и точно. Человек больше любит, в большей степени принимает других, он более свободен от внутреннего конфликта и тревожности, более способен конструктивно использовать свою энергию. Важный шаг самоактуализации – это выявление своих «защит». Найти самого себя, раскрыть свою истинность, что для тебя хорошо, а что плохо, какова цель твоей жизни, – все это требует раскрытия собственной психопатологии. Человеку нужно лучше понимать, как он искажает свой образ и образ внешнего мира с помощью репрессий, проекций и других механизмов защиты [8]. Таким образом, по мнению А. Маслоу, каждый человек обладает врожденным стремлением к самоактуализации, что является наивысшей человеческой потребностью. Однако не все люди стремятся достичь жизненного успеха, остерегаясь использовать свой потенциал в полной мере. Нежелание человека реализовывать свои природные способности, избегая ответственности, А. Маслоу называет комплексом Ионы (от лат. *complexus* – сочетание и имени библейского персонажа, который считал себя недостойным быть пророком).

Известно, что термин «самоактуализация» использовался К.Г. Юнгом. По его убеждению, самоактуализации можно достичь лишь в среднем возрасте (между 35 и 40 годами). К. Юнг рассматривал этот возраст как критический для личностного развития рубеж, на котором личность испытывает глубокие психические преобразования в достижении целостности своего «Я». Очевидно, что для Юнга именно зрелые годы в жизни человека являются наиболее важным этапом личностного развития, а не детство, как у З. Фрейда. Однако достижение индивидуализации – очень не простой процесс, поэтому конечная стадия развития личности доступна только способным и высокообразованным людям, которые имеют для этого определенное время. Поэтому из-за этих соображений самоактуализации не достигает подавляющее большинство людей. «Хотя объективно психическое означает одну и ту же предпосылку для всех людей, но оно должно индивидуализироваться. Итак, путь человека в этом направлении уникален, поэтому только тот, кто сознательно может сказать „да“ силе внутреннего предназначения, тот становится личностью» [13, с. 385]. Понятие «личность» К.Г. Юнг определяет как результат наивысшей жизненной стойкости, абсолютного принятия индивидуального и его успешной адаптации при большой возможности выбора. Иными словами, это уверенная, способная к сопротивлению и наделённая силой душевная целостность, аккумулирующаяся в архетипе Самость, который ученый считал наиболее важным.

Архетип Самость – целостный и регулирующий центр личности, который включает не только сознательное, а и бессознательное психическое бытие. К.Г. Юнг сравнивал его со стремлением человека к самоактуализации, что означает гармоничность и целостность, стабильность и наиболее полное раскрытие возможностей личности. Однако К.Г. Юнг замечает, что человеческая личность достаточно консервативна и даже инертна, поэтому только острая нужда может ее активизировать. Слова «многие призваны, но немногие избраны» относятся более всего именно к этому, потому что развитие личности от начальных задатков до полного сознания – это харизма и одновременно проклятие. Результатом этого развития является сознательное и бессознательное, где Самость как архетип – «иррациональный» фактор – обеспечивает ощущение своей принадлежности и как центр личности производится психикой и индивидуальным проектом, что и приводит к раскрытию врожденной целостности личности. Однако ученый считает, что стать личностью – это вовсе не прерогатива гениального человека. Так, человек может быть гениальным, однако он не обяза-

тельно будет личностью, поскольку каждый индивид имеет свою личностный, данный ему от рождения закон жизни, и у каждого есть теоретическая возможность следовать, прежде всего, этому закону и таким образом самоактуализироваться. Да, взрослый человек должен быть твердо уверен в своей компетентности, чтобы суметь выстоять в борьбе за свое существование. Сомнения и чувство неуверенности оказали бы парализующее воздействие, оно похоронило бы столь необходимую человеку веру в свой личностный авторитет и сделали бы его неспособным к профессиональной жизни. Следовательно, личность «дошла до понимания нового и невольно стала лидером» [13, с. 377].

Таким образом, внутренняя уверенность в себе как личности – это понимание своего призвания и предназначения в жизни как профессионала. Соблюдение этого императива является важным в контексте государственно-институциональных изменений, происходящих в современном обществе, причем не только в налаживании взаимодействия органов власти с общественностью, но и в кадровой политике, поскольку процесс такого реформирования составляют люди. Учитывая это, от руководителя в органах государственной власти ожидают ответственности не только за результаты деятельности по оказанию услуг населению, но и за персонал. Поэтому руководитель органа государственной власти – наставник для молодых работников и новоназначенных руководителей.

Понятие «наставник» иногда определяется как «тот, кто дает советы, учит; учитель; надзиратель» [10, с. 315]. Очевидно, что такое понимание наставничества достаточно ограничено, не характеризует этот феномен объемно и не отвечает потребностям современности. Существенно дополняет его смысл мнение английского ученого Дэвида Меггинсона, который утверждает, что наставничество – существенная помощь персоналу, который нуждается в видении перспективы, видении будущих возможностей [3]. Э. Стокдейл определяет наставничество как рабочие отношения между старшими и младшими членами организации. Наставник, который имеет опыт и власть в организации, является для молодого учителя личным советником, инструктором и тренером, что способствует карьерному росту протеже [16]. В целом наставничество является сложным и многогранным процессом, в котором наставник может принимать на себя следующие роли: тренер, доверенное лицо, друг, проводник, слушатель, партнер, вдохновитель, учитель [14]. Добавить к этому определению необходимо то, что наставничество требует определенного уровня доверия и авторитета, утраченного в отношениях линейного управления, ориентируясь на существенные изменения современного общества. Приведенное хорошо иллюстрирует известное высказывание А.С. Макаренко, перефразирование которого, сохраняет его смысл: не только орган государственного управления – это обломок общества, а общество – это обломок органа государственного управления.

Таким образом, наставничество можно определить как тандем людей, где одни личности самоактуализировались, другие же в стремлении к этому проявляют готовность к полному использованию своих талантов, способностей и возможностей. Итак, современные руководители должны создать систему поддержки, которая базируется на двусторонней коммуникации между наставником и молодым работником. Изложенные умозаключения находят свое подтверждение в определении понятия руководитель, в котором делается акцент на том, что это «тот, кто направляет чью-либо деятельность; наставник, воспитатель», и уже только потом – «тот, кто возглавляет учреждение, организацию и т.д.; должность личности, которая заведует чем-то, или лицо, которое занимает такую должность» [5].

Итак, наставник – это авторитетная личность. Поэтому особое место в структуре личности руководителя органов государственного управления должны занимать индивидуальные нормы и ценности, как правило, не до конца соответствующие стереотипам, поэтому такой руководитель обязан внутренне быть новатором, «преступником» в буквальном смысле слова – человеком, который переступает старые,

привычные нормы и ценности. Иными словами, руководитель-наставник обязан совмещать то, что трудносовместимо. С точки зрения эмоционального одобрения людей, он не должен ломать ничего привычного, поскольку любые изменения оборачиваются потерей чего-то, а люди никогда не любят потерь. Поэтому руководитель должен рассматривать мир как контекст собственной деятельности, исполняя роль наставника для молодых руководителей, быть готовым к творческому взаимодействию с ними. В таком процессе устанавливаются отношения партнерства, где авторитет руководителя-наставника гармонизирует взаимодействие противоположностей. Следовательно, для утверждения новых стандартов в руководстве органами государственной власти современный руководитель-наставник обязан быть пионером – уметь ставить и достигать цели, но с помощью изменений в стилях руководства. В нижеприведенном рисунке представлено содержание изменений руководства – от авторитарного к авторитетному.

Рис. 1. Содержание изменений руководства – от авторитарного к авторитетному

На рисунке представлена характеристика авторитарного (фр. *autoritaire*, лат. *auctoritas* – власть, влияние) стиля руководства, который характеризуется объективным (должностным) авторитетом, линейностью и директивностью. Такой стиль характеризует руководителя, который полагается на жесткие приказы и распоряжения, не допускает каких-либо возражений или личного мнения подчиненных. Однако авторитарный стиль управления рискует перерасти в командно-административное руководство, что приводит к различного рода злоупотреблениям властью. (Замечу, что история знает случаи, когда авторитарный стиль руководства – в экстремальных ситуациях – может быть эффективным). При авторитетном стиле руководства наряду с объективной составляющей (должностной авторитет) существуют его субъективные составляющие – профессиональная и моральная. Однако даже если руководитель не стремится к завоеванию авторитета, не думает о нем, то все равно тот у него

или есть, или нет. Это обстоятельство обусловлено тем, что авторитет это – неотъемлемый атрибут, символ общности каждого коллектива, обязательное условие его социально-психологической характеристики. Иными словами, авторитет как архетип – социально-психологический феномен – подвижный, динамичный, способный развиваться, усиливаться и наоборот, снижаться, терять силу. Очевидно еще и то, что должность руководителя в органах государственной власти – это определенный социальный статус личности, который, предоставляя власть, обязывает его выполнять не только должностные функции, но и определенные моральные обязанности, одним из которых является наставничество, что укрепляет авторитет руководителя.

Основные черты, которые должен проявлять руководитель-наставник в управленческой деятельности, могут быть определены так:

- усиление авторитета путем олицетворения ценностей в современном государственном управлении, открытость к людям, к их мнению;
- умение формировать и передавать другим видение будущего;
- учить на собственном примере умению анализировать, адаптироваться, быть активным, непрерывно обогащать себя разнообразным опытом;
- демонстрировать гибкость;
- воспринимать множественность в освоении ценностей и командного духа, привлекая этические рычаги в часто противоречивых условиях управленческой деятельности.

Выводы и дальнейшие направления научных исследований. Итак, наставничество является сложным и многогранным процессом, в котором наставник – это доверенное лицо, друг, фасилитатор, партнер, вдохновитель и учитель – человек, который самоактуализировался, достиг состояния Самости. Реальный пример авторитетного руководителя-наставника корректирует и укрепляет ценностно-мотивационную сферу молодого руководителя. Так, самоуважение, чувство собственного достоинства и внутренняя вера в себя – личные ощущения одобрения или осуждения – соотносятся с личными возможностями молодого управленца. В качестве обратной связи для наставника можно ожидать также повышение его мотивации и самоуважения, ведь иметь статус наставника означает быть признанным авторитетом, удостоенным такой чести за личные и профессиональные заслуги. Высококачественное наставничество связано с высоким уровнем компетентности, опытом и четким определением амплуа наставника – поддерживать, способствовать, открывать перспективы, а не инструктировать, приказывать и ограничивать. Итак, наставничество – это способ действия человека, который аккумулируется в его авторитете. Сила современного наставника – в его умении утвердить у молодого руководителя стратегическое мышление и нелинейное видение в решении профессиональных проблем. Другими словами, это – процесс «открытия карт», который не является абсолютной истиной, а выступает только импульсами к действию, что передает фокус и направляет понимание, осознание и применение того, что надо делать в управленческой деятельности. Этот способ позволит молодому руководителю заложить фундамент формирования своего авторитета. Следовательно, для формирования авторитета молодых руководителей и их способности действительно возглавлять органы государственной власти необходима эффективная деятельность наставников, отвечающая современным требованиям. Целесообразным представляется изучение процесса наставничества руководителя в конкретной институции государственного управления.

Рекомендации органам законодательной и исполнительной власти. Наставник должен не назначаться, а быть избранным и соответствовать этой миссии «по зову сердца»; сотрудничество между наставником и подопечным необходимо формировать на основе взаимного доверия, открытости и уважения; соблюдение наставником стиля жизни, соответствующего образу современного руководителя в органах государственной власти, будет способствовать развитию профессионализма и ценностных основ личностных качеств молодого руководителя, а следовательно – и фор-

мированию его авторитета; надо помнить о том, что эффективное наставничество способно существенно повлиять не только на молодого руководителя, но и на орган государственной власти, который воплощает институт наставничества.

Список литературы:

1. Винсент из Бове. О наставлении детей знатных граждан / Винсент из Бове // Антология педагогической мысли христианского средневековья : Т. 2: Мир переломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников. – М., 1994.
2. Гладкий В.Д. Древний мир. Энциклопедический словарь : в 2-х томах : Т.1 / В.Д. Гладкий. – М. : Центрполиграф, 1998. – 510 с.
3. Джой-Метгьюз Д. Развитие человеческих ресурсов / Д. Джой-Метгьюз, Д. Меггинсон, М. Сюрте ; пер. с англ. Р.Л. Ткачука. – 3-е изд. – М. : Эксмо, 2006. – 432 с.
4. Гончаренко С.У. Український педагогічний словник / С.У. Гончаренко. – Київ : Либідь, 1997. – 375 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000.
6. Лютер Мартин. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520-1526 гг. / Мартин Лютер ; пер. с нем // О светской власти, в какой мере мы обязаны ей подчиняться.– Харьков, 1994.
7. Макиавелли Никколо. Государь / Никколо Макиавелли ; пер. с ит. – М. : Планета, 1990. – 84 с.
8. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы [Электронный ресурс] / А. Маслоу. – М. : Смысл, 1999. – Режим доступа : <http://www.psylib.ukrweb.net/books/masla03/txt26.htm>.
9. Модзалевский Л.Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен : учеб. пособие для вузов и сред. спец. учеб. заведений. Часть первая / Л.Н. Модзалевский – СПб. : Алетейя, 2000. – 429 с.
10. Новий тлумачний словник української мови : у 4-х т. : Т. 2 / уклад.: В. Яременко, О. Сліпущко. – К. : Аконт, 1999. – 912 с.
11. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад ; Редкол.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др. – М. : Большая Российская Энциклопедия, 2002. – 528 с.
12. Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя / Эразм Роттердамский ; пер. з лат. Маркиш С.П. // Знакомство с Эразмом из Роттердама / С.П. Маркиш. – М. : Мысль, 2010. – 223 с.
13. Юнг К.Г. Психология бессознательного / К.Г. Юнг. – М., 2001. – 397 с.
14. DuBois D. Handbook of Youth Mentoring / D. DuBois, M. Karcher. – Sage Publications, Inc, 2005. – 624 p.
15. Tillman L.C. Mentoring new teachers: Implications for leadership practice in an urban school / Linda Tillman // Educational Administration Quarterly. – 2005. – № 45 (4).
16. The coaching and mentoring network [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.coachingnetwork.org.uk/resourcecentre/articles/ViewArticle.asp>.

**ОМЕЛЯНЕНКО
Виталий,
OMELIANENKO
Vitaliy,**

аспирант кафедры
экономической
теории, Сумской
государственный
университет, г. Сумы.

Аннотация: в
статье рассмотрены
особенности
формирования
инновационной
экосистемы на
региональном уровне в
контексте архетиповой
парадигмы.

Предложена концепция
регионального развития
на основе архетипов
открытых инноваций
и мотивационной
составляющей
инновационно-
инвестиционных
процессов.

**Ключевые
слова:** архетип,
инновационная
экосистема, институт,
регион.

УДК 332.122.62

Виталий ОМЕЛЯНЕНКО

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ СОЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ИННОВАЦИЙ С УЧЕТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ АРХЕТИПОВ

Постановка проблемы. Построение эффективной национальной инновационной системы как системы институтов разрешило высокоразвитым странам реализовать технологические прорывы и обеспечивает поддержку конкурентоспособности экономик. Инновационные процессы наиболее успешно протекают в благоприятной среде – экосистеме, которая обеспечивает необходимыми ресурсами и устанавливает связи между отдельными элементами и формируется под влиянием многих факторов, в т.ч. общественных архетипов.

Актуальность темы исследования. Вопрос формирования экосистем инноваций на региональном уровне является довольно разработанным за рубежом, но в Украине, тем не менее, преимущественно превалирует элементный подход, который предусматривает рассмотрение формирования отдельных институциональных элементов инновационной системы, в то время как отсутствие системного подхода к их формированию сводит на нет все усилия. Красноречив тот факт, что Украина, будучи лидером по патентованию изобретений, находится «в хвосте» по уровню практического использования разработок.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросам формирования региональных инновационных систем посвящены работы таких ученых, как С. Боррас, Х. Брачик, Г. Етцкович, Л. Лидесдорф, Ф. Кук, К. Сейбл и А. Скотт. Среди отечественных ученых следует отметить В.П. Александрову, И.В. Брикову, З.С. Варналий, М.П. Данилович, А.М. Поручника, В.Е. Реутова, Д.М. Стеченко, О.В. Христенко и других. Исследование архетипов в контексте управления вообще и инновациями в частности проводили В.К. Захаров, В.Г. Егоркин, В.Б. Кондратьев, Э.В. Фрейдина, Р.Н. Юсупов и прочие, тем не менее, системного анализа вопросов формирования региональной инновационной системы с точки зрения архетипов не осуществлялось.

Выделение нерешенной части проблемы. Именно анализ и учеты архетипов в управлении инновационной сферой как общегосударственном, так и на региональном уровне, разрешит существенно повысить эффективность этих процессов и создаст подпочву для развития эффективной национальной инновационной системы, которая не в последнюю очередь базируется на социокультурном базисе.

Целью статьи является анализ особенностей формирования региональной системы инноваций на основе определения архетипов (стимулирующих и сдерживающих) и разработка рекомендаций относительно оптимизации процессов на основе архетиповой парадигмы.

Изложение основного материала исследования. Актуальность вопроса развития региональных инновационных экосистем обусловлена новой ролью регионов. В развитых странах мира, особенно в ЕС, в последнее время наблюдаются две ведущие тенденции: рост политического веса регионов и увеличение количества реги-

ональных инициатив, направленных на стимулирование экономического развития. Весомость региональной компоненты в устройстве ЕС подчеркивается лозунгом сообщества – «Европа регионов». Теоретической основой современных подходов является концепция «нового регионализма», основанная на объединении централизованных («вниз») и децентрализованных («вверх») подходов. При этом усилия направляются на стимулирование внутренних резервов саморазвития регионов, и значительное внимание отводится межрегиональным и международным формам сотрудничества. Модель регионального экономического развития ЕС основывается на стратегическом партнерстве между местными органами власти, государственным и частными секторами и общественными организациями [10, с. 6—7].

Управление инновационной экосистемой базируется на ее анализе как совокупности взаимозависимых структур, деятельность которых направлена на производство и коммерциализацию научных знаний и технологий и обеспечение инновационных процессов, которые имеют мощную национальную основу, культурные традиции, политические и культурные особенности.

Согласно традиционным подходам экосистема инноваций базируется на пяти основных элементах:

- 1) наука, инженерно-технические сообщества, высшие учебные заведения, которые выступают основными поставщиками инновационных идей для коммерциализации;
- 2) индустрия венчурных инвестиций, которая обеспечивает приток в экосистему финансовых ресурсов и бизнес-компетенций;
- 3) инфраструктура, которая обеспечивает функционирование инновационных компаний;
- 4) стойкий спрос на высокотехнологическую продукцию, технологии и стартапы;
- 5) законодательное правовое поле, которое обеспечивает комфортные условия для инноваторов.

В Украине же переходу к инновационной модели развития препятствуют такие проблемы:

- компании и предприятия региона недостаточно осведомлены о существовании новых технологий и возможности доступа к ним с помощью инновационной инфраструктуры;
- слабо развиты механизмы стимулирования предприятий региона к развитию технологической кооперации и использованию инноваций;
- научный потенциал региона слабо вовлечен в процессы региональной экономики;
- инновационная инфраструктура фрагментарна, в ней слабо развиты связи между организациями инновационной инфраструктуры региона;
- недостаточно развит системный механизм финансовой поддержки услуг инновационной инфраструктуры для региональных компаний и научных организаций;
- слабое использование лучших практик развития инновационной инфраструктуры.

Одной из главных причин этого является то, что часто на уровне практического управления инновационными процессами в регионе используются или довольно ограниченный опыт, или наиболее общие методологические подходы или заграничные рекомендации, разработанные для решения подобных задач, но в других экономических и социально-культурных условиях. Указанные условия повышают вероятность системных ошибок при принятии управленческих решений на региональном уровне. Поэтому мы предлагаем рассмотреть архетипы, влияющие на процесс управления региональной инновационной экосистемой, которые целесообразно классифицировать по источникам возникновения и объектам влияния соответственно на архетипы государственного управления и архетипы участников инновационной системы, которые представлены преимущественно частным сектором.

Согласно К.Г. Юнгу, архетипы не являются жесткой программой, которая моделирует поведение человека, это скорее «предписания общего плана», не регулирующие форму, а задающие определенное направление деятельности». Определенную конкретику они находят лишь в рамках той или иной культурной среды. Наиболее явным образом архетипы проявляются в экономическом менталитете, который, по мнению Р.Н.Юсупова, является «стойким и органическим единством несознаваемых архетипов и сознательных стереотипов, которые обеспечивают национальную специфику восприятия и осмысление экономической информации, а также любых явлений и процессов социально-экономической действительности в целом» [12].

В известной модели «тропического леса» (подход, который используется в Кремниевой Долине) инновационная экосистема рассматривается как состоящая из двух частей – «железа» и «софта». Под «железом» понимается созданная на территории физическая инфраструктура инноваций, а в качестве «софта» рассматривается культура инноваций, в которой появляются новые типы поведения и социального взаимодействия, которые оказывают содействие инновационному развитию.

Построение региональной инновационной экосистемы нельзя рассматривать вне общегосударственного управления и системы национальной идентичности, за которой прячется ведущий фактор самодостаточности социокультурной системы (геополитической, экономической и религиозно-духовной). Однако наличие региональной асимметрии и ряда успешных и провальных примеров вне рамок исходных факторов (которые не формировались целеустремленно) в рамках одной страны дает повод утверждать о наличии определенных специфических условий на региональном уровне.

Рассмотрим инновационные архетипы на уровне частных экономических субъектов.

Общее исследование IBM Institute for Business Value и компании Innosight «Innovating on your own terms» обобщило опыт ведущих экспертов с IBM и 700 топ-менеджеров из 90 крупнейших компаний мира из 14 областей. В итоговом отчете были описаны «инновационные архетипы», к которым можно отнести любую компанию. В общем, по мнению авторов, инновационный архетип определяет подход к инновациям, присущую им инновационную стратегию и наиболее типичные способы реализации этой стратегии. Соответственно подходу инновационный архетип определяет:

- организационный формат развития инноваций, который наиболее естествен и продуктивен (чаще всего — выбор между самостоятельным генерированием, трансфером из научной сферы, копированием или модификацией существующих технологий);
- источники и способы поиска и сбора информации;
- внутренние механизмы внедрения инноваций;
- приоритетные подходы при поиске инноваций.

В таблице 1 приведена расширенная классификация архетипов в зависимости от вида инновационного архетипа [4] и предложен авторский подход к роли региональной власти в зависимости от типа и при условии активной политики.

Инновационная экосистема должна обеспечивать мотивационный эффект, т.е. слабые инноваторы должны стремиться к активизации инновационных процессов, а предприятия, которые не внедряют инновации, должны понять, что это – доступный и потенциально эффективный вид деятельности.

Для того чтобы потоки идей распространялись в системе и реализовывались в производстве, необходимо перейти от экономики и менеджмента конкретных проектов и людей к менеджменту экосистем в целом. Так, анализ инновационно-инвестиционных проектов в Сумской области показал преобладание именно точечного подхода, когда усилия органов власти направляются лишь на разработку и реализацию нескольких отдельных проектов при отсутствии внимания к системным методам.

Таблица 1

Инновационные архетипы и роль регионального управления

Инновационный архетип	Подготовка инноваций	Акценты и сотрудничество	Бизнес-модель	Тип региональной политики	Роль органов власти
Творцы брендов	Продуктовые инновации, ориентированные на создание брендов; средние объемы производства; ориентация на элитного конечного потребителя	Высокая специализация, сильная кооперация с поставщиками, аутсорсинг НИОКР	Ориентация на бренды премиального сегмента; сильная защита интеллектуальной собственности	Кластеры, бизнес-инкубаторы	Высокая
Быстрые имитаторы	Усовершенствования инноваций и доведение их к массовому рынку	Средний уровень специализации, выборочная кооперация, интенсивный аутсорсинг НИОКР	Ориентация на низкие затраты, сравнительно низкая степень защиты интеллектуальной собственности	Кластеры	Высокая
Приспособленцы к массовому рынку	Адаптируют и улучшают существующие продуктовые инновации	Широкий фокус производства, интенсивный аутсорсинг НИОКР, ограниченное участие в предпринимательских сетях с поставщиками	Ориентация на низкие затраты, слабая защита интеллектуальной собственности, ориентация на бренды	Все возможные формы трансфера технологий	Низкая
Революционеры дизайна	Ориентация преимущественно на технологические инновации, переход от массового производства к поиску узких рыночных ниш	Инициаторы построения производственных сетей, модульный принцип проектирования, ограниченный аутсорсинг НИОКР	Инновации, ориентированные на снижение затрат, относительно сильная защита интеллектуальной собственности	Технопарк	Высокая
Оптимизаторы производственного цикла	Премиальные продуктовые инновации на основе использования новых систем и компонентов	Узкая специализация, очень ограниченный аутсорсинг НИОКР	Контроль над интеллектуальной собственностью	Технопарк	Высокая
Специалисты по оптимизации затрат	Инновации на основе новых технологий производства, ориентация на потребителя	Широкий фокус, средний уровень аутсорсинга НИОКР, формальное партнерство	Продукты с низкими затратами, относительно сильная защита интеллектуальной собственности	Все возможные формы трансфера технологий	Высокая

Одним из ключевых процессов в создании «тропического леса», по мнению Хоровита [11], является переход от ЭГОсистемы, когда решающую роль играют отдельные люди, к ЭКОсистеме, когда все уровни действуют в рамках доверительных отношений.

Важным фактором деструктивной архетипизации являются принципы механизма государственных закупок, поскольку хорошо известно, что инновационная продукция в большинстве случаев дороже, чем традиционная, тем не менее, она приносит ощутимые выгоды при эксплуатации, и этот факт должен учитываться при составлении госконтрактов.

В контексте предыдущего необходимо рассмотреть базовый архетип инновационного развития – амортизацию, т.е. преодоление вымирания «стариков» искусственных объектов (материальных или идеальных). Поскольку без этого процесса жизнедеятельность человечества в его взаимосвязи с искусственными системами стала полностью невозможной, его можно считать естественным. Процесс комплексной ускоренной общей амортизации обычно связывается с модернизацией как системным процессом. Для борьбы с разрушением объектов искусственной среды люди использовали способ, аналогичный естественному — замену устаревших искусственных объектов новыми.

Однако в 90-х гг. XX ст. вследствие сокращения производства восстановление средств трудового процесса оказалось ненужным. Более того, сокращение производства и массовая безработица привели к тому, что созданная в СССР система профессиональной подготовки оказалась избыточной и была полностью разрушена. В результате перестройки базовый «инновационный» архетип – архетип общей амортизации — перестал воссоздаваться [1, с. 7].

Приоритетное значение имеет развитие процессов взаимодействия и коммуникаций. Согласно ведущим концепциям инновации преимущественно активно развиваются в открытых и гибких сообществах наряду с дистанцией власти. В случае отечественной практики сохраняются высокие социальные барьеры и формализованный характер системы, которые усложняют коммуникацию и снижают потенциал общего действия.

Согласно вышеприведенному можно выделить деструктивные архетипы внешнего фактора («кто-то заинтересованный должен сам прийти к нам») и архетип директивного управления, который проявляется, в частности, в логике индустриального развития и основан преимущественно на вертикальных командно-административных связях центра и больших компаний, в котором наука и университеты занимали подчиненное положение.

В контексте управления целесообразно использовать архетипы систем управления, основываясь на работах С. Бира и А. Поспелова [10]. Рассмотрим два архетипа. Первый – общий архетип с элементами «объект управления – система управления – внешняя среда». В модели реализуются такие принципы управления, как «черный ящик», обратная связь, взаимодействие системы с внешней средой. Особенности моделей управления отображают частичные архетипы:

1) архетип жесткого управления – система с разомкнутым контуром управления (система управления лишь с прямой связью), которая реализует заложенный алгоритм управления, не интересуясь результатами работы. Механизм осуществляет управление входными потоками в соответствии с нормам, стандартам и правилами. Механизм пригоден для начального этапа формирования региональной инновационной системы;

2) система управления с замкнутым контуром управления, создаваемым с помощью обратной связи, которая реализует алгоритм «жесткого» управления и алгоритм корректирующих действий, обусловленных силой обратной связи, зависящей от меры несоответствия полученных результатов плановым. Механизм пригоден для управления экосистемой в случае инноваций в государственном секторе;

3) система управления с адаптацией: создание в системе с замкнутым контуром управления нового блока – блока адаптации, основное назначение которого связано с выбором способа управления из множества допустимых вариантов, которые спо-

способствуют приближению системы к планированной траектории. Механизм пригоден для управления и развития существующей экосистемы.

Относительно инновационной системы авторы осмыслили роль человеческого фактора. При этом важнейшей является сравнительно новая для нашей страны роль (keystone), которая представляет собой не предпринимателя, не исследователя, не инженера, а фигуру, способную объединить разнородные элементы экосистемы. Появление такой фигуры представляет собой случайность, которая разрешает выживать экосистеме и обеспечивает ее стойкость.

Социальный контракт точно описывает взаимные обязательства и выражает состояние, к которому мы всегда стремимся, занимаясь инновациями. Но сначала в этот контракт нужно поверить.

В рекомендациях проекта Europe Aid «Наука и коммерциализация технологий» [5] рассматривается опыт создания регионального центра коммерциализации технологий на примере России и Германии.

В России (региональная практика в Украине ничем не отличается) миссия центра была сформулирована как государственная функция и ориентировала деятельность центра в формат агента региональной администрации, однако в качестве основных клиентов рассматривались местные научно-исследовательские организации и промышленные предприятия, у которых не было и, собственно, не должно было быть потребности в осуществлении мониторинга или сборе регионального портфеля инновационных проектов. Потенциальная возможность для привлечения средств государственных программ в сфере инновационного развития существовала, но требовала других компетенций центра. Специальной региональной программы, связанной с задачами содействия коммерциализации технологий, в регионе не существовало. Привлеченный персонал имел красивый опыт в области преподавания, но, тем не менее, не обладал компетенциями, нужными для предоставления конкурентоспособных услуг. Таким образом, избранная стратегия создания центра не могла обеспечить эффективное организационное развитие.

В противоположность этому в Германии агентство PVA-MV AG (г. Росток, Померания) было создано в форме консорциума для получения прибыли. Консорциум действует на основе соглашения о взаимодействии и получает целевое государственное финансирование из средств Программы по коммерциализации Федерального министерства образования и науки Германии (BMBF) и регионального бюджета (50 % на 50 %).

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Важно понимать, что в основе функционирования экосистемы не должна лежать идея «принудительности взаимодействия» – в идеале, каждый из участников инновационного процесса имеет собственные цели, что одновременно способствует формированию связей в экосистеме и инновационному развитию экономики в более глобальном масштабе.

При условии создания экосистем слоган «сила Украины — в самобытности ее регионов, благодаря чему в ней есть все!» обретет не только культурное, но и инновационное содержание. Например, основная часть (по некоторым оценкам — до 80 %) иностранных инвестиций в экономику восточноевропейских государств была привлечена по инициативе и при непосредственном содействии территориальных органов власти и местного самоуправления.

Список литературы:

1. Захаров В.К. Модернизация и внегосударственное управление / В.К. Захаров // Public Administration in the 21st Century: Traditions and Innovations. 9th International Conference (May 25–27, 2011) : Part 2. – М. : Moscow University Press, 2011. – 688 p. – pp. 5-12.
2. Егоркин В.Г. Философия инноваций / В.Г. Егоркин // Общество. Среда. Развитие («TERRA HUMANA»). – 2006. – № 1. – С. 14–25.

3. Катуков Д.Д. Институциональная среда глобализированной экономики: развитие сетевых взаимодействий : научный доклад / Д.Д. Катуков, В.Е. Малыгин, Н.В. Смородинская ; под ред. Н.В. Смородинской. – М. : Институт экономики РАН, 2012. – 45 с.
4. Кондратьев В.Б. Автомобильная промышленность: перспективы развития после кризиса [Электронный ресурс] / В.Б. Кондратьев // Перспективы. – 01.10.2010. – Режим доступа : http://perspektivy.info/rus/ekob/avtomobilnaja_promyshlennost_perspektivy_gazvitija_posle_krizisa_2010-10-01.htm.
5. Лукша О. Центр коммерциализации технологий – организационное развитие: как создать, управлять, организовать мониторинг и оценку деятельности / О. Лукша, П. Сушков, А. Яновский // Проект Europe Aid «Наука и коммерциализация технологий». – 2006. – 124 с.
6. Марк М. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / М. Марк, К. Пирсон ; пер. с англ. ; под ред. В. Домнина, А. Сухенко. – СПб : Питер, 2005. – 336 с.
7. Методи та механізми фінансування місцевого економічного розвитку [Електронний ресурс]. – К., 2012. – Режим доступа : http://www.mled.org.ua/media/docs/Financial_Methods_and_Mechanisms_Report_Kyiv_2012.pdf.
8. Місцевий економічний розвиток: моделі для успіху / під кер. М. Дацишина. – К. : Інститут реформ, 2003. – 41 с.
9. Розенберг Н. Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира / Н. Розенберг, Л. Бирдцелл ; пер. с англ. под ред. Б. Пинскера. Новосибирск : Экор, 1995. – 352 с.
10. Фрейдина Е.В. Исследование систем управления / Е.В. Фрейдина. – М. : Омега-Л, 2008. – 367 с.
11. Хван В. Тропический лес. Секрет создания следующей Силиконовой долины / Виктор Хван, Грег Хоровитт ; пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. – Томск : Издательство Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2012. – 332 с.
12. Юсупов Р.Н. Формирование инновационного менталитета [Электронный ресурс] / Р.Н. Юсупов // матер. V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум-2013». – Режим доступа : <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/7496.pdf>.

Елена ШИБАНОВА-РОЕНКО, Сергей КОТОВ-ДАРТИ

**ПРОБЛЕМНЫЕ ДОМИНАНТЫ
ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В АСПЕКТАХ
АНТИКРИЗИСНОГО ЗНАНИЯ**

**ШИБАНОВА-
РОЕНКО Елена,
SHIBANOVA-
ROENKO Elena,**

*кандидат
экономических
наук, доцент
кафедры экономики
предприятия и
предпринимательства
Российского
университета дружбы
народов, г. Москва.*

***Аннотация:** много-
мерность и много-
вариантность публич-
ного управленческого
процесса во всех его
ипостасях, включая и
антикризисный спектр,
сложность выбора
оптимальных управ-
ленческих решений, в
том числе и в условиях
кризисных ситуаций,
непрерывно предпо-
лагает знание законо-
мерностей, присущих
публичным и частным
отношениям, а также
наличие способности
предвидеть, превосхи-
щать и даже использо-
вать возникающие эн-
тропийные отклонения
от общих закономер-
ностей. Представляется,
что с позиций пробле-
матизации обществен-
ных явлений домини-
рой информационного
пространства нередко
выступает кризис.*

***Ключевые слова:**
публичное управление,
корпоративная
власть, проблемы
реформирования,
антикризисные
аспекты.*

УДК 332.012.2

Постановка проблемы. Закономерности реформирования государственного управления не могут быть представлены вне основных объектов данной сферы. Процессы фундаментальных перемен породили на гносеологическом уровне состояние неопределенности критериев оценки поведения управляющей и управляемой подсистем, людей в целом и хозяйствующих субъектов в частности, а также размытость публичных и частных целей, создав условия непредсказуемости и неустойчивости развития социально-экономических систем.

Данный процесс требует научного осмысления как традиционных, уже существующих понятий, приобретающих под влиянием перемен иное содержательное наполнение, так и вновь возникающих явлений.

По мнению авторов статьи, идея отказа от простой общей модели принципиальна; необходимы несколько менее крупных, но более сложных моделей регулирования. Конечно, нельзя утверждать, что ВСЯ система мониторируемых данных кризисов экономики, моделирования регулирования и антициклического нивелирования – это свидетельство неработоспособности существующих способов регуляции социально-экономических систем. Тем не менее, авторы статьи согласны с отдельными выводами известного российского исследователя проблем публичного управления М.П. Петрова. Проведенный ученым ретроспективный анализ реформ в России выявил ряд устойчивых негативных тенденций, для которых характерны следующие: режим самореформирования власти, недостаточный уровень объективности социально-экономических, политических и административных предпосылок, общее содержание без четкой и явной взаимоувязанной причинно-следственной прогностической модели [10].

Представляется, что с позиций проблематизации общественных явлений доминантой информационного пространства нередко выступает кризис. Это вовсе не означает, что в экономическом росте или депрессии как фазах цикла общественного воспроизводства меньше проблемных ситуаций. Многоплановые российские реформы государственного управления и вялые постреформенные состояния системы управления относительно легко объединяются кризисным знанием, в частности – содержательным конструктором кризиса и его эскалации. В свою очередь, взаимосвязь содержания и форм проявления кризисов всегда находится в рамках взаимодействия кризиса и общества, государства и общества.

Переход от одной формы к другой в формате эволюции – это постепенные и поступательные изменения. Иногда процесс изменений приобретает скачкообразный характер, т.е. революционный формат. Это может выражаться в промежуточных состояниях системы, модернизации, смене реформ, что приводит в конечном итоге к смене уровня функционирования и развития системы. К тому же необходим матричный подход к воздействию с учетом трех его ви-

**КОТОВ-ДАРТИ
Сергей,
KOTOV-DARTI
Sergii,**

доктор юридических наук, профессор, президент Британской академии образования, г. Лондон, Великобритания.

Аннотация: многомерность и многовариантность публичного управленческого процесса во всех его ипостасях, включая и антикризисный спектр, сложность выбора оптимальных управленческих решений, в том числе и в условиях кризисных ситуаций, непременно предполагает знание закономерностей, присущих публичным и частным отношениям, а также наличие способности предвидеть, превосходить и даже использовать возникающие энтропийные отклонения от общих закономерностей. Представляется, что с позиций проблематизации общественных явлений доминантой информационного пространства нередко выступает кризис.

Ключевые слова: публичное управление, корпоративная власть, проблемы реформирования, антикризисные аспекты.

УДК 332.012.2

дов: предупреждающие воздействия, корректирующие воздействия, действующие на причину, и воздействие-реакция, действующее на несоответствующее свойство объекта воздействия.

И то, что с переходом к информационному обществу масс-медиа порой лишает человека необходимости думать, не есть метафора и не погрешность научнообразных рассуждений. Мнение действительно формируется, им сознательно и реально манипулируют.

С таких позиций кризис, кризисные ситуации представляют собой особый для изучения социально-экономический феномен, последствия которого касаются подавляющего большинства членов общества.

Анализ исследований и публикаций. Указанным проблемам (речь идет о вопросах публичного управления с применением мультидисциплинарных и, в частности, экономических инструментов) посвящены работы целого ряда современных отечественных исследователей, которые начали их изучать в основном в начале XXI в. Исследования принадлежат Н.Ю. Беляевой [3], М.А. Васильеву [4], А.Т. Зубу [5], Э.М. Короткову [6], М.П. Петрову [10] и др. В зарубежной теории и практике исследования этих проблем начинаются в конце 90-х г.г. XX в. Незаурядное и многоплановое системное видение представлено в работах Ю. Хабермаса [16; 17; 18; 19; 20], М. Риттера [11], Р. Роудса [12], Э. Гиденса, Н. Лумана, У. Бека, Х. Йоаса, В. Кнебеля и др.

Цель статьи. Основной целью авторы считают рассмотрение особенностей публичного управления через призму антикризисного управления как активно развивающейся области управленческого знания. Опосредованной целью статьи является инициация дискуссии по этому вопросу.

Основной материал исследования. Большинство исследователей едины во мнении, что государство является продуктом естественноисторического развития, своего рода арбитром, координатором и регулировщиком в сообществе людей, определяет общее благо и олицетворяет общую волю всех его членов. Через сеть специальных институтов, учреждений и с помощью управленцев-профессионалов государство формирует основные «правила игры» и следит за их исполнением, получая в свое распоряжение соответствующие ресурсы и возможности воздействия на общественные процессы и поведение людей.

В западных странах, прежде всего в США, собственность, экономика и управление первоначально провозглашались почти исключительно частным, неполитическим делом. Публичная же (общественная) сфера жизни относилась к политико-государственной, но полностью к таковой не сводилась, что привело к многозначности отношений политики и управления. Уже в конце XIX в. наука публичного управления (public administration) полностью отделилась от частного управления (private administration) и управления бизнесом (business administration).

Однако по мере развития общества, создания институтов его самоорганизации (партии, общественные объединения и организации, СМИ и другие институты гражданского общества), а также демократических процедур и механизмов реализации власти (выборы, референдумы) положение в государственной сфере существенно меняется. Государство постепенно утрачивает значение единствен-

ного инструмента воздействия. Соединение его с развитым гражданским обществом обеспечивает демократический характер государственной власти.

В свое время В. Вильсон, президент США, в классическом труде «Исследование управления» (1887 г.), опираясь на идеи западноевропейских ученых (прежде всего М. Вебера), предложил следующее видение возможностей сочетания демократического правительства и эффективного публичного управления. Для этого, по его мнению, необходимо создать эффективную профессиональную государственную службу, способную использовать достижения социальных наук (не в последнюю очередь – политической науки), а также отделить публичное управление от политики с ее коррупцией и скандалами. В. Вильсон и его последователи рассматривали управление – публичное и частное – прежде всего как технический процесс. Отсюда стремление применить к публичному управлению технологию научного менеджмента, возникшую в сфере бизнеса, и тем самым профессионализировать процесс этого управления и самих госслужащих. Поэтому идеалом публичного управления в те годы объявлялось не партийное и не политическое управление, а менеджмент в духе Ф. Тейлора.

В.И. Малиновский [7], агрегируя в современных реалиях процесс развития публичного управления, отмечает, что позднее, уже в XX в., стремление профессионализировать процесс публичного управления и самих государственных служащих на основе технологий научного менеджмента привело к возникновению в рамках публичного управления новой научной области public policy, что в переводе на русский язык означает разумный, целесообразный курс (принцип, план, стратегия) действий правительства, организации или отдельного официального лица. В настоящее время эта область публичного управления называется policy science, т. е. наука о выработке и реализации курса действий (решений) в публичной сфере (наука о курсах политики). Она иногда делится на policy analysis (сфокусированный и математический анализ направленной во вне деятельности публичных органов управления и ее воздействия на общество) и на policy making (выработку и формулирование решений, курса этих органов).

Многомерность и многовариантность управленческого процесса во всех его ипостасях, включая и антикризисный спектр, сложность выбора оптимальных управленческих решений, в том числе и в условиях кризисных ситуаций, непременно предполагает знание закономерностей, присущих публичным и частным отношениям, а также наличие способности предвидеть, предвосхищать и даже использовать возникающие энтропийные отклонения от общих закономерностей.

По мнению ряда исследователей [1, с. 613–614; 10; 13], российская практика государственного (публичного) реформирования глубоко впитала порочные традиции, противостоящие самой сути реформы. Стратегически это выразилось в чисто административных преобразованиях и усовершенствованиях, не затрагивающих сущность системы государственного управления, в проведении реформ без учета благоприятной общественно-политической обстановки и в отсутствии стремления реформаторов к максимально органичному объединению традиций и новаторства. Такой подход соотносится с антиципативным кризисным форматом и, как правило, с инструментами антикризисного стратегического управления и системы кризис-прогнозирования. Тактически реформирование сопровождалось институтом фаворитов и фавориток (фаворитизм) и тормозилось либо даже полностью дискредитировалось отсутствием хорошо продуманной и спланированной, внятной концепции административных реформ. Такой подход соотносится с превентивным кризисным форматом и общим алгоритмом технологического уровня антикризисного управления, а также с инструментами антикризисного планирования, учетом человеческого фактора. Оперативный уровень государственного реформирования насыщен проблемами коррупции, бюрократизации и бюрократизма (так называемые административные барьеры – см. далее), слабой обратной связью с обществом и, что самое главное, от-

существованием экспериментальной апробации и адаптации нововведений. В кризисном формате это соответствует реактивному уровню проявлений и воздействию на них.

Явная и чрезмерная асимметричность реформаторских отношений власти и общества «используется» в основном той же властью, а именно: большинство реформаторских антикризисных инициатив исходит сверху, а актуальность и меню мер противостояния кризисам обладает, как правило, характеристиками государственного регулирования без учета элементов рыночного (частного) регулирования. В конечном итоге, подобное реформирование само по себе не только не достигает своих целей, но и вдобавок вызывает побочные эффекты негативного свойства – фрагментарное и спорадическое изменение публичной власти, двойные стандарты по отношению к различным субъектам хозяйствования и социально-политические дисбалансы, повышение уровня неопределенности и непредсказуемости бизнес-среды.

Особого внимания требует современное состояние регулирования кризисных ситуаций и прежде всего несостоятельности (банкротства) как пика кризисного типа развития. К тому же антикризисное регулирование четко вписывается в систему государственного регулирования, ибо оно заключается в выработке и реализации правительством соответствующего уровня экономической политики, основанной на применении автоматических или встраиваемых стабилизаторов (подходный налог, налог на прибыль, пособия по безработице, субсидии на поддержку цен на сельскохозяйственную продукцию и т.д.).

Итак, пристальный интерес российского научного сообщества и представителей органов власти всех уровней прямо или опосредованно обусловлен обострением внутрисистемных противоречий экономического, правового и социального характера. Противоречие же между функционированием системы и ее развитием является базовой, генетической основой кризиса.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что «кризис – это тяжелое переходное состояние, угрожающее жизнестойкости системы» [6]. Однако необходимость и важность публичности и публичных дискуссий не исчезает.

Во-первых, кризис-ориентированное конструирование публичного пространства крайне затруднено, так как отдельные экономические кризисы в виду своих масштабов и глубины затрагивают значительную часть социума и воздействуют на большинство населения того или иного государства.

Во-вторых, публичность увязывается с уровнем каждой конкретной проблемной ситуации. Наиболее значимыми в вопросах качества разрешения проблемы являются такие факторы, как категория проблемы (стандартная, типовая эвристическая) и масштабы проблемы (глобальная, локальная, микролокальная). И уже с неизменным учетом данных факторов и, по сути, под них создается своя публика.

Публикой обычно считается достаточно узкий круг граждан в сравнении со всем населением государства. Самое расхожее, обыденное понимание публики предлагает «Википедия»: «Публика – совокупность людей, являющихся объектом воздействия искусства, пропаганды, рекламы, литературы, развлекательных мероприятий, просвещения. Действия (например, выступления), рассчитанные на публику, называются публичными».

Однако само разделение частной и публичной сферы плюс возможности крупных дискуссионных площадок в средствах массовой информации привели к расширению понимания публики и публичной сферы. Более того, последнее время информационное общество имеет тенденции к новым форматам синтеза частной и публичной сфер: происходит сегментация публичных пространств, которые могут пересекаться, что вполне соотносится с логикой неоднородности сложных систем. М. Риттер относит понятия «публичная сфера» и «частная сфера» к важным научным категориям, с помощью которых ученые стараются объяснить связь политического и экономического развития и социальной интеграции, с одной стороны, и нормативных концепций демократии – с другой.

Центральным понятием, помогающим осознать и описать публичную сферу, исследователь считает именно «демократию участия» или «партиципаторную» демократию [11].

Таким образом, тенденциям массовизации противостоит тенденция так называемой рефеодализации, когда «новые феодалы» создают публику вокруг своего места либо проблемы на основе личностных связей. Немецкий философ Ю. Хабермас [19; 20] прямо указывает, что данные тенденции соотносятся с современными буржуазными демократиями; более того, это происходит в тех странах, где «уже создано и функционирует “welfare state”, т.е. “социальное государство”, которое во многом берет на себя заботы о социальных нуждах граждан и способно их в основном обеспечить».

К такому пониманию Ю. Хабермас «шел» более 20 лет, встав вместе с Э. Гиденсом, Н. Луманом и У. Бемом у истоков окончательного формирования в 60–80-х гг. XX века социально-политического подхода к исследованию казуальности кризисов. Наряду с выводами перечисленных ученых, исследователи кризисной проблематики в рамках указанного подхода проводят континуум от идей К. Маркса, М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева, Е. Слуцкого, через теоретические положения Дж. М. Кларка, А. Афталона, А. Шпитгофа к обобщениям Дж. М. Кейнса, С. Кузнецца, Й. Шумпетера и с учетом разработок Л. Эрхарда и Л. фон Мизеса, А. Лейнхвида и Р. Клауэра, И.Р. Пригожина и И. Стенгерс. И сегодня любому продвинутому специалисту-антикризиснику совершенно ясно и понятно, что необходимый и востребованный мультидисциплинарный подход к антикризисному управлению находит отражение в виде изучения противоречий между функционированием социально-экономической системы и ее развитием в таких областях знаний как экономика, юриспруденция, социология, менеджмент, психология, конфликтология, политология и, конечно, философия. Формирование системного мультидисциплинарного характера кризисного управления требует знаний и использования инструментов и методик различных подходов к изучению кризиса как объекта экономической статистики и динамики и к разработке необходимых антикризисных мероприятий. Авторами статьи выделяются такие подходы, как философский, культурно-цивилизационный, экономико-правовой, социологический, психологический, технико-технологический, упомянутый социально-политический и ряд других.

Проанализировав рыночную экономическую систему, Ю. Хабермас заключил, что кризис соотносится со сферой культуры организации и корпоративной идеологией [16; 17; 18]. Формирование источника кризиса, т.е. его причин, происходит тогда, когда топ-менеджмент организации как принимающий ключевые экономические решения управляет экономическим ростом неэффективно. Один из авторов статьи, будучи профессиональным антикризисным управляющим, отмечает, что на языке экономистов-антикризисников такой кризис называется экономическим, т.е. таким, при котором имеющиеся или привлеченные в достаточном количестве и качестве материальные ресурсы используются неэффективно. Ю. Хабермас как истинный философ обозначил его как кризис рациональности (лексиграфическое авторство принадлежит В. Turner /1990 г./), т.е. у ключевых сотрудников возникает противоречие между представлениями о целях организации и средствах их достижения.

Ю. Хабермас как исследователь развивал свои заключения дальше: в частности, неразрешенность, длительность экономического кризиса переходит в кризис легитимности, выражающийся в потере сторонников проводимого курса, падению авторитета руководства организации. На антикризисном языке авторов статьи, это – организационный кризис, который возникает при наличии, по крайней мере, двух условий: во-первых, неблагоприятные факторы должны воздействовать на всю организацию как целостную систему; во-вторых, доминирующее в организации мировоззрение оказывается неспособным правильно отразить причинно-следственные отношения, порождающие угрозу кризиса или создает защитный механизм, препят-

ствующий осознанию истинных причин кризиса. Далее, по Ю. Хабермасу, при попустительстве либо профессиональной непригодности ключевых сотрудников может разразиться мотивационный кризис, выражающийся в разбросе индивидуальных ценностей и, главное, имеющий очень грозное последствие – антагонистические ожидания стейкхолдеров как объединенных социальных групп. «Массы» становятся трудно управляемыми, саботируют управленческие решения; усиление контроля не приносит желаемого эффекта; все труднее становится избегать социальных конфликтов. Мотивационный кризис – зародыш всех социально-ориентированных кризисов (социальных кризисов), заканчивающихся политическими кризисами, пиком которых являются те или иные социальные протесты: забастовки работников, молодежные уличные беспорядки, крестьянские волнения и восстания, мятежи заключенных, путчи, а также преступления против личности и, наконец, войны.

По аналогичным признакам, например, W.-R. Bretzke [15] разделил динамику кризиса на стадии потенциальный кризис, латентный кризис, преодолимый и непреодолимый кризис; В.Г. Белолипецкий [2] – на кризис стратегии, кризис результатов, кризис ликвидности и банкротство. На самом деле правы и Ю. Хабермас, и представители антикризисного экономического знания. Данное утверждение авторов статьи строится на знании экономической динамики кризиса как системы, и в ней контур экономического кризиса включает в себя, наряду с пресловутой рецессией и финансовым кризисом, и кризис рациональности, и кризис стратегии, и даже паракризисные (сигнальные) проявления. Более того, не является неизменным даже прошлое. О нем появляются новые знания, что заставляет тщательнее искать малосигнальные параметры в прошлом и учитывать гетерохронность (разнотемповость) развития. Прошлое, в том числе как время, становится важным экономическим ресурсом.

Почему авторы статьи так внимательно и подробно остановились на разработках философа Ю. Хабермаса? Конечно же, не только из уважения к философии – золотому дождю, проливающимся на все человеческие знания. Дело в том, что именно Ю. Хабермас в развитии своих идей из чисто экономических областей подошел очень близко к пониманию причинности кризисного состояния ОБЩЕСТВА и к изучению и освещению важнейших публичных и частных аспектов, а именно – нарушений социального порядка, утраты веры в традиционные ценности, недоверия к лидерам. Напомним, с чего все начиналось: «массы» – те, которые становятся неуправляемыми – первично всего лишь испытывали потребность в изменении алгоритма организационной культуры. Вывод очевиден: условием эффективного и рационального антикризисного управления является реформирование организации и ее руководства (реструктуризация, реорганизация, реинжиниринг бизнес-процессов, переосмысление функций менеджмента). То есть, топ-менеджмент организации, не дожидаясь наступления явной фазы кризиса, должен «идти по пути развития способности к самообучению и формированию адекватной реакции на обострение организационных затруднений» [5, с. 10]. Это и есть, по сути, склонение к рефеодализации публики.

Поставленный Ю. Хабермасом в самом конце XX века вопрос, «каким образом удастся рефеодализировать публику, т.е. закрепить контролируемое публичное пространство?», который прямо-таки заипнотизировал значительное число последователей и исследователей из различных отраслей науки, «звенит ультразвуком», но «отключить» вопрос невозможно: это ведь не техническая конструкция. Необходимо искать ответ.

Конечно, по месту жительства либо учебы, работы существует множество способов не только ограничить доступ к необходимой нам информации, но и наполнить окружающее нас публичное пространство информацией, которая будет оказывать на нас влияние.

«Феодалы публичного пространства» – это электронные СМИ, PR-агентства, наемные руководители и собственники предприятий, мэры городов, медийные личности, которые заполняют публичное пространство по своему усмотрению, формируют

информационный контент, к которому привязаны своеобразные «информационные крепостные». «Крепостная зависимость» отражается в вялой, статичной оценке текущих общественных событий в виду информированности особым, нужным, способом и в поэтапном изменении личностных свойств и ценностей. Однако никто «не отменял» антизависимость в виде социальной солидарности, укрепленного научным знанием духа исследователей, согласованных антикризисных умений и навыков и профессионального опыта. Антизависимая публика в виду защиты от легкого и быстрого воздействия на коренные установки и ценности может эффективно мобилизоваться на решение конкретных кризисных ситуаций и общих проблем.

Однако, исходя из универсальных способов организации индивидуального человеческого опыта, необходимо вести речь не столько о «неравнодушной публике» и не об объединении необразованного и легко поддающегося влиянию «плебса», но скорее о формировании публики со всеми атрибутами, необходимыми развитому социальному государству, как-то: свободное сознание, профессиональная компетентность и продвинутая грамотность, заинтересованность в общественно значимых и общественно полезных результатах труда и ответственность за предоставление применения местному труду и капиталу, а также привлечение инвестиций. Это и есть, по сути, экономическое переложение публичной политики.

Многомерность концепта «публичная политика» находит новое понимание как система совместного управления (governance), которая сегодня активно развивается в практической деятельности международных, наднациональных институтов Европейского Союза.

Существует несколько подходов к концептуализации понятия governance, понимаемого «как минимум вмешательства государства, как корпоративное управление, как новый государственный менеджмент, как “хорошее управление”, как социо-кибернетическая система, как самоорганизующаяся сеть» [12].

Интерес специалистов-антикризисников к governance закономерен и вполне объясним, ведь порочность корпоративной модели управления (максимизация прибыли в краткосрочном периоде, прибыль любой ценой) приобрела глобальные масштабы и наиболее ярко проявилась в последнем мировом финансово-экономическом кризисе 2007–2010 гг. Если вдуматься, как справедливо отмечает В.Е. Чиркин [14], «по своему существу публичное управление есть проявление общественной власти, которая вбирает в себя управление государственное, власть территориальных публичных коллективов субъектов Федерации, автономий и муниципальных образований и, наконец, ВЛАСТЬ КОРПОРАТИВНУЮ (выделено автором статьи)».

Современная корпоративная власть представлена институтом корпоративного управления, в котором наличествуют несколько особых «фигур»: менеджер-исполнитель, миноритарий, рейтинговое агентство, фондовый рынок, структура собственности и контроля.

Менеджерам-исполнителям нужны премиальные денежные бонусы, которые рассчитываются от прироста текущей капитализации. Миноритарного акционера в основном заботит стоимость его пакета акций в кратко- или среднесрочном периоде, и классическому миноритарию при возникновении проблем всегда гораздо проще «проголосовать ногами», т.е. продать свой пакет на рынке (в итоге его интересы не сильно отличаются от интересов менеджера). Рейтинговыми агентствами и аудиторами как независимыми институтами осуществляется первичная оценка рисков компании-эмитента. Дальнейшая оценка компании проводится самим фондовым рынком по текущим показателям деятельности, взятым из публичной отчетности, и с учетом новых заключений аудиторов/рейтинговых агентств. Наконец, стоит упомянуть разрастание масштабов и усложнение организационной структуры «глобальных компаний» (с их 10–15-«этажной» структурой дочерних и аффилированных фирм), приведшее к тому, что во многих случаях не только акционеры, но и высшие менеджеры накануне последнего кризиса не имели реальной информации о состоянии своего

бизнеса. В результате в «глобальных компаниях» с распыленной структурой собственности возникают мощные стимулы к принятию решений, сулящих краткосрочную отдачу, но порождающих риски и способных создать для бизнеса проблемы в долгосрочном будущем. К этому добавляется отсутствие реальной ответственности как топ-менеджеров, так и независимых аудиторов, плюс заведомая неполнота оценок аудиторов (ведь реально они имеют доступ лишь к той информации, которую им предоставляют менеджеры) [9]. Итог: совокупная сумма деривативов (производных финансовых инструментов), находившихся в обращении к концу 2006 г., составляла \$370 трлн, а уже через полгода, в середине 2007 г. – \$516 трлн (для сравнения – мировой ВВП в 2007 г. составлял чуть более \$65 трлн).

Вышеописанная схема «работала» до тех пор, пока все участники и пользователи схематичного процесса ВЕРИЛИ в то, что рейтинг AAA означает более высокую надежность и меньшие риски, и поэтому компаниям с таким рейтингом можно давать деньги под меньший процент и с требованием меньших гарантий. В 2007 г. окончательно выяснилось, что это не так. Неизбежно последовавший кризис выявил серьезные риски установившейся глобальной модели корпоративного управления и копившуюся годами неэффективность «глобальных компаний».

Что из этого следует? Специалистам все более ясно, что окончательный выход из кризиса и, в конечном счете, экономический рост зависят не от темпов инфляции, динамики валютного курса и уровня процентных ставок, а от мотивов, которыми на своем микроуровне руководствуются конкретные экономические агенты (фирмы, банки, потребители и инвесторы). Круг замкнулся: публичное управление есть проявление общественной власти, которая вбирает в себя... и власть корпоративную.

Дальнейшие попытки усиления регламентации деятельности компаний со стороны только государственных регуляторов не являются решением проблемы. По мнению специалистов, как раз на фоне *governance* идет размывание границ между публичным и частным секторами, и востребованными оказываются новые механизмы управления, основанные на иных ресурсах, нежели правительственный авторитет и санкции.

В заключение отметим, что обзор современного состояния концепта «публичная политика» в аспектах антикризисного управления был бы неполным без освещения таких понятий, как фиктивная и избыточная публичные услуги. Сразу добавим, что предлагаемый срез используется в общенаучном обороте не часто. Под фиктивной публичной услугой понимается услуга, установленная в нормативном правовом акте, но не осуществляемая в реальности органами исполнительной власти. Избыточная публичная услуга (или административный барьер) – это услуга, издержки от введения которой превышают как частные выгоды для хозяйствующего субъекта, подпадающего под ее действие, так и общественные выгоды с учетом эффекта дохода [8]. Здесь однозначно нельзя не признать, что публичное управление в некоторых своих функциях действительно фиктивно и избыточно, чрезмерно забюрократизировано и требует упрощения.

В частности, это касается российских процедур банкротства отсутствующего должника, реализации возможностей расширения функций саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, проведения независимых проверок на наличие признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, ответственности руководителей должника и другое.

Основные выводы и перспективы дальнейших научных поисков. Развитие и функционирование социально-экономических систем подчиняется закону необходимого разнообразия, который сводится к тому, что разнообразие управляющей подсистемы должно быть больше или, по крайней мере, равно разнообразию управляемого объекта. Если это условие не выполняется, то управляемый объект может выйти из-под контроля. В целях обеспечения сбалансированного развития активное взаимодействие управляющей и управляемой подсистем объективно требует регулирования.

Речь идет о науке, образовании, инновациях, потоках инвестиций, доходах и расходах, ценообразовании, налогах, спросе и предложении и т.д.

Между тем, сегодня рано говорить о готовности российской системы органов публичного управления к управлению на качественно новом уровне. Таким образом, можно и нужно говорить о структурном и функциональном противоречии, заложенном в требуемых изменениях. Напомним, что противоречие между функционированием системы и ее развитием является базовой, генетической основой кризиса, потому что противоречие порождает неравномерность и непредсказуемость движения элементов подсистем, возникновение дисбалансов в общей системе.

Во взятом Россией курсе на модернизацию, целью которой остается преодоление отставания от мировых лидеров и повышение качества жизни россиян, ведущая роль отведена системе органов публичного управления. Позиция и упорство центра неизменны – системе требуется установление такого порядка, который будет препятствовать энтропийным процессам.

Главной чертой и по сей день является сохранение концепта публичного пространства как площадки, арены, на которой происходит согласование интересов, и публики как совокупности независимых, свободных и заинтересованных граждан, способных к участию в выработке и реализации политических решений [3]. Включение публики в активную политическую практику закрепляет эту практику в виде института гражданского участия. Самые активные представители публики своими действиями поддерживают публичные институты либо трансформируют их, но и разрушают устаревшие институты и создают новые.

Напомним еще раз о порочной модели корпоративного управления, когда отсутствие необходимых компетенций публики ведет к ущербности и манипулятивности публичной политики и имитационному характеру всего демократического управления. Ситуация становится похожей на «замкнутый круг с элементами домино», когда публичной политики нет, потому что нет публики, и поэтому в итоге не может функционировать демократия, не развивается демократическое управление. К тому же ряд исследователей [3; 4; 10] считает, что уровень социальной активности может развиваться скачкообразно: от апатии – к быстрой, порой лавинообразной консолидации, от высоких ожиданий и активности – к разочарованию и пассивности (например, в истории современной России гражданская активность имела период подъема в конце 1980-х – начале 1990-х г.г., сменившийся периодом спада участия в 2000-е г.г.).

В любом случае, для выхода из кризисной ситуации ключевым фактором является процесс возвращения от имитации формирования публики и публичной политики к реальности. Формируемая публика востребована именно потому, что обладает способностью к консолидации и мобилизации на конкретные социальные действия и часто реализует себя посредством солидарности.

Список литературы:

1. Административные реформы в России: история и современность / под общ. ред. докт. экон. наук, проф. Р.Н. Байгузина. – М., 2006.
2. Белолипецкий В.Г. Проблемы разрешения основного финансового противоречия: теоретические возможности и реальная практика / В.Г. Белолипецкий // Финансы. – 1999. – № 11. – С. 20–31.
3. Беляева Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам / Н.Ю. Беляева // Полис. 2011. – №4. – С. 72–87.
4. Васильев М.А. Азбука публичного управления : электронное учебно-методическое пособие для муниципальных служащих [Электронный ресурс] / М.А. Васильев. – 2-ое изд. – Режим доступа : <http://emsu.ru/lm/shop/Cd-vas1/default.htm>.
5. Зуб А.Т. Антикризисное управление / А.Т. Зуб. – М. : Аспект Пресс, 2005. – 319 с.

6. Коротков Э.М. Антикризисное управление : учебник. – М.: ИНФРА-М, 2008. 432с.
7. Малиновский В.И. Политическое управление : курс лекций [Электронный ресурс] / В.И. Малиновский. – Режим доступа : <http://all-politologija.ru/knigi/politicheskoe-upravlenie-kurs-lekcij-malinovskogo/vzaimosvyaz-politiki-i-upravleniya-sushnost-politicheskogo-upravleniya>.
8. Нарышкин С.Е. Административная реформа в России: некоторые итоги и задачи юридической науки / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2006. – № 11. – С. 9–15.
9. «Общественная собственность» в глобальном контексте [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.slou.ru>.
10. Петров М.П. Опыт эволюции публичного управления в России и актуальные задачи административной реформы на современном этапе [Электронный ресурс] / М.П. Петров. – Режим доступа : <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=25&art=889>.
11. Риттер М. Публичная сфера как идеал политической культуры / М. Риттер // Гражданин и власть: проблемы и подходы. – М., 1998.
12. Роудс Р. Новый метод управления: управление без правительства / Р. Роудс // Публичная политика: от теории к практике / сост. и науч. ред. Н.Ю. Данилова, О.Ю. Гурова, Н.Г. Жидкова. – СПб : Алетейя, 2008.
13. Чернышев Б.В. Традиции авторитаризма в системе государственных учреждений России / Б.В. Чернышев // Правовая культура. – 2007. – № 1. – С. 25.
14. Чиркин В.Е. Об изучении основ публичного управления / В.Е. Чиркин // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 3. – С. 6–8.
15. Bretzke W.-R. Der Problembezug von Entscheidungsmoedellen / W.-R. Bretzke. – Tbingen, 1980. – 382 s.
16. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / J. Habermas. – Cambridge, 1962 : trans. 1989.
17. Habermas J. «The Public Sphere» / J. Habermas // Jurgen Habermas on Society and Politics / Seidman, S. (ed.). – Boston : Beacon Press, 1973.
18. Habermas J. Legitimizing crisis / J. Habermas. – Boston, 1975.
19. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / J. Habermas. – Cambridge, Mas. : The MIT Press, 1993.
20. Habermas J. The Public Sphere / J. Habermas // Contemporary Philosophy / ed. by E. Goodin and Philip Pettit. – Oxford : Blackwell, 1997.

Ольга ШИПУНОВА, Алла САФОНОВА

КОЛЕКТИВНА ІДЕНТИЧНІСТЬ УКРАЇНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА ТА ЇЇ ВПЛИВ НА РЕФОРМУВАННЯ ДЕРЖАВНОГО УПРАВЛІННЯ

Постановка проблеми. Задачи государственного управления в публичной сфере определяются проблемой эффективного социального контроля. Главные трудности решения этой задачи связаны с феноменальной динамикой личности и презумпцией личной свободы выбора, заложенной в идеологии гражданского общества. Поиск ответа на вопрос, как органично совместить контрастирующие побуждения принципа свободы и принципа социального порядка в практике государственного управления, заставляет обращаться к анализу исторически сложившихся культурных механизмов единения общности и доверия институтам власти.

На современном этапе механизмы самосохранения целостности и упорядоченности общественной жизни далеко не ясны. В качестве факторов, обеспечивающих глубинное единство общества, называются либо духовная культура, либо экономическая, хозяйственная деятельность. Производство и обмен материальными благами, несомненно, является необходимой предпосылкой общественной жизни. Но в реальной жизни люди ведут себя, исходя из самых разных побуждений, и далеко не всегда их поступки мотивируются экономической целесообразностью.

Внешние социальные отношения в сфере экономики и политики, а также в других социальных сферах и обыденной жизни предполагают наличие некоторой внутренней связи между людьми, о существовании которой они могут даже не отдавать себе ясного отчета. Эта неуловимая духовная связь существенна для общественной жизни. Ее отсутствие делает все социальные связи, в том числе государственно-политические, неустойчивыми, мимолетными. Современные политологи подчеркивают необходимость прогнозирования готовности населения к развитию устойчивых социальных институтов гражданского общества и государства, и, следовательно, актуальность анализа субъективных, психосоциальных и культурных факторов динамики публичной сферы.

Анализ последних исследований и публикаций. Начиная со второй половины XX в., наиболее острые вопросы социальной теории и практики группируются вокруг политических технологий, нацеленных на разрушение групповой и приватной жизни индивида и вовлечение его в тотальное публичное существование (Х. Арндт, Э. Канетти, К. Мангейм). Исторические реалии этого времени – разрушение традиционного порядка, создание нового тоталитарного режима, сопряженного с формированием идеологий и мифов, призванных легитимировать этот порядок и не чуждых апелляции к сакральному измерению социальной реальности.

Интенсивно разрабатываются теории массовой коммуникации, в которых анализируются возможности насаждения определенных стереотипов поведения, выявляются механизмы вербального и невербального манипулирования массовым сознанием (Р. Барт, В. Беньямин, Ж. Бодрийяр, М. Маклюэн, М.М. Назаров, А. Тоффлер, Э. Юнгер). Коммуникативно-технологический подход к человеку в теориях массовой коммуникации определен представлением о

ШИПУНОВА
Ольга,
SHIPUNOVA
Olga,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского политехнического университета, г. Санкт-Петербург.

Аннотация: в статье выделен экзистенциально-ценностный аспект публичной политики, предполагающий органичное сочетание принципа свободы выбора и архетипа социального порядка. Анализируются стихийно возникающие механизмы общественного согласия, единения общности и доверия институтам власти. В центре внимания – эффективность сакрализации как способа тотального контроля действий и мыслей индивида, которая определяется соединением архетипических содержаний личного и коллективного бессознательного.

Ключевые слова: архетип социального порядка, сакрализация, публичная сфера, социальный контроль, жизненный мир, превращение смыслов, иррациональный диалог.

УДК 159.964

САФОНОВА
Алла,
SAFONOVA
Алла,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского политехнического университета, г. Санкт-Петербурге.

Аннотация: в статье выделен экзистенциально-ценностный аспект публичной политики, предполагающий органичное сочетание принципа свободы выбора и архетипа социального порядка. Анализируются стихийно возникающие механизмы общественного согласия, единения общности и доверия институтам власти. В центре внимания – эффективность сакрализации как способа тотального контроля действий и мыслей индивида, которая определяется соединением архетипических содержаний личного и коллективно-бессознательного.

Ключевые слова: архетип социального порядка, сакрализация, публичная сфера, социальный контроль, жизненный мир, превращение смыслов, иррациональный диалог.

УДК 159.964

среднестатистическом усредненном объекте воздействия с целью формирования социального субъекта, определенным образом ориентированного в своих глубинных побуждениях.

Однако не менее значимым в публичной политике оказывается аксиологический аспект, обращенный к экзистенциально-ценностной стороне действий индивида. Каждый человек устанавливает ценностные и смысловые связи с внешним миром – социальной и природной средой, активно используя ресурсы культуры: концепты, идеи, дискурсы и мировоззренческие универсалии. Вместе тем, отмечает Е.В. Суший, при изучении коммуникативных стратегий государственного управления, практики повседневности убеждают в том, что ценности следует рассматривать не как автономные идеальные образования, которые кого-то на что-то могут мобилизовать, тем более порождать власть и институты, а как специфические символы – медиаторы в сложных ритуальных отношениях индивидов и групп [3].

Пристальное внимание к ценностно-ориентированной коммуникации в публичной сфере государственного управления неизбежно связано с вопросом о глубинных (сакральных) механизмах коммуникативных практик. В этой связи теоретический и практический интерес представляет рассмотрение социальной и экзистенциальной роли процесса сакрализации в истории и современности.

Термин сакральное подчеркивает некое сущностное ядро жизни, определяющее мировоззрение, ценности и поведение человека. Такое ядро, указывая на аспекты социальной реальности, выходящие за рамки привычного, обыденного, всегда присутствует в жизни человека и общества, меняя лишь формы проявления. Сакральное закрепляется в архетипах, символических и мифологемах, вписывается в субъективный образ мира, отражается в различных формах деятельности человека, в его сознании и воле [6].

Нерешенные задачи общей проблемы. Общая установка в трактовке социальной реальности, характерная для современного социогуманитарного знания, подчеркивает ключевое значение коммуникативного и смыслового пространства в проблеме социального регулирования, многоаспектную онтологию информационных и культурных сред современного социума, неясность феноменологии действия. Неявная смысловая динамика публичной сферы, ее источники и механизмы составляют сложную задачу социального контроля, не имеющую однозначного решения.

Цель статьи. Мы намерены показать эффективность сакрализации как средства публичной политики, которая опирается на естественную технологию единения общности, безграничное доверие и тотальный контроль на уровне мотивации, что позволяет говорить о естественной для человека архетипической форме социального контроля и трансформации архетипа социального порядка в современном обществе.

Изложение основного материала. В публичной практике сакральное явно не выражается, но всегда имеет отношение к устойчивому паттерну информации, способствующему сохранению целостности социума. К неявным феноменам, которые существуют в семантическом пространстве как бы самостоятельно и независимо от людей, можно отнести архетипы коллективного бессознательного, смысл, дискурс, контекст и т.д., специфика которых определяется отношением к скрытым формам социальной памяти.

Публичная сфера скреплена не прямой и часто невербальной коммуникацией на уровне эмоционального диалога. Взаимосвязь сакральных и экзистенциально-ценностных сторон жизненного мира составляет скрытое основание не прямой коммуникации в общности, благодаря которой индивид обретает значимые для понимания мира смыслы. В контексте нашего исследования важно подчеркнуть, что жизнь индивида и социума сопровождается достаточно высоким экзистенциальным напряжением, которое не является чем-то производным от конкретных типов общественной организации, а обусловлено самой природой человеческих взаимоотношений и, следовательно, сохраняется в любом обществе.

Обществу и государству необходимы цель, мобилизующая его усилия, некий образ будущего или счастливого прошлого, который, вызывая интуитивное доверие, идейно и эмоционально сплачивает бы людей. Такой образ всегда сакрализован, ибо он не должен вызывать сомнений. Сакральный образ, заключая в себе актуальные ценности, всегда близок к существующим настроениям и вызывает эмоциональный всплеск.

В разные исторические эпохи степень распространения сакральных смыслов и характер сакрализации неодинаковы. Это обусловлено разницей в образе жизни людей. Однако вплоть до Нового времени сакрализация выступает в качестве самого эффективного средства организации социальной жизни, придания ей внутренней (смысловой и ценностной) упорядоченности. И современное общественное сознание насыщено различными, в том числе и сакральными, мифологемами, которые задают некие идеальные образцы поведения. Мифы, несущие сакральные смыслы, составляют часть того социального механизма, который приводит массы в движение, порождает и закрепляет социальные инновации. Коммуникативная роль социальной мифологии связана с адаптацией человека к существующему социальному порядку. В XX в. возникла целая сеть мифологий, обращенных к формированию архетипа социального порядка, призванных гарантировать воспроизводство существующего порядка с указанием индивиду места в нем.

Эффективность сакрализации как способа контроля и регулирования публичной сферы проявляется в альтернативных тенденциях персонификации социального контроля и деперсонификации субъекта социального управления. Первая тенденция, наиболее ярко представленная наделением власти одного человека сакральным значением, соотносится с архетипом вождя или царя.

В глубокой древности складывается традиция освящать социальный порядок, прежде всего социальные функции субъекта, стоящего над всеми членами общности. Сакрализация субъекта управления (вождя, жреца, шамана, князя, царя), сопровождалась безоговорочным признанием авторитета властвующей персоны и подчинением каждого его приказам. На самых ранних этапах человеческой истории и в восточной, и в западной традиции сакральной персоной выступал правитель, который был в то же время и верховным жрецом. Позднее в Западной Европе произошло разделение светской и духовной (церковной) власти с подчинением первой из них второй, так как именно глава церкви считался сакральной персоной ввиду своей непосредственной близости к Богу. В новейшей истории сакрализация главы государства или государственного строя совершается уже вне традиционных религиозных интерпретаций. Традиционный архетип социального порядка становится не только проблемным, но и недейственным.

Отметим, что уже древняя архетипическая форма социального контроля – тотем – неоднозначна. С одной стороны, сакральным значением наделяется мать как центр кровной связи, с другой – табу, которое можно толковать не только в смысле внешнего (социального) ограничения и физического наказания, но и в смысле самоограничения, которое соотносится с появлением нравственности [1].

В древней истории деперсонифицированный социальный контроль в организации общности представлен архетипом рода и тотема. За ним стоит сакральный паттерн, в

соответствии с которым каждый индивид определяет собственные правила действий и мыслей. Примером такого паттерна выступает табу или заповедь.

Таким образом, архетип социального порядка представлен и в персонифицированном архетипе вождя, и в архетипе матери, и в деперсонифицированном архетипе табу и родственной связи (род, семья). И в том, и в другом случае предполагается некая норма, которая требует определенного уровня активности не только в отношении физического действия и поведения, но и в отношении внутреннего психоэмоционального состояния. Сакральный паттерн, обеспечивая чувствительность к общим целям и верованиям, запускает работу подсознания в определенном направлении, благодаря чему становится возможным естественная согласованность в социальном действии.

В современной интерпретации сакральный паттерн, помимо архетипа, соотносится с такими смысловыми конструкциями, как культурген, социокод, мифологема, доктрина. Благодаря неявной форме смыслового контроля в процессе сакрализации, самоорганизация общности происходит естественным образом за счет безотчетной ориентации на архетип и веру в священное знание (его происхождение не обсуждается и не подвергается сомнению). Такая форма контроля публичной сферы представлена религиозной практикой убеждения и обоснования власти. Особенность сакральной формы обоснования власти – символика, не требующая речевого объяснения, адресованная к эмоциональному интуитивному восприятию.

Взаимоотношение сакрального и социального характеризует не только динамику культурных форм духовной жизни, но и бессознательную структуру психики, закономерно определяя феноменологию субъективности и в отношении мотивации действия, и в отношении восприятия, и в отношении мышления. Эффективность сакрализации как способа тотального контроля действий и мыслей индивида определяется соединением архетипических содержаний личного и коллективного бессознательного.

Символ выступает посредником в отношении человека к сакральному уровню реальности. С выражением знания о сакральном в символах связаны и персонологическая (экзистенциальная), и социально-коммуникативная динамика, которую можно квалифицировать как естественную технологию организации культурной общности, в которой не только символ, но и персона, интерпретирующая его значение, играет роль медиума.

Любая ситуация мысленного и практического действия требует от человека вступления в своеобразный диалог с внеперсональными инвариантами и нормами: знаковыми системами, общими значениями, общепринятыми ассоциациями, характерными для эпохи установками (мировоззренческими и этическими). Жизненное событие, которое осуществляется индивидуально, всегда имеет культурное содержание. В концепции коммуникативной рациональности Ю. Хабермас подчеркивает тройное отношение субъекта к миру: истинность (отношение к бытию), правильность (отношение к социальной норме) и интенциональность (отношение к ценностям). И каждое из выделенных отношений может нести сакральные смыслы. С раскрытием, узнаванием этих смыслов связаны формы неявной коммуникации, в которой субъектами выступают подсознание и знаковая система, скрывающая в символах некоторое знание. Такой иррациональный диалог всегда ориентирован на непосредственное понимание, которое опирается на архетипы, лежащие в подсознании.

Практика иррационального диалога культивируется в магических и религиозных культах, а также в психотерапии и психосоциальных технологиях воздействия на массовое сознание с целью коррекции системы ценностей и смыслов. Структурой, запускающей ментальную активность в иррациональном диалоге, выступает сакральный знак, который активизирует контекстную систему значимостей. История религии и мистицизма демонстрирует эзотеричность знаковой системы, которая предполагает активное взаимодействие на уровне архетипов – ее выбирают и уста-

навливают с нею обратную связь. Человек, выбравший храм, автоматически включается в определенную знаковую систему, где каждый элемент играет самостоятельную роль, но в то же время дополняет другие элементы. В результате социальная среда – здание, помещение, элементы, одежда, вещи, люди – приобретают ритуально-символическое значение (храм, алтарь, жрец). Например, если убрать иконы из храма, он утрачивает свою функцию. Каждый человек формирует свою экзистенциальную систему значимостей, принимая ту или иную знаковую систему в качестве ориентира, который позволяет ему структурировать поток информации, преобразуя его в свой жизненный мир, в котором он ощущает определенный комфорт, собственную значимость и защищенность. Современный человек нуждается в этом, также как и древний. Стремясь обрести уверенность, он апеллирует к архетипу социального порядка, скрытому в символах государства, церкви, семьи и частной собственности [4, с. 60–61, 63–64].

Непрямая коммуникация в форме иррационального диалога образует скрытое основание изменения состояний сознания. Каждый человек погружен в стихию бессознательной деятельности, неявным образом организованную. Его глубинные интуитивные движения запускаются эмоциональной связью с символикой, несущей сакральные смыслы. Трансформация сакральных смыслов и дискурсивных формаций в семантическом пространстве социума определяет специфику современного информационного общества, эволюцию архетипа свободы и разрушение архетипа социального порядка.

Современный человек стремится одновременно и отличить себя от других, и в то же время утвердить свою принадлежность к той или иной группе. Примечательно, что в примитивных обществах, характеризующихся максимальной социальной однородностью, отсутствовало стремление выделиться из общей массы. Универсальность взаимосвязи расширения группы с усилением индивидуальности отмечает Г. Зиммель [2, с. 349–375]. По мере увеличения группы ее члены становятся все менее похожими друг на друга. Усиление индивидуальности сопровождается деградацией группы. И наоборот, чем меньше, своеобразнее группа, тем менее индивидуальны ее представители. Исторический процесс развивается в сторону усиления индивидуальности за счет утраты индивидами их универсальных социальных характеристик. Расширенная семья (архетип рода) сменяется самостоятельными полноправными индивидами и нуклеарной семьей. Цеховая и кровнородственная организация сменяется гражданским обществом с характерными для него высокой индивидуальной свободой и ответственностью.

Разрушение архетипа социального порядка как исчезновение социального, которое сопровождает процесс глобализации, обусловлено все возрастающей дифференциацией социальной структуры общества, причем отдельный человек идентифицирует себя не с одной-двумя, а с большим количеством разнообразных социальных групп, которые между собой могут находиться в конфликте. В итоге конкретный человек растворяется во множестве социальных общностей и оказывается не в состоянии выстроить жизненную стратегию. Он вынужден заново определять свое место в мире, находить или самостоятельно формировать адекватные коммуникативные структуры.

Несмотря на кризис традиционных связей в современном обществе и утрату традиционного мифологического сознания, готовность интерпретировать экзистенциально значимое как проявление сакрального, не исчезает, подчеркивает М. Элиаде [5]. Современный западный человек создает сакральные миры, архетипическим основанием которых выступают превращенные базисные структуры религиозности. Крипторелигиозный и криптомифологический миры существуют рядом с профанными областями жизни как составная часть современной цивилизации.

Выводы и перспективы. Социальная и культурная роль сакрального наиболее адекватно раскрывается в представлении о превращенных формах, которое фикси-

рует способность человека наделять вещи и отношения смыслом, изменяя и объективируя его в символике фетишей. Этот уровень сакрализации вещей имеет непосредственное отношение к традиционным и современным коммуникативным практикам публичной сферы государственного управления.

Превращенная форма, выступая каналом не прямой коммуникации, соединяет сакральное содержание личного опыта с социальными нормами и смыслами в принимаемой индивидом ценности. Представления о бытии и социальном порядке в индивидуальном сознании соотносятся с экзистенциально значимыми сакральными смыслами, что позволяет говорить о сакрализации не только как о традиционной магической и религиозной практике, но и как о скрытом механизме эмоционально нагруженного смыслового социального контроля, эффективно действующего уже на уровне побуждений и неосознаваемых действий.

Рекомендации органам законодательной и исполнительной власти. Ценностная ориентация современной публичной сферы на готовность населения к развитию устойчивых социальных институтов гражданского общества и государства предполагает органичное сочетание принципа свободы выбора и архетипа социального порядка. Такое сочетание в единении общности достигается через формирование в семантическом пространстве социума сакрального паттерна, направляющего волю и ценностные ориентации индивида.

Сакрализация (наделение предметов священным содержанием) – естественно воспринимаемый способ социального контроля, в основе которого лежит не прямое социальное влияние через символизацию и активизацию архетипов, превращение смыслов и предметных форм. Такого рода сакральный контроль не может отменить никакая форма государственного режима, ее можно только учитывать или не учитывать в идеологии и политической практике публичного управления.

Список литературы:

1. Бородай Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности) / Ю.М. Бородай. – М., 1995.
2. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования / Г. Зиммель. – М., 2005.
3. Суший Е.В. Публичная сфера государственного управления: ценностно-ориентированная коммуникация / Е.В. Суший // Ценности и коммуникация в современном обществе. – СПб, 2012. – С. 135–144.
4. Цветков Э. Мастер самопознания, или Погружение в «Я» / Э. Цветков. – СПб, 1999.
5. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М., 1994.
6. Сафонова А.С. Сакральное как социокультурный феномен : диссертация на соискание степени кандидата философских наук / А.С. Сафонова. – СПб, 2007.

Ирина БЕРЕЗОВСКАЯ

**ПРО СПЕЦИФИКУ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕДИА-ОБРАЗУ ПОЛИТИКА:
ДОСВИД ФЕНОМЕНОЛОГИЧНОГО АНАЛИЗУ**

**БЕРЕЗОВСКАЯ
Ирина,
BEREZOVSKAYA
Irina,**

кандидат философских наук, доцент кафедры «Прикладная психология» Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения, г. Санкт-Петербург.

***Аннотация:** образ политика во многом предопределяет социальную и политическую напряжённость в стране. Для этого СМИ прибегают к созданию образа политика, воплощая в жизнь, как ожидания населения, так и намерения самого политика. Качество реализации этой задачи средствами массовой информации во многом определяет успех развития государства. Феноменологический анализ художественного медиа-образа политика, во многом будет способствовать решению данной задачи создания образа политика.*

***Ключевые слова:** имидж, художественный образ, медиа, архетипы, воображение, феноменологическая редукция, феноменологическая установка, фантазм, симулякр, репутация.*

**УДК 321(075) 130.3
(075)**

Постановка проблемы. Современный человек живет в медиатизированном пространстве и черпает значительную часть своих эстетических и политических представлений именно из медиа-среды. Представление о том, что это влияние значительно, достаточно распространено, но носит отвлеченно-теоретический характер, связанный по большей части с изучением влияния медиа-среды на формирование общественного мнения и мировоззрение отдельных граждан. Вопрос же специфики художественного образа вообще и художественного образа политика в частности оказывается менее разработан, поскольку все, что касается эстетической составляющей человеческой жизни, оказывается не таким уж важным в эпоху глобализации, информатизации и научной экспансии во все сферы жизнедеятельности. Так, нужно отметить, что вопрос о специфике художественного образа политика в мировой и отечественной науке поднимается в рамках политической имиджологии. Поскольку слово «имидж» является английским эквивалентом русского слова «образ», то присутствует соблазн использования этих понятий как синонимичных. Однако разделение этих понятий и исследование их с различных позиций (имиджа с позиции имиджологии, а художественного образа – с эстетической) во многом будет способствовать прояснению не просто данных понятий, а и механизма появления и формирования образа в отличие от имиджа.

Образ политика во многом предопределяет социальную и политическую напряжённость в стране. С одной стороны, сами люди хотят чувствовать себя защищёнными, уверенными в завтрашнем дне, с другой – основная коммуникативная стратегия лидера – понравится своему народу. Для этого СМИ прибегают к созданию образа политика, воплощая в жизнь как ожидания населения, так и намерения самого политика. Качество реализации этой задачи средствами массовой информации во многом определяет успех развития государства. Феноменологический анализ, который предлагается автором для исследования художественного медиа-образа политика, во многом будет способствовать решению данной задачи, поскольку феноменологический анализ «предполагает <...> полное исключение каких бы то ни было допущений, установлений и убеждений» относительно объективности предмета [1; 6]. Этим обосновывается выбор темы и её актуальность.

Анализ последних исследований и публикаций. В современной литературе есть две точки зрения на вопрос о соотношении понятий имиджа и образа. В связи с этим различием и образуются два подхода к прояснению данных понятий. Одна точка зрения, как уже было указано выше, рассматривает понятия имиджа и образ как синонимы. Так, в новейшем словаре иностранных слов и выражений под имиджем понимается: 1) совокупность представлений окружающих о данном человеке, его видимый со стороны психологический портрет, сопряженный с внешностью и манерами; 2) целенаправленно формируемый образ лица, явления или предмета, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо

в целях популяризации, рекламы и т. д. [2, с. 330]. Этой позиции придерживаются такие исследователи, как Ю.А. Селиверстова: имидж (или образ) – это не только стереотип, это еще и определенная психологическая установка. [3, с. 71–73], Е.В. Отц [4], В.В. Смолякова, М.Н. Шашлов и А.В. Загайнов. Можно отметить работу Г. Почепцова «Имиджелогия» [5], где освещаются технологии создания образа политика с позиции имиджмейкера и поднимается проблема его повышенного влияния в современной цивилизации в ситуации возможного негативного несоответствия имиджа и реальной политической личности.

Другая точка зрения строится на разделении этих понятий.

Профессор политологии Принстонского университета Ф. Гринстайн в 2008 году провёл интересное исследование образа американского президента Джорджа Буша. Развивали эту тему политологи А. Цуладзе [6], Е. Шестопап [7] и Т. Пищева. К теме образа политика обращались также некоторые теоретики-журналисты, лингвисты и психологи. Стоит отметить вклад В. Суздальцевой [8], С. Разворотневой [9] и А. Лентьева [10]. Понятие «имидж» в русский язык ввёл О. Феофанов в 1974 году в своей работе «США: реклама и общество», где сразу же подчеркнул разницу в значениях английского слова «имидж» и русского слова «образ»: «Имидж – это такое отображение воспринимаемого явления, при котором ракурс восприятия умышленно смещается, акцентируется восприятие определённых сторон явления, (социальных, психологических, эстетических), наделяющий объект дополнительными ценностями, не имеющими основания в реальных свойствах самого объекта, но обладающими социальной значимостью для воспринимающих такой образ» [11, с. 149].

Другое толкование понятия «имидж» также подчёркивает его отличие от «образа», субъективного восприятия явления: «Имидж <...> целенаправленно сформирован, учитывает особенности аудитории. Имидж, присущий политике является плодом совместной работы с его имиджмейкерами, базируется на некотором “исходном материале” (личных качествах политика), предварительно специально обработанном с целью минимизации его негативных и максимизации позитивных черт. Фундаментальным свойством имиджа является его целесообразность. В имидже нет чего-то случайного» [12].

В развитии политического имиджа в дискурсе СМИ весомую роль играют и коммуникативные интенции автора, и категории оценки, а понимание автора текстов этих средств как наиболее ярких способов для формирования политического имиджа относится к предметной области метаязыка публицистики [13]. Или, иными словами, образ – это калейдоскоп фрагментов личного восприятия журналистов и других авторов, как осознанных, так и случайных деталей и подробностей.

Образ создаётся автором текста и является проявлением не выработанного имиджа политика, а проявлением интенции автора.

Масс-медиа предлагают непрекращающийся поток информации, несущий те или иные образы реальности.

Технология создания образов зиждется на возможности существования ассоциативных связей между образом и соответствующим ему потребностью, устремлением или мотивационной установкой. Суть технологии заключается в том, что формируются определённые образы, отражающие характеристики лица, не вполне соответствующие реальности. Сформированные в сознании виртуальные образы погружаются в принципиально иную сеть ассоциативных отношений по сравнению с той, которая определяет место их оригиналов в реальном мире. Так образы и связывающая их сеть ассоциативных отношений становятся основой для создания определённой картины мира, вызывают к жизни соответствующие целям и задачам манипулятора потребности, устремления и мотивационные установки реципиента в процессе индивидуализации определённых образов, вовлекаемых, в свою очередь, в определённую сеть ассоциативных отношений, позволяющих формировать необходимые потребности и устремления человека.

Образ становится определённым ярлыком, максимальной степенью символизации, когда слово достигает апогея при установлении связи внешнего и внутреннего миров [14, с. 313–314], основанной на частичной общности смыслов, использующей цивилизационные архетипы и апеллирующей к коллективному бессознательному.

Цель данной работы – рассмотреть, каким образом медиа-среда формирует данный образ, прибегая к феноменологическому анализу, не схематизирующему художественный образ, а в силу исключения различных присутствующих в схематизациях допущений, приблизится к наиболее полному и объективному представлению предмета своего анализа.

Изложение основного материала. Итак, эстетические представления из медиа-среды имеют специфический характер смыслообразования. Для того чтобы описать отличительные особенности этого смыслообразования, необходимо рассмотреть, как происходит возникновение и изменение смысловых структур в ходе деятельности сознания. Прояснение данной предметной деятельности сознания открывает определённые перспективы для выяснения специфики формирования эстетических представлений вообще и эстетических представлений, формирующихся под влиянием окружающей среды (в частности, медиа-среды).

Создание художественного образа зиждется на таком психическом процессе, как воображение, сущностью которого является создание новых образов, идей и чувств, которых не было в опыте, или, иначе говоря, при котором с помощью воображения создаются новые мысленные ситуации.

И. Кант указывает в «Критике чистого разума», что «воображение есть составная часть самого восприятия», так как синтезирование чувственно воспринятого, воспроизведенного и осознанного осуществляется посредством способности воображения, т.е. создание любой мыслительной ситуации осуществляется продуктивной способностью воображения. В теории Ф. Brentano воображение участвует во всех актах сознания, относя разнообразные значения к единой предметной деятельности и выполняя роль своеобразных торможений в текучем и нескончаемом потоке смыслообразований. Э. Гуссерль в вопросе о роли воображения расходится с Ф. Brentano, указывая, что восприятие осуществляется без участия воображения. Фантазия является базовой основой предметной деятельности сознания, поскольку она связана с «всеобщим понятием возможности» [15, с. 44]. В трансцендентальной аналитике Гуссерля предметы воображения, так же как и предметы мысли, не существуют без тех объектов, которые постигаются перцептивно, эти интенциональные объекты составляют содержание сознания. Представления о том, что чувственное восприятие даёт объекты трансцендентные, а воображение и мысль – предметы имманентные сознанию, не согласуются с феноменологической установкой. Внутри сферы сознания создаются те содержания, которые можно определить как объективные, или коррелирующие, и корреляты реального – не на стороне вещей, формулируемых в естественной установке как объективные данности, а в смыслообразовании. И фантазия тоже имеет свои корреляты.

В «Феноменологии внутреннего сознания времени» Гуссерль указывает, что фантазия представлена актами, которые воспроизводят объект «как бы...» Отличие объекта фантазии от объекта восприятия состоит в том, что в восприятии есть непрерывное опосредование из точки «Теперь», а фантазия продуцируется в дискретных актах. Задача выделения структуры этого сознания (Теперь-сознания) оказывается чрезвычайно сложной, так как в просто чувственном восприятии, в «бесхитростном созерцании» нет воображаемого, но есть постоянное схватывание текучести. И если «извлекать» из потока сознания некое неподверженное модификации содержание, наиболее связанное с реальным, то придется признать, что любое «извлечение», описание или выражение его связано «вмешательством» в непосредственность явлений. Это «вмешательство» – связь непосредственного с другими содержаниями сознания – фантазм, а фантазия выступает как одна из основных конституирующих

форм сознания. Следовательно, смысл собственного непосредственного восприятия, любого жизненного опыта оказывается конституированным при «непосредственном участии» фантазии. Таким образом, возникновение и изменение смысловых структур в ходе деятельности сознания обусловлено воображением.

Феноменология как наука трансцендентальной ориентации, сосредоточенная на описании источников всякого познания и сознания, на проблематизации структур «чистого я» или «чистой субъективности», изначально отвлекается от всех форм конкретного в том виде, как это имеет место в традиционных естественнонаучных и гуманитарных дисциплинах. Гуссерль разоблачает представления о демонизации воображения как тотальной искажающей объективной силе и настаивает на конституирующей продуктивности воображения.

Художественный образ, созданный под влиянием медиа- и окружающей среды сознанием, которое находится в естественной установке нередуцированности мира к содержанию сознания, является «живым»: любой возникший фантазм (образ) конституируется сознанием не как фантазм, а как первичное впечатление, прояснение которого возможно на основании «голой» фактичности. Что придает так называемую «живость» медиа-образу? В самом общем виде медиа-образ формируется как взаимодействие автора и зрителя в общем информационном поле посредством медиаматериала. Автор кодирует определенные смыслы через определенный символический ряд, зритель же декодирует эти образы через те культурные значения, которые резонируют с его личностными смыслами, его внутренним состоянием. Коммуникативный процесс, который разворачивается между автором и зрителем в своем классическом варианте, имеет следующую схему: сообщение – коммуникация – интерпретация. Эстетический образ есть некое сообщение, которое автор «отправляет» зрителю. С появлением «медиа» коммуникация обретает качество не просто «посредничества» или транслирующего канала, который построен на идеологических, эмоциональных и даже подсознательных ожиданиях аудитории, а среды, в которой культурные коды производятся. Что отличает образ, произведенный в медиа-среде? Специфика образа, по Гегелю, состоит в том, что он представляет внутреннему видению предмет в полноте его реальной явленности и сущностной субстанциальности, в этом состоит его отличие от абстрактного словесного обозначения предмета или события, апеллирующего к рассудочному сознанию. В целом под эстетическим образом понимается целостность, презентующая некую реальность в модусе большего или меньшего изоморфизма (подобия формы) и реализующаяся (имеющая бытие) во всей своей полноте только в процессе восприятия конкретного произведения искусства конкретным реципиентом.

В XX веке Андре Бретон, французский писатель, основоположник сюрреалистического движения, указал, что художественный образ – это преобразующая метафора реального мира, подлинная реальность, которая обеспечена воображением, а не восприятием. Источник образности – не реальность, а язык, в нем же – и источник радикального изменения жизни.

В «Мифологии» Барта используется термин «современные мифы», отличительной особенностью которых является способность маскировать идеологию. Далее Барт различает понятия «текст», «письмо» и «произведение». Текст, по Барту, – не устойчивый знак, а не конструированная смысловая множественность, обретающая структурную упорядоченность лишь на уровне реальности, среда, в которую погружено произведение. Письмо – это «реле», которое отключает произведение искусства от общества и истории. Письмо играют ту роль, которую исполняет автор своих произведений; на смену автору приходит пишущий, рука которого очерчивает знаковое поле, а писатель становится анонимным и безличным «агентом действия», некоей движущей силой процесса, которым выступает «саморефлексирующее письмо». «Письмо беспрерывно выдвигает какой-то смысл, но делает это для того, чтобы тут же его выпаривать: оно занято систематическим избавлением от смысла», – так

пишет Барт о письме. Это – техника «выпаривания» смысла и создания неких значений, представляющих собой эндогенные образования. Произведение – это «зримый» результат текстовой работы, определенный механизм для внушения стереотипов, закодированных на языке определенной культуры, а письмо – это переплетение и взаимнообратимое движение «кодов», идеологическая сетка, которая помещена между индивидом и действительностью, понуждающая его думать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые признаются в этой сетке в качестве значимых. Таким образом, через категорию «письмо» Барт выводит на понимание медиа через его роль в осуществлении идеологической работы.

Несомненно, что Маклюэн представляет медиа именно в таком русле. Медиа, считает он, стремилось завладеть сознанием потребителя, погружая его в иллюзорный мир грез; это влияние может иметь такое последствие, как «ампутация» человеческого сознания. В процессе обретения продуктов медиа способности человека выносятся за пределы человека, обретая собственную логику; перед лицом этой отчужденной логики человек оказывается слабым и зависимым существом, который не осознает того, что с ним происходит, радуясь широким возможностям, которые ему предоставляет технологическая инженерия, с оптимизмом теряет себя, как Нарцисс, парализованный своим отражением в воде. У Славы Жижека, который изучает медиа на различных примерах, в статье «Киберпростраство, или “Невыносимая замкнутость бытия”» медиатизация рассматривается как процесс превращения реального объекта, реального человека в искусственный в образ.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, произведенный в медиа-среде образ имеет свои характеристики и отличается неоднозначностью понимания, тематической многоплановостью, многоуровневостью воздействия на зрителя (медиа-образ воздействует и на зрение, и на слух) и эффектом «импульс к действию».

В этом состоит отличие медиа-образа от образа, возникающего под влиянием любой институциональной системы. Проявление такого образа возможно только в конституировании мысленного представления о корреляте феномена. Для «наивного» сознания созданная медиа-средой «живая» текучесть впечатлений смешивается с «живой» текучестью восприятия. Она в принципе отделима от первичной импрессии при последовательном осуществлении феноменологической установки, но наивное сознание, потому и наивно, что удерживается естественной установкой, такой ориентацией на объективный мир, при которой опыт, опосредуемый сознанием, воспринимается в качестве непосредственного. Поэтому именно в феноменологии с большей очевидностью открывается значимость конкретного содержания и сложность (граничащая почти с невозможностью) выявления первичного впечатления, тем более, когда это впечатление оказывается в большей степени схожим с первичностью восприятия, чем с трансцендентным миром культуры, как это происходит при формировании эстетического образа в институциональных системах. Т.е. в процессе формирования эстетического опыта в институциональных системах проблема трансцендентности этих образов оказывается более очевидной даже для «наивного» сознания. Этому способствуют наличие его авторитетной санкции, определяющей область достоинства для эстетического образца, а также его универсалистский характер, фундированный верой в вечные культурные и эстетические ценности. Такой образ в большей степени вызывает необходимость в поиске собственных смыслообразований. «Живость» эстетических представлений, формирующихся под влиянием медиа- и окружающей среды, представленных как непосредственное смыслообразование, но не являющихся таковым по сути, воспринимается «наивным» сознанием как первичная импрессия.

Если мы рассмотрим произведенный в медиа-среде образ политика, то отметим, что он имеет такие характеристики, как неоднозначность понимания и его многопла-

новость. Попытки структурировать этот образ предпринимались многими исследователями. Например, существуют работы таких исследователей, как Борис Макаренко [16], Екатерина Егорова-Гатман [17] и Дональд Киндер. Что для них характерно? То, что в структуре образа политического лидера исследователи выделяют персональные, социальные и символические характеристики. Персональные данные включают в себя физические характеристики, такие как возраст, внешность и одежда, психологические характеристики, такие как представленный характер, манера говорить, хобби, увлечения, а также политические ориентиры, профессиональные и деловые качества и наличие лидерского потенциала. Социальные характеристики являются подвижной частью образа и конструируются в соответствии с требованиями реальности, их обобщение в медиа-текстах встречается реже. А вот в создании символических характеристик, которыми нагружен образ политика, можно отметить, что символические характеристики являются наиболее устойчивыми и неизменными компонентами и связаны с социокультурными архетипами общества.

Чаще всего выделяют следующие архетипы, свойственные русскому народу: сила, властность, решительность, доброта, щедрость.

Образ создаётся авторами, он не целостен, поскольку авторы данного образа могут иметь различные интенции. И художественный медиа-образ политика, и реальный человек могут иметь разную степень соприкосновений. Повторяющиеся раз за разом характеристики, которые презентует имидж политика, направлены на то, чтобы сформировать его определенные характеристики, но в формирование целостного образа политика, как показывает феноменологический анализ, «вмешиваются» и опыт зрителя, и его первичное впечатление, и его фантазии. Зрителю, воспринимающему данный медиа-образ, кажется, что «живая» текучесть его впечатлений, есть его непосредственный опыт. От того, насколько учитываются эти особенности восприятия, достаточно проясненные в результате феноменологического анализа, становится понятно, почему, несмотря на активную и даже «синхронизированную» позицию журналистов и других авторов, представляющих тот или иной имидж политика, этот имидж не обретает «живучесть» образа. В отличие от художественного образа, выразительность которого призвана адекватно оформить сущность, имиджевым решением выявляется не ставшая или становящаяся, а желаемая, пригодная для данной ситуации квазисущность. Оно отсылает не только к реальным качествам объекта, но и к желаемым, являясь частично символом, а частично симулякр. Вот эта двойственность имиджа имеет определенную границу, которая чаще всего проявляется через репутацию. Репутация как широко распространенное оценочное суждение, мнение об личности политика связана не только с его имиджем, но и с личным опытом зрителя. Возникает она как результат переосмысления впечатлений от восприятия имиджа. Нельзя понимать репутацию и как мнение суммы индивидов, репутация – это скорее консолидированная позиция, возникающая не только в результате полученной информации и ее обсуждения. Репутация оперирует рациональными фактами, доказательствами, примерами и иными средствами формирования оценки, потому-то формирование имиджа политика рассматривается как локальный тактический прием, в то время как построение репутации признается задачей стратегически более сложной.

Таким образом, в результате предпринятого исследования художественного образа политика, оказалась выявлена не только специфика данного образа и его отличие от понятия «имидж», тут определены особенности восприятия человеком художественного образа вообще и политика в частности, прояснено несоответствие репутации и имиджа политика. Образ, в отличие от имиджа, обладает большей степенью подвижностью, поэтому при создании образа политика необходимо учитывать не только момент «правильного» его имиджа и соответствующей ему репутации, но и то, что реципиент любой политической коммуникации, осуществляя восприятие художественного образа, конституирует данный образ при «непосредственном уча-

стии» фантазии. Возникновение и изменение смысловых структур в ходе деятельности сознания обусловлено воображением. Это воображение и является границей, которую так и не перейти самому искусному имиджмейкеру.

Список литературы:

1. Гуссерль Э. Собрание сочинений : Т. 1. / Э. Гуссерль. – М. : Гнозис, 1994.
2. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 976 с.
3. Селиверстова Ю.А. (Шерстнева) Имидж политического лидера: создание, внедрение, актуализация / Ю.А. Селиверстова // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». – М., 2011. – №1. – С. 71–73.
4. Отц Е.В. Имидж политического лидера и социально-психологические особенности его влияния на отношения электората / Е.В. Отц. – М. : ПроСофт, 2005. – 56 с.
5. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. Инструментарий по управлению будущим / Г.Г. Почепцов. – М. : СмартБук, 2009. – 320 с.
6. Цуладзе А.М. Формирование имиджа политического лидера в условиях становления новой политической системы в России : дис. ... канд. политол. наук : 23.00.03 / А.М. Цуладзе. – Москва, 1997. – 141 с.
7. Шестопал Е.Б. Политическая психология : учебник для студентов вузов / Е.Б. Шестопал. – М., 2010.
8. Суздальцева В.Н. Деталь как имиджевый конструкт. Образ власти в СМИ / В.Н. Суздальцева // Вестник Моск. ун-та. – 2008. – №4. – (Сер. 10 : Журналистика).
9. Разворотнева С.В. Язык власти. Анализ исследований политической коммуникации в США / Светлана Разворотнева. – М., 1993.
10. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ / А.А. Леонтьев // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / под ред. Володиной М.Н. – М. : Изд-во МГУ, 2003.
11. Феофанов О.А. Реклама и общество / О.А. Феофанов. – М., 1974. – С. 149.
12. Толковый словарь Вебстера [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.school.edu.ru/catalog>.
13. Молчанова М. Метажурналистика и авторская модальность / М. Молчанова // Экономика. Право. Печать. – 2000. – № 1–3. – С. 54–70.
14. Мурашов А.А. Личность и речь: эпоха кризисов : учеб. пособие. / А.А. Мурашов. – М. : Издательство Московского психолого-социального института ; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2005. – 504 с. – (Серия : «Библиотека студента»).
15. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль. – М., 1994. – С. 44.
16. Макаренко Б. Феномен политического лидерства в восприятии общественного мнения / Б. Макаренко // Вестник РОПЦБ. – 1996. – № 26.
17. Имидж лидера / пПод ред. Е.В. Егоровой-Гантман. – М., 1994. – С. 118–135.
18. Ромашкина Р.Ф. Формирование и функционирование имиджа политического лидера : авторефер. дис. ... канд. психолог. наук / Р.Ф. Ромашкина. – М., 2001.

БЕЛЬСКАЯ
Татьяна,
BELSKA
Tatiana,

кандидат наук
государственного
управления,
докторант кафедры
государственной
политики и управления
политическими
процессами
Национальной академии
государственного
управления при
Президенте Украины,
г. Киев.

Аннотация: в статье
выяснены основы
эволюции сознания,
установлено, что на
основе архетипов в
процессе исторического
развития
формировались основы
властвования и
подчинения, определено
влияние архетипных
структурных
элементов на
публичную политику и
властно-общественные
отношения,
проанализированы
особенности влияния
планетарного уровня
сознания на властно-
общественные
отношения на
современном
глобальном этапе
развития цивилизации.

Ключевые слова:
архетип, публичная
политика, властно-
общественные
отношения, глобальное
гражданское общество.

УДК 352: 323.2

Татьяна БЕЛЬСКАЯ

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И СИСТЕМА ВЛАСТНО ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: АРХЕТИПНЫЙ ПОДХОД

Постановка проблемы. Власть в процессе исторического развития использовала разнообразные ресурсы и способы воздействия на человека. Сегодня важное значение в науке приобретают коренные вопросы природы человека, в частности изучение психологических различий, исследования архетипных структурных элементов сознания, направленности развития сознания манипуляция сознанием, формирования ценностных установок с целью использования в политологии, социологии, психологии и государственном управлении.

Архетип, который был открыт еще К. Юнгом, является ключом для осознания общественно-культурных ценностей и особенностей людей. Архетипные образы в современных условиях являются средством управления людьми, поэтому интерес к проблеме архетипов среди ученых в области государственного управления и в обществе растет. Их цель – активировать мышление людей путем апелляции к универсальным архаичным идеям, образам и мотивам выбора.

Анализ последних исследований и публикаций. Многие исследования посвящены проблеме формирования сознания и изучению скрытых механизмов манипулирования сознанием. Анализ психологии толпы, публики и цивилизации представлен в работах таких известных ученых, как Г. Лебон [13] и З. Фрейд [27]. Сущность манипулятивного воздействия на религиозное сознание рассматривает А. Коваль [12], влияние через СМИ, Интернет – Г. Почепцов [21], Я. Зодерквист [10], технологии воздействия на массы в период предвыборных кампаний – А. Радченко [24], М. Варий [4].

Вопрос скрытых механизмов манипулирования сознанием широко обсуждается в ходе политических, идеологических, методологических и правовых дискуссий, проходящих в контексте возрождения евгеники – науки о контроле над наследственностью человека [3; 15]. Попытки воздействовать на человека с помощью генной инженерии были предприняты уже в период «холодной войны» 60-х годах XX в., когда СССР и США разработали генетическое, или этническое оружие. Проблемой биотехнологий последнее время заинтересовались американский политолог Ф. Фукуяма и немецкий философ и социолог Ю. Хабермас, говорящие о необходимости создания «либеральной евгеники», которая может получить развитие лишь только в обществе либеральной демократии.

Определение нерешенных задач общей проблемы. Проанализировав возможность изменения архетипных структурных элементов сознания в процессе исторического развития, необходимо определить их роль в росте сознания и эволюции человечества, проанализировать их влияние на властно-общественные отношения на современном глобальном этапе развития цивилизации.

Цель статьи – выяснение принципов эволюции сознания, определение влияния его архетипных структурных элементов на публичную политику и властно-общественные отношения.

Изложение основного материала. Архетипные структурные элементы сознания являются концентрированным выражением различных параметров общественной жизни людей на протяжении тысячелетий.

На основе архетипов в процессе исторического развития формировались основы властвования и подчинения.

Так, испанский философ Ортега-и-Гассет считал, что «власть означает господство мыслей и взглядов» [17, с. 117]. В то же время ее трактуют как способность агентов власти путем доминирования проводить в жизнь или навязывать определенные политические решения. Среди современных ученых появилась мысль о том, что природа власти – это тайна реалий, стилизованной самоуверенности, способной создавать особую ауру, погружаясь в которую одни решительно руководят (правят), а другие самозабвенно подчиняются, выполняя любые приказы [5, с. 4], или «способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать решающее влияние на деятельность, поведение людей [19, с. 87]». Есть властвование и подчинение, которые коренятся в природе человека, в архетипных структурных элементах сознания.

Как известно, слово «архетип» происходит от двух греческих слов: *arche* – начало и *typos* – форма, образец. В позднеантичной философии оно использовалось для обозначения прообраза, идеи [9]. Греческие философы трактовали *ἀρχή* как начало или первичные принципы, например вода, огонь, то есть то, что они называли *αἰτήρον*, «бесконечное». Таким образом, речь идет о первичных состояниях, которые никогда не стареют, никогда не могут быть превзойдены и существуют всегда [28, с. 18]. Однако, по К. Юнгу, архетип – это образ общего коллективного всеисторического опыта человечества, это то, что объединяет всех людей живущих и тех, которые будут жить. Архетип – это, прежде всего, результат творческой работы человеческого мозга, и, возможно, но в меньшей степени, на него повлияли условия среды.

Архетип – результат сознательного, бессознательного и всех четырех психических функций (мышления, чувства, ощущения и интуиции). В сложной ситуации, когда индивид сразу не в состоянии оценить ситуацию, всплывают изначальные образы, которые наиболее пригодны для аналогичных ситуаций. Соответствующее состояние бессознательного ведет, во-первых, к проявлению архетипа, во-вторых, к соответствующему поведению. В этом заключается важность архетипов [9].

Возникает вопрос, как архетип соотносится с сознанием и ментальностью. Архетип является основным структурным элементом индивидуального сознания каждого человека. Ментальность в значительной степени уходит в бессознательное и фиксирует архетипные различия между социальными субъектами [1, с.112]. Архетип – понятие более глубокое, а менталитет носит коллективный характер. Архетип более древний, чем культура, поэтому он не передается традицией, миграцией или речью. Личностные переживания тесно связаны с архетипами и осуществляются через определенные архетипные образы, которые являются компонентами религий, мифов, легенд и сказок.

Менталитет – это совокупность стереотипов мышления и поведения, присущих людям определенной социально-исторической или этнической общности. Именно в менталитете соединяются осознанные и неосознанные, рациональные и иррациональные представления людей о мире, о себе, о своем месте в мире, об отношении к другим сообществам людей, о разумном и справедливом в мышлении и образе жизни [26]. Менталитет исторический или этнический и национальное сознание (можно употреблять понятие «национальный менталитет») являются проявлениями коллективного сознания.

Философ Тейяр де Шарден высказал мнение, что «эволюция – это рост сознания» [17]. Отсюда возникает следующий важный вопрос о направлениях (векторах) человеческого сознания. И. Кант еще в XVIII в. обосновал в своих работах, в частности в трактате «К вечному миру», идею закономерности движения человеческого общества к общепланетарному федеративному устройству и развитию сознания от индивидуального к родовому (общечеловеческому). Тейяр де Шарден определяет вектор направленности сознания как бесконечность, «точку Омеги» [17]. Высшей формой сознания ученые признают планетарный или планетарно-галактический уровень [2].

Итак, речь идет о реструктуризации обыденного сознания.

Анализируя тенденции развития сознания, ученые предложили целый ряд понятий, в частности: «наиндивидуальное сознание» (Э. Дюркгейм), «ноосферное сознание» (В. Вернадский), «пневмосфера» (П. Флоренский), «техносфера» (А. Фьорсман) «коллективный общепланетарный разум» (Н. Моисеев), «планетарное сознание» или «планетарно-галактическое сознание» (Д. Беттельгейзе).

Э. Дюркгейм понимает «сверхиндивидуальное сознание» как уровень сознания, который присущ любому коллективу, отличающийся от суммы индивидуальных сознаний людей. Продолжая мысли Э. Дюркгейма о неидентичности коллективного разума сумме индивидуальных знаний, Н. Моисеев вводит понятие «коллективный общепланетарный разум», который присущ информационной эпохе.

В XX в., который можно охарактеризовать как эпоху коллективизма, актуализируются социальные аспекты бытия человека, популяризируются идея коллективного сознания Э. Дюркгейма, концепция Ж. Пиаже об определяющей роли социальной среды в становлении человека и архетипы коллективного бессознательного К. Юнга. Архетипы коллективного бессознательного К. Юнга означают сферу глубинных слов человеческой психики, имеющие устойчивые черты древнего опыта человека [2, с. 13].

Глобализация и переход к информационному обществу изменили бытие современного человека. Происходит переход на планетарный уровень восприятия действительности, к идеям глобального масштаба. Сегодня стало ясно, что без нового уровня сознания, который готов воспринимать новый глобальный современный мир, усилия человечества окажутся неэффективными, а дальнейший прогресс цивилизации без достаточного количества людей, которые мыслят планетарно, – бесперспективным.

Таким образом, мы представим эволюцию природы человека в виде концентрических кругов сознания (рис. 1). Основным элементом, или ядром сознания является архетип. Рост сознания происходит постепенно и неравномерно. Неравномерность роста сознания порождает психологию властвования и подчинения.

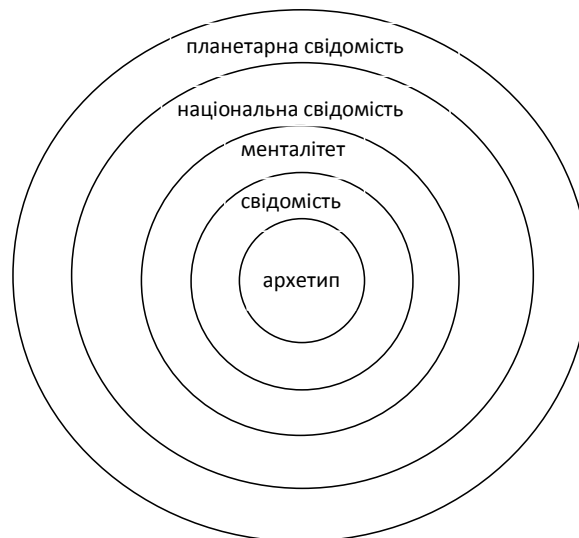

Рис. 1. Концентрические круги сознания

Планетарное сознание – новый, более высокий уровень построения архетипных структурных элементов сознания, способных к осмыслению и восприятию глобализирующегося мира как единого планетарного сообщества. Это сознание связано с осмыслением глобализационных процессов, которые охватывают геополитическую, социально-экономическую и экологическую сферы деятельности человека, и руководствуется в своих действиях общечеловеческими принципами и ценностями, которые способствуют стабильному развитию цивилизации.

Планетарное сознание является наиболее продуктивным путем развития человека, актуализацией его способностей, включающих абсолютное уважение прав и свобод других людей и соучастие в судьбе всего человечества, включая транснациональные, трансгосударственные, экологические, социально-экономические и кросс-культурные интересы. Планетарное сознание находится в процессе своего становления, хотя его источники восходят к трудам И. Канта, который обосновал мысль о необходимости установления всемирного гражданства; это порождение новой эпохи, которую характеризуют глобализационные процессы [2, с. 6–7]. Возможно, именно планетарный уровень развития сознания человечества дал толчок появлению феномена глобального гражданского общества. В то же время происходят производство новых технологий власти, трансформация властно-общественных отношений.

Глобальное общество – это не особый социальный строй, а всепланетная система сотрудничества и сосуществования различных социумов и культур. Она означает существование мирового сообщества как глубоко дифференцированного целого [23, с. 1]. Впервые в истории у людей во всепланетном масштабе постепенно вырабатывается общее понимание основных принципов жизнеустройства, что составляет идеологию глобализации [16, с. 44]. Глобализация – процесс взаимосвязи, который означает, что наша жизнь все больше проходит под влиянием происходящих событий, но решения принимаются на большом расстоянии от нас. Главным признаком глобализации является то, что географическое расстояние является целесообразностью, но уменьшается, и территориальные границы, как, например, между национальными государствами, становятся менее важны [8, с. 120].

В глобальном обществе политическая власть не является воплощением высшей необходимости. «Политическое поле, – отмечает Л. Герасина, – вдруг потеряло энергию, которая обеспечивала возможность властвовать и готовность к покорности». Во властных отношениях сложилась необычная ситуация смыслового вакуума [5, с. 4].

Изменения в отношениях власти и общества, обусловленные научным прогрессом и глобализацией общества, привели к созданию новой теории публичного управления, основанной на расширении круга участников принятия решений. В этой теории используются понятия «governance», «good governance» как управление с помощью глобального гражданского общества, объединенного в сеть. Данную концепцию разрабатывают такие украинские и зарубежные ученые, как В. Никитин, А. Колодий и Л. Сморгунюв. Понятие «governance» в документах ООН рассматривается как «практика экономической, политической и административной власти по управлению делами государства на всех уровнях». Это понятие объединяет «механизмы, процессы и институты, через которые граждане и группы выражают свои интересы, реализуют законные права, выполняют обязанности, и балансируют между различиями» [22, с. 54].

Глобализация характеризуется волей современного общества к виртуальности, причем виртуализируется не только общество, но и порожденная в нем личность. Интернет выступает средством трансформации личности и общества в целом. Управление в системах виртуальной массовой коммуникации в информационном обществе переходит на уровень демократических отношений, поэтому Интернет часто называют «вектором демократизации» и даже «зоной анархии». Бурное развитие Интернета вселило во многих людей надежду на ренессанс демократии. С помощью новых форм социального взаимодействия граждане могут мгновенно выразить свою позицию по разным политическим вопросам.

Сеть может стать «виртуальным парламентом». Парламентские выборы, конечно, могут проводиться через Интернет, когда гражданин, имеющий избирательное право, сможет просто вводить свой персональный код в компьютер, а не идти на избирательный участок, но тогда исчезнет сама основа демократии – широкие дебаты, в которых все заинтересованные стороны в пределах географической области проясняют позиции по определенному вопросу.

Любая коммуникация в сети уравнивает участников, и в этом состоит ее колоссальная демократизирующая роль. Доступность информации, безусловно, делает более осмысленными наши гражданские обязанности и оживит демократию [10]. Главная функция «демократии» в условиях глобализации – выделение и отчуждение общества от народа и государства, расширение его до «глобального гражданского общества» и продвижение к глобальному управлению.

«Глобальное гражданское общество» является системой общественных структур, отношений, сознания и деятельности глобального государства, которое только формируется, но вместе с тем должно создать условия для самореализации человечества, отдельных наций, социальных групп и индивидов [7, с. 58]. «Глобальное гражданское общество» внесло изменения в понимание понятия его членства или участника, актора. Это произошло в связи с переосмыслением понятия гражданства, связанного, в частности, с интеграцией растущих потоков мигрантов в гражданские общества развитых богатых стран.

Еще один важный аспект трансформации современной «гражданской идентичности» в ее международном измерении – усложнение социально-пространственной структуры. Если раньше членство в определенном гражданском обществе привязывалось к национальному государству, то сейчас происходит дифференциация уровней идентичности: наряду с «национально-государственной», все больший вес приобретают «региональные», «транснациональные» идентичности, а также различные формы надгосударственной идентичности [20].

В то же время следует выделить основные признаки глобального гражданского общества, в частности, это совокупность структур, состоящая из граждан, их добровольных ассоциаций и объединений, социальных групп, наций, отделенных от вновь создающегося глобального государства (надгосударственных, межгосударственных и государственно-национальных образований), соблюдение гражданских прав и прав наций и народов – глобальные (надгосударственные и межгосударственные) соглашения и государственно-национальные законы, обеспечивающие права и свободы личности, возможности реализации ее интересов и стремлений, политического, идеологического, религиозного, этнического и других видов плюрализма, наличие частной собственности, свободной конкуренции, обмена деятельностью и ее продуктами между участниками рынка; саморегуляция отношений между людьми, их ассоциациями и добровольными объединениями на основе социальных норм – регуляторов общественной жизни; многообразие социальных, интеллектуальных, научных, культурных и иных инициатив; сохранение национальных, социальных и других традиций, культуры и т.д. [7, с. 58].

Глобальное гражданское общество может бороться за власть, влиять на определенные решения органов публичной власти и, таким образом, стать политической силой. «Имея плотную коммуникационную сеть, общество дышит и колеблется, словно клубок электрического напряжения, энергия которого готова в любой момент перетечь из одного места в другое. Как и движение капиталов, движение общественного интереса чутко реагирует на любые раздражители» [14].

Власть, включаясь в глобальное сетевое общество, меняет формы и методы управления. Сетевая власть информирует, а не предписывает. Она не препятствует активности оппозиции, критике СМИ. Власть меняет стиль общения с влияния на диалог, с иерархического подчинения на горизонтальную коммуникацию. Таким образом, устанавливаются новые типы и модели отношений. Во многих странах мира предприняты успешные попытки организовать население в пределах структур местного самоуправления. На Западе появилась профессия социального организатора (community organizers). Следует отметить, что демократизация власти не означает ослабление государства. Напротив, информационное общество является оборотной стороной сетевого, имеет возможности по контролю над действиями граждан. Поэтому приоритетным направлением государственной политики многих стран мира

стал курс на построение информационного общества, в частности на развитие национальных и глобальных информационных инфраструктур.

Властные функции государств в условиях глобализации не уменьшаются, а даже увеличиваются благодаря совершенствованию техники и аппаратов власти, но все же контролировать социально-экономические процессы и события государствам практически невозможно. Формируется глобальная политическая система – глобальное государство, в котором национальные государства являются лишь их составляющей. Его субъектами являются транснациональные структуры и национальные государства, которые объединены общей идеей, условиями и факторами глобализационного развития. Основным средством функционирования такого государства является транснациональное право, которое формируется в результате соответствующих межгосударственных договоренностей и опирается на общность интересов между государствами и базовыми ценностями всего мира.

Таким образом, особенностью публичной власти в условиях глобализации является то, что она не диктует условия обществу, не действует как аппарат принуждения, а все более тесно кооперируется, взаимодействует с ним, делегируя часть своих полномочий институтам глобального гражданского общества.

Выводы и дальнейшие направления научных исследований. Вышесказанное служит достаточным основанием для вывода о том, что архетипные структурные элементы сознания людей формировались под влиянием ряда факторов. Эволюция человечества является следствием роста сознания, которое в процессе своего развития сменило несколько уровней. Сейчас происходит переход на планетарный уровень сознания.

Сегодня стало ясно, что без сознания, которое готово но-новому воспринимать глобальный современный мир, усилия человечества окажутся неэффективными. Власть и общество в условиях глобального управления меняют формы и методы воздействия.

Рекомендации органам законодательной и исполнительной власти. Архетипы как универсальная идея привлекаются сейчас политологами, социологами и психологами как ключ к сознанию и подсознанию граждан. Государственным управленцам необходимо более глубоко ознакомиться с данной проблематикой с целью активизации мышления людей путем апелляции к универсальным архаичным идеям, образам и мотивам выбора для формирования ценностных установок общества и его объединения.

Список литературы:

1. Афонін Е.А. Соцістальний чинник політичної модернізації / Е.А. Афонін, А.Ю. Мартинов // Український соціум : науковий журнал. – 2008. – № 3. – С. 110–123.
2. Беттельгейзе Д.Д. К Феномен планетарної свідомості: філософсько-антропологічний аспект : автореф. дис. ... канд. філософ. наук : спец. 09.00.04 – “Філософська антропологія, філософія культури” / Д.Д. Беттельгейзе. – Х., 2007. – 34 с.
3. Белов Андрей. Генетическое оружие – это реальность [Электронный ресурс] / Андрей Белов // Сайт факультета молекулярной и биологической физики МФТИ. – Режим доступа : http://bio.fizteh.ru/student/biotech/2004/gen_oruzhie2004.html.
4. Варій М.Й. Політико-психологічні передвиборчі та виборчі технології : навч.-метод. посіб. / М.Й. Варій – К. : Ельга ; Ніка-Центр, 2003. – С. 270.
5. Герасіна Л.М. Інститут публічної влади у модерному та постмодерному науковому вимірі [Електронний ресурс] / Л.М. Герасіна // Державне будівництво. – 2011. – № 1. – Режим доступу : <http://www.kbuara.kharkov.ua/e-book/db/2011-1/doc/1/07.pdf>.
6. Грушевський М. Вступний виклад з історії України-Руси / М. Грушевський // М. Грушевський і Західна Україна. – Львів, 1995. – 432 с.
7. Держава і громадянське суспільство: партнерські комунікації в глобальному світі : навч.-метод. посіб. / за заг. ред. В. Бебіка – К. : ІКЦ “Леста”, 2006. – 248 с.

8. Енциклопедія державного управління : у 8 т. / Нац. акад. держ. упр. при Президентів України ; наук.-ред. колегія : Ю.В. Ковбасюк (голова) та ін. – К. : НАДУ, 2011. – Т. 7 : Державне управління в умовах глобальної та європейської інтеграції – 2011. – 764 с.
9. Зеленский В. Словарь аналитической психологи [Электронный ресурс] / В. Зеленский. – Режим доступа : <http://vocabulary.ru/dictionary/11/word/arhetipy>.
10. Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Ян Зодерквист, Александр Бард ; [пер. со шведского]. – СПб : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 211 с.
11. Кабаченко Т.С. Психология управления / Т.С. Кабаченко. – М. : Педагогическое общество России, 2000. – 384 с.
12. Коваль О.А. Маніпулювання свідомістю у сфері релігійно-політичних відносин як теоретична і практична проблема / О.А. Коваль // Мультиверсум. Філософський альманах : зб. наук. праць / гол. ред. В.В. Лях. – 2004. – Вип. 39. – С. 171–181.
13. Лебон Г. Психология народов и масс / Гюстав Лебон. – М.: Академический проект, 2011. – 238 с.
14. Назарчук А.В. Социальные сети и трансформация политического порядка [Электронный ресурс] / А.В. Назарчук // Вестник аналитики. – №30 (4-2007). – 2007. – Режим доступа : http://www.nazarchuk.com/p_16.html.
15. Овчинский В. “Человек будущего” и как с ним бороться [Электронный ресурс] / Владимир Овчинский // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 1. – Режим доступа : http://www.globalaffairs.ru/number/n_4493.
16. Олійник О.М. Глобальне та локальне як чинники формування феномена глокалізації / О.М. Олійник // Україна наукова : п'ята всеукр. наук.-практ. інтернет-конф., Київ, 23–25 грудня 2008 р. : зб. матеріалів : [в 2-х ч.]. – К., 2008. – Ч. 2. – С. 51–52.
17. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Хосе Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989. – № 4. – С. 114–155.
18. Політична система і громадянське суспільство: європейські і українські реалії : монографія / [А.І. Кудряченко, В.М. Бебик, В.І. Бортніков, Ф.М. Рудич та ін.] ; за заг. ред. д. і. н., проф. А.І. Кудряченка. – К. : НІСД, 2007. – 396 с.
19. Політологічний енциклопедичний словник / уклад. В.Л. Горбатенко, ред. Ю.С. Шемшученко та ін. – К. : Генеза, 2004. – 735 с.
20. Полтораков О.Ю. Глобальне громадянське суспільство в системі міжнародних відносин / О.Ю. Полтораков // Дослідження світової політики : зб. наук. пр. – К. : Ін-т світової економіки і міжнародних відносин НАН України. – 2008. – Вип. 44. – С. 149–156.
21. Почепцов Георгій. Від Facebook'у і гламуру до Wikileaks: медіа комунікації / Георгій Почепцов. – К. : Спадщина, 2012. – 461 с.
22. Сморгунов Л.В. Сравнительный анализ политико-административных реформ от нового государственного менеджмента к концепции “Governance” / Л.В. Сморгунов // Полис. – 2003. – № 4. – С. 54–60.
23. Співак В.М. Глобальне громадянське суспільство: реалії та майбутнє [Електронний ресурс] / Віктор Миколайович Співак. – Режим доступа : http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Vdakk/2010_1/34.pdf.
24. Сучасний виборчий PR : навчальний посібник / В. Лісничий, В. Грищенко, О. Радченко та ін. – К. : ВД “Професіонал”, 2004. – 384 с.
25. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М. : Наука, 1987. – 240 с.
26. Философия : словарь основных понятий и тесты по курсу “Философия” : учебное пособие / под ред. З.А. Медведевой ; КемТИПП. – Кемерово, 2008.
27. Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции / З. Фрейд. – М. : Наука, 1989. – 456 с.
28. Юнг К.Г. Душа и миф : шесть архетипов / К.Г. Юнг ; [пер. с англ.]. – К. : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.

Олексій ВАЛЕВСЬКИЙ

КУЛЬТУРНА ПОЛІТИКА ЯК ТВОРЕННЯ АРХЕТИПІВ МОДЕРНІЗАЦІЇ УКРАЇНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

Постановка проблеми. Подводя итоги более чем 20-ти летней реализации либеральных и демократических реформ в Украине, приходится констатировать их очевидный провал, поскольку не достигнута ни одна из целей, провозглашенных в конце прошлого столетия тогдашними приверженцами модернизации советского режима. Реформаторы периода горбачевской «перестройки» считали, что копирование западной модели автоматически выведет плановую экономику и общество на новый уровень развития. Деструкция тоталитарного общества в их представлении ограничивалась необходимостью внедрения института частной собственности, свободного рынка и плюралистической демократии. Для Украины эти установки дополнялись требованиями национал-демократических сил относительно построения независимого государства на этнических началах.

Однако результат реализации этих реформаторских планов, точнее фантазий, оказался прямо противоположным. Модернизация советского общества согласно западным шаблонам содействовала формированию административно-олигархической модели, являющейся экономически неэффективной и не воспринимающей инновации [1; 2].

Современная капиталистическая Украина по многим экономическим и социальным показателям уступает бывшей УССР. Так, в 2012 году украинской экономике удалось «достичь» порядка 70 % объема ВВП 1990 года. Усиливаются тенденции деиндустриализации экономики. В частности, сокращается удельный вес средне- и высокотехнологических сфер производства в общем объеме капитальных вложений по промышленности с 29,3 % в 1990 г. до 6,8 % в 2011 г. Это приводит к углублению технологической отсталости и закреплению сырьевой специализации украинской экономики. Уменьшается производство готовой продукции с высокой добавленной стоимостью. В структуре валовой добавленной стоимости перерабатывающая промышленность в 1990 г. занимала 29,1 %, в 2011 г. – 12,8 %, соответственно, часть машиностроения снизилась с 14,4 % до 3,7 % [3].

Сформировалась устойчивая тенденция разрушения интеллектуального потенциала. Численность работников научных организаций уменьшилась с 449,8 тыс. в 1991 г. до 134,7 тыс. в 2011 г. Уменьшается наукоемкость экономики (часть затрат на выполнение научных исследований и разработок в ВВП) с 0,96 % в 2000 г. до 0,73 % в 2011 г. Это – уровень стран третьего мира. Для сравнения: этот показатель для Японии составляет 3,45 %, Южной Кореи – 3,36 %, США – 2,79 %. Средний показатель наукоемкости экономики стран Европейского Союза составляет 2 %. Негативные тенденции наблюдаются в сфере инноваций. В частности, уменьшается удельный вес промышленных предприятий, внедряющих инновации в общем количестве промышленных предприятий с 14,8 % в 2000 г. до 12,8 % в 2011 г. [4].

В Украине так и не сформировалась эффективная система государственного управления. Страна неоднократно оказывалась перед

**ВАЛЕВСКИЙ
Алексей,
VALEVSKYI
Oleksii.**

*доктор наук
государственного
управления, ведущий
научный сотрудник
Национального
института
стратегических
исследований при
Президенте Украины,
г. Киев.*

Аннотация: в статье анализируются причины неудач модернизации украинского общества, доказываемая, что провал либеральных реформ стал следствием того, что слабая культурная политика не смогла сформировать в общественном сознании архетипы модернизации; дается определение культурной политики как создания ценностных установок, детерминирующих поведение людей и формирующих символические основы идентичности; определяются основные направления культурной политики, направленные на развитие инновационного потенциала украинского общества.

Ключевые слова:
культурная политика,
модернизация, реформы
в Украине.

УДК 321. 01

угрозой дефолта и масштабного экономического кризиса. В частности, такая ситуация сложилась в декабре 2012 года, когда дефицит государственного бюджета составил 12,16 млрд. грн. В целом же дефицит государственного бюджета Украины за 2012 г. составил 53,3 млрд. грн. Чтобы профинансировать свои социальные обязательства, правительству пришлось практически обнулить остатки гривневых средств на едином казначейском счете – до 0,5 млрд грн. Как утверждали эксперты, это составляет сумму расходов государства всего лишь на 12 часов [5].

В украинской экономике Украине сформировалась чрезвычайно высокая концентрация капитала. Согласно подсчетам соотношение суммарных активов 100 самых богатых людей Украины к ВВП страны достигает 38 %, а в России – 20 %. В развитых странах материальное богатство распределено намного более равномерно: для Германии этот показатель составляет около 11 %, Франции – 10 %. Даже для США, являющейся цитаделью капитализма, этот показатель составляет 7 %. В Украине пять наиболее богатых людей суммарно владеют активами, равными почти 20 % ВВП страны [6].

Ещё одна красноречивая иллюстрация результатов модернизации. Журнал The Economist опубликовал результаты исследования на тему, в какой стране мира лучше родиться в 2013 году. Предметом исследования были возможности для качественной, безопасной и обеспеченной жизни. Как оказалось, в 2013 году в мировом рейтинге Украина заняла совсем не почетное 78 место из 80 стран, которые попали в исследование. Для сравнения The Economist опубликовал результаты аналогичного исследования, проведенного в 1988 году, где СССР занял 21 место. Неутешительная тенденция – как утверждают западные эксперты, лучше было родиться во времена «темного советского прошлого», нежели сейчас после реализации либеральных реформ [7].

Подтверждения экономической и социальной деградации украинского общества можно продолжить. Впрочем, выводы очевидны. Более чем 20-ти летняя модернизация дала отрицательные результаты: вместо прогресса – экономический и социальный регресс, деградация политической системы и коррумпированная система государственного управления.

Изложение основного материала. Большинство исследователей справедливо указывает на институциональные факторы, которые препятствовали успеху модернизации. В частности, утверждается, что рыночные преобразования без создания необходимых институтов в условиях монополизированной плановой экономики с необходимостью привели к негативным результатам. Вместе с тем в исследовании причин модернизационного коллапса уделяется недостаточно внимания культурным факторам, являющимся более значимыми, нежели развитие институтов. Обобщая драматический опыт неудачной модернизации, приходится делать вывод, что именно культурные факторы были основными в провале реформ.

Итак, можно сформулировать предположение, что реформы украинского общества оказались неудачными вследствие того, что слабая культурная политика не смогла сформировать в общественном сознании архетипы модернизации.

Несколько важных терминологических уточнений. Под культурной политикой в узком смысле предлагается понимать деятельность по сохранению, развитию и распространению духовного наследия, а также поддержку функционирования заведений и организаций, принадлежащих к сфере культуры. Проще говоря, понятие культурной политики в узком смысле связывается со сферой компетенции Министерства культуры. В широком смысле под культурной политикой понимается активность по созданию ценностной и мировоззренческой матрицы деятельности. В таком аспекте культурная политика выступает важным фактором модернизации украинского общества, поскольку она задает ориентиры общественной деятельности. Культурная политика создает ценностные установки, детерминирующие поведение людей и ориентации общественного сознания. Именно с помощью культурной политики ценности реформ и установки на позитивное восприятие инноваций имплементируются

в общественное сознание. Таким образом, понятие культурной политики в широком понимании является созданием ценностных ориентиров деятельности и архетипов модернизации общества.

Модернизация постсоветского общества связывается с переходом от устаревшей ресурсной экономики к инновационно-инвестиционной модели, а также с формированием государства, в котором функционируют демократические институты. Такой переход нуждается в изменениях архетипов сознания и ценностных установках общественного поведения, то есть в изменении культурных практик. Без этого модернизация приводит к драматическим социальным потерям и к формированию контрреформаторских установок, что, собственно, и приходится ныне наблюдать.

Итак, культурная политика как создание архетипов модернизации – это формирование новых социальных и ценностных установок, содействующих развитию творческой среды и раскрытию инновационного потенциала общества. Таким образом, есть основания утверждать, что именно от культурной политики зависит успех или провал модернизации.

После определения исходных понятий и сути проблемы появляется возможность указать на мировоззренческие и ценностные причины деструкции модернизации.

Успех реформаторских проектов возможен в том случае, когда их реализует политическая и экономическая элита, олицетворяющая модель будущего. Такие элитные группы предлагают обществу не только сугубо технократический план развития, но и новую привлекательную цивилизационную модель. Пассионарность таких элитных групп обеспечивает привлекательность реформаторской политики и содействует формированию новых социально и экономически активных слоев населения, содействующие успеху модернизации.

В действительности в среде правящих групп, начиная со времен горбачевской «перестройки», доминировали мотивы личного обогащения, перераспределения государственного имущества и укрепления персональной власти. Собственно реформаторы, которые отстаивали ценности прогресса, всегда были в меньшинстве и не определяли стратегию государственной политики. Это – первая причина, которая привела к провалу модернизации.

О масштабах последствий доминирования мотивов потребления, в частности, свидетельствует неуклонное «старение» украинской экономики. Степень изношенности основных фондов в 2010 г. достиг 74,9 %, тогда как в 2000 г. он составлял 43,7 % [8]. Эта тенденция указывает на то, что полученную прибыль бизнес направлял прежде всего на потребление, а не на развитие и инновации. Сохранение тенденции увеличения изношенности основных фондов в течение последнего десятилетия свидетельствует о банальном проедании экономического потенциала в ущерб будущему поколением.

Следующая причина связана с отсутствием общественной поддержки модернизации. Неприятие идеологии реформ объясняется тем, что подавляющее большинство населения испытывало существенные материальные и социальные утраты от них реализации. Вместе с тем от реформ выигрывали ограниченные социальные прослойки представителей бизнеса и чиновничества. В результате с «реформами» у населения ассоциировались, прежде всего, проблемы потребления или перераспределение ресурсов. Все другие смыслы оставались вне внимания массового сознания. Общественное мнение реформаторами фактически не учитывалось, более того, часто предпринимались действия, которые открыто не поддерживались общественным мнением, например приватизация стратегических предприятий украинской экономики.

Третьей причиной неудач было драматическое несоответствие провозглашенных программ с реальной политикой, осуществляемой государственными органами власти. Как правило, тексты реформаторских программ выполняли сугубо рекламные функции с целью привлечения электората либо обеспечивали конституционный им-

министер Кабинету Министров к отставке в течении первого года после утверждения его состава парламентом. Вместе с тем, реальная политика была мало связана с провозглашенными целями. Например, ни в одной программе не ставилась цель создания финансово-промышленных олигархических групп, монопольно контролирующих определенные сектора экономики. Из заявленного в программах перечня реформ без задержек реализовывались только направления, отвечающие интересам крупного капитала.

В-четвертых, существенным недостатком планов украинской модернизации была концептуальная зависимость от внешнего влияния. Фактически все реформаторские проекты были подготовлены в условиях влияния внешних субъектов, в частности международных финансовых и политических институтов. Иногда Украине предлагалось внедрять либеральные реформы, от которых отказывались сами западные страны. В частности, это касалось требований лишить государство функций выполнения социальных гарантий и ограничить влияние государства на экономические процессы.

Следующей причиной была коррупция и стремление большого капитала приватизировать государственные органы власти. Общество видело, что государственные учреждения оказались неспособны поставить заслон агрессии интересам большого бизнеса и коррумпированного чиновничества. Если олигархический капитал был заинтересован провести выгодные ему решения органов власти, то для него не существовало никаких препятствий.

Наконец, планы модернизации составлялись без системных представлений об общепринятых стандартах реформ. Понятие стандартов реформ активно обсуждается в научной литературе и связывается с определенными требованиями, выдвигаемых к реформаторским проектам [9]. Оно указывает на то, что реформаторские проекты должны учитывать весь комплекс экономических, социальных и технологических факторов, которые будут содействовать или препятствовать их реализации. Активность украинских реформаторов не отвечала означенным требованиям. В среде правящей верхушки доминировали модели поведения, далекие от общепринятых стандартов реформ. Большой частью усилия по модернизации сводились к перераспределению собственности, властных полномочий и стремлению получения коррупционной бюрократической ренты. Под видом реформ часто осуществлялась деятельность, которая приводила к деструктивным социальным последствиям (например, закрытие приватизированных предприятий).

Указанные факторы содействовали деструкции модернизации Украины после обретения государственной независимости. Деструктивные процессы приобрели такие масштабы, что приходится констатировать угрозу коллапса реформаторского потенциала. Украинское общество очутилось перед перспективой потери способности проводить реформы, содействующие прогрессу.

Вместе с тем было бы неправильно сводить причины неудач модернизации только к некачественным реформаторским программам или отсутствию политической воли в их реализации. Влияние указанных факторов было ощутимым, но не решающим. Основной причиной возникновения реформаторского коллапса была слабая распространенность осознания ценностей реформ в общественном сознании.

Динамическое развитие культуры имеет для успешной модернизации Украины ключевое значение. Необходимо отказаться от ошибочной точки зрения, что успех реформ лежит только в экономической и социальной плоскости. Успешными реформы могут быть только тогда, когда они сопровождаются эффективной политикой государства в духовной сфере. Именно этих культурных установок не доставало украинским реформаторам, которые по ошибке связывали цель реформ только с увеличением материального потребления. Вместе с тем такие задачи, как содействие развитию креативного потенциала, создание условий для формирования творческой среды и новых форм общественной организации никогда не попадали в сферу внимания реформаторов.

Стратегические ориентиры культурной политики. Провальные результаты двух десятилетий модернизации актуализируют задачу формирования новой культурной политики, которая могла бы стать надлежащим фундаментом реализации реформ. Определим стратегические ориентиры такой культурной политики.

Проект новой культурной политики необходим как ответ на усиление дезинтеграционных процессов, получивших развитие в результате укрепления административно-олигархической модели. В частности, к ним относится угроза деструктивных тенденций, связанных с утратой властью легитимности. Приходится констатировать, что на фоне неудачных либеральных реформ и усиления олигархизации общества после президентских выборов 2010 года возникла реальная угроза утраты властью легитимности.

Очевидно, что любые планы реформ невозможно будет реализовать, если население не доверяет институтам власти и враждебно относится к их деятельности. Чрезвычайно низкий уровень доверия населения Украины к власти – проблема, имеющая фундаментальное значение. Как показывают социологические опросы, Украина по показателям доверия к властным институтам находится на последних позициях в сравнении с другими европейскими странами. Социологи справедливо утверждают, что такая «негативная динамика ставит под вопрос не только эффективность реформ в Украине, а и общую перспективу положительного социально-экономического и политического прогресса страны» [10].

Установление взаимопонимания между властью и населением – это во многом задача культурной политики, которую можно решить через формирование культуры гражданства. Потеря властью легитимности угрожает крайне деструктивными последствиями, поэтому усилия политических сил, общественных организаций и органов власти должны быть направлены на укрепление легитимности государственных институтов.

Важным фактором, стимулирующим создание культурной политики как базиса модернизации, должно стать осознание угрозы того, что Украина стоит перед перспективой превращения в средство манипуляции двух конкурирующих геополитических субъектов – Европейского Союза и Таможенного союза (в перспективе – Евразийского союза). В этом плане задачей культурной политики является необходимость идентификации Украины в контексте новых геополитических реалий на постсоветском пространстве.

Следует указать на еще одну фундаментальную проблему, сохраняющую актуальность на протяжении всех лет государственной независимости и являющейся предметом культурной политики – это необходимость выхода из кризиса идентичности. В информационном пространстве циркулирует немало политических и культурологических доктрин, претендующих на определение идентичности современного украинского общества. Их идейная палитра весьма богата – от либеральных и посткоммунистических концепций до националистических. Однако эти доктрины, как правило, интересны только для узкого круга их приверженцев. Ни одна из них не является общепризнанной. К тому же, часто концепции идентичности отягощены политической и националистической мифологией. Тем временем, ставится задача таким образом, чтобы проект культурной политики был способен интегрировать широкий круг ментальных феноменов – этические установки, культурологические взгляды, политические цели и религиозную апологетику. Как идеал обновленная концепция идентичности должна собрать в единое целое такие противоречивые социокультурные реалии, как Киевская Русь, Запорожская сечь, УНР, УССР, и современная Украина.

Следующим направлением культурной политики является задача изменения ценностных установок общественного сознания. В течение 20-ти лет в общественном сознании украинского общества утвердились потребительские ценности и коммерциализация мировосприятия. Это стало следствием нескольких причин. После разрушения коммунистической идеологии в общественном сознании возник так

называемый вакуум ценностей, когда старые установки исчезли, а новые не сформировались. Со временем этот вакуум был заполнен меркантильными ценностями потребления. Становление рыночной экономики сопровождалось углублением материального расслоения, в украинском обществе распространялись бедность и неуверенность в будущем. В таких условиях потребительские ценности, направленные на удовлетворение повседневных нужд, стали доминирующими. В условиях незавершенности национально-государственной идентичности в массовом сознании приобретают популярность установки, привнесенные извне средствами массовой коммуникации. Как правило, эти установки созданы зарубежной индустрией массовой культуры и направлены на поддержание потребительского мировоззрения.

Существующая до сих пор культурная и гуманитарная практика не смогли поставить эффективный заслон указанным негативным тенденциям доминирования потребительских ценностей и коммерциализации мировосприятия. Идеология потребления привела к распространению искаженных мотиваций экономической и общественной деятельности, когда её цель ограничивается получением сугубо материальной выгоды. Под влиянием коммерциализации мировосприятия деформируется государственная политика, удовлетворение личных и корпоративных интересов становится доминирующей целью функционирования органов власти.

Крах модернизации стал результатом неспособности к созданию креативной среды и отсутствия поддержки ориентаций на творческое развитие. Отсюда вывод – без кардинальных изменений в сфере ценностей украинское общество не имеет шансов на успешное развитие.

В частности, необходимо формирование новой парадигмы гуманитарного развития, состоящей в отказе от идеологии потребления и утверждении новых ценностей гармонии индивидуального и государственного. Создание новых гуманитарных и культурных ориентиров является условием успешной модернизации Украины. Установка на прогресс, открытость к инновациям, готовность к критическому осмыслению общественных отношений – эти культурные установки являются базисом успеха модернизации.

В контексте сказанного развитие этического и экологического сознания необходимо рассматривать как альтернативу доминированию потребительских ценностей и коммерциализированного мировосприятия. Экологические ценности могли бы стать фактором, способным консолидировать украинское общество перед угрозой экологического кризиса. Необходимость «экологизации» общественного сознания, т. е. привнесения экологических ценностей в государственную политику, продиктовано угрозой разрушения окружающей среды существования украинского общества. Вместе с тем на повестке дня стоит задача объединения экологизации сознания с этикой, когда задача сохранения естественной и историко-культурной окружающей среды для будущих поколений приобретет ценностное измерение. На рубеже XXI столетия становится очевидным, что сохранение окружающей среды и обеспечение гармонии между человеком и природой является более значимым, нежели получение прибыли. Экологизация мировоззрения, направленная на переосмысление человеком своего отношения к среде обитания, заставляет отказаться от местечковости мышления и осознать собственное бытие в глобальном историко-культурном контексте.

В качестве **выводов** определим направления развития культурной политики как создания архетипов модернизации:

- содержание культурной политики должно стать интегральной составляющей общей стратегии реформ украинского общества; культурной политике надлежит стать средством развития инновационного потенциала общества и его консолидации вокруг ценностей прогресса;
- культурная политика должна стать определяющим фактором в формировании политики реформ и становлении Украины как самостоятельного субъекта европейского геополитического пространства;

— необходимо, чтобы проект культурной политики обеспечил нейтрализацию дезинтеграционных процессов в обществе, способствовал повышению легитимности государственных институтов и формированию идентичности украинского общества;

— установки культурной политики должны стать неотъемлемой частью формирования стандарта реформ, в частности через требование соблюдения приемлемых для общества моральных принципов; общество должно видеть, что реформы не отождествляются с распространением коррупции и обогащением узкого круга властной элиты за счет обнищания населения; миссия культурной политики – поставить преграду распространению потребительских ценностей и коммерциализации мировосприятия;

— наконец, культурная политика как ценностная составляющая модернизации должна обеспечить создание условий общественного диалога, который позволил бы учитывать альтернативные позиции относительно реформаторских проектов. Это даст возможность привлечь представителей разных социальных слоев и политических сил к модернизации и увеличит её социальную базу.

Список литературы:

1. Валевський О. Архетипи українських реформ: від адміністративно-командної до адміністративно-олігархічної моделі / О. Валевський // Публічне управління: теорія та практика : збірник наукових праць Асоціації докторів наук з державного управління : Спеціальний випуск. – Х. : Вид-во “ДокНаукаДержУпр”, 2012. – 312 с.
2. Валевський О. Аналіз причин невдач реалізації реформ в Україні [Електронний ресурс] / О. Валевський // Державне управління: теорія та практика, 2011/2. – Режим доступу : <http://www.academy.gov.ua/ej/ej14/txts/Valevskiy.pdf>.
3. Доповідь Прем'єр-міністра України М. Азарова на розширеному засіданні Уряду 27 лютого 2013 року [Електронний ресурс] // Урядовий портал. – Режим доступу : http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=246096783.
3. Наукова та інноваційна діяльність в Україні : Статистичний збірник. – К. : ДП «Інформаційно-видавничий центр Держстату України», 2012. – 305 с.
4. Бюджет лишился запаса. Для финансирования расходов правительство потратило все сбережения [Електронний ресурс] // «Коммерсант» : газета. – 11.02.2013. – Режим доступу : <http://www.kommersant.ua/doc/2124721>.
5. Сто самых богатых украинцев: в списке появились изменения [Електронний ресурс] // Donbass.UA. – 30.11.2012. – Режим доступу : <http://donbass.ua/news/economy/2012/11/30/sto-samyh-bogatyh-ukraincev-v-spiske-pojavilis-izmeneniya.html>.
6. The lottery of life. Where to be born in 2013 [Електронний ресурс] // The Economist. – 2012. – Режим доступу : <http://www.economist.com/news/21566430-where-be-born-2013-lottery-life>.
7. Вартість основних засобів у 2000–2010 рр. [Електронний ресурс] / Державна служба статистики України. – Режим доступу : http://www.ukrstat.org/uk/operativ/operativ2007/ibd/voz/voz_u/voz06_u.htm.
8. Полтерович В. Почему не идут реформы. Необходим государственный стандарт на их проектирование [Електронний ресурс] / В. Полтерович // Политический журнал. – 2005. – № 13. – Режим доступу : <http://www.politjournal.ru/index.php?POLITSID=a7fcf67d22022a03c8e6f5b954cce3c0&action=Articles&dirid=73&tek=3250&issue=97>.
9. Круглий стіл «Перспективи модернізації в Україні і тенденції змін суспільної свідомості», 11 лютого 2013 року [Електронний ресурс] / Інститут соціології НАН України. – Режим доступу : http://i-soc.com.ua/institute/press_relis.pdf.

ВАСИЛЬЕВ
Владимир,
VASILIEV
Vladimir,

кандидат
филологических наук,
доцент кафедры
русской и зарубежной
литературы
Института
филологии и языковой
коммуникации
Сибирского
федерального
университета,
г. Красноярск.

Аннотация: в
статье исследован
архетипический
срез произведений
Чернышевского,
Тургенева и
Достоевского в аспекте
описаний процесса
прельщения «русских
мальчиков» идеей
коммунизма.

Ключевые слова:
архетип, психоанализ,
русская литература
XIX века.

УДК 82

Владимир ВАСИЛЬЕВ

КОММУНИЗМ КАК ПРЕЛЬЩЕНИЕ¹

Постановка проблемы. Становление гуманитарной научной методологии – процесс сложный и разрозненный. В частности, те идеи и теории, которые зарождались и развивались в пространстве европейской науки, могли быть приняты, а затем отвергнуты в СССР (так обстояло дело с психоанализом, «эпидемия» которого была остановлена в нашей стране в начале 30-х годов прошлого века). В свою очередь, советская наука породила не только метод марксизма, претендующий на самодостаточность и «жизнь вечную», но, в частности, такой фантом, как «семиотический структурализм», в котором «наука о знаках» вступала в сложный симбиоз с методологией, утверждающей, что на предмет следует смотреть как на совокупность функционально связанных элементов, структуру. Последний тезис более чем приемлем. Вопрос возникает по поводу семиотики: какое отношение она имеет к методологии структурализма? Ответ мы бы сформулировали следующим образом: такое же, какое имеет любая научная дисциплина – можно поставить задачу описать ее предмет как структуру, не более. Если же допускается отождествление семиотики (надо заметить, научной дисциплины с ее весьма ограниченным статусом) со структурализмом (методологией), то совершается ошибка, которую рано или поздно придется признать и осмыслить [10, с. 5–51].

Цель статьи состоит в поиске ответа на вопрос, как соотносятся друг с другом те проблемы, о которых идет речь, – психоанализ и структурализм? (Нас интересует ветвь психоанализа, которая связана с юнгианством и архетипикой).

Изложение основного материала. К.Г. Юнг, понимая «психическую материю», «коллективное бессознательное» как структуру, грибницу, систему кристалла и говоря о том, что архетипические идеи, мотивы, образы и схемы при всех «бесчисленных вариациях» сохраняют сущностное семантическое ядро, мыслит как классический структуралист (то же следует сказать и о его последователях). Однако вряд ли кому-либо удастся доказать, что Юнг пользуется формально-логическим инструментарием структурализма при описании конкретных архетипов. Его описания скорее аморфны, нежели строги. Многое в них читатель должен принять без доказательств, что говорится, на веру. (Это нисколько не умаляет значения фундаментальных научных открытий Юнга.) Использование инструментария структурализма (вне искусственной связи с семиотикой) для анализа архетипического, по нашему убеждению, способно вывести исследование трудноуловимой проблематики бессознательно-го на качественно новый уровень. Это – одна сторона проблемы, собственно методологическая. Она весьма существенна, поскольку аморфное изложение может не быть или быть точным, научным, а формально-логическое (если не случилось ошибки) таким является априори. Здесь открываются перспективы и для верификации полученного знания.

Вторая сторона проблемы связана с качеством предмета исследования, коим, в нашем случае, является литературный текст. Литера-

¹Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

тура в своем историческом движении фиксирует малейшие оттенки общественных настроений. В этом отношении литературный текст – бесценный источник для изучения коллективной ментальности, в том числе и на глубинном уровне. В настоящей статье мы будем опираться на модель описанного нами ранее архетипического сюжета о Христе и Антихристе [2]. Работа с ним позволяет реализовать замысел создания «Духовной / ментальной истории нации». Излишне говорить, что история русской литературы как ментальная / архетипическая история – пока никем неосуществленный проект. Значимость его осуществления, вероятно, тоже не нуждается в особом обосновании. В этом проекте мы обратимся к небольшому временному отрезку – 60–70-м годам XIX века. Тексты, созданные писателями в указанный период (и несколько ранее), фиксируют тектонический сдвиг в глубинах национальной психики. Этот сдвиг связан с процессом формирования «нового человека» / «русского человека большинства» (Ф.М. Достоевский), прельщенного «новыми» идеями, самая глобальная из которых, – идея «перемены декораций», свершения революции и построения «невиданного» общественного строя – коммунистического. Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать (насколько это возможно в весьма ограниченных рамках) архетипический срез «национального текста», в котором разными авторами, с разных точек зрения описано прельщение «русских мальчиков» идеей коммунизма и объяснена сущность ситуации.

«О, карикатура! Помилуй, кричу ему, да неужто ты себя такого, как есть, людям взамен Христа предложить желаешь?» [4, с. 204]. Это слова из романа Достоевского «Бесы» (1871, 1872), обращенные Степаном Верховенским к сыну Петру. Понимая социализм / коммунизм как религию («социализм – это то же христианство...» [5, с. 776]), Достоевский подчеркивает их противоположность: «Моя идея в том, что социализм и христианство – антитезы» [5, с. 497]. Но какого рода эта противоположность: коммунизм как система взглядов есть небывалое, знаменующее прорыв человеческого сознания за рамки традиционного мышления и жизнестроительства или же нечто, остающееся в границах христианской бинарной картины мира? В первом случае разрыв с христианством открывал бы человечеству то, чему не было образцов, прецедентов, примеров... В случае втором мы остаемся в границах прецедента: неизбежно сталкиваемся с тем, что десакрализация христианского, апостольство «новой веры», – все, что означено словами Достоевского «взамен Христа», означает подмену образа богочеловека фальшивой личиной, под которой прячется Антихрист («анти» – «взамен» / «вместо», «против»). Маской Христа прикрывается «человек греха», «сын погибели». Лик и маска («карикатура») очень схожи и требуют умения их различать, иначе они станут равно притягательны, и истина, воплощенная в лике, может быть отвергнута ради маскирующейся под истину лжи. Такова архетипическая подоплека сюжета о Христе и Антихристе (в котором главными действующими лицами являются и наблюдатели-участники – «русские мальчики» в ипостаси: 1) либо прельщенных / принявших природу Антихриста и прельщающих других образами антимира, 2) либо отвергающих соблазн). Существенна внутренняя борьба «сознания-разума» с «бессознательным» / «сознания» с архетипом Христа, совершающаяся в «новом человеке». Приведенная выше фраза Достоевского полностью звучит так: «Социализм – это то же христианство, но оно полагает, что может достигнуть разумом» (курсивом в цитатах выделено нами. – В.В.).

Ответы на указанные проблемы дал сам Достоевский, для которого «новые люди» были главным объектом изучения. (Не стоит забывать, что в 1840-е годы писатель примыкал к будущим «нечаевцам», «прогрессистам», за что поплатился четырьмя годами каторги. Титаническая борьба с искусом Идеей, через которую он прошел, смоделирована в романе «Преступление и наказание».) Ответы дали современники Достоевского – И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Н.Г. Чернышевский и многие другие. Последний интересен тем, что сам, будучи «новым», занимался презентацией образов «новых людей» в их «сакральной ипостаси» и неизбежно –самопрезентацией. В романе «Что делать?» (1863) Чернышевский манифестирует целую систему

сакрального. Особое место в ней принадлежит образу Рахметова, выстроенному по агиографическому канону. К. Кларк пишет, что «жизнь Рахметова очень точно соотносится с одним из самых популярных в России жизнеописаний святых – “Жизнью Алексия, Божьего человека”». «В том и другом тексте молодой щеголь из высших классов пережил духовную перестройку, раздал имущество нищим, покинул свой дом, после чего начинает жить в воздержании от славы и плотской любви, посвящает себя вере, использует разные способы умерщвления плоти, чтобы достичь самосовершенствования (Рахметов, скажем, лежит на гвоздях)» [7]. Обращения общего характера к конкретным житиям, как правило, затруднительны, поскольку канон – структура, синтезирующая множество агиографических текстов. Ничто не мешает соотносить жизнеописание Рахметова, например, с «Житием Феодосия Печерского». К тому же стоит отметить, что Алексей не был молодым щеголем, и о его «духовной перестройке» в тексте ничего не говорится. Аскеза же Феодосия, ношение железных вериг еще в период его жизни в миру, как представляется, в большей степени соотносится с гвоздями Рахметова, чем аскеза Алексея. Впрочем, важен именно сам факт презентации «окруженного сиянием» «нового» человека – того, кто есть «цвет лучших людей <...> соль соли земли» [8, с. 175], – святого, призванного служить образцом для неопитов религии устройства «светлого и прекрасного» будущего.

Земная религия требовала решения и сугубо земных насущных вопросов. Одним из них был вопрос о женской эмансипации. Потому в «Что делать?» вместо мессии-жениха («мужа») к ученикам и нуждающимся в идеологическом окормлении, спасении-освобождении являются «фантастическая невеста» и ее сестра – «царица-богиня»; их образы продуцируют в судьбе героев мотивы свадьбы-освобождения и перспективы, выраженной тезисом «чем дальше, тем лучше будет». «Ключевой символ романа – свадьба – восходит к новозаветному символу – союз жениха и невесты. В романе свадьба имеет значение освобождения в его разных аспектах – немедленное освобождение женщины, Веры Павловны, от гнета семьи и общества благодаря ее браку с Лопуховым и полное освобождение человечества вследствие социальной революции. Евангельские корни этих символов очевидны – Царство Божье в Евангелии уподобляется жениху (“Вот, жених грядет”). В романе, однако, приход нового мира ассоциируется с пришествием мессии-женщины; грядет не жених, а невеста» [8, с. 176]. Исцеление и спасение Веры Павловны в ее первом сне – чудо, сотворенное «невестой», подобное тому, что творил Христос [8, с. 176-177]. Лицо «невесты» вбирает в себя «много имен» и лиц. «А вот идет по полю девушка, – как странно! – и лицо, и походка, все меняется, беспрестанно меняется в ней; вот она англичанка, француженка, вот она уж немка, полячка, вот стала и русская, опять англичанка, опять немка, опять русская, – как же это у ней все одно лицо?» [12, с. 81]. Ср. в стихотворении «Христос» Тургенева: «Именно такое лицо – лицо, похожее на все человеческие лица, – оно и есть лицо Христа». «Любовь к людям» – настоящее имя «невесты» [12, с. 82]. Ср.: «Человеколюбец» – «человеконенавистник» – устойчивые именованья Христа и его противников. Образ Веры Павловны сакрализуется в ее первом сне: «невеста» дарует ей способность лечить (Христос и любой святой как воплощение его подобию – врач); и она сама совершает чудеса – воскрешает / излечивает от паралича и выпускает из подвала таких же, как она, девушек. Потому не удивительно, что образ очаровательной «царицы-богини», окруженный ореолом сияния, трансформируется и сливается с образом Веры Павловны в ее четвертом сне («Да, Вера Павловна видела: это она сама, это она сама, но богиня» [12, с. 281]). Место богочеловека в утопической картине мира занимает человек, (само)возвышенный до бога. «Нет ничего выше человека, нет ничего выше женщины» (там же). «Новая Россия» / «хрустальный дворец» будущего / «рай на земле», где «нет опасений нужды и горя», где «всем и каждому – полная воля, вольная воля» смоделирован в романе в пространстве библейского Эдема. «А возвышенность, с которой Вера Павловна и “царица” осматривают окрестности, – это гора Синай, где Моисей получил скрижали с Десятью заповедями» [8, с. 177].

Религиозная проблематика романа «Что делать?» далеко не исчерпывается рассмотренными мотивами. «Христианские принципы пронизывают роман, от его научных аллегорий до повествовательной стратегии и риторических приемов» [8, с. 183], – заключает исследователь, наиболее подробно их рассмотревшая. Однако полагаем, что сказанного достаточно для того, чтобы объяснить силу необычайного влияния сочинения Чернышевского на русских мальчиков, к тому же совсем не лишенных экзальтации, ищущих дела и склонных фанатически уверовать в него. Чернышевский не просто оправдывал революционную идею и революционное дело, он возводил их в высший идеал – святости. Чтение его произведения было для читателей встречей не просто с ипостасями «нового» человека и «нового» царства, а с энергией архетипа, явленной образом нового бога – «взамен Христа».

Чернышевский в «Что делать?» не описывает процесс психологической выделки «русских мальчиков» в «новых». Его герои просто впитали «аромат с полей» / новые идеи, и предстали перед читателем преображенными. Процесс преображения описывает и Достоевский – наиболее детально в «Преступлении и наказании», романе, структура которого полностью определена сочинением Чернышевского. По сути, два этих произведения – единый текст, который можно издавать под одной обложкой. Стоит подчеркнуть, что роман Николая Гавриловича для современного читателя – чтиво чрезвычайно скучное и неактуальное; тому же, у кого хватит сил одолеть сочинение, оно может показаться довольно милым – ни человека с топором, ни с ружьем, ни соответствующих воззваний там попросту нет. А вот настойчивая мысль, что строить будущее надо трудом, есть (существенно, что честный самостоятельный труд / русский бизнес предстает у философа-«пророка» полной утопией). Вполне вероятно, что Чернышевскому совершенно напрасно приписали призыв «К топору зовите Русь!» [1, с. 6-12; 3, с. 223-277]. «Но теоретически Рахметов безусловно является носителем идеи освобождения человечества с помощью меча» (курсив в оригинале. – В.В.) [9, с. 70], – пишет В. Сердюченко. И это совершенно верно. Известно, куда ведут разумные расчеты, когда они равны благим намерениям. Достоевский, прекрасно понимая подлинную природу «нового» человека, изымает этот образ из пространства утопии и пристраивает его сущностные составляющие: идея плюс топор / преступление. Те мысли, которые «носятся в воздухе» у Чернышевского, у Достоевского тоже носятся в воздухе, – пропитанном «нестерпимой вонью распивочных» и клоак Петербурга: Раскольников не сам сформулировал теорию, ему помогли – студент и офицер, как раз из распивочной. И новые идеи у Достоевского не «ароматы», а «новые трихины <...> духи, одаренные умом и волей». «Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные» – это тоже о Чернышевском и К°. Удел зараженных – «все должны были погибнуть» [6, с. 516]. Там, где Николай Гаврилович пытался увидеть занятых жизнестроительством, Достоевский видел «мертворожденных» / рожденных не «от живых отцов», а «от идеи».

Писатель очень подробно рассматривает работу «духа, одаренного умом и волей» (архетипа демона, мог бы сказать Юнг), которого принял в свое сознание герой. Однако бессознательная природа Раскольникова совершенно иная. Он единственный, кто не смеется над рассказом пьяного Мармеладова. Он помог ему – довел до дома. Пораженный нищетой, в которой живет семейство, он «уходя <...> успел просунуть руку в карман, загреб сколько пришлось медных денег, доставшихся ему с разменянного в распивочной рубля, и неприметно положил на окошко» [6, с. 282]. Эти деньги – остатки одного рубля пятнадцати копеек, полученных от старухи-процентщицы. Он отдает последнее, у него нет ничего, «второй день как уж он совсем почти ничего не ел» [6, с. 6]. Поступок Раскольникова – тайная, нелицемерная христианская жертва. А ведь он только что ходил проиграть сценарий убийства старухи. Мальчик, готовящийся поднять топор, предстает перед нами как человек деятельного христианского добра и нелицемерной любви к ближнему – лучший из христиан... Писатель

не раз покажет, что поступок Раскольникова не случаен (в эпизоде с пьяной девочкой, раздавленным Мармеладовым, его похоронами и пр.).

Князь Мышкин (в черновиках «князь-Христос») в романе «Идиот» произносит одну единственную фразу, которая созвучна заповедям Христа: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества». Раскольников воплощает именно этот закон. Первое бессознательное движение его души при столкновении с чужой бедой, – помощь, активное действие, рожденное состраданием / сопричастностью добровольным мукам Христа. Тогда откуда взялась эта душа? Пульхерия Александровна пишет сыну: «Вспомни, милый, как еще в детстве своем, при жизни твоего отца, ты лепетал молитвы свои у меня на коленях, и как мы все тогда были счастливы!» [6, с. 40–41]. Душа Роди родилась из детской молитвы. Но детство кончилось. У Достоевского символически христианство как детство русского человека кончилось. Наступило другое, «новейшее» – грозное, идейное время. «Боюсь, я в сердце своем, не посетило ли тебя новейшее модное безверие?» [6, с. 40], – спрашивает в том же письме мать. Посетило. Не ребенок, а взрослый, пораженный идеей, Раскольников смотрит с моста на панораму, в центре которой купол Исаакиевского собора. «Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина...» [6, с. 110]. А потому, выйдя от Мармеладовых, Раскольников «одумался», хотел вернуться и забрать деньги. «Ну что это за вздор такой я сделал <...> мне самому надо» [6, с. 28]. Ср.: то же в эпизоде с пьяной девочкой: [6, с. 50, 51].

Герои Достоевского – это не столько люди, сколько глубинные психические сущности, субстанции духа. Они носят символические имена. Раскольников воплощает распад, раскол цельности «внутреннего человека» – души / бессознательного и сознания. Душа остается вместилищем Бога, в сознание же вселился бес. Его задача – убить душу. Сегодня ясно, что психологические студии писателя моделируют кризис христианской цивилизации, вектор ее движения в целом. Разложение и небытие – доминантное направление.

Чернышевский – социалист. Достоевский – почвенник. Художественные миры того и другого соответствуют их убеждениям. Но более чем неожиданна и чрезвычайно показательна позиция либерала Тургенева. Заканчивая карьеру романиста, желая недвусмысленно разъяснить свое отношение к «новым» / нигилистам, он пишет роман «Новь». В нем обнаруживается едва ли не в кристально чистом виде архетипический сюжет об Антихристе. Как и «Бесы» Достоевского, роман основан на «нечаявшем деле». Тургенев дал главному герою имя-мифологему – Нежданов, делающее его двойником руководителя «Народной расправы». Смысл в том, что Тургенев «не ждал» и «не чаял», чтобы Россия пошла по пути нигилизма. Имя также несет семантику незаконнорожденности. Выблядок (так Нежданова называет соратник по делу и соперник в любви Маркелов), незаконнорожденный герой (ср.: рожденный от блудницы Антихрист) для писателя – символ незаконности идеологии революции, предстающей в романе идеологией приговора, убийства («Кто не с нами, тот права жить не имеет...» [11, с. 363]). Проповедь лжеучения, обольщение им, убийство, стремление к власти – мотивы, закрепленные за членами революционного кружка (они же закреплены за Антихристом). Все соратники Нежданова (не смотря на то, что они честны и даже добры) изображены ущербными, сам же он болен неодолимым влечением к смерти и в свои 23 года кончает самоубийством (ср.: Антихриста постигает «возмездие Божие» за сотворенное зло – он бросается вниз головой со скалы).

Либерализм – межеумочная позиция и с точки зрения социалиста, и с точки зрения почвенника. Однако в «Нови» Тургенев стоит не на позиции либерализма, он судит «новых» людей с позиции... Христа, с той же, что и Достоевский. Оба писателя срывают маску с псевдосвятых, лжемучеников революционной идеи.

Выводы. Совпадение психоаналитических процедур и выводов Тургенева и Достоевского весьма впечатляет. Оно позволяет сделать небезынтересный вывод. Приход религии коммунизма на смену христианству, не был «обновлением», подобным

смене античных богов или славянского языческого пантеона на триединого христианского Бога. Достоевский прав: это было «то же христианство» – пробуждение его темной стороны, антимира – обиталища сатаны и его посланника Антихриста. Неуправляемую и страшную энергию тьмы пробудила усиленная работа сознания, составшего против Христа. Нельзя сказать, что результаты известны. Пока они известны не все. Прельщение коммунизмом знаменовало резкий скачок в пространство, которое Достоевский определял как «болезнь», «цивилизацию», «развитие личного сознания» и отрицание «законов масс». Европа не прельщалась коммунизмом настолько, насколько Россия, но своими путями она пришла к тем же духовным результатам, а сегодня в чем-то и обогнала нас. Процесс продолжается. Конечные ответы впереди.

Историко-литературный процесс, разложенный психоаналитически, открывает замечательную перспективу написать интереснейшие главы в «учебнике по самопознанию». Это огромная, едва начатая работа. Она обнаруживает глубину мира, две бездны, о которых современный человек, рядовой или вершитель судеб, скорее всего не подозревает. Заглянув в эти бездны, мы с удивлением обнаружим там образы и энергии, которые правят и личностью и массами, отвечают за «сценарии судеб». Человеку же дано очень ответственное право выбирать.

Список литературы:

1. Антонов В.Ф. Звал ли Чернышевский народ к топору? / В.Ф. Антонов // Преподавание истории в школе. – 1995. – № 5.
2. Васильев В.К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. Архетипы русской культуры. От Средневековья к Новому времени / В.К. Васильев. – Красноярск, 2009.
3. Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский: научная биография : Т. 3 / А.А. Демченко. – Саратов, 1992.
4. Достоевский Ф.М. Бесы / Ф.М. Достоевский // Собр. соч. : в 15 т. – Л., 1990. – Т. 7.
5. Достоевский Ф.М. Письма. 1834–1881 / Ф.М. Достоевский // Собр. соч. : в 15 т. – СПб., 1996. – Т. 15.
6. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский // Собр. соч. : в 15 т. – Л., 1990. – Т. 5.
7. Кларк К. Советский роман: история как ритуал [Электронный ресурс] / К. Кларк. – Режим доступа : <http://www.fedy-diary.ru/?p=2661>.
8. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / И. Паперно. – М., 1996.
9. Сердюченко В. Футурология Достоевского и Чернышевского / В. Сердюченко // Вопросы литературы. – 2001. – № 3.
10. Соболев Д. Лотман и структурализм: опыт невозвращения / Д. Соболев // Вопросы литературы. – 2008. – № 3.
11. Тургенев И.С. Новь / И.С. Тургенев // Полн. собр. соч. : в 30 т. – 2-е изд. – М., 1982. – Т. 9.
12. Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., 1975.

Татьяна КАДЛУБОВИЧ

АРХЕТИПЧНІ ОСНОВИ ПОЛІТИЧНОЇ ПОВЕДІНКИ

**КАДЛУБОВИЧ
Татьяна,
KADLUBOVICH
Tatiana,**

кандидат политических наук, доцент Киевского национального университета технологий и дизайна, г. Киев.

Аннотация: в статье рассматриваются бессознательные основы политического поведения, в качестве которых выступает архетипическое наследие человека, определяя его опыт и побуждая к участию в политике.

Ключевые слова: политическое поведение, архетип, архетипичный образ, бессознательное.

УДК 316 .62:32-027.21

Постановка проблемы. Демократизация украинского общества происходит в сложных, противоречивых и конфликтных условиях, что вызвано наличием разнообразных социальных и политических интересов, альтернативностью политических взглядов и действий современных политических субъектов. Многообразие и динамизм человеческих потребностей, конкуренция разнообразных вариантов решения политических проблем требует интенсивного реформирования государственного управления, как социального, политического явления, вида общественной деятельности, главными задачами которого являются контроль и регуляция политического поведения, влияние на него с целью рационального формирования и эффективной реализации целей, задач, функций и интересов граждан в условиях взаимодействия. «Управляя действиями других, – писал Н. Винер, – нужно следить за разнообразными сигналами... Необходимым условием взаимодействия между людьми является непрерывное получение информации каждым из его участников о разных сторонах и компонентах процесса взаимодействия» [4]. Такими сигналами для государственного управления является, в частности, политическое поведение отдельных личностей, групп и социальных общностей, поскольку «объективный мир... становится все больше зависим от субъекта» [8, с. 198]. Задачи глубокого и разностороннего изучения политического поведения, возможностей и оптимизации государственного управления им в сложных социально-экономических и политических условиях развития современного украинского общества, которые требуют поиска новых подходов и парадигм, определяют актуальность выбранной темы.

Анализ последних исследований и публикаций. Основы осмысления проблем политического поведения заложены классиками политической теории – М. Вебером, Д. Истоном, П. Лазарсфельдом, Г. Лассуэллом, Ч. Мерриамом, С. Рокканом и другими. В разные годы изучалась социальная обусловленность политического поведения, его зависимость от положения индивида в социальном пространстве, от политических установок, от способности политических акторов рационально оценивать выгоды и потери от действия, которое предвидится или планируется. В конце XX века возникла проблема разграничения понятий «политическое участие», «активность», «деятельность» и «поведение», а также необходимость изучения их субъективных аспектов, которые прежде недооценивались или игнорировались (В. Бортников, Е. Мелешкина, Д. Ольшанский, А. Радченко, Е. Шестопал и др.). В работах М. Александровой [1], Э. Афонина [2], В. Буданова [3], Е. Донченко [5], А. Радченко [12] и других поднимается проблема взаимосвязи политического бытия с глубинными субъективными феноменами (архетипами).

Нерешенной ранее частью общей проблемы является анализ содержания подходов к изучению политического поведения, которые существуют в современной отечественной и зарубежной науке, в частности холокомного, который позволяет рассмотреть политическое поведение через призму его архетипических основ.

Целью статьи является попытка рассмотреть внутренние факторы политического поведения, в частности его архетипические основы.

Изложение основного материала. Поведение вообще, по определению С. Рубинштейна, является особой формой деятельности. Она становится поведением тогда, когда мотивация действий из предметной плоскости переходит в плоскость личностно-общественных отношений. Своеобразие поведения индивида зависит от характера его взаимоотношений с группами, членом которых он является, от групповых норм, ценностных ориентаций, ролевых ожиданий. Политическое поведение – это совокупность человеческих действий (поступков), которые поддаются наблюдению в сфере распределения и осуществления власти, это субъективно мотивированный процесс, воплощающий в себе тот или иной вид политической деятельности [10].

По определению П. Шляхтуна, политическое поведение – это совокупность реакций социальных субъектов на деятельность политической системы, это какая-либо форма участия в совершении власти (влияние на власть) или противодействие ее совершению [15, с. 414]. Это поступки и действия субъектов политики, характеризующие их взаимодействие с социальной средой, с разнообразными общественно-политическими силами. Это совокупность поступков, сознательных действий, направленных на достижение определенной социально значимой цели, действий, которые порождаются традициями, ценностными ориентирами, а также неосознанных действий, вызванных эмоциональным состоянием индивида. В политическом поведении осознанные и неосознанные, рациональные и эмоциональные компоненты находятся в сложном взаимодействии, потому некоторые аспекты политического поведения невозможно объяснить без привлечения категорий, описывающих элементы структуры личности, ее потребности, мотивы, установки, ценности, ориентации, убеждения, цели, особенности личностной роли, стиль принятия решений, межличностных отношений, когнитивный стиль и внутренний мир человека.

К таким категориям принадлежит и категория бессознательного, которое, по мнению К. Юнга, является творческим, разумным принципом, связывающим отдельного человека со всем человечеством, природой и космосом.

Анализируя разнообразные проявления человеческой жизни, К. Юнг сделал вывод о существовании всеобщей ее основы – коллективного бессознательного, которое свойственно целым народам и эпохам: оно как воздух, которым дышат все, но который никому не принадлежит. Оно передается по наследству от поколения к поколению и состоит из архетипов, надличностных паттернов формирования разнообразных способов материальной и духовной деятельности в социуме, которые в определенной мере отражают элементы человеческого опыта. К. Юнг считает архетипы чисто формальными, категориальными, понятийными потенциями, которые должны актуализироваться в опыте. Они являются «врожденными возможностями идей» [17, с. 60]. Этот феномен можно считать своеобразным «мотивационным геном», который передает из поколения в поколение опыт, накопленный человечеством [5].

К. Юнг считал, что существует столько же архетипов, сколько типичных жизненных ситуаций, причем ученый подчеркивал, что любое социальное изменение основывается на изменениях в психике личности, инициируемых бессознательным, а сознательные установки определяют только выбор формы их реализации.

Политическая жизнь общества и изменения в ней описываются при помощи категории «политический процесс», который является отражением разнообразия политической реальности, совокупностью взаимосвязанных последовательных явлений и событий, проявлений политического поведения и деятельности субъектов разных уровней (индивидов, структур государственного управления и др.). Политический процесс состоит из действий и взаимодействий акторов политики, которые можно трактовать как формы политического поведения.

Термин «политическое поведение» описывает совокупность проявлений внешней и внутренней активности институциональных, индивидуальных и коллективных акторов, разнообразные отношения индивидов и групп к политической реальности, а также многочисленные способы их выражения.

В научной литературе можно найти классификации политического поведения по разным критериям. Так, в соответствие с мотивами выделяют сознательное, бессознательное, произвольное, целенаправленное и стихийное политическое поведение. Классификация по субъектам предполагает деление политического поведения на индивидуальное, групповое и массовое. По ситуационным особенностям выделяют нестабильное, стабильное, кризисное, неожиданное и т.д.; по продолжительности – длительное и кратковременное; по направленности – конструктивное, солидарное, разрушительное, деструктивное, экстремистское, лояльное (поддержка системы) и протестное, нормативное и девиантное; по управляемости – контролируемое, неконтролируемое, легитимное и нелегитимное, добровольное и принудительное, автономное и мобилизационное, традиционное и инновационное политическое поведение. Польские исследователи различают открытый (политическое действие) и закрытый (политическое бездействие) [15, с. 415] типы политического поведения. А. Радченко рассматривает интровертированное и экставертированное политическое поведение [12, с. 97].

Политическое поведение, таким образом, можно рассматривать как «универсальный социальный феномен», который существует в обществе «независимо от форм его организации». Такая задача под силу только синтетическому подходу, предложенному К. Манхеймом, К. Ясперсом, К. Юнгом, К. Гаджиевым, С. Гроффом и др. Для изучения отношений между социумом и личностью, между сознательным и бессознательным в жизни общностей, между психологическими, физическими и общесоциальными феноменами, между символами, знаками и структурами, которые они презентуют, наконец, между информацией и поведением современная наука использует холистическую парадигму [5]. Первоисточником, первоосновой культуры, менталитета, становления и развития культурных и социальных моделей, формирующих человеческое бытие, является архетип или архетипическое наследие – общечеловеческие прообразы индивидуального опыта. Архетип – это коллективное наследование общих, абстрактных форм, структурирующих конкретные смыслы, это фактор, который невозможно представить, определенная диспозиция, предопределяющая упорядочение и выстраивание психических элементов в архетипические образы, понимание и расшифровка которых возможны только с помощью определенных образов и символов. Именно они определяют поведение и опыт человека.

Когда индивид вступает в контакт с этими прообразами-архетипами, он начинает говорить «как бы тысячью голосов...», он возвышает личную судьбу до судьбы человечества», – считает К. Юнг [18, с. 355]. Э. Фромм также отмечает, что «в одном индивиде представлен весь род человеческий... Он – это „он“, и он – это „все“; ... он носитель всех характерных свойств человеческого рода» [13, с. 55].

Таким образом, К. Юнг рассматривает архетипические образы, отшлифованные опытом человечества, всей человеческой историей. Э. Фромм называет их универсальными символами, в которых отражаются фундаментальные закономерности мышления и воображения человека, его внутреннее состояние [13, с. 56]. О. Нойбергер и, Й. Штайрер трактуют «могучие прообразы...», в которых разнообразные формы действительности превращаются в что-то принципиальное и типичное, а их основой являются «все существующие базовые формы управления» [16] как архетипы управления. Е. Донченко предлагает концепцию архетипов как факторов эволюционных процессов в обществе и отмечает, что социальные институты являются проекцией коллективной психики и социальной психологии в нем [5].

Способность человеческого мозга «мыслить гештальтами, иррациональными художественно-чувственными образами, – пишет Е. Донченко, – является генетически и исторически первоначальной, а информация, которая образуется с ее помощью, остается в так называемой родовой памяти, в памяти поколений, в памяти социума и всего человечества... То, что находится в иррациональных образах, интегрируется в определенные целостные картины, рождая целостные оценки... моральности, красоты, порядка, справедливости, добра, безопасности, организации жизни» [5].

Дж. Хиллман считает, что «архетипическое» – это «движение, совершаемое кем-то». Архетипическая форма, по убеждению Е. Донченко [5], достаточно явно и действительно проявляется в жизни общностей, обуславливает предрасположенность общественных поведения и сознания к определенному типу.

Главными особенностями архетипических образов является их неосознанность, автономность, номенозность (невиданная сила, роковой смысл), эмоциональность и амбивалентность (сочетание позитивного и негативного, положительного и отрицательного). Они одновременно проявляются и как образы, и как эмоции, объединяя в себе восторг и ужас, благоговение и страх.

По убеждению К. Юнга, «современный человек переживает возбуждение в основном от политических страстей» [18], поэтому можно утверждать, что архетипические образы коллективного бессознательного являются латентными движущими силами поведения личности, в частности политического.

Анализируя работы К. Юнга [17, 18] и современных исследователей [1, 2, 3, 5, 9, 11, 12], можно заметить, что нет единой системы архетипических символов, поэтому в статье делается попытка выделить архетипические образы, которые являются ведущими в понимании политического поведения.

В частности, одним из актуальных архетипических образов является Антропос как такой, который объединяет внутреннее «Я» личности с «Я» человечества как целого. Он является образом целостности, а потому предопределяет коллективные формы политического поведения, как правило, активного, целенаправленного, легитимного. Можно предположить, что этот архетипический образ побуждает общество к консолидации, рождая коллективное «Мы». В своих негативных проявлениях архетипический образ Антропоса может вызвать деструктивные массовые формы политического поведения, например, бунт, восстание и т.п.

Архетипам хаоса (война всех против всех), порядка (уравновешенные отношения нейтралитета или сотрудничества всех со всеми) и гармонии (отношения любви, дружбы, взаимопонимания и согласия всех со всеми) подчиняется все существование человечества, считают современные исследователи.

Хаос – совокупность материи и пространства, не имеющая формы, – подсознательно воспринимается человеком как нечто динамическое, подвижное, случайное. Поэтому именно этот архетипический образ побуждает человека к стихийным, разрушительным, протестным, девиантным, часто нелегитимным формам политического поведения. В этом случае будут преобладать иррациональные и инстинктивные влечения и чувства, действия станут более рискованными и безответственными. Формами политического поведения, обусловленного архетипом Хаоса, будут бунт, забастовка, революция. Последствиями бунта являются захват кого- или чего-либо, убийства, побои, уничтожение интеллектуального наследия, гибель людей и т.п. Хаос и беспорядок вступают в свои права. Революция – идеальная стихия господства архетипического образа Хаоса, поскольку происходит смешение всех социальных ролей, «верхов и низов», используется символика, характерная для этого архетипа: огонь, яркие краски (красный, оранжевый), ритмические лозунги и т.п. Все это передает динамику ситуации, воскрешает активное начало бытия, является определенным стимулом развития. Преобладание этого архетипа заставляет человека обращаться к более архаическим формам поведения с налетом мистицизма: факельное шествие, использование архаической символики, сожжение чучел «сил зла» и др. При доминировании такого архетипа возникает угроза использования экстремистских форм поведения, терроризма, асоциального поведения. Взрывы, поджоги, организация катастроф, насилие, вандализм и хулиганство вызывают чувство страха, панику, ощущение тревоги, опасности, недоверие к власти и являются проявлениями преобладания архетипического образа Хаоса. С другой стороны, архетип Хаоса порождает героическое поведение со всеми его атрибутами. Благодаря архетипу Хаоса общество осознает свое критическое положение и начинает путь к гармонии и порядку. «Хаос всегда существует как внутренняя сторона порядка, ведь он постоянно

стремится к переструктурированию, которое является неизменным законом создания социального мира» [2, с. 29].

Архетипы Порядка и Гармонии соответствуют потребности общества в нахождении идеального устройства. Они обуславливают преобладание стабильности, уверенности в завтрашнем дне, пропорциональности, помогают создавать могучие системы, например систему государственного управления. При преобладании таких архетипов преимущество будет отдано сознательному, целенаправленному, управляемому, стабильному, лояльному, легитимному политическому поведению. В обществах с господствующей идеологией (как правило, тоталитарных) можно ожидать преобладания мобилизационного типа организованного политического поведения (как это было в Советском Союзе).

Базовыми противоположными началами миропорядка всегда выступали «мужчина» и «женщина», «ян» и «инь», «высокое» и «приземленное», «духовное» и «материальное», «вертикальное» и «горизонтальное». У К. Юнга эти начала воплощаются в архетипах Анима и Анимус, которые, по его мнению, выполняют роль посредника между сознательным и бессознательным. Анима отличается одержимостью и необузданностью эмоций, делает поведение естественным и непринужденным. Анимус выступает творческим источником жизни, определяя отношение к мужчине, закону и государству.

Архетип Анима воплощается в женских образах Матери, Земли, Родины.

Архетипический образ Земли содержит в себе ноосферное предчувствие украинцев, что подтверждают научные разработки С. Подолинского и В. Вернадского. Под воздействием этого образа осуществляется становление мировоззренческой толерантности.

Архетипический образ Матери лишает агрессивности в мировоззрении, является концентрированным выражением национальной самости и проявлением рефлексии национального сознания. Связанные с понятием «управление» суждения отображают его патриархальный характер. Так, Г. Морган выделяет архетипы, которые, по его мнению, влияют на становление образцов женского политического поведения (например, «мать», «амазонка», «дочь», «Жанна Д'Арк») [9, с. 222–223]. Доминирование женского архетипа в ситуациях управления помогает объединить рационально-аналитический стиль управления с ценностями, которые придают особое значение сопереживанию, интуиции, более органичному, естественному поведению, вызывают потребность в заботе о других, считает Г. Морган [9, с. 156–157]. В таком случае на смену принципу иерархии приходит принцип вовлечения, когда главными становятся достижение общей цели, взаимная поддержка, взаимовыручка, взаимоуважение. Таким образом, политическое поведение при доминировании женских архетипических образов начинает отвечать принципам демократического развития общества, становится лояльным, добровольным, возможно, инновационным, целью которого является консолидация и интеграция общества, утверждение принципов толерантности и плюрализма. Субъекты такого политического поведения будут отличаться дружелюбием, уважать взгляды и убеждения других, что позволит конструктивно решать насущные проблемы. Негативные проявления этого архетипа будут видны в случае идентификации с ним мужчины, делая его неуверенным и сверхчувствительным.

Анимус воплощается в образах Логоса, Духа, Мудрого старца, Отца, Героя и т.п.

Архетипический образ Отца [12, с. 37] порождает патриархальные настроения, «отец» понимается как неограниченный правитель, который создал и установил некий определенный образ жизни. Ему приписываются такие черты, как рациональность, сила, величие, всемогущество, стабильность, надежность, непоколебимость, способности организации и контроля. Его стиль управления может быть снисходительным и заботливым, он может относиться к подчиненным с пониманием, прощая ошибки, или, наоборот, строго, требовательно, проявляя власть и наказывая непослушных. Этот архетипический образ указывает на доминирование мужчин в

ситуациях, где необходимы агрессивность и решительность. Он воплощается, прежде всего, в качествах лидера, которыми наделяет его традиционное общественное мнение. Мужчина-лидер отличается стойкостью, смелостью, героизмом «с привкусом нарциссической самовлюбленности» [9, с. 251–252], которые отражают патриархальные ценности. Этот архетипический образ – воплощение авторитета, законности, обязанности, ответственности, символ государства и государственной власти. В индивидуальном сознании постепенно (с возрастом) место реального отца занимает могущественный «отец» – человеческое общество. «Отец» требует от «детей» преданности и развитого чувства ответственности. В диаде «отец – дети» могут преобладать чувства любви, доверия, благодарности или противоположные – ненависти, страха и возмущения. Доминирование этого архетипического образа находит свое отражение в строгой иерархической структуре, централизованном управлении, возможной этатизации общества. При этом создается образ сильной власти, которая в состоянии решить любые вопросы, а недовольных обязательно накажет. С другой стороны, у «подчиненных» такая структура на бессознательном уровне развивает чувства беспомощности, страха и зависимости от власти [9, с. 252]. Поэтому политическое поведение будет преимущественно контролируемым, нормативным, мобилизационным.

Архетипический образ Героя, по О. Нойбергеру, наделен чертами мужественности, закаленности, стойкости, самодостаточности, всемогущества и силы. Он одинок, имеет сверхчеловеческие способности, представления об идеальном пути развития, вызывает восхищение и признание, никому не подчиняется, воплощает коллективную мечту о власти и свободе, воспринимается как грандиозный. В политической жизни он реализует потребности в победе, профессионализме и стремится сделать мир лучше. Идентификация с таким прообразом делает человека дисциплинированным, сосредоточенным, решительным, целеустремленным. Как правило, такой архетипический образ порождает индивидуальное политическое поведение лидера, побуждает к честолюбию, готовности к решительным действиям. В этом случае человек воодушевляется новыми идеями, стремится к установлению идеального порядка, защищают невинных, ранимых и тех, кто не в состоянии помочь себе самостоятельно, руководствуясь при этом высокими, сильными стремлениями. В представлении сторонников и последователей такому человеку свойственны величественность и харизма. Негативными проявлениями доминирования этого образа являются высокомерие, надменность, жестокость. Ведущим мотивом становится поиск врага (воображаемого или реального), преобладает потребность в агрессии, враждебности, антагонизме, наблюдаются маниакальные политические предрассудки и т.п.

В работах Г. Лассуэлла анализируется бессознательный компонент «агитатора» [7, с. 274], который можно рассматривать как разновидность архетипического образа Героя. Автор концентрирует внимание на негативных проявлениях бессознательного. В частности, он указывает на то, что «агитатор» требует от аудитории «отклика», который является признаком его стремления срочно получить широкое признание. «Некоторые „агитаторы“, – пишет Г. Лассуэлл, – заняты осуждением других. Осуждать – значит использовать нормы ответственности..., провозглашать и осуждать голословное неповиновение» [7, с. 274]. Движущей силой агитатора, который обвиняет, является чувство вины, которое они стремятся компенсировать при помощи проекции неблагоприятных характеристик на других людей или группы. И тогда Герой способен стать во главе протестных форм поведения с использованием нелегитимных его форм. Такое поведение может стать неконтролируемым, спонтанным, деструктивным.

Архетипический образ Спасителя, по О. Нойбергеру, проявляется в поведении обновления, превращения, которое побуждает к поиску истинного пути, делая массы послушным инструментом. Момент «спасения» выражается при помощи понятий «предвидение», «преобразование», является «эскизом» будущего порядка, к которо-

му стремится общество (стратегии принятия политических решений, преодоление кризисных ситуаций и т.п.) [16]. Управленец проявляет такие качества, как воодушевленность, амбициозность, вера в собственные силы, преданность делу, экстраверсия, надежда на эффект.

Архетипический образ «царя» или «правителя» уже в работах К. Юнга является символом мудрости коллективного бессознательного [18]. Метафорическая фигура царя соотносится с социальной первичной формой управления как воплощение величия, покоя, рассудительности и мудрости, интроверсии и нерушимости, которые противопоставляются формам социальной драматизации [16]. Политическое поведение, порожденное этим архетипом, наблюдается, например, когда управленец проявляет готовность к кооперации, тонкость чувств, исключительность и независимость. Его главными потребностями являются власть, статус и контроль, а потому он с удовольствием принимает на себя руководящие роли, пытается максимально контролировать все, что происходит. Элементы имиджа, статуса и престижа только укрепляют властные позиции. Положительными последствиями доминирования этого образа являются желание помочь миру, отрицательными – авторитаризм и тирания.

По убеждению Й. Штайрера, с архетипическими образами «отца», «героя» и «спасителя» соотносятся управленческие архетипы, структурированные определенным образом, причем образу управленца, руководителя в этом случае приписывается патерналистическая, героическая, миссионерская или величественная харизма [16].

Если же Анимус руководит поведением женщины, то оно становится жестким, твердым, самоуверенным, бескомпромиссным. Примером доминирования этого архетипа в поведении являются образы женщин-политиков современного политического дискурса.

Вообще, этот бессознательный образ вызывает дискуссии (как конструктивные, так и деструктивные), в которых человек горячо отстаивает собственное мнение.

Можно сделать вывод, что гендерные архетипические образы играют значительную роль в формировании политического поведения. Преобладание «ян» приводит к доминированию мужского начала в массовом сознании, авторитаризма, конкурентности в социуме, к превалированию экстраверсии, логики, воли, агрессивности, экстернатальности, физической (материальной) силы, формальных отношений [5]. Доминирование «инь» вызывает идеи патернализма, конфуцианства, уважения к власти, приоритета личных отношений и взаимных обязательств, равноправного партнерства и т.п. Тотальное подчинение женского начала мужскому в современной политической жизни приводит к невозможности согласованной деятельности и партнерства, которые являются основами развития гражданского общества.

Архетип Самости, по К. Юнгу, выражает соотношение с мировым целым и является архетипом целостности. Это символ интеграции, призванный объединять все противоречия, устанавливать равновесие, которое содействует гармоническому развитию общества и отдельной личности. Он – воплощение зрелости и уравновешенности, а потому является важным для оптимизации государственного управления, поскольку делает возможным придерживаться иерархичности управленческих структур, тщательно и качественно выполнять обязанности, побуждает к упорядоченной деятельности. Символом Самости, духовного порядка выступает мандала, которая противостоит разрушительным тенденциям, в частности в обществе. Мандала обуславливает нормативное, конструктивное политическое поведение в его индивидуальных и коллективных формах. Можно предположить, что политическое поведение в таком случае будет принадлежать к автономному типу, поскольку подразумевает свободный взвешенный выбор политических идей и методов их достижения, целью которых является консолидация общества, решение общих задач, объединение и установление целостности и единства. Примерами проявления архетипического образа мандалы в политическом поведении может стать поведение организованных политических групп, партий и общественных организаций, где наблюдается четкая система распределения ролей между лидерами и последователями, функцио-

нальное разделение труда, иерархические отношения между членами. В частности, поведение участников институционализированных партий и движений подчиняется определенным правилам, зафиксированным в программах и уставах.

Архетип Персоны чаще всего определяет ролевое поведение человека в социуме, являясь «маской коллективной психики» [18]. Он «заставляет других и его носителя думать, что он индивидуален, в то время как это всего лишь сыгранная роль, порожденная коллективной психикой» [18]. Персона побуждает человека выглядеть так, как того требует общественное мнение. Этот образ делает возможное уничтожение, стирание различий между индивидами, избавляет их от индивидуальных особенностей, создает массу. Поэтому политическое поведение, обусловленное действием этого архетипа, будет зависеть от общественного мнения определенного общества, проявляясь в разнообразных его видах и формах.

Архетипические образы Тени являются важными для понимания природы отличий между нормативным и девиантным политическим поведением. Они проявляются как стремления человека к запрещенному, преступному. К. Юнг использует термин «Тень» для обозначения скрытых или отторгаемых стремлений и желаний. Это – оборотная сторона сознания, его вытесненная противоположность. Результаты неспособности признать и принять импульсы Тени приводят, по мнению Г. Моргана, к невозможности приспособиться к актуальной политической ситуации [9, с. 264]. Тень, как и другие архетипические образы, имеет конструктивные и деструктивные аспекты. Деструктивные, иррациональные качества Тени вызывают к жизни циничное вранье, обман, потоки политической демагогии, приводят к саботажам, забастовкам, мятежам и беспорядкам как проявлениям протестного поведения. Следствием доминирования этого архетипа становятся также непродуманные управленческие решения. Положительными свойствами этого архетипа являются интеллектуальность и рационалистичность, которые обусловлены вытеснением эмоций и жестким контролем разума. Архетип Тени отражен в ситуациях «игры» с нечистой силой и судьбой. Он проявляется как страстное, неудержимое, в определенной мере даже аморальное поведение, неожиданное в определенном обществе.

Особенно ярко проявляются архетипы на уровне идеологии, выражая и сберегая интересы группы, являясь смысловой детерминацией поведения. В этом смысле в политическом поведении начинают доминировать архетипические образы Софийности и Слова как образы коллективного бессознательного. Архетипический образ Софийности отражается в политическом поведении, которое использует слово как духовное оружие, рассматривается как приобщение ко всеобщему символическому миру мудрости. При этом Слово становится моделью данного мира (Г. Сковорода), «мечом духовным» (И. Вишенский), «острой сталью» (Л. Украинка), то есть действенным орудием построения и обустройства, например, идеального политического порядка.

В демократических обществах доминирующими являются архетипические образы Свободы и Блага. Исторически архетип Свободы реализуется в боевых действиях гайдамацкого бунтарства, в казацких республиканских структурах, в военной практике утверждения независимого существования, в опыте местного самоуправления.

Благо выступает как один из самых древних архетипических образов или прообразов коллективного бессознательного. Т. Бутырская [11, с. 14–15] считает, что человеческое бытие всегда «мыслилось в категориях блага», подтверждением чего является соответствующая лексика. В зависимости от расположения по отношению к благу осуществляется стратификация общества, в зависимости от достижения «общего блага» формируются социальные, политические и другие отношения в обществе. Благо определяет социальное согласие, спокойствие, уверенность в завтрашнем дне (социальный оптимизм).

Из всего сказанного можно сделать вывод, что архетипы политического поведения структурируются в соответствие с теми или иными мифологическими или культурными образами.

Архетипы социального мышления и поведения изучены недостаточно, хотя современные ученые делают попытки выделить определенные их группы и объяснить их влияние на политическое поведение.

Так, в государственно-управленческой и политической сферах рассматриваются четыре наиболее обобщенных архетипа: тоталитарный, основанный на традициях; авторитарный, где ведущей является воля вождя; либеральный, главной ценностью которого выступает свобода, и демократический [12, с. 33].

Б. Коваль [6] выделяет нравственно-политические и психологические архетипы социального поведения, среди которых называет «брутальный фанатизм с его глубоким преклонением перед идеями-символами», «разумный реформизм, который опирается на гуманистические ценности и всеобщее благо», «прагматический консерватизм с опорой на традиции и осторожность», «стихийный коллективный активизм» и «пассивный обывательский аполитизм, отчуждение», причем неучастие в политической жизни общества, по мнению Б. Коваля, может быть формой сознательного политического поведения.

В. Буданов [3], используя синергетический подход к пониманию истории человечества, рассматривает социально-исторические архетипы и разделяет их на такие группы: властные, ресурсные, структурные и метасистемные. Властные (или управленческие) архетипы в его классификации соответствуют типам управления в обществе и определяются как корпоративный, авторитарный и идеологический. Ресурсные архетипы реализуют себя через «типы социальной энергии». Ими являются религиозный, пассионарный, соборный. Структурные архетипы выражают себя через типы организации. По этому критерию выделяются индивидуально-либеральный, общинно-коллективистский, элитно-бюрократический архетипы. Метасистемные архетипы выступают как комплексный архетип внешних влияний, которые, в свою очередь, формируют синтетические архетипы – адаптивные и ценностно-целевые. Кроме выделения этих групп архетипов, В. Буданов делает попытку поделить их на трансформационные и архетипы регионального напряжения.

На сегодняшний день становится неоспоримым тот факт, что «в формировании структуры общества и самоидентификации людей в нем решающую роль играет социальная и коллективная психика, детерминированная доминирующими архетипами [12, с. 136].

Выводы. Политическое поведение и его формы являются индикаторами развития политической системы общества, его политической культуры. Украинское общество все более отвечает критериям «информационного», открытого, демократического, согласие в котором «формируется по индивидуальностному принципу, на творческой основе; все организации адекватны собственным функциям, а люди свободно ориентируются в целесообразной и согласованной социальной структуре, реальная власть принадлежит институтам гражданского общества» [5], внедряются основы публичной политики и т.п. Общество становится рациональным и свободным в той степени, в какой оно «организовывается, поддерживается и воспроизводится существенно новым историческим Субъектом», личностями, «которые способны знать и понимать факты и оценивать альтернативы» [8, с. 325]. Развитие общества осуществляется под контролем и влиянием социального управления, от которого сложность и противоречивость современного политического процесса требует учета как рациональных, осознанных, так и субъективных, иррациональных, архетипических основ политического поведения, индивидуальных отличий личностей, являющихся первичными субъектами политических отношений. Взгляды современных управленцев должны кардинально измениться, а понимание роли бессознательного в политике поможет творческим преобразованиям, гармоническим политическим отношениям, оптимизации государственного управления.

Перспективы дальнейших исследований состоят в анализе и классификации бессознательных основ политического поведения с возможным изучением их при помощи эмпирических методов. Это сделает возможным создание качественно иных

форм государственного управления и выработку эффективных стратегий управления и развития общества.

Список литературы:

1. Александрова М.А. Проблемы социального поведения и самореализация личности : монография [Электронный ресурс] / Марина Александровна Александрова. – Режим доступа : http://samlib.ru/m/marina_a_a/tesis.shtml.
2. Афонін Е. Проблема психологічного феномену проєкції в політиці / Е. Афонін, О.Донченко // Політичний менеджмент. – 2009. – № 4 (37) – С. 28–43.
3. Буданов В.Г. Ритмокаскады истории и модель будущего России [Электронный ресурс] / В.Г. Буданов // Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» (16–19 октября 2006, г. Звенигород). – Режим доступа : <http://spkurdyumov.narod.ru/BudanovRitm.htm>.
4. Винер Н. Кибернетика и общество / Норберт Винер ; [пер. с англ. Панфилова Е.Г. ; предисл. и примеч. Поспелова И.Г.]. – М. : Тайдекс Ко ООО, 2002. – 182 с.
5. Донченко О.А. Архетипи соціального життя і політика (глибинні регулятиви психо-політичного повсякдення) : монографія / О.А. Донченко, Ю.В. Романенко. – К. : Либідь, 2001. – 334 с.
6. Коваль Б. Морально-политические и психологические архетипы социального поведения людей [Электронный ресурс] / Борис Коваль. – Режим доступа : <http://www.lawinrussia.ru/moralno-politicheskie-i-psikhologicheskie-arkhetipy-sotsialnogopovedeniya-lyudei>.
7. Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика : монография / Гарольд Д. Лассуэлл ; [пер. с англ. Т.Н. Самсоновой, Н.В. Коротковой] – М. : Издательство РАГС, 2005. – 352 с. – (Серия : «Антология зарубежной и отечественной мысли»).
8. Маркузе Г. Одномерный человек / Герберт Маркузе ; [пер. с англ. А.А. Юдина] – М. : ООО «Издательство АСТ» ; ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 331 с. – (Сер. : Философия, Психология).
9. Морган Г. Имиджи организации: восемь моделей организационного развития / Гарет Морган ; [пер. с англ. под ред. И. Лапиной] – М. : Вершина, 2006. – 416 с.
10. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа : сборник учебных материалов / под ред. Мелешкиной Е.Ю. – М. : Издательский Дом «Инфра-М» ; Весь мир, 2001. – 302 с.
11. Публичное управление: теория и практика : сборник научных трудов Ассоциации докторов государственного управления : Специальный выпуск. – Харьков : Изд-во «ДокНаукДержУпр», 2011. – 354 с.
12. Радченко О. Ціннісна система суспільства як механізм демократичного державотворення : монографія / Олександр Радченко. – Х. : Вид-во ХарРІ НАДУ «Магістр», 2009. – 380 с.
13. Фромм Э. Человек для себя / Эрих Фромм ; [пер. с англ. Л.А. Чернышовой] – М. : АСТ Москва ; Хранитель, 2006. – 314 с. – (Сер. : Философия, Психология).
14. Шестопал Е.Б. Личность и политика: критический очерк современных западных концепций политической социализации / Е.Б. Шестопал. – М. : Мысль, 1988. – 203 с.
15. Шляхтун П.П. Політологія (теорія та історія політичної науки) : підручник для студ. вузів / П.П. Шляхтун. – К. : Либідь, 2002. – 573 с.
16. Штайрер Й. Харизма руководителя и управленческие архетипы [Электронный ресурс] / Йоханнес Штайрер. – Режим доступа : http://vasilievaa.narod.ru/rtpu/17_4_01.htm.
17. Юнг К. Архетип и символ / Карл Густав Юнг. – М. : Ренесанс, 1991. – 390 с. – (Серия : Страницы мировой философии).
18. Юнг К. Очерки по психологии бессознательного / Карл Густав Юнг ; [пер. с англ. под общ ред. В.В. Зеленского] – М. : Когито-Центр, 2010. – 352 с.

**КУНИЦКИЙ
Василий,
KUNITSKIY
Vasiliy,**

аспирант кафедры государственного управления и менеджмента Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Киев.

Аннотация: в статье анализируются основные проблемы, которые возникают во время проведения институтами гражданского общества общественной экспертизы деятельности органов власти, исследуются основные этапы становления общественной экспертизы как разновидности общественного контроля в Украине, обобщаются проблемы эффективности взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества, представлены рекомендации по дальнейшему усовершенствованию общественной экспертизы как инструмента эффективного и конструктивного диалога между властью и общественностью.

Ключевые слова: общественная экспертиза, органы исполнительной власти, органы местного самоуправления.

УДК
351.9:351.823.1:061.2

Василий КУНИЦКИЙ

ГРОМАДСЬКА ЕКСПЕРТИЗА ЯК АРХЕТИП ПУБЛІЧНОЇ ПОЛІТИКИ ОРГАНІВ ВЛАДИ

Постановка проблеми. Эффективность государственного управления в современных условиях строится на принципах сочетания интересов государства и общественности, которые предусматривают благосостояние граждан, укрепление их доверия к институтам власти и развитие гражданского общества. Сегодня достаточно широкая часть общественности и настроенные «по-реформаторски» представители власти осознают, что вопрос формирования системы внешнего общественного контроля за деятельностью власти, прозрачность органов управления государственной власти при принятии политических решений, а также необходимость независимых гражданских экспертиз и подотчетности органов власти общественности являются основными критериями демократизации государственного управления. Отсюда следует логический вывод, что если граждане получают возможность влиять на процесс принятия решений органами власти на регулярной основе, то они смогут лучше реализовать свою осведомленность или опыт в определенной сфере для взаимной выгоды «государство – общество» (авт.).

Однако с сожалением приходится констатировать, что на сегодня в Украине еще нет опыта демократии, построенного на европейских традициях. И здесь трудно не согласиться с мнением известного эксперта и политолога А. Шморгуна, который в журнале «Віче» высказал мнение, что, к большому сожалению, в нашем так называемом государственном строительстве последние годы преобладает лишь имитация настоящих демократических реформ, опыт которых очень далек от европейских традиций построения настоящего народовластия; эти традиции не только недостаточно учтены, а сознательно или бессознательно проигнорированы вообще. Мы копируем Европу, так сказать, с точностью до «наоборот», на самом деле во многом двигаясь не вперед – к современной Европе, а назад – к предельной антидемократии [1].

В значительной мере, по нашему мнению, такая ситуация обусловлена тем, что указанная проблема не получила теоретического развития в европейской модели демократии в Украине и надлежащего научно-теоретического обоснования со стороны науки государственного управления. Именно поверхностный характер демократических преобразований в Украине и незадействованный потенциал широкой гражданской коалиции могут свести на нет первые ростки общественной экспертизы как демократического механизма общественного контроля за властью.

Исходя из этого, актуальность нашего исследования заключается в необходимости обеспечения государством реальных условий для эффективного функционирования Института общественной экспертизы в Украине. Реальная демократия (демократия, которая достигнута и закреплена гражданским обществом) изобрела единственный эффективный и наиболее действенный механизм против злоупотреблений власти – это системы «балластов» и противовесов на всех уровнях; независимый суд и прокурорский надзор, институт независимых и различных масс-медиа и, главное – системы гражданских аудитов, экспертиз и контроля, активные гражданские

независимые неправительственные организации. Роль последних в становлении гражданского общества огромна, и этот фактор самодеятельного гражданской самоорганизации «снизу» может и должен быть использован самой общественностью.

В этом контексте уместно будет процитировать мнение доктора наук государственного управления, профессора кафедры государственного управления Ивано-Франковского национального технического университета нефти и газа Татьяны Бутырской, которая, анализируя государственное качество как архетип государственного строительства, утверждает, что «и духовное, и материальное благополучие как отдельных людей, так и общества в целом, зависит от перспективного состояния государства. Последнее может быть достигнуто не частными – семейными, а коллективными формами деятельности в государстве – государственным строительством. При этом государственное строительство сознательно ориентировано на некоторые идеальные образы, исторически обусловленные и более-менее четко зафиксированные в коллективном сознании современного социума. В этом смысле государственное строительство выступает как неотъемлемая сторона жизни социума в целом и каждого человека в отдельности» [2, с. 11].

Таким образом, общественная экспертиза является составляющей механизма демократического управления государством, который предусматривает проведение институтами гражданского общества оценки деятельности органов исполнительной власти, эффективности принятия ими решений, а также подготовку предложений по решению общественно значимых проблем для их учета органами исполнительной власти в своей работе.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемам анализа влияния общественности на эффективность государственной политики, определению содержания взаимоотношений государства и общества и исследованию архетипики в государственном управлении посвящены труды таких ученых, как А. Антонова, Т. Брус, А. Валецкого, А. Килиевич, А. Кучеренко, В. Ребало, В. Романова, А. Рудик, В. Тертички, В. Шахова, Э. Афонина, Е. Донченко, С. Крымского, Ю. Романенко и др.

Определение не решенных ранее задач. Теоретические и прикладные аспекты проведения общественной экспертизы деятельности органов власти институтами гражданского общества уже были предметом исследований отечественных ученых. Однако незначительное количество проведенных на сегодняшний день, начиная с 2008 года (именно в этом году Постановлением Кабинета Министров Украины был утвержден Порядок проведения общественной экспертизы), экспертиз обусловило отсутствие научных исследований типичных проблем, мешающих развитию института общественной экспертизы в Украине. Согласно доступным данным в конце 2010 г. в Украине было инициировано более 50 общественных экспертиз. Однако по состоянию на февраль 2013 года в электронном реестре общественных экспертиз, размещенном на правительственном портале «Гражданское общество и власть» (http://civic.kmu.gov.ua/consult_mvc_kmu/civex/lst/7), имеется в наличии информация только о результатах 22 общественных экспертиз [3]. Поэтому для развития демократического контроля за деятельностью власти необходимо принять новые законы и усовершенствовать существующую нормативно-правовую базу относительно деятельности негосударственных общественных организаций, свободы доступа к информации, закона о государственной тайне, принять положение о независимых гражданских экспертизах и открытых общественных слушаниях, расширить полномочия общественных организаций, имеющих статус самоуправляющихся, и т.д.

Цель статьи. Целью этой статьи является выяснение природы общественного контроля, раскрытие его архетипики, обобщение необходимости развития гражданского общества как влиятельного средства защиты права граждан на участие в управлении государством и выработка на этой основе научно обоснованных предложений по формированию эффективной государственной политики во всех отраслях народного хозяйства и повышению эффективности деятельности органов публичной власти.

Изложение основного материала. Еще в античные времена определяющую роль в существовании государственности обуславливал ее общинный характер. Сравнительно в небольших по размерам античных городах, возникших вследствие охраны от соседей собственных земельных угодий, уже существовала целая система взаимных прав и обязанностей между общиной и личностью. Важнейшими среди этих «взаимосвязанных» прав и обязанностей были право на земельную собственность и участие в политической жизни, то есть в управлении обществом. Человек, который обладал этими правами, считался гражданином. Античный гражданин был един в трех ипостасях: владелец, воин и носитель политических прав. Каждый гражданин имел соответствующий гражданский статус, что является одним из высших достижений античной цивилизации, которое впоследствии повторилось в западноевропейском обществе нового времени. В античном гражданском коллективе именно общество выступало в роли аппарата управления, где при вынесении решения все члены общины были равны. Так, во время правления Солона, знаменитого афинского государственного деятеля и законодателя, берет начало демократия. Он был первым, кто понял, что демократия – это ответственность всех граждан за состояние дел в государстве. Отсюда весьма интересным представляется изданный им закон: «Кто во время смуты в государстве не встанет с оружием в руках ни за тех, ни других, тот подвергается бесчестию и лишается гражданских прав» [4, с. 364].

Имея всю полноту власти и контроля за своими членами и ресурсами на своей территории, античный гражданский коллектив выступал в роли суверена. Поэтому неотъемлемым признаком античной политической жизни было народное собрание. В Афинах они называлась экклесия, в Спарте – апелла, в Риме – комиции. Собрания граждан выступали носителем гражданского суверенитета. Граждане – индивидуальные собственники были заинтересованы участвовать в общественном управлении, поскольку тогда не существовало особого класса управленцев, специалистов-администраторов. Важнейшие функции управления исполняли сами граждане, обычно на выборной основе. Это создавало представление об общественной жизни как общей заботе или общем деле (римское слово республика буквально означает «общее дело»). Участие в управлении рассматривалось как служение обществу. «Слуги народа» должны были иметь авторитет и уважение у членов общества и быть достойными людьми, способными выполнять возложенные на них полномочия. Афинские граждане обсуждали поведение каждого кандидата: чтит ли он родителей, посещает ли военную службу, выполняет ли финансовые обязательства перед государством и т.д. Считалось похвальным, чтобы кандидат давал отчет на выборах о своих доходах и частной жизни. Распространен был и возрастной ценз участия в управлении. Так, в Риме существовал определенный порядок занятия должностей – «лестница магистратур». На низшую должность квестора кандидат мог претендовать лишь тогда, когда ему исполнилось 27 лет, а консулом можно было стать после 40–42 лет. В управлении должны были принимать участие только зрелые люди. Спартанцы, например, получали полные политические права после 30 лет. Античное общество осуждало превышение полномочий и особенно стремление к «единовластию». Одним из наиболее серьезных обвинений, которые использовались (и почти всегда успешно) в борьбе с политическими оппонентами, было обвинение в стремлении к тирании в Греции и к царской власти в Риме. Чтобы предотвратить подобное стремление в Афинах был учрежден специальный «суд черепков» – остракизм. Круг полномочий магистратов был четко очерчен. Средством предотвращения их самоуправства обычно выступала подотчетность магистрата общине. В Риме после сложения магистратом полномочий каждый гражданин мог ознакомиться с его отчетом и привлечь внимание суда, если был нарушен закон или деятельностью магистрата был нанесен ущерб римскому народу.

Проводя параллель с нашей эпохой, мы понимаем, что государство, осуществляя политическую власть в гражданском обществе, подчиняет свою деятельность служению этому обществу, обеспечивает равные возможности для всех людей во всех

сферах их жизнедеятельности на принципах социальной справедливости, гуманизма и милосердия, не вмешивается в личную жизнь человека и гражданина, регулирует социальные отношения в рамках действующей конституции, законов и других нормативно-правовых актов.

Между государством и обществом должна иметься определенная дистанция – некий рубеж демократии, пересечение которого ведет к огосударствлению общества, что с позиции демократии и гуманизма недопустимо. В рамках такой границы государство крайне необходимо гражданскому обществу, которое без него не сможет не только развиваться, но и существовать. Здесь стоит согласиться с Гегелем, который не считал государство чем-то внешним по отношению к гражданскому обществу и объяснял их органическую взаимосвязь чрезвычайно просто. Гражданское общество, по его мнению, представляет собой сочетание отличающихся друг от друга лиц, его образующих. Но по внутренней природе действия внутренних, характерных для него сил гражданское общество характеризуется преобладанием разъединения, а потому, чтобы связать, преодолеть это разъединение, и необходимо государство как всеобщая связь.

Уязвимость позиции Гегеля заключается не в том, что он таким образом подчеркивал наличие государства как объективную необходимость для развития гражданского общества, а в том, что государство выступает одним из важных средств его формирования и развития, что, по мнению философа, превратилась в абсолютную цель и стало частью неоспоримых основ мирового порядка.

Гражданское общество, по мнению Гегеля, характеризуется тремя основными моментами: системой потребностей, отправлением правосудия и деятельностью полиции и корпораций. В такой конструкции чувствуется смешение функций гражданского общества и государства, что привело Гегеля к их отождествлению [5, с. 236]. Итак, Гегель в вопросах свободы и неприкосновенности личности стоял на позициях формального равенства всех субъектов гражданского общества. Государство и право являются определяющими в обеспечении формального равенства человека и гражданина. Все новейшее время, начиная с Реформации, Гегель посвятил немецкой нации, считая, что США и Россия еще «не проявили» себя во всемирной истории.

Сегодня в Украине формирование гражданского общества является задачей довольно тяжелой и длительным процессом. Это объясняется тем, что в течение значительного времени Украина находится в глубоком кризисном состоянии. Изначальная ориентация на политику «шоковой терапии», либерализация цен, форсирование рыночных отношений, замена рубля купоном, пропаганда и фактическое осуществление идеи невмешательства государства в хозяйственную деятельность привели к обвальному падению товарного производства и разворовыванию государственных ресурсов, взрывному росту цен и эмиссии, развалу денежно-финансовой системы, формированию мафиозно-спекулятивной структуры с бурными темпами личного обогащения. Современное понимание соотношения правового государства и гражданского общества связано с осознанием аксиологии их взаимосвязи. Именно ценностный подход к пониманию взаимосвязи и взаимодействия права и государства, правового государства и гражданского общества может помочь нам осознать место и роль правового государства в гражданском обществе.

Соответственно, гражданское общество и правовое государство могут соотноситься как необходимые друг другу и «взаимодополняющие» системы. Правовое государство подчиняет свою деятельность гражданскому обществу и конкретному человеку и отвечает перед ними за свою деятельность. Формирование в Украине гражданского общества и правового государства является насущной проблемой.

Целью создания правового государства в Украине является обеспечение цивилизованного функционирования и развития гражданского общества.

Концепция правового государства в современных условиях — это не только провозглашение основных принципов, составляющих теорию такого государства, но и необходимость реального формирования новых социально-политических инсти-

тутов, которые заменили бы существование закрытой авторитарной политической системы открытой демократической системой, которая действовала бы на основе господства права (правового закона) в обществе.

Правовое государство ныне рассматривается как государство, в котором исключительно юридическими средствами обеспечиваются верховенство права, его реальное осуществление, охрана, защита и восстановление нарушенных прав граждан, взаимная ответственность государства и личности, контроль и надзор за образованием и использованием юридических законов. Целью создания правового государства в Украине является обеспечение цивилизованного функционирования и развития гражданского общества.

Таким образом, правовое государство может рассматриваться как политико-юридическая форма организации общественной жизни и относится к таким фундаментальным социальным ценностям, как права человека и гражданина, конституционализм, демократия и т.д.

Основные черты правового государства:

- 1) верховенство и господство правового закона;
- 2) постоянное утверждение суверенитета народа как единственного источника государственной власти;
- 3) осуществление разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную;
- 4) обеспечение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, исполнение ими своих обязанностей перед другими людьми, государством и гражданским обществом;
- 5) урегулирование взаимоотношений между личностью и государством на основе разрешенности лицу делать все, что прямо не запрещено законом, а государственным органам – только то, что прямо разрешено законом;
- 6) взаимная ответственность между лицом и государством, ответственность государства перед личностью и обществом за свою деятельность;
- 7) эффективная организация контроля и надзора за осуществлением законов и режима законности [6, с. 297].

Конституция и законы, как известно, – это нормативные акты высшей юридической силы. Но такое определение законов является формальным. Очень важное значение имеет смысл законов, который должен быть демократическим, то есть защищать права и свободы человека, поскольку в противном случае законность как таковая может оказаться присущей антидемократическим режимам.

Демократизм содержания законов и утверждение суверенитета народа как единственного источника власти находит отражение в концепции верховенства парламента. Только парламент как представительный орган, избранный народом, имеет право принимать законы и контролировать их выполнение, а также является единственным государственным органом, имеющим право выступать и действовать от имени всего народа.

Важное значение для утверждения правового государства имеет принцип разделения властей. Четкое разграничение законодательных и исполнительных функций в Украине осуществляется на основе действующей Конституции Украины (ст. 6). Все законы и другие нормативно-правовые акты принимаются на основе Конституции Украины, то есть в Украине действует принцип верховенства правового закона (ст. 8). Содержание и направленность деятельности государства определяют права человека и гарантии их осуществления, а обеспечение и утверждение прав человека являются главной обязанностью государства (ст. 3). Права человека провозглашаются как неотчуждаемые и нерушимые (ст. 21). Конституция закрепляет правовой порядок арестов и содержания под стражей по мотивированному решению суда и только на основании и в порядке, установленных законом (ст. 29). Человеку обеспечивается возмещение морального и материального ущерба, причиненного незаконными решениями, действиями или бездействием государственных органов, органов

местного самоуправления, их должностных и должностных лиц при осуществлении ими своих полномочий, за счет средств этих органов (ст. 56). Нормативные акты, определяющие права и обязанности граждан, должны быть доведены до сведения населения в установленном законом порядке (ст. 57). В случае несоответствия какого-либо закона, указа Президента или постановления Кабинета Министров Украины Конституционный Суд Украины обязан признать названные акты неконституционными, что влечет за собой потерю ими юридической силы.

Выводы. Опираясь на нормы, закрепленные в Конституции Украины, можно сделать вывод, что Украина, задекларировавшая себя правовым государством, пока не обеспечила гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина; в ней не реализуются принципы взаимной ответственности государства и личности, возможности лица делать все, что прямо не запрещено законом, а государственных и самоуправленческих органов и должностных лиц — только то, что предполагается их компетенции. Следует также констатировать, что в Украине не в полном объеме решены вопросы борьбы с правонарушениями, укрепления законности, правопорядка и дисциплины. Эти и другие проблемы дают нам право говорить о необходимости формирования правового государства в Украине. К основным направлениям формирования правового государства в Украине следует отнести следующие:

- 1) необходимость связать нормами права (общесоциальными, характеризующими права человека, народа и человечества) деятельность государства и его органов;
- 2) формирование правового механизма, с помощью которого можно было бы преодолеть отчуждение человека и гражданина от средств производства, собственности, от непосредственной и представительской форм демократии;
- 3) четкая работа законодательной власти на основе Конституции Украины и конституционных законов;
- 4) создание системы независимых общих и арбитражных судов и других звеньев судебной системы Украины (пока что в нашей стране в полном объеме не создана судебная система, предусмотренная Конституцией Украины);
- 5) формирование у людей (народа Украины) нового правового мышления, высокого уровня правовой культуры, знаний о жизненно необходимых законах и умение использовать эти законы в повседневной жизни.

Вот почему очень важно определить принципиальные меры по формированию гражданского общества в Украине. Но прежде всего следует отметить, что многие исследователи обходят эти вопросы, а роль государства в этом процессе остается незначительной.

Основой каждого гражданского общества, несомненно, является частная собственность, которая может существовать и развиваться в различных формах. На протяжении веков выдающиеся философы и общественные деятели отмечали большую пользу собственности как основы общества. Еще в середине XIX в. Н.И. Костомаров писал в своей работе «Две русские народности», что в Украине каждый земледелец является самостоятельным собственником своего добра, которое дает ему необходимые преимущества в общественной жизни. Русский просветитель И.П. Пнин в начале того же века отмечал, что только собственность гражданина является душой гражданского общежития и безопасности личности. По мнению известного русского философа В.С. Соловьева, согласно общепринятым философским определениям собственность — это ни что иное, как идеальное продолжение личности в вещах или ее перенесение на вещи.

Таким образом, теоретическое наследие и некоторые научные разработки отечественных и зарубежных ученых позволяют сформулировать основные особенности формирования гражданского общества:

- 1) обеспечение свободы и инициативности человека, направленные на удовлетворение его разумных потребностей и не вредящие его интересам;
- 2) такое развитие общественных отношений, при котором человек рассматривается как цель, а не как средство;

3) ликвидация отчужденности человека от социально-экономических структур и политических институтов и реальное обеспечение осуществления принципа равных для всех возможностей;

4) обеспечение прав и свобод человека и гражданина государством, его органами и социальными структурами гражданского общества;

5) многообразие различных форм собственности, среди которых частная собственность в ее различных формах занимает доминирующее место как основа инициативной, творческой предпринимательской деятельности;

6) осуществление справедливого утверждения, что только в собственности лицо выступает как разумное, и только обладая собственностью человек может быть действительно свободной и инициативной личностью во всех ее начинаниях;

7) реализация многообразия духовной жизни общества, в основе которого – признание гуманистических и демократических по сути общечеловеческих ценностей;

8) наличие «среднего класса» как социальной базы гражданского общества;

9) отсутствие жесткой регламентации частной жизни членов общества со стороны государства;

10) существование развитой социальной структуры, что гарантирует удовлетворение интересов различных групп и слоев населения;

11) активное участие в общественной жизни негосударственных самоуправляющихся общностей людей (семья, корпорации, общественные организации, трудовые коллективы, этнические, конфессиональные и другие объединения людей);

12) признание и материализация идей верховенства права, особенностью которого должно быть разделение права на публичное и частное; основным признаком последнего является ориентация на человека-владельца;

13) равный правовой статус в гражданских отношениях, сочетание интересов государственных, общественных структур и гражданина;

14) детальное регулирование различных видов отношений в сфере предпринимательства и рыночного хозяйствования;

15) развитие ориентированных на регулирование предпринимательской деятельности новых отраслей права (коммерческого, банковского, вексельного и др.). [6, с. 286].

Таким образом, проводя параллель между античными временами и современностью, становится очевидным, что сильное правовое государство невозможно без развитого гражданского общества, которое является действенным фактором государства при условии конструктивного и социально ответственного диалога граждан с государством.

По своему назначению гражданское общество должно активно содействовать процессам политической демократизации, отстаивая материальную и духовную независимость человека от государства, добиваясь правовой гарантии такой независимости, защиты частных и общественных интересов людей. Вместе с тем, должна быть обеспечена обратная связь государственных институтов с общественностью, поскольку правовое государство должно реагировать на запросы и потребности ассоциированного гражданства, издавать соответствующие законодательные акты и следить за их выполнением. Иными словами, она должна создать ситуацию правовой защищенности граждан, сформировать благоприятное правовое поле для деятельности создаваемых ими общественных институтов.

Не секрет, что сегодня отсутствие реальных реформ в различных сферах общества, особенно в экономике, традиционная «закрытость» власти и процесса принятия политических решений, недоверие, апатия и цинизм – это возврат к автократии. Характерной особенностью украинской социально-политической реальности является отсутствие (или, по крайней мере, «недоразвитость») реальных практических механизмов и возможностей реализации и защиты гражданских прав и свобод, формально закрепленных в Конституции. Поэтому особое значение приобретает проблема взаимодействия институтов гражданского общества с органами государственной

власти Украины. Сегодня это взаимодействие должно происходить в таких правовых формах:

1. участие граждан через институты гражданского общества (ИГО) в нормотворческой деятельности государства; общественное обсуждение проектов нормативных актов должно стать обязательным этапом нормотворческого процесса в системе органов исполнительной власти; консультации с общественностью при принятии того или иного закона необходимо проводить на стадии обсуждения законопроекта с целью привлечения граждан к участию в управлении государственным делами, предоставления им возможности свободного доступа к информации, обеспечения гласности, открытости и прозрачности;

2. участие ИГО в правоприменительной деятельности государства, которая должна предусматривать полную или частичную передачу общественной организации функций, которые выполняет соответствующий государственный орган, или передачу лишь отдельных функций государственных органов общественным организациям, действующим параллельно или совместно с соответствующими органами государства.

Формой общественного мониторинга деятельности органов государственного управления, компетентности принятия ими решений и экспертизы их деятельности могут стать создание совместных совещательных и экспертных органов, советов, комиссий и групп.

Со своей стороны с целью повышения эффективности государственного управления органам государственной власти тоже необходимо проводить мониторинг и анализ общественной мысли, обеспечивать своевременное публичное реагирование на предложения и замечания общественности, информировать широкие слои населения о возможности его участия в формировании и реализации государственной политики.

В последние годы Верховная Рада Украины приняла ряд важных законов, которые расширили предмет, содержание и границы общественного контроля за деятельностью государства. Однако готовы ли институты гражданского общества к взаимодействию с государством? Здесь также важная роль отводится органам исполнительной власти, которые должны уделять внимание правообразовательной работе с институтами гражданского общества, чтобы научить их использовать созданные государством механизмы привлечения к проведению общественной экспертизы.

Такая работа органов государственной власти должна быть направлена на долгосрочную перспективу и налаживание паритетных отношений с представителями общественных структур.

Таким образом, из всего сказанного можно сделать вывод, что сегодня в Украине существует проблема, которая заключается в том, что общественное мнение недостаточно учитывается органами государственного управления, а государственно-управленческие решения не всегда отвечают проблемам и удовлетворяют ожидания. Нередко граждане пытаются влиять на процесс государственного управления, но большинство таких попыток оказывается неудачными. Под влиянием достаточно негативного стереотипа складывается оценка гражданами Украины деятельности органов государственной власти. От качества управленческих решений, которые принимают государственные служащие, часто зависят не только эффективность и результативность соответствующей государственной политики, но и уровень жизни населения, здоровье и благосостояние граждан. Это еще раз подтверждает нашу гипотезу о том, что взаимодействие государственных институтов с институтами гражданского общества является необходимым условием существования правового демократического государства, а ростки развития института общественной экспертизы по своей природе можно считать архетипом демократии, ведь на примере античных государств доказано, что взаимное доверие между властью и обществом, открытость и прозрачность деятельности власти являются предпосылками выработки эффективной государственной политики.

Список литературы:

1. Європейський досвід розвитку сучасної демократії в Україні. Олександр Шморгун, К. Віче №16, 2009.
2. Т. Бутирська. Державні якості як архетипи державного будівництва. Публічне управління : теорія та практика : збірник наукових праць асоціації докторів наук з державного управління : Спеціальний випуск. – Х. : вид-во “ДокНаукаДержУпр”, 2011. – 354 с.
3. Електронний реєстр громадських експертиз «Громадянське суспільство і влада». – Режим доступу: http://civic.kmu.gov.ua/consult_mvc_kmu/civex/lst/7.
4. Політологія : Підручник для вищих навчальних закладів III-IV рівнів акредитації / Федір Кирилюк, Микола Обушний, Микола Хилько та ін.; За ред. Федіра Кирилюка. - 2-ге вид., перероб. і доп. - К. : Здоров'я, 2004. - 775 с.
5. Основи держави і права. С.Д. Гусарев, Р.А. Калюжний, А.М. Колодій. - К.: Либідь, 1997. – 430 с.
6. Шляхтун П. Політологія: Теорія та історія політичної науки: Підручник для студентів вищих навчальних закладів/ Петро Шляхтун,; Ред. В. М. Куценко. - К.: Либідь, 2002. – 573 с.
7. Конституція України: Прийнята на V сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 рік. Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1996, № 30, ст. 141
8. Н.М. Літвінова. Проблеми становлення громадської експертизи діяльності органів влади як інструмент громадського контролю в Україні. Державне управління та місцеве самоврядування. Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Grani/2013_2/29.pdf
9. Політологія: Академічний курс: Підручник/ Л. М. Герасіна, В. С. Журавський, М. І. Панов та ін.; М-тво освіти і науки України. - 2-ге вид., перероб. і доп.. - К.: ВД «Ін Юре», 2006. - 519 с.
10. Алмонд Г., Пауел Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М.: 2002. – 537 с.
11. Разделение властей. – М.: 2004. – 428 с.
12. Шморгун О. Інноваційна стратегія побудови політичної влади в Україні. – В кн.: Феномен інновації: освіта, суспільство, культура. – К.: 2008. – 472 с.
13. Дмитренко О., Громадська думка як вираження суспільно-політичного стереотипу// Вісник держ. акад. керів. кадрів культури і мистецтв.-2007.-№ 4-С.156-161.
14. Почепцов Г.Г., Паблік рилейшнз или как успешно управлять общественным мнением// 2 изд., испр. и дополн.- М., 2003., С-317.
15. Халтобін В.О., Соціальне право та громадська думка// Держава і право: Юрид. і політ.науки: зб. наук. пр.-2001.- Вип.11.-С.18-22.
16. Айгістова М., Практика забезпечення прозорості державного управління в Європейському Союзі// Вісник державної служби України К.: “УкрНДІСВД”, 2007. – № 3. – С. 48-51.
17. Латишева В., Громадянські ради як один з механізмів суспільного контролю за діяльністю публічної влади// Вісник державної служби України К.: “УкрНДІСВД”, 2008. – № 3. – С. 71-75.
18. Попроцький О., Роль громадської думки у прийнятті державно-управлінських рішень щодо суспільних проблем// Вісник державної служби України К.: “УкрНДІСВД”, 2009. – № 1. – С. 72-76.
19. Про схвалення Концепції сприяння органами виконавчої влади розвитку громадянського суспільства: розпорядження Кабміну України: від 21.11.2007 р.: № 1035-р// Офіційник вісник України.-2007.-№ 89.-С.-89-92.
20. Деякі питання щодо забезпечення участі громадськості у формуванні та реалізації державної політики: постанова Кабінету Міністрів України: від 15.10.2004 року.: № 1378// Офіційник вісник України.-2004.-№ 42.-С.-71-78.

Екатерина МЕРКОТАН

«АРХЕТИПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ» КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Постановка проблемы. Своеобразными признаками современности являются усложнение политических процессов и использование новых политических технологий. Это означает, что формируется новая система политических символов, а уже существующие приобретают новое значение или требуют обновленного толкования. Вместе с тем, все более символическую окраску приобретают политическая деятельность и политическое участие.

В таких условиях актуализируется проблема архетипности политики, исходя из того, что архетип – это определенный образ, символизирующий модель поведения или образа жизни, причем использование архетипов в политике оправдано вследствие прочности и устойчивости данного конструкта, наследуемого с опытом предыдущих поколений [1, с. 312]. К тому же политика является едва ли не самым ярким примером использования архетипов с манипулятивной целью. Убедительным свидетельством этого становятся избирательные кампании, в ходе которых архетипы героя, мудреца или злого гения персонифицируются, а предлагаемые избирателям идеальные образы и модели поведения отражают сложившиеся в далеком прошлом схемы коллективного бессознательного. Именно поэтому целью данной статьи является выяснение манипулятивного потенциала «архетипов трансформации» в избирательных кампаниях, в частности парламентских, на политическом пространстве Украины. В данном контексте основное внимание будет сосредоточено на двух аспектах – манипулятивном потенциале политического лидерства и манипулятивном потенциале предвыборных программ.

Анализ последних исследований и публикаций позволяет очертить теоретические основания данной работы, а именно труды ученых разных стран, в том числе по проблемам изучения архетипов (К. Юнг, К. Кереньи, П. Радин, М. Марк, К. Пирсон, П. Хеджес и др.), политического лидерства (М. Вебер, Ж. Блондель, В. Парето, М. Бернс, Г. Пейдж, Р. Такер, Г. Линтон и др.), манипулирования массовым сознанием (Э. Шостром, Г. Почепцов, С. Кара-Мурза, А. Цуладзе, М. Кошелюк и др.). Отдельно следует отметить работы представителей Украинской школы архетипики (Э. Афонин, Е. Донченко, М. Пирен, А. Крюков и др.).

Отправным пунктом исследования становятся два понятия юнговской аналитической психологии. Первое – архетип, то есть коллективное бессознательное, которое, в отличие от индивидуального бессознательного, имеет всеобщую, надличностную природу и в котором с помощью определенных символических форм сформулированы определенные идеальные образы [2, с. 97–98]. Второе – то, что Юнг называет «архетипом трансформации» – отражает уже не сам идеальный образ, а скорее процесс создания того или иного образа с помощью определенных событий, ситуаций, явлений и т.п. Несмотря на то, что «архетипы трансформации» тоже выступают определенными символами, их ценность заключается в воспроизведении многозначности и неисчерпаемости моделей человеческого поведения.

Политическая деятельность в определенном смысле невозможна без использования архетипических образов. Политические лидеры

**МЕРКОТАН
Екатерина,
MERKOTAN
Kateryna,**

кандидат политических наук, независимый исследователь, г. Борне Сулиново, Польша.

Аннотация: статья посвящена проблемам использования архетипов при написании предвыборных программ, а также для создания имиджа политического лидера в избирательных кампаниях. Рассматривается манипулятивный потенциал архетипов трансформации с целью победы на выборах. Проанализированы предвыборные программы политических партий-победительниц парламентских выборов 2012 года в Украине с точки зрения использования архетипических образов Героя и Трикстера. Проиллюстрировано манипулятивные возможности применения архетипов при формулировании программных положений кандидатов в народные депутаты Украины.

Ключевые слова: архетип, архетип трансформации, избирательная кампания, политическое лидерство, манипулятивное воздействие, массовое сознание.

УДК 32.019.51

обычно выбирают архетип Героя и вокруг него пытаются выстраивать свою «дорогу к властному Олимпу». Однако более ярким представляется архетип Трикстера. Последний, по моему мнению, собственно, и является олицетворением архетипа трансформации. Для мифологии, для сказки и вообще для традиционного способа мировосприятия Трикстер – это обычный символ развития, наделенный, в отличие от Героя, преимущественно отрицательными чертами.

Современная информационная эпоха актуализирует значение символов в жизни отдельной личности и общества в целом. Современные символы многозначны, многообразны, динамичны. Создание такого символа – сложный процесс. Политическая практика оперирует сегодня значительным арсеналом технологического инструментария для создания образа политического лидера, в том числе средствами воздействия как на сознание, так и на подсознание граждан. Речь идет о создании целостного образа, который будет одновременно и Героем, и Трикстером. Такой образ люди будут положительно воспринимать, поверят в него, «пойдут за ним».

Нынешняя политическая ситуация требует существенных изменений практически во всех сферах общественной жизни. В таких условиях актуализируется архетип Трикстера. Он одновременно создатель и разрушитель, обманщик и жертва обмана. Но он живой, он свой и потому достигает значительных результатов, по крайней мере, во время выборов. Неудивительно, что образ лидера, предложенный в ходе избирательной кампании, в основном противоречит реальному политическому лидеру (президент, народный депутат, председатель политической партии и др.). Ярким примером применения архетипических образов в ходе избирательной кампании может служить предвыборная кампания В. Ющенко на выборах Президента Украины 2004 года. Вначале – несомненный Герой, в конце президентского срока – «простак», которого «обманывают», «обводят вокруг пальца», то есть классический Трикстер.

Трикстер всегда использует неопределенную (нестабильную) ситуацию, например экономический кризис, кризис власти и т.д. При таких обстоятельствах массовое сознание достаточно чувствительно к различным проектам спасения государства, общества, страны. Трикстер, выступающий против существующей власти, превращается в Героя и пользуется поддержкой подавляющего большинства граждан. Но на то он и Трикстер, что сразу же начинает манипулировать массовым сознанием, обещая «государство, которое защищает интересы простых граждан, а не служит кучке олигархов, уменьшение налогов, стимулирование производства; ограниченное вмешательство государства в жизнь граждан; независимый суд, надежно защищающий права простых людей...» Он обращается к людям, убеждая, что ему известно, «какие проблемы волнуют каждого гражданина Украины. Я знаю, как эти проблемы решать и я умею их решать. Все мои действия на посту Президента будут законными, прозрачными и понятными. Мои действия будут решительными, последовательными и эффективными. Уже со следующего года мы все ощутим, что живем в совсем другом государстве, которое заботится обо всех гражданах, а не только о чиновниках и олигархах»[3].

К сожалению, обещанного решения проблем общественность ни в 2005, ни в 2010 гг. так и не дождалась. Трикстер остался трикстером, потому что коллективное бессознательное не вышло из тени и продолжает поддерживать образ Спасителя, время от времени меняющего маску и средства манипулятивного воздействия на общество.

Парламентские выборы 2012 года несколько изменили конфигурацию политических сил в Украине. Но, к сожалению, не изменились модели поведения как со стороны политиков, так и со стороны граждан. Политики продолжают (даже увеличивают масштабы) манипулировать сознанием избирателей для достижения своих частных целей – получения мест в парламенте, граждане продолжают верить (может, чуть меньше) в предвыборные обещания. Таким образом, происходит своеобразный взаимообмен. Избиратели в очередной раз пытаются поверить в лучшее будущее, а кандидаты в народные депутаты «рисуют» для граждан некую идеальную картину

мира, пути достижения этого идеала, решения проблем, удовлетворения общественных потребностей и т.д.

Поэтому коллективное бессознательное остается бессознательным и снова требует мессии, который вновь появляется в образе трикстера. На этот раз он олицетворяет праворадикальную идеологию. Речь идет о Всеукраинском объединении «Свобода». Радикальная националистическая риторика «Свободы» – это своеобразный «архетип трансформации», в определенной степени поиск новых путей решения кризисных проблем в Украине. Правда, трудность ситуации заключается в том, что протестное поведение свободовцев не является конструктивным. Зато четко срабатывает формула К. Юнга: «если сознание попадает в критическую ситуацию, сразу становится ясно, что тень не исчезла бесследно, она только ждет своего часа, чтобы вновь заявить о себе в виде проекции на другого. Если такой трюк оказывается удачным, то между ними немедленно создается мир первоначальной тьмы, где и случается все, что характерно для Трикстера...» [4].

Теория архетипов К. Юнга сегодня является чрезвычайно актуальной. Читая «О психологии образа Трикстера», создается впечатление, что анализируется поведение современников. В частности, описывая «так называемого цивилизованного человека», Юнг отмечает, что он (человек) «вспоминает о Трикстере только метафорически, когда раздражен своими неудачами, говорит что судьба сыграла с ней злую шутку <...> Он и не подозревает, что его собственная скрытая и на первый взгляд безобидная тень обладает такими качествами, что не приснится и в страшном сне». И далее о коллективном поведении: «Как только люди собираются в массу и подчиняют ей, индивидуальное, тень мобилизуется и, как показывает история, может даже воплотиться в конкретного человека» [4].

Такое подробное цитирование К. Юнга оправдано ввиду развития событий в политическом пространстве Украины после прошлогодних парламентских выборов. К сожалению, в последнее время политики злоупотребляют манипулятивными технологиями, создавая и распространяя в массовом сознании ситуации, при которых рядовой гражданин чувствует себя защищенным (что особенно актуально в современных кризисных условиях), превращаясь в очередной раз в обезличенную единицу коллектива, толпы. А толпой, как известно, легче управлять, тем более, имея достаточно средств для манипулятивного воздействия.

Например, предвыборная программа. На первый взгляд, важный и необходимый элемент знакомства избирателей с идеологическими принципами кандидата-законодателя. Однако с помощью предвыборных программ кандидаты в народные депутаты Украины предлагают своим избирателям иллюзию счастливого будущего. Итак, опять имеем дело с использованием «архетипов трансформации».

И снова целесообразно обратиться к юнговскому «Архетипу и символу». Дело в том, что предвыборные программы – это не что иное, как отражение символического процесса потерь и достижений, «борьбы света с тьмой». У Юнга читаем: «Его начало почти всегда характеризуется как тупик или безвыходная ситуация; целью (символического) процесса является просветление или высшее сознание. Через них первоначальная ситуация переводится на более высокий уровень. Этот процесс <...> может длиться месяцами и годами в зависимости от исходной ситуации <...> и тех целей, к которым должен привести этот процесс. Хотя все переживается образно символично, неизбежен весьма реальный риск, поскольку судьба человека часто зависит от переживаемой трансформации. Главная опасность заключается в искушении поддаться чарующему влиянию архетипов» [4].

В основном так и происходит, когда архетипические образы используются с манипулятивной целью, то есть, независимо от сознания, вне сознания человека. Одновременно « мозаичное сознание » граждан выхватывает из политического контекста только привлекательную информацию. На таком принципе сформулированы все без исключения предвыборные программы политических партий, представленных в действующем парламенте Украины. Наконец, можно пообещать невозможное,

помня о слабости гражданского общества. Собственно такое ощущение возникает при знакомстве с предвыборными программами, независимо от того, является ли это программа пропрезидентской Партии регионов или оппозиционных – «Батькивщины», «Свободы» или «УДАРа».

Созданные по классической схеме «герой – антигерой», политические (предвыборные) программы больше напоминают учебный материал по предмету «пиар-технологии», нежели идеологическую платформу политической партии. Более того, предвыборные программы ассоциируются с утопическими эссе. Это, по выражению Дж. Кэмпбелла, своеобразное путешествие героя в мифическом мире, где на его пути встречаются препятствия и проблемные ситуации, бывают друзья-союзники и враги, которые мешают его основной миссии [5, с. 256].

В результате имеем соревнование политиков, а точнее конкурс политтехнологов написание лучшей работы с большим количеством несбыточных обещаний. Герой и Трикстер объединились, чтобы победить, а точнее – усыпить сознание избирателей...

Последнее осуществляется довольно результативно, потому что знакомство с программными принципами каждой из парламентских партий обещает нам «светлое будущее». Таким образом, архетипы и на этот раз оказались более действенными, чем здравый смысл граждан Украины. Видимо потому, что «упали» на благоприятную почву многолетних ожиданий лучшей жизни.

Впрочем, народные избранники особо не озабочены моральными тонкостями своих обещаний. В очередной раз и Партия регионов, и «Батькивщина», и Коммунистическая партия Украины предлагают избирателям «качественное образование сегодня» (Партия регионов), «образование станет доступным и современным» («Батькивщина»), «доступность качественного образования» (КПУ). Партия регионов обещает увеличение до 75 % госзаказа в вузах, а КПУ – возвращение государственного бесплатного высшего образования (это при увеличении количества безработных среди выпускников!). И уже почти традиционно – доступное жилье для молодежи, компьютеризация школ, повышение зарплат, пенсий и т. п.

В частности, самым причудливым обещанием Партии регионов представляется раздел программы под названием «Новая жизнь украинского села»¹. Типичный пример использования «архетипов трансформации». С помощью определенных словесных иллюстраций избирателю предлагается привлекательный образ «общества изобилия». Впрочем, иначе это не истолковать, ведь утверждается, что за пять лет «Украина полностью обеспечит себя отечественными продуктами питания, станет мощным экспортером продовольствия благодаря: созданию 1500 сельскохозяйственных кооперативов; строительству новых элеваторов, овоще-и фруктохранилищ; установлению цены на земельный пай не менее 20000 грн. за гектар и аренды не ниже 1000 грн. за гектар; развитию социальной инфраструктуры сельской местности (автодорог, больниц и школ, газификации сел)».

При анализе предвыборной программы Всеукраинского объединения «Батькивщина» сразу бросается в глаза архетипическое происхождение программных принципов. Можно даже утверждать, что данная программа создана по классической схеме использования архетипа Трикстера. Последний готов прийти в любой момент для решения общественных проблем. Это становится понятным с первых строк программы: «У Вас низкая зарплата? Скучная пенсия? Вы вообще не имеете работы? У Вас отбирают бизнес? Прокурор и судья защищают бандитов? Без взятки - никуда, а справедливости нет нигде? Уничтожают ваш язык, историю, культуру? Хотят оградить от Европы железным занавесом?». Дальнейшее изложение нетрудно домыслить – предложены пути решения указанных проблем. И, к сожалению, уже не

¹Предвыборные программы партий-победительниц парламентских выборов-2012 взято с официального веб-сервера Центральной избирательной комиссии Украины – www.cvk.gov.ua

так важно, что обещания останутся обещаниями. Главное, что Трикстер сделал свое дело – у избирателя появилась надежда...

Манипулятивный потенциал предвыборной программы Всеукраинского объединения «Свобода» несет в себе наибольшую угрозу, учитывая масштабы «чарующего влияния архетипов», здесь представленных. Имеем дело с явной абсолютизацией путей решения проблем, а любая абсолютизация опасна, особенно для развития государства и гражданского общества. Предполагая большие возможности своего манипулятивного воздействия, свободовцы раздают громкие обещания. Чего только стоит «План всеобъемлющих коренных преобразований!» Жаль, что избиратели в большинстве своем не читают программ, иначе они имели бы возможность еще до выборов убедиться в противоречивости предложенного плана. Вряд ли улучшит ситуацию так называемая «своя власть», которая нацелена «защищать украинцев» в многонациональном государстве. К тому же люстрация не означает совершенствование государственного управления; отмена НДС – еще не гарантия экономического роста, так же, как «отмена налогообложения на украиноязычное книгоиздание, аудио- и видеопродукцию, программное обеспечение» не является достаточным условием для того, чтобы наконец в Украине заговорили на украинском языке.

Не обязательно анализировать программы всех политических партий, входящих в состав Верховной Рады Украины VII созыва. В итоге все они стремятся лишь к одному – в период выборов завоевать наибольшее количество голосов украинских граждан. А дальше – дальше символы остаются символами, чары развеиваются, герои исчезают, а трикстеры, как и прежде утверждают, что обмануты...

Выводы и перспективные направления научных исследований. Подытоживая, следует еще раз отметить важность понимания архетипов трансформации для анализа политических процессов вообще и избирательных в частности.

Учитывая проблемы функционирования многопартийности и парламентаризма в Украине, перспективным направлением научных исследований становится изучение не собственно политических аспектов, а комплекса психологических, философских, исторических, социологических и других факторов политических взаимодействий, политического поведения граждан.

В плоскости практической политики относительно минимизации отрицательного (манипулятивного) воздействия предвыборных обещаний главную роль должно сыграть гражданское общество. Только оно способно противостоять псевдочарующему туману предвыборных обещаний партийных лидеров, только оно должно выработать привычку контролировать власть до и после выборов. Только гражданское общество может воспитать новое поколение политиков, уменьшить уровень манипуляций в обществе благодаря своей развитой гражданской позиции. Только тогда «архетипы трансформации» получают новое звучание и могут быть наполнены положительным зарядом политической активности и гражданской ответственности.

Список литературы:

1. Меркотан К. Архетипи політичного лідерства як підґрунтя маніпулятивних технологій / Л. Кочубей, К. Меркотан // Публічне управління: теорія та практика : збірник наукових праць Асоціації докторів наук з державного управління : спеціальний випуск. – Х. : Вид-во «ДокНаукаДержУпр», 2010. – № 3–4. – С. 312–317.
2. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг ; [сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича]. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с. – (Серия : «Страницы мировой философии»).
3. Передвиборча програма кандидата на пост Президента України В. Ющенка : 2004 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.cvk.gov.ua/pls/vp2004/wr0011>.
4. Юнг К. О психологии образа Трикстера [Електронний ресурс] / К. Юнг. – Режим доступу : <http://ec-dejavu.ru/t-2/Trickster-2.html>.
5. Кэмпбелл Дж. Герой с тысячей лицами. Миф, архетип, бессознательное / Дж. Кэмпбелл. – Киев, 1997.

**ПИРЕН
Мария,
PIREN
Maria,**

доктор социологических наук, профессор, засл. деятель науки и техники Украины, профессор кафедры государственной политики и управления политическими процессами Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Киев.

Аннотация: в статье осмысленно роль архетипических принципов в становлении национальной идеи, исследованы сущность и роль национальной идеи для государства в Украине.

Ключевые слова: национальная идея, национальный идеал, национальная символика, национальный интерес, национальная угроза, национальная безопасность, национальные чувства, национализм, национальные ценности.

УДК 351.84:33

Мария ПИРЕН

АРХЕТИПОВІ ЗАСАДИ СТАНОВЛЕННЯ ТА РОЗВИТКУ УКРАЇНСЬКОЇ НАЦІОНАЛЬНОЇ ІДЕЇ

«Несчастлива судьба той страны, в которой отсутствует здоровый консерватизм, заложенный в самом народе, нет верности, нет связи с предками»

М. Бердяев

Постановка проблемы. Исследование концепции национальной идеи в отечественной науке в контексте архетипических подходов чрезвычайно важно для реализации проблем модернизации современного украинского общества на пути к демократии.

Архетип (греч.) – способ связи образов, переходящих из поколения в поколение. По К. Юнгу, архетипы представляют собой структурные элементы человеческой психики, которые скрыты в коллективном бессознательном, общем для всего человечества. Они наследуются подобно тому, как наследуется строение жизни. Архетипы задают общую структуру личности и последовательности образов, которые проявляются в сознании при пробуждении творческой активности, поэтому духовная жизнь личности несет на себе архетипический отпечаток.

Для современного полиэтничного украинского общества целесообразно поиск тех исходных позиций, способствующих научно-практической разработке и обоснованию сущности национальной идеи, которая объединила в себе основные принципы демократического государства, сформированные исторической практикой народа Украины и выдающимися мыслителями, современными учеными, представителями политико-управленческой элиты Украины. В рабочем варианте национальная идея – это общественный продукт общенационального масштаба, духовная первооснова, источник личностного развития человека; социально-психологический механизм интеграции социальных групп, этносов, религиозных конфессий, партий, движений; источник общественного прогресса этноса, его государственнической энергии, механизм уравнивания и гармонизации жизнедеятельности народов, населяющих определенный ландшафтно-климатический пространство и имеют общую историко-политическую судьбу, ориентацию на будущее [11, с. 187].

Архетиповый подход к национальной идее требует исторического знания. По мнению некоторых исследователей, задумываться о национальной идее начали в XVI-XVIII вв. Так, считают, что в работах известного украинского философа Г. Сковороды идея о «работы» рассматривается как первые очерки национальной идеи Украины.

Анализ последних исследований и публикаций. Важное место для формирования концепции национальной идеи в Украине занимают наработки таких выдающихся деятелей Украины, как: М. Максимовича, М. Драгоманова, Д. Донцова, М. Павлика, С. Подолинского, В. Антоновича, М. Чубинского, М. Костомарова, Ф. Вовка, И. Франко, Леси Украинки, М. Грушевского, М. Михновского, В. Винниченко, В. Липинского и др..

География их рождения и деятельности свидетельствует соборнический характер основных принципов национальной идеи в

историческом и этническом контексте. В украинской национальной идеологии впервые теоретические основы для формирования украинской национальной идеи были заложены в середине XIX в. Начало этому положено Кирилло-Мефодиевским братством, художественно-историческим достоянием народа, которые закладывались еще с периода крещения Киевской Руси, когда Владимир Великий в 988 г. крестил Киев, а после другие территории и создал Киевское государство, где идеология христианства стала со временем духовной основой единства Киевской Руси, как великой державы, куда входили многие племена (народов).

Определенные мысли об украинской национальной идее изложил Т. Шевченко во многих своих произведениях, в частности, в произведении «И мертвым и живым и не рожденным землякам моим в Украине и не в Украине мое дружеское послание». Костомаров тоже осмысливает основные принципы национальной идеи в «Книге бытия украинского народа», «Две русские народности». П. Кулиш во многих своих произведениях таких, как: «Хуторная философия», «Украинская душа», «Призывной мост к украинской интеллигенции» и др. отмечал, кстати, архетипические составляющие основ национальной идеи, так что осмысление архетипических составляющих, сегодня, свидетельствует о взаимовлиянии и взаимосвязи прошлого и настоящего, как закономерность развития социума.

Михаил Грушевский, выдающийся историк и государственный деятель отмечал, что сердцевиной украинской идеи становится признание неотъемлемого права украинского народа на самоопределение и поиск его оптимальных норм.

На современном этапе создания государства проблемы украинской национальной идеи нашли свое осмысление в трудах В. Солдатенко, Ю. Канигина, С. Ткачука, В. Бебик, С. Вовканича, А. Довженко, О. Гончара, М. Гриня, М. Косова, Ю. Шилова, П. Кононенко, А. Шкляра, М. Михальченко, В. Сергийчук, И. Кресиной, О. Забужко, Л. Лукьянченко и др.

Нерешенные составляющие общей проблемы. Национальная идея – многоаспектный общественный феномен, в ней концентрируются ответы на самые сложные вопросы для чего живет нация, как она реализует себя в окружении других сообществ. Национальная идея является продуктом исторического развития, действия большого количества факторов общественного бытия, поэтому архетипический подход имеет выход на настоящее общественно-бытовых отношений и на проблемный характер построения демократического государства в Украине.

Целью статьи является показать важность архетипических составляющих в реализации реформ в современном украинском обществе в контексте существенных сторон и базовых принципов национальной идеи – построить демократическое общество, основой которого были бы европейские ценности и поиск Украиной как европейским государством своего достойного места среди развитых государств Европы и мира.

Изложение основного материала. Национальная идея – явление интернациональное. Она присуща всем нациям в период их образования, особенно во времена создания национального государства.

Немецкий философ и поэт Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) в VIII веке выдвинул идею принадлежности человека к нации, которая имеет свой народный национальный дух, обратив тем самым внимание на архетипические составляющие человека.

Другой немецкий философ и общественный деятель, Иоганн Готлиб Фихте (1726–1814), в период борьбы с Наполеоном разработал идею национальности как коллективной личности, у которой в обществе есть особое призвание, какового никакая личность не лишена.

Сердцевиной украинской национальной идеи в понимании М. Грушевского становится признание неотъемлемого права украинского народа на самоопределение и его поиск оптимальных норм своего места в цивилизационном развитии. Со времен Пе-

режиславской Рады такой формой является требование автономии Украины, которая постепенно, особенно в XIX в., дополняется идеями «предостережения человечества на общечеловеческих принципах и справедливости» и, наконец, в начале XX в. превращается в лозунг «Свободная Украина в составе демократической федерации свободных народов России» – это по Грушевскому. Но когда федерация, образованная в 1922 г., – Союз Советских Социалистических Республик – превратилась в империю, лозунгом стало: «свободная, суверенная, независимая, соборная Украина».

В контексте архетипики украинская национальная идея вбирает в себя идеи, направленные на формирование украинской народности, а затем нации, на формирование национального характера, национального самосознания и национального мировоззрения, исторического бытия. Это борьба за сохранение национального языка за счет национальной культуры и литературы, за создание национальной школы, в том числе и высшей школы, за создание национальной интеллигенции и элиты, за национальное возрождение и государственность.

Воплощением украинской идеи является любовь к своему народу, забота о его благополучии и его достоинстве. Сегодня национальная идея – это, прежде всего, создание государства, название которого – «Украина».

Украинская национальная идея – это теоретическое обоснование и осознание экономических, политических, культурных и религиозных заветов, основ самоуправления украинства, а также форм общения с другими народами на основе национально-правового равенства и толерантности.

Национальную идею иногда представляют как своеобразный национальный идеал, который истолковывается в литературе как совокупность народных стремлений к лучшей организации жизни, развитию общества в соответствии с теми социальными стандартами, в которых исторические традиции, представления о хорошем и счастливым в жизни народа, сочетаются с современными задачами, которые он должен решать на пути своего жизнетворчества, чтобы приложить усилия и внести достойный вклад в цивилизационное развитие.

Национальная идея уточняется, изменяется и развивается с развитием общественных отношений и мировым развитием вообще с развитием общечеловеческих ценностей. Она должна вызревать в обществе постепенно [11, с. 188].

В структуре национальной идеи важнейшее место принадлежит национальному чувству. Национальное чувство – производное от национального самосознания, чувство устойчивой привязанности к своей нации, традициям, обычаям, культуре, быту, национальным и духовным ценностям. Национальные чувства формируются внутри этнической общности людей, занимающих общую территорию, ведут сходный образ жизни, разговаривают на одном языке [12].

Национальная идея сегодня должна стать главной объединяющей идеей украинской политической нации. Только при этом условии можно достичь национального согласия в полиэтническом украинском обществе.

В свое время великий педагог К. Ушинский отмечал, что как нет человека вообще (абстрактного, безликого, без национальной принадлежности), а есть украинец или русский, так есть и «русское воспитание», «французское воспитание» и т. д. Каждый народ имеет свою систему воспитания. Мы должны войти в мировую цивилизацию не безвестными, а с гордым именем гражданина Украины.

Становление украинской национальной идеи в целом соответствует общей европейской схеме. Для Украины это средство приобщиться к общеевропейской сообществу, утвердив в себе европейские ценности и конкурентоспособность.

Украинская национальная идея сформировалась на основе развития украинской исторической мысли. Историческое сознание предполагает решение вопроса о концепции истины. Именно поэтому национальная идея подлежит оценке с позиций как интересов конкретного народа, так и с общечеловеческих ценностей, форм морали, духовности, инновационности, толерантности.

Обнаруживая архетипические составляющие, мы иллюстрируем миру свое трудолюбие, нравственные составляющие национальных традиций, образа жизни. Как мы отмечали, национальная идея украинского народа начала формироваться на рубеже конца XVIII – в начале XX века. От легенд и мифологии через осмысление казацких времен научная мысль наших общественно-политических деятелей направлялась к рациональным формам мышления и к осознанию цели собственного народа находиться в прогрессивном цивилизационном русле.

Окончательное завершение национальная идея приобретает в 1917–20 гг. Выдающуюся роль в этом процессе сыграл историк Д. Дорошенко, который сосредоточивал свои взгляды в национальной идее на построении государства. Продолжил идеи Д. Дорошенко историк А. Субтельный.

Национальная идея как духовная субстанция, моральная энергия призвана выполнять роль «оберега», предостерегать от национального обезличивания – этому учат нас история и архетипика. К ним должна обращаться каждая нация, которая стремится к прогрессу и уважению к себе у народов мира [4].

Консолидировать наше общество на процессы, в частности на реализацию реформ, может только национальная идея.

На данном этапе реализации реформ партии власти не смогли выделить основных задач именно украинской национальной идеи государства, как это сделали в свое время французы, поляки и русские, есть много обещаний и противостояние между нами. Национальная идея – это совместный продукт власти и общества [6]. В полиэтнической, поликонфессиональной, социально разрозненной Украине нужно осмыслить базовую систему ценностей, которые были бы восприняты и поддержаны всеми общественными группами. На наше взгляд, такими ценностями могли бы быть профессионализм, гражданская позиция, духовность, ответственность, толерантность, консолидация общества, уважение к каждому человеку, социальная защищенность человека, нахождение хороших деловых отношений с другими народами в общечивилизационном контексте, чего требуют современные вызовы (глобализация, экология, борьба с бедностью и т.п.).

Идея – явление осознанного теоретического порядка, поэтому и защита существования нации происходит в плоскости теоретически осмысленных идей для их реализации в практике бытия. В Священном Писании написано: «Вначале было слово ...» Слово выступает материализованной формой идей.

Сущность национальной идеи заключается в постижении вечных, глубинных стремлений народа, особенностей его характера, менталитета, языка, традиций, обычаев, ценностей и предпочтений, его социокультурных и политических приоритетов, а также оптимальных средств достижения целей социального развития. Национальная идея – это понятие, которое включает в свое содержание различные факторы: исторические, политические и государственные в целом. Главной функцией национальной идеи является консолидационно-интегративная, потому что общество всегда политическое, всегда требует внутреннего единства, что является гарантией политической стабильности и гражданского мира в обществе.

Национальная идея призвана консолидировать украинскую политическую нацию не как единая надпартийная идеология и не путем принуждения, а как общая платформа всех политических, общественных и культурных сил, которые признают конституционные основы нашего бытия. Национальная идея относится к долгосрочной общенациональной стратегии развития общества, поэтому осмысление ее изменений и потребностей – всегда актуальная тема, тем более, с позиций архетипов. Именно этому и посвящена наша конференция.

Национальная идея – это и дух нации, который образует ядро общественного и индивидуального сознания, четко определяя ментально обусловленный спектр мировоззренческих позиций народной общественности и национальной элиты, их самовосприятие и притязания, установки и мечты, ценностные ориентации и смысловые формы.

Следует заметить, что архетипический подход важен потому, что национальная идея формируется в зависимости от традиций, культуры и социальных структур нации, всей среды бытия человека и одновременно сама влияет на них как источник культурно-исторической динамики развития широкой общественности, сознания и самосознания каждого гражданина и общества в целом [1].

К украинской национальной идеи следует относиться так, как к «американской мечте», вокруг которой объединились все слои населения и которая родилась именно благодаря желанию американского народа иметь цель своего развития. Аналогичного подошли к этому феномену россияне в труде «Современная Русская Идея и Государство», которая была отработана и утверждена Государственной Думой России еще в 1995 году.

Еще В. Липинский в свое время мудро и дальновидно писал, что национальная идея должна содержать процесс психологического хотения научной, политико-управленческой элиты и ее народа быть достойной нацией, кроме составляющих политики и экономики государства, но так же нет нации, когда это хотение не реализуется в материальных формах государства. Именно это в сегодняшнее время в Украине является проблемой, потому что национальная идея формируется и реализуется в процессе трансформации украинского общества – это рассмотрение нации, государства и личности сквозь четкую программу в новой парадигме их жизнедеятельности в процессе вхождения Украины в европейское и мировое сообщество [13]. Национальная идея с данной позиции должна соответствовать концепции гуманизации общества, органически сочетать национальные и общечеловеческие ценности, иметь человекотворческую, нациесохраняющую и государственную направленность, которая отвечала бы не только потребностям народа Украины, но и потребностям мирового прогресса человечества [10].

Мы должны понять, что нашей интеграции в Европейское сообщество мешают не столько политические факторы, сколько факторы ментальные. Правовой нигилизм, царящий сейчас в украинской политике с обеих сторон противостояния, еще больше отдаляет нас от евроинтеграционной перспективы. Все европейские демократические государства создавались путем компромиссов, переговоров и соглашений. Становится понятно, что европейская перспектива для нас связана с «развитием Европы в себе», внутри государства, в сознании новой элиты для государства [14].

Сконцентрировать дееспособную модель государственного строительства можно лишь опираясь на национальную идею, органично сочетая в себе наследие национальной духовной культуры и элементы общечеловеческих, политических и государственных традиций.

Среди главных общественных ценностей духовного возрождения Украины можно назвать полное очищение от коррупции и создание условий для законодательной базы, способствующей детенизации и быстрому развитию производства. Среди таких ценностей – подкрепленное действенными механизмами право простого человека на защиту от административного беспредела и манипулирования, практическая реализация лозунга «Закон един для всех!»

Национальная идея как матрица государственного строительства отражает реальную историю народа Украины, его мечты и перспективы развития. Она формируется одновременно с его формированием и на более высоком уровне своего развития превращается в украинскую государственную идею, которая вбирает в себя ожидания и энергию всех народов, составляющих сегодня украинскую политическую нацию (136 национальностей).

Для того чтобы национальная идея стала «работающей» основой модернизационного проекта, она должна отвечать определенным требованиям. Первым из них является соответствие идеи следующим ценностям, как национальному интересу и национальному менталитету. Национальная идея зарождается и возникает в массовом сознании как некая потребность, необходимость. Необходимость порождается

факторами жизни народа и страны – экономическими и политическими отношениями в обществе, культурой и историей народа, его стремлением к определенному сценарию своего будущего, которые становятся своеобразным эмпирическим основанием формирования национальной идеи. Попытки произвольного конструирования национальной идеи обречены на провал. Генератором национальной идеи выступает элита. Ярким примером эффектного решения духовно-элитного творения национальной идеи является история США, Германии, Италии и других стран. Украине сегодня также необходима «Украинская мечта». Она рождается в глубинах народного духа и является олицетворением этого духа, воплощением представлений народа о жизненно важных ценностях, смысле бытия, как особого мира, носителя своего языка, культуры, традиций, понятий. Содержанием национальной мечты может быть: патриотизм и справедливость – в обществе; честность и ответственность – в политике, сохранение традиций и открытость ко всему лучшему – в культуре; авторитет добросовестного честного труда и свободы предпринимательства – в экономике, безопасность, добрососедство, независимость – в отношениях с другими народами и государствами. Все это отражает научно-теоретический уровень практической потребности в украинской национальной идее сегодня.

Практическим уровнем отражения национальной идеи выступает цель, которая способна удовлетворить амбиции и материальные потребности значительной части населения и обеспечить достойный уровень жизни, осуществить экономическую модернизацию в соответствии с реалиями постиндустриального информационного общества, избавиться от экономической долговой зависимости, достичь экономической и финансовой самостоятельности; создать мощную материально-техническую базу устойчивого и сбалансированного развития украинского общества, построить конкурентоспособную экономику, которая базируется на знаниях и обеспечивает инновационное развитие страны; накопить необходимые ресурсы для обеспечения высокого уровня жизни народа и укрепления обороноспособности государства.

Национальная идея является прежде всего определенным стратегическим проектом, который нация стремится воплотить в жизнь, что выражается в ее национальном идеале, который конкретизируется в национальных ценностях и трансформируется в национальные интересы.

Национальная идея – не только этническая, но и государственно-политическая категория, она консолидирует весь народ Украины на строительство нового демократического общественного устройства. Правильным будет заметить, что понятие национальной идеи необходимо переместить в практическую плоскость жизнетворчества украинской политической нации. Сегодняшняя национальная идея должна стать идеей-путеводителем объединения украинской политической нации и реформирования общества на демократических началах, утвердить гармоничные отношения людей между собой и с окружающим миром, утвердить демократические и духовные ценности во всех сферах бытия украинского народа.

Национальная идея – основа осмысления сущности своего народа, национального бытия в контексте украинской политической нации, национальное призвание, идеал, духовность, интерес, стратегия, государственность, безопасность. Именно поэтому мы должны осмысливать национальную идею в контексте архетипов и современности.

Выводы и дальнейшие направления научных исследований. Итак, национальная идея – это идеологическая концепция, которая определяет основные принципы консолидации представителей политической нации, отношение к ее историческому прошлому и основные направления ее развития в будущем, отношение к другим нациям и характер взаимодействия с ними в государстве-нации. Основой национальной идеи является представление о нации как самостоятельном субъекте общественного воздействия, который имеет свою историю и самостоятельно определяет свое будущее. Вместе с тем, это не означает, что нация изолирована в своем развитии от

глобальных процессов, она находится под их влиянием и вовлечена в эти процессы, сама тоже оказывает влияние на них. Для того чтобы быть воспринятой представителями других этносов, национальная идея должна опираться на общечеловеческие ценности, учитывая при этом национальный исторический опыт, и не противоречить общецивилизационным тенденциям прогрессивного развития человечества (в данном случае – пути к демократии).

Национальная идея должна определять путь, которым направляется нация в русле общецивилизационного развития в плане установления хороших, деловых отношений с другими государствами-нациями.

К основополагающим принципам, на которых должна основываться национальная идея, можно отнести следующие: принцип гуманизма, принцип демократизма, принцип политичности, принцип толерантности, принцип взаимной ответственности за мир и согласие между народами, экологическую безопасность, чистоту окружающей среды и т.д.

В последнее время появилась новая тенденция – рассматривать национальную идею в ее не этническом или общественно-политическом, а в технократическом аспекте. Национальный дискурс здесь происходит не в рамках традиционных категорий политологии и этнологии, а в русле категорий экономического развития, ресурсной базы национальной экономики и потенциала инновационного проектирования и т.п.

Рекомендации органам законодательной и исполнительной власти. Стратегическим приоритетом для создания и реализации национальной идеи должна быть просветительская работа ученых, партий и гражданских движений по достижению единства и консолидации общества путем преодоления как объективных, так и искусственных противоречий социокультурного, межконфессионального, этнического, языкового, межрегионального и регионального характера на основе безусловного соблюдения конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина, способствовать мировоззренческим принципам формирования и действенности национальной идеи.

Национальная идея сегодня должна быть сформирована учеными, ведущими политическими силами и элитой государства и поддержана на государственном уровне народом, всеми гражданами Украины.

Идеологической основой ее должна стать государственная идеология толерантности, единства украинской нации для демократизации общества.

Важно подчеркнуть, что утверждение национальной идеи требует перехода к доминированию гражданских, политических и духовных ценностей и интересов человека и общества, принципов моральной, открытой и ответственной политики, высокого профессионализма и ответственности служения народу и Отечеству, последовательной, взвешенной и открытой политики, честных, стабильных и прозрачных правил в бизнесе, свободу слова и гарантированную судебную защиту конституционных прав человека и гражданина, необходимые условия для саморазвития и самореализации личности.

Ответственной политической элите, независимо от того, у власти она сейчас или в оппозиции, следует отказаться от использования социальных политических технологий, построенных на «поисках врага», перейти к модернизационным, интегративным политическим технологиям объединительного характера, культивации настоящего патриотизма, национальной гордости, единства целей и дальнейшего развития демократии. Очень важно всегда быть на страже национальных интересов и предотвращать национальные угрозы.

Таким образом, только параллельно с разработкой программного документа современной национальной идеи, системы ценностных координат и регуляций могут происходить нормальный процесс структурирования общества, сдерживание противобесов и сепаратистских настроений, преобразование политического процесса с

безжалостной борьбы за власть на поиск оптимальных путей развития общества, отличающихся высокой ответственностью за судьбу народа и судьбу Украины как европейского государства.

Список литературы:

1. Боришевський М.Й. Особистість у вимірах самосвідомості : [монографія] / М.Й. Боришевський. – Суми : Видавничий будинок «Еллада», 2012. – 608 с.
2. Гринів О. Українська національна ідея як засіб національного самоусвідомлення / О. Гринів. – Львів : Інститут народознавства Національної академії наук України, 1999. – 234 с.
3. Донцов Д. Історія розвитку української ідеї / Д. Донцов. – К., 1991.
4. Донченко О. Архетипи соціального життя і політика (Глибинні регулятиви психологічного повсякдення) : монографія / О. Донченко, Ю. Романенко. – К. : Либідь, 2001. – 334 с.
5. Забужко О. Філософія української ідеї та європейський контекст. Франківський період / О. Забужко. – К. : Факт, 2006. – 154 с.
6. Заможне суспільство, конкурентоспроможна економіка, ефективна держава : Програма економічних реформ на 2010–2014 роки [Електронний ресурс] / Комітет з економічних реформ при Президентові України. – Режим доступу : http://www.president.gov.ua/docs/Programa_reform_FINAL_1.pdf. – Назва з екрану.
7. Ильин И.А. О грядущей России / И.А. Ильин // Избранные статьи / ред. А. Полторацкого. – М., 1993. – 256 с.
8. Кресіна І.О. Українська національна самосвідомість і сучасні політичні процеси (Етнополітичний аналіз) : монографія / І.О. Кресіна. – К. : Вища школа, 1998 – 392 с.
9. Лук'яненко Л. Національна ідея та національна воля / Л. Лук'яненко. – К. : МАУП, 2003. – 296 с.
10. Маринович М. Українська ідея і християнство, або коли гарцюють кольорові коні апокаліпсису / М. Маринович. – К., 2003.
11. Пірен М.І. Етнополітика в Україні: соціо-психологічний аналіз : навч. посібник / М.І. Пірен. – К.: Університет «Україна», 2007. – 408 с.
12. Пірен М.І. Етнопсихологія : підруч. / М.І. Пірен. – К. : Університет «Україна», 2011. – 526с.
13. Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2012 році : щорічне послання Президента України до Верховної Ради України. – К. : НІСД, 2012. – 256 с.
14. Про Президентський кадровий резерв «Нова еліта нації» : Указ Президента України : № 246/2012 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.academy.gov.ua/p_k_r.html. – Назва з екрану.
15. Современная Русская Идея и Государство. – М. : Обозреватель, 1995. – 181 с.
16. Фартушний А.А. Українська національна ідея як підстава державотворення / А.А. Фартушний. – Л., 2000.
17. Фурман А.В. Національна ідея – щит і меч українства // Психологія і суспільство / А.В. Фурман. – №3. – 2012. – С. 6–11.

**ПЛАХТИЙ
Тарас,
PLAKHTIY
Taras,**

независимый
исследователь,
г. Львов.

Аннотация: в статье проведен анализ совокупного действия групповых эффектов и процессов в самоорганизационных и организационных элитных группах и на его основе, в результате применения системного подхода, выявлены факторы, обуславливающие выбор агрессивных стратегий взаимодействия с однотипными группами в рамках национальной элиты. Выявлены условия выбора стратегий сотрудничества в условиях конкурентного взаимодействия организаций элитных групп и предложены соответствующие алгоритмы коллективной деятельности их членов.

Ключевые слова:
архетипика, системный подход, групповые эффекты, групповые процессы, элитные группы, динамические сети.

УДК 329.001 (100)

Тарас ПЛАХТИЙ

СТРАТЕГІЇ ВЗАЄМОДІЇ УКРАЇНСЬКИХ ПОЛІТИЧНИХ ЕЛІТ (АРХЕТИПНИЙ ПІДХІД)

Постановка проблеми. В течение всего периода после восстановления независимости в Украине усиливались процессы ограничения доступа к власти профессионалов, мастеров и интеллектуалов, что обуславливало торможение развития и распространения знаний в обществе, а также происходило их отторжение институтами и малокомпетентным большинством людей с активной гражданской позицией [1]. Одним из возможных путей остановки этих процессов является формирование качественно новых организаций элитных групп, способных к интеллектуальной коллективной деятельности – созданию инноваций, генерированию новых содержания и смыслов, распространению новых идеи безотносительно к их восприятию большинством и т.д.

Однако все попытки создать такие организации заканчивались выработкой и реализацией ими агрессивных стратегий взаимодействия к существующим организациям элитных групп в рамках национальной элиты, что приводило к деморализации настроенного на развитие государства электората, к его разочарованию, сепарации и, как следствие – канализации выделенной социальной энергии.

Такое положение дел обуславливает необходимость исследовать природу процесса формирования элитных групп, установить факторы, приводящие к выработке и реализации агрессивных стратегий при взаимодействии с такими же конкурирующими группами и определить условия выработки и реализации стратегий кооперации между ними.

Актуальность исследования. Создание качественно новых организаций элитных групп, создание и внедрение ими инноваций требует генерирования достаточного количества социальной энергии, а также применение эффективных механизмов сплочения и координации деятельности участников таких организаций, которые, по определению, не могут быть манипуляционными и функционировать в соответствии с закономерностями психологии толпы. То есть осознанные в том, что происходит, представители элитных групп должны объединиться в дееспособные организации, которые были бы способны численно расти без потери своих качеств и действовать в рациональной плоскости, наращивая объем выделенной социальной энергии для решения стоящих перед ней задач.

Обеспечение перечисленных качеств организаций элитных групп является актуальной задачей, решение которой носит междисциплинарный характер.

Анализ последних исследований и публикаций. В публикации «Жизненный цикл организаций элитных групп социальных систем» [2] было показано, что в период становления Серой Пирамиды, вследствие неблагоприятных условий существования, репрессий и давления со стороны государственной власти и силовых органов, духовного кризиса и падения общественной морали, в социуме появляется определенное количество людей, которые начинают задумываться над причинами своих скитаний и, соответственно, над причинами морального и социального упадка всего общества. Часть из них вырабатывает собственное видение причин, винов-

ников и способов выхода из стагнации, часть обращается к работам известных мыслителей, а часть заимствует соответствующее видение извне. Полученные таким образом новые смыслы и содержания попадают и распространяются в обществе в виде политических мифов, которые включают в разном соотношении рациональную и иррациональную компоненты и имеют структурообразующее свойство – они притягивают друг к другу и объединяются в самоорганизационные группы их авторов, носителей и сторонников. То есть авторы или активные носители новых политических мифов [3] (далее – структурообразующих идей) являются центрами кристаллизации, вокруг которых в обществе образуются самоорганизационные группы единомышленников, которые объединяются для коллективной деятельности для достижения выработанных на основе этих идей общих целей. Первыми, кто получает и воспринимает новые смыслы и содержания в обществе, является образованные представители элитных групп – они лучше осознают свои интересы и ищут в новых идеях эффективный инструмент для достижения собственных целей. Поэтому формирование самоорганизационных групп обычно начинается в средах национальной элиты. Усиление стагнации приводит к ускоренному созданию и / или импорту новых идей и, соответственно, структурирование их носителей в самоорганизационные группы. Также в этой публикации было описано природу процессов полного и неполного метаморфоза (преобразования) самоорганизационных структур в организационные, что является важным фактором при осуществлении ими выбора стратегий взаимодействия на межгрупповом уровне.

Существует ряд методов анализа социальных систем на основе архетипов. Один из основателей Украинской школы архетипики Эдуард Афонин в течение многих лет в своих исследованиях [4] использует бинарные шкалы-оппозиции для наблюдения и анализа изменений психосоциальной культуры Украины, которые способны отразить как устойчивую, исторически неизменную составляющую психологии украинского социума, так и составляющую меняющуюся, динамическую. В частности, речь идет о таких шести бинарных шкалах-оппозициях, как «экстраверсия / интроверсия», «эмоциональность / прагматичность», «иррациональность / рациональность», «интуитивность / сенсорность», «экстернальность / интернальность», «экзекутивность / интенциональность». Каждая из этих психологических характеристик является следствием, своеобразным историческим результатом того, что не раз повторялось в поведении отдельных людей и целого народа, а значит, вполне может служить инструментом измерения самобытности Украины или отклонений от нее. Иначе говоря, речь идет о социетальной идентичности как многомерной психосоциальной реальности, что определяется как надежное средство гармонизации внутренней жизни социума, как залог его самопринятия и дальнейшего развития. Автор утверждает, что успех современных общественных реформ лежит в плоскости отношений, которые складываются между материальным и идеальным, внешним и внутренним, психическим и социальным в человеческой природе, а конфликты, сопровождающие общественные преобразования и реализацию государственно-политических решений, сосредоточены преимущественно в психокультуре политико-управленческой элиты и, в целом, украинского общества. Такое утверждение стало ключевым критерием в выборе объекта данного анализа – политических организаций элитных групп в рамках национальной элиты.

Приведенная в [5] диаграмма флуктуационных изменений кода культуры Украины в 1992—2012 годах свидетельствует о несущественном преимуществе авторитарного тренда над либеральным во все годы за исключением 2004 года, когда либеральный тренд значительно опередил авторитарный, что было связано с событиями Оранжевой революции. Это указывает на постоянную корреляцию качеств властной элитной группы и величины влияния того или иного тренда в культурном коде Украины, что дает основания говорить об определяющем значении качеств организаций ведущих элитных групп для направления изменений социетальной психики украинского общества.

Результаты анализа стратегий взаимодействия элитных групп в рамках национальной элиты можно сопоставлять с различными архетипами, что представлены в политической деятельности различных групп национальной элиты в качестве системообразующих идей их политической деятельности. С точки зрения выхода на практику очень полезными могут стать данные мониторинга общесистемных изменений [6], в частности различные по своей природе (модусам) идентичности, которые выталкивают эти стратегии на конкурентную вражду или на цивилизованную сотрудничество, как это фактически имело место в период Оранжевой революции – это поведение, отраженное в показателях 2002 года, кардинально изменилось после 2006 года и характеризует политическое настоящее.

Определение ранее не решенных задач общей проблемы. Применив системный подход [7] для обобщения основных положений приведенных выше публикаций, попробуем очертить и обосновать условия выбора элитными группами стратегий сотрудничества в противовес стратегиям конфронтации в процессе их конкурентного взаимодействия в рамках представительной демократии.

Покажем, как генератор структурообразующей идеи – идеолог или ее вторичные носители – последователи после образования центра кристаллизации – элитной группы теряют контроль над протеканием в ней классической групповой динамики, которая, вследствие синхронного комплексного развертывания в психике участников ряда групповых эффектов и процессов под влиянием усиливающих обратных связей, приводит к генерированию и сожжению в личностных конфликтах социальной энергии, способствует формированию и укреплению групповой рамки, приводит к образованию устойчивой самоорганизационной, а затем – организационной группы, обуславливает выбор группой предопределенных этой динамикой стратегий конфронтации при взаимодействии с однотипными группами на межгрупповом уровне.

Целью публикации является определение условий выбора организованными элитными группами стратегий сотрудничества в противовес стратегиям конфронтации в процессе конкурентного взаимодействия для их обеспечения при построении качественно новых субъектных общественно-политических организаций.

Изложение основного материала. Системное взаимодействие участников элитной группы под влиянием структурообразующей идеи, запускает в психике ее участников течение множества однотипных по результатам воздействия групповых эффектов, которые определяют и фиксируют групповую рамку. Это эффекты принадлежности к группе, группового фаворитизма, группового эгоизма, «мы и они», подражания (позиция 1, схема 1). В результате их совокупного влияния начинается образование групповой идентичности участников взаимодействия и формируется четкое разделение окружающих на «своих» и «чужих», что активизирует соответствующие архетипы структуры бессознательного. Чем агрессивнее структурообразующая идея, тем быстрее формируется и закрепляется очерченная ею групповая рамка.

Системное взаимодействие в кругу «своих» при реальной или воображаемой (заданной структурообразующей идеей) враждебности внешней среды, обуславливает проявление в психике участников следующей совокупности групповых эффектов – социальной фасилитации, социальной ингибиции, синергии и социальной лени (позиция 2, схема 1). Результатом совокупного действия перечисленных групповых эффектов является выделение участниками группы определенного количества социальной энергии, большая часть которой погашается во внутренних конфликтах, сопровождающих процесс ранжирования между претендентами на неформальное лидерство, а остаток направляется наружу – для удержания групповой рамки и обеспечения взаимодействия с однотипными группами на межгрупповом уровне.

Определение неформальных лидеров и дальнейшая деятельность группы под их управлением приводит к проявлению следующей совокупности эффектов – группового мышления, влияния активного меньшинства и эффекта Деннинга – Крюгера [8] (позиция 3, схема 1).

Схема 1. Структура групповых эффектов, проявляющихся при системном взаимодействии участников малых элитных групп

Действие последнего заключается в том, что люди, имеющие низкий уровень квалификации, делают ошибочные выводы и принимают неудачные решения, но не способны осознавать свои ошибки в силу своего низкого уровня квалификации. Такие участники группы, будучи уверенными в собственной непогрешимости, склонны образовывать активное меньшинство, которое способно быстро захватить лидерство, отстранив от процессов выработки и принятия решений наиболее компетентных, но не уверенных в правильности своих позиций, участников. Все это усугубляется эффектом группомыслия [9], который проявляется в сплоченной группе в условиях, когда поиск согласия становится настолько доминирующим, что начинает преобладать реалистическую оценку возможных альтернативных вариантов решений или действий.

Совокупное воздействие представленного множества эффектов через некоторое время приводит к концентрации власти в руках активного, малокомпетентного, однако самоуверенного меньшинства, обуславливает проявление и постепенное усиление следующей совокупности эффектов – конформизма и подчинения, действие которых вызывает пассивацию большинства и его готовность выполнять решение лидеров (позиция 4, схема 1).

Описанные выше два множества эффектов обуславливают проявление эффекта «ореола», который формирует представление о непогрешимости лидеров и целой группы, наделяет их лучшими качествами, идеализирует (позиция 5, схема 1). Это создает предпосылки для вождизма в будущем, который предусматривает сознательное использование лидерами собственной харизмы для манипулятивного бессознательного управления большими массами сторонников созданной на базе структурирующей идеи общественно-политической организации в случае стремительного роста ее численности.

Проявление эффекта «ореола» приводит к усилению действия множества групповых эффектов, которые укрепляют очерченную групповую рамку (позиция 1, схема 1), что, в свою очередь, согласно описанной выше структурной схеме, последовательно усиливает действие всех других описанных множеств групповых эффектов.

Таким образом, мы обнаружили циклическую взаимосвязь между множествами социально-психологических эффектов, совокупное действие которых приводит к усилению действия каждого из них в отдельности. Согласно с системным подходом, он представляет собой положительную или усиливающую обратную связь структуры групповых эффектов в психике участников элитной группы, которая образовалась в результате воздействия определенной структурирующей идеи.

Основным результатом действия описанной усиливающей обратной связи является образование сплоченной элитной группы с определенным неформальным лидером и его близким окружением, которая наделена субъектностью (способностью производить, принимать и исполнять решения, направленные на реализацию осознанного группового интереса в контексте структурообразующей идеи) и проявляет враждебность, недоверие и агрессию к другим членам и их объединениям материнской группы, как одной из составляющих национальной элиты.

Негативной или стабилизирующей обратной связью в данном случае является консолидация материнской группы вследствие конкуренции с другими группами в рамках высших групповых уровней. То есть, чем более внешняя среда агрессивна к материнской группе, тем слабее тенденция образования в ней центров кристаллизации на базе альтернативных структурообразующих идей.

Как и в случае торнадо с распределением в нем взаимосвязанных разновекторных воздушных потоков, в психике участников элитной самоорганизационной группы, образовавшейся под влиянием структурообразующей идеи, происходит взаимообусловленное и синхронное с групповыми эффектами течение совокупности групповых процессов (схема 2).

Схема 2. Структура групповых процессов, протекающих при системном взаимодействии участников малых элитных групп

То есть, длительное взаимодействие участников элитной самоорганизационной группы и обсуждение одних и тех же идей в относительно постоянном кругу приводит к запуску классической групповой динамики, в основе которой лежит наша этологическая природа [10] и обусловленный ею процесс ранжирования. В свою очередь, классическая групповая динамика через некоторое время приводит к установлению устойчивых и признанных всеми участниками групповых норм и правил взаимодействия, к формированию соответствующих отношений между участниками самоорганизационной группы, к конкуренции и конфронтации потенциальных неформальных лидеров, к конфликту за лидерство, к стабилизации деятельности группы определенным в результате конфликта неформальным лидером, к образованию и закреплению неформальной иерархии и к вытеснению из группы несогласных с таким положением дел. Это создает предпосылки для полного метаморфоза самоорганизационной группы в формальную организацию, лидеры которой наделяются легитимными инструментами принуждения остальных участников к коллективной деятельности по достижению групповых целей.

Попав в самоорганизационную группу и находясь в ней в позициях взаимодействия «равный с равным», носители близких разновидностей одной идеи пытаются занять как можно высшие статусные позиции в группе и, как максимум, стать едино-

личным лидером. Поэтому, наряду с потребностью объединиться с единомышленниками для коллективной реализации смыслов и содержаний структурообразующей идеи, участник самоорганизационной группы во время пребывания в ней реализует свою базовую биологическую потребность лидерства в процессе ранжирования с другими участниками, что обычно не рефлексруется и происходит неосознанно и автоматически.

Естественная потребность лидерства в участников группы, которые конкурируют в начальных позициях «равный с равным» при возможности прямого личностного конфликта, неизбежно инициирует процесс выбора каждым из них агрессивных стратегий конфронтации с целью получить как можно более высокий статус в группе – как максимум, статус неформального лидера (позиция 1 на схеме 2).

Это запускает процесс ранжирования – прямой конфликт между претендентами на лидерство, во время которого канализируется большая часть выделенной на него участниками взаимодействия социальной энергии (позиция 2 на схеме 2).

В результате конфликта определяется неформальный лидер и его ближайшее окружение. Появление неформального лидера и закрепления его статуса обуславливает начало процессов концентрации в его руках всей полноты власти и контроля над ресурсами группы (позиция 3 на схеме 2).

Процессы концентрации власти и ресурсов у лидеров усиливают взаимообусловленные процессы пассивации и подчинения им всех других членов группы, что соответствует готовности последних снять с себя ответственность за восприятие, распознавание и анализ информации, выработку и принятие решений в неоднозначных ситуациях в обмен на признание власти над собой тех, кто готов это делать (позиция 4 на схеме 2).

Все это инициирует процессы изменения представлений о стратегиях успеха и приводит к корректирующему сдвигу ценностной шкалы в худшую сторону, в результате чего формируются новые групповые нормы, согласно которым агрессивное поведение становится допустимым и приемлемым как в отношении членов собственной группы, так и в отношении других участников внешней среды и их объединений (позиция 5 на схеме 2).

Изменение представлений об успешных стратегиях взаимодействия и смещение ценностной шкалы приводят к интенсификации процессов выбора еще более агрессивных стратегий борьбы за неформальное лидерство как внутри группы, так и на межгрупповом уровне (позиция 1 на схеме 2). Это, в совокупности, образует усиливающую обратную связь структуры групповых процессов, которая является взаимообусловленной и реализуется синхронно с тождественной усиливающей обратной связью структуры групповых эффектов, что рассматривалась выше.

Итак, результатом течения множеств описанных групповых эффектов и процессов, которые взаимосвязаны синхронными усиливающими обратными связями, является обусловленное и сформированное ими стремление лидерства в малой элитной группе, как целостной единицы и, соответственно, ее активация для участия в процессе межгруппового ранжирования с другими такими же группами в рамках большой группы следующего уровня.

Развертывание во времени описанных усиливающих обратных связей приводит к выбору все более агрессивных поведенческих стратегий участниками взаимодействия на внутригрупповых и межгрупповых уровнях, к концентрации власти и ресурсов в руках лидеров, к подчинению им и пассивации большинства, к разрушению поля доверия и к моральной и духовной деградации участников группы вследствие смещения их глубинных ценностей и представлений об успешных поведенческих схемах и стратегиях.

Описанная усиливающая обратная связь структуры групповых процессов в малой элитной группе является составной частью более широкой усиливающей обратной связи на межгрупповом уровне. Перерастание в его рамках конкуренции в конфрон-

тацию консолидирует группу низшего уровня, заставляет ее рядовых членов подчиняться лидерам, способствуя концентрации власти в их руках для преодоления внешних вызовов и эффективного ранжирования на межгрупповом уровне.

Стабилизирующей обратной связью при таком ходе групповых процессов является инертность социокультурных, мировоззренческих, идеологических и ценностных норм, которые препятствуют выбору противостоящими сторонами агрессивных стратегий, выходящих за их рамки.

Соотношение величины влияния усиливающей и стабилизирующей обратных связей определяет направление дрейфа ценностной шкалы социума, уровень его деградации или процветания и, соответственно, количество затраченной социальной энергии на противостояние между его членами и их объединениями. Можно утверждать, что данное соотношение в целом определяет эффективность того или иного сообщества.

На схеме 3 изображена модель взаимодействия элит на разных взаимно вложенных уровнях человеческой цивилизации как многоуровневой социосистемы, на каждом из которых происходит перетекание конкуренции в конфронтацию во взаимоотношениях принадлежащих им групп, которые приобретают, осознают и реализуют стремление лидерства в процессе межгруппового ранжирования.

Схема 3. Петли усиливающих и стабилизирующих обратных связей в социальных системах – иерархично структурированных организациях элитных групп

Как и в случае первичной малой элитной группы, усиливающие обратные связи структур групповых эффектов и процессов которой было представлено на схемах 1 и 2, для элитных групп на каждом из высших взаимно вложенных уровней можно выделить тождественные циклы таких же обратных связей, которые вместе охватывают все уровни элитных групп человеческой цивилизации.

Таким же образом можно представить и стабилизирующую обратную связь, которая вызывает сопротивление изменениям вследствие инертности социосистемы, в данном случае – к выбору агрессивных стратегий участниками внутригруппового и межгруппового взаимодействия. Причем влияние стабилизирующей обратной связи напрямую зависит от количественных и качественных параметров гражданского общества – чем сильнее гражданское общество, тем труднее вызвать изменения в социосистеме.

Каждая из элитных групп, которые образовались в результате воздействия структурообразующих идей, имеет целью воплотить в жизнь их смыслы и содержания, что требует определенного количества социальной энергии. Рассмотрим последнее понятие в общем междисциплинарном смысле – как энергию, которая необходима для осуществления изменений социальной системы без жесткой привязки к какой-либо из известных ее концепций.

В этом контексте сразу возникает вопрос о ее источниках и способах получения, накопления и эффективного использования.

Выделим две взаимосвязанные и взаимообусловленные составляющие социальной энергии – этологическую и мифологическую. Будем считать, что первая из них является следствием стремления удовлетворить потребности нижних – базовых уровней пирамиды Маслоу, а вторая – потребности ее верхних уровней. Вследствие того, что сам политический миф является социальной надстройкой над биологической природой человека и в его основе лежат базовые потребности обеспечения выживания и размножения, разделение социальной энергии на эти две составляющие является условным и между ними невозможно установить четкую границу.

При таком подходе источником мифологической энергии являются структурообразующие идеи, резонирующие со структурами социетальной психики и потому способные захватить умы людей – стать доминантой в их психике, которая будет определять выбор ими поведенческих схем и стратегий, активировать, объединять и направлять их деятельность на воплощение смыслов и содержаний, составляющих эту идею. Само же понятие «структурообразующие идеи» охватывает отдельные истории, концепции, теории, модели, видения и их логически структурированные совокупности – идеологии, религии и т.д.

Источником этологической энергии является естественная потребность живых организмов размножаться с целью продолжения рода, видового развития и совершенствования через естественный отбор. Она включает две взаимосвязанные и взаимообусловленные составляющие – собственно сексуальную энергию, которая задает доминанту поведения в соответствующие периоды развития человека, как биологического существа, с целью реализации процесса размножения и энергию ранжирования, которая выделяется с целью обеспечения естественного отбора сильнейших особей для развития и совершенствования собственного биологического вида. Именно этологическая энергия лежит в основе групповых эффектов, которые изучает социальная психология – социальной фасилитации, когда присутствие других заставляет нас к более энергичной деятельности и социальной ингибции – когда присутствие других пассивирует нас.

Очевидно, что первый эффект характерен для самоорганизационных групп, в которых начался и продолжается процесс ранжирования, а второй – для групп, в которых этот процесс завершился, причем определенные неформальные лидеры остаются активными и готовыми к взаимодействию на межгрупповом уровне как носители субъектности собственных групп, а большинство – пассивируется и без специальных мер (прямого или косвенного – манипулятивного принуждения со стороны лидеров) покидает группу.

То есть, завершение процесса ранжирования приводит к прекращению выделения социальной энергии, заставляет проявившихся неформальных лидеров осуществлять радикализацию самой структурообразующей идеи путем формирования образа врага и трансформировать самоорганизационную группу в формальную организацию с целью легитимного применения идеологического и директивного инструментов принуждения для активации большинства.

Такой подход к пониманию источников энергии определяет два взаимосвязанных и взаимообусловленных способа ее получения для осуществления социальных изменений. Первый способ заключается в генерировании и привнесении в среду элит структурообразующей идеи соответствующего уровня, которая способна сплотить своих носителей для коллективной деятельности по воплощению ее содержания и смыслов. Второй способ заключается в организации упорядоченного взаимодействия носителей структурообразующей идеи, что позволяет выделить вовне и направить на воплощение ее смыслов и содержаний наибольшее количество энергии – то есть минимизировать погашения последней в межличностных и межгрупповых конфликтах во время ранжирования.

Выделенная участниками самоорганизационной элитной группы социальная энергия для реализации высших потребностей пирамиды Маслоу, актуализируемых структурообразующей идеей, обуславливает явление самоиндукции – выделение ими этологической энергии для обеспечения реализации одной из базовых потребностей этой же пирамиды – ранжирования, как неотъемлемой составляющей потребности размножения, актуализируемой взаимодействием в рамках группы, целостность которой обеспечивает выделенная в начале социальная энергия.

Рассмотрим самоиндукционную модель жизнедеятельности элитной группы, которая изображена на схеме 4.

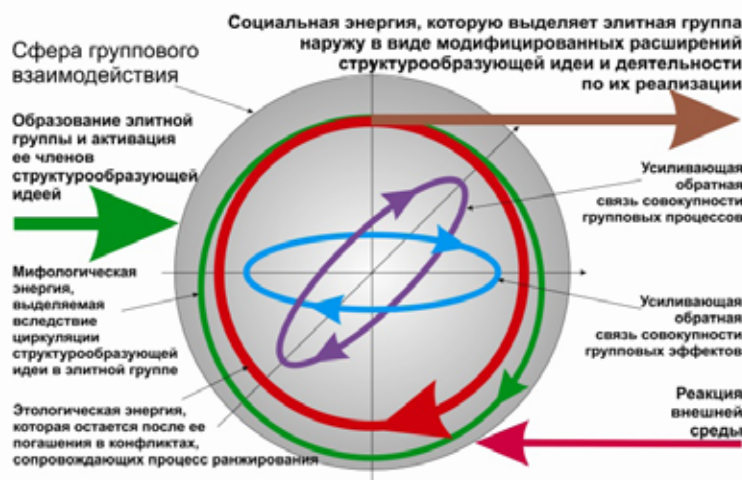

Схема 4. Самоиндукционная модель жизнедеятельности элитной группы

Структурообразующая идея, захватив участников элитной среды, обуславливает их объединение в самоорганизационные группы с целью воплощения заложенных в ней смыслов и содержания. Иными словами, она активирует их путем актуализации высших потребностей пирамиды Маслоу, что приводит к выделению ими социальной энергии, которая необходима для удовлетворения этих потребностей. Выделенная энергия расходуется на содержание и сохранение целостности группы и на коллективную деятельность ее участников. Их системное взаимодействие в рамках самоорганизационной группы приводит к проявлению последовательности групповых эффектов, комплексное воздействие которых усиливает каждый эффект в особенности. Это, в свою очередь, запускает течение структурированного множества групповых процессов, комплексное и синхронизированное с групповыми эффектами воздействие которых последовательно усиливает влияние каждого отдельного процесса. Групповые эффекты и процессы образуют соответствующие петли усиливающих обратных связей, циклически воспроизводятся и лежат в основе групповой динамики, которая последовательно приводит группу в определенные состояния, обеспечивая при этом ее формирование, функционирование и развитие. В то же время, они вместе обуславливают явление самоиндукции этологической энергии, большая часть которой канализируется во внутригрупповых конфликтах во время ранжирования участников, а остаток, вместе с частью социальной энергии, вызванной воздействием структурообразующей идеи, направляется наружу в виде модифицированных ее расширений и деятельности по их воплощению. Часть выделенной наружу энергии затрачивается на межгрупповое ранжирование, а часть – на преодоление социальной инертности и сопротивления изменениям.

Самоиндукция этологической энергии в самоорганизационных группах является кратковременным явлением и продолжается до завершения процесса ранжирования. То есть, изменение во время ранжирования позиций взаимодействия «равный с рав-

ным» на позиции подчиненности неформальным лидерам останавливает выделение этнологической энергии участниками группы и приводит к потере глубинных смыслов, которые притягивают их друг к другу, являясь важным фактором удержания ее целостности. Потеря глубинных смыслов взаимодействия и давление со стороны неформальных лидеров без специальных мер за короткое время приводят к ее деградации и распаду. С целью сохранить целостность и, соответственно, дееспособность группы, а также для обеспечения дальнейшего генерирования ее участниками этнологической энергии, которое прекращается после завершения ранжирования, проявленные неформальные лидеры инициируют процесс ее полного метаморфоза в формальную организацию для получения легальных инструментов принуждения всех остальных участников к коллективной деятельности. Кроме того, модифицируя структурообразующую идею путем ее радикализации и формируя таким способом образ врага, они модерируют представление участников группы о реальных или виртуальных реакциях внешней среды на деятельность группы, чем достигают большего уровня ее сплоченности и интенсифицируют выделение мифологической и этнологической составляющих социальной энергии, которую направляют наружу в виде агрессии. Результатом такой модификации является изменение оттенка начальной структурообразующей идеи со светлого на более темный, а также соответствующее смещение актуальных общественных ценностей, норм и правил поведения. Это позволяет неформальным, а позже – формальным лидерам наряду с прямым – директивным управлением идеологически управлять участниками группы или организации, координировать их коллективную деятельность и регулировать выделение ими этнологической и мифологической энергии. Еще одним из способов манипулятивного управления и активации рядовых членов организации, к которому часто прибегают лидеры, является использование и сакрализация [11] ими таких атрибутов, как инициация, посвящение, клятва, честь, священный долг, братство, ритуалы и т.д. Все перечисленные мероприятия, используемые для сохранения целостности и увеличения эффективности организованных элитных групп, заставляют их лидеров выбирать агрессивные стратегии взаимодействия с однотипными группами на межгрупповом уровне. Причем такой выбор кажется им естественным и рационально обоснованным, хотя заведомо приводит к разрушению поля доверия внутри национальной элиты, непрерывного разделения и дробления существующих в ней общественно-политических организаций, и, в совокупности, к ослаблению и деградации всего общества.

Целью системного подхода является выявление в структуре ее процессов места приложения «рычага» – обоснованных, выверенных и хорошо направленных действий, которые могут дать значительное и устойчивое улучшение состояния системы.

На наш взгляд, в рассматриваемом случае местом приложения «рычага» в структуре групповых процессов, которые представлены на схемах 3 и 4, является устранение на системном уровне возможности прямых личностных и межгрупповых конфликтов с целью длительного удержания взаимодействия участников элитных сред в рамках общественно-политических организаций в позициях «равный с равным», что неизбежно приведет к активации соответствующих архетипов структуры бессознательного.

Это позволит изменить ход классической групповой динамики и обеспечит выбор стратегий кооперации и сотрудничества участниками взаимодействия на внутригрупповых и межгрупповых уровнях. Появление организованной таким образом эффективной элитной группы в рамках национальной элиты, которая играет по отличному от существующих (определяющих выбор политическими акторами агрессивных стратегий конфронтации) правилам, через некоторое время приведет к позитивным качественным изменениям всего общества.

Одним из наиболее эффективных способов преодоления внутригрупповых и межгрупповых конфликтов является алгоритмизация и регламентация взаимодействия членов организации путем внедрения переменных организационных структур, а также использование в процессе их жизнедеятельности современных подходов проектного и процессного менеджмента.

Примером переменной структуры общественно-политических организаций является динамическая сеть [12], которая упорядочивает и удерживает в бесконфликтном состоянии взаимодействие всех своих членов путем их циклической реструктуризации в малые группы различного функционального назначения по определенному алгоритму, обеспечивающему выработку и принятие коллективных решений этими членами в позициях «равный с равным», а исполнение – во множестве временных иерархических исполнительных, проектных и процессных групп с ответственными исполнителями во главе в позициях временной сознательной и добровольной подчиненности.

При таких условиях личностный конфликт в подразделениях общественно-политической организации преодолевается удержанием участников на каждом шагу их взаимодействия в позициях «равный с равным», путем предоставления им статуса представителей других функциональных групп, в которых они работали на предыдущем шаге – только в таком статусе они смогут эффективно преодолевать давление неформальных лидеров.

Указанный способ перекрестного взаимодействия членов организации позволяет одновременно преодолевать межгрупповые конфликты малых элитных групп в рамках большой – целой организации или ее подразделениях.

Выводы и дальнейшие направления научных исследований. Итак, главным условием выбора организованными элитными группами стратегий сотрудничества в противовес стратегиям конфронтации в условиях их конкурентного взаимодействия в рамках национальной элиты является устранение на системном уровне возможности прямых личностных и межгрупповых конфликтов с целью длительного удержания взаимодействия участников элитных сред в рамках общественно-политических организаций в позициях «равный с равным».

Другим, не менее важным и необходимым по умолчанию условием такого выбора является наличие соответствующих сотрудничеству и кооперации гуманистических содержания и смыслов в структурообразующих идеях, под воздействием которых были сформированы эти элитные группы.

Рекомендации органам законодательной и исполнительной власти. Проведенный анализ указывает на необходимость применения новых – прогрессивных – методик коллективной работы больших групп людей в рамках общественных советов, слушаний, собраний, встреч с представителями власти, семинаров, конференций, съездов и т.д.

Список литературы:

1. Пацюк С. Пережити темні роки. Сіра Піраміда [Електронний ресурс] / С. Дацюк // Українська правда. – 2010. – Режим доступу : <http://www.pravda.com.ua/articles/2010/02/18/4777918>.
2. Плахтій Т. Життєвий цикл організацій елітних груп соціальних систем [Електронний ресурс] / Т. Плахтій // «Західна аналітична група». – 2013. – Режим доступу : <http://zgroup.com.ua/article.php?articleid=5300>
3. Ланюк Є. Феномен політичного міфу: теоретичний аспект [Електронний ресурс] / Є. Ланюк // «Західна аналітична група». – 2010. – Режим доступу : <http://zgroup.com.ua/article.php?articleid=4516>
4. Афонін Е.А. Людська ідентичність та особливості її впливу на політику й державне управління [Електронний ресурс] / Е.А. Афонін // Концептуальні засади взаємодії політики й управління: навч. посіб. / авт. кол. : Е.А. Афонін, Я.В. Бережний,

О.Л. Валецький та ін. ; за заг. ред. В.А. Ребкала, В.А. Шахова, В.В. Голубь, В.М. Козакова ; Нац. академія державного управління при Президентіві України. – К. : НАДУ, 2010. – С. 265–289. – Режим доступу : http://lib.rada.gov.ua/static/about/text/Konzept_zasadi.pdf.

5. Афонін Е.А. Закономірності та особливості суспільно трансформаційних процесів в Україні / Е.А. Афонін, О.А. Суший, Л.М. Усаченко // Український соціум. – 2011. – № 4. – С. 7–30.

6. Афонін Е.А. Результати моніторингу соціетальних змін українського суспільства (1992–2012): контекст управління та освіти : (тези доповіді на Міжн. наук.-практ. конф. «Управлінські компетенції викладача вищої школи» м. Київ, 14-15.03.2013) / Е.А. Афонін.

7. Сенге П. Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации = The Fifth Discipline. The Art and Practice of the Learning Organization / Питер Сенге. – М. : Олимп-Бизнес, 2003. – 408 с.

8. Kruger J. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments / Justin Kruger, David Dunning // Journal of Personality and Social Psychology.– (1999). – (6) – Т. 77. – С. 1121–1134.

9. Семечкин Н. Феномен организационного группомыслия [Электронный ресурс] / Н. Семечкин // Eelitarium. – 2008. – Режим доступу : http://www.elitarium.ru/2008/11/14/fenomen_gruppomyslija.html.

10. Шереметьев И. Поведение человеческой группы: взгляд етолога [Электронный ресурс] / И. Шереметьев. – Режим доступу : <http://ethology.ru/library/?id=329>.

11. Джонс Р. Третья волна / Р. Джонс, Э. Пайнс, К. Маслач // Практикум по социальной психологии. – СПб : Пите», 2000. – С. 260–276.

12. Т. Плахтій. Побудова ефективних суспільно-політичних організацій в умовах інформаційного суспільства : методичний посібник [Електронний ресурс] / Т. Плахтій. – Режим доступу : http://tarasplakhtiy.wordpress.com/2012/10/25/metodychnyi_posibnyk.

**ПРИХОДЧЕНКО
Людмила,
PRYHODCHENKO
Lyudmila,**

доктор наук государственного управления, профессор, профессор кафедры государственного управления и местного самоуправления Одесского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Одесса.

Аннотация: в статье обобщены исторические уроки влияния элиты и политического лидерства на процессы строительства государственности. На этой основе определены архетипные основы политико-административного реформирования системы государственного управления независимой Украины, охарактеризован процесс формирования лидеров по масштабности, уровню задач и источникам финансирования, и выявлена его специфика.

Ключевые слова: система государственного управления, национальная элита, политическое лидерство, кадровое обеспечение, строительства государственности.

УДК 351: [35.08:342.51]
: 316.46

Людмила ПРИХОДЧЕНКО

АРХЕТИПНЫЕ ОСНОВЫ ЭЛИТЫ И ЛИДЕРСТВА В ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОМ РЕФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Постановка проблемы. Опыт цивилизации свидетельствует, что элита и лидерство, особенно в трансформационные периоды государства, играют чрезвычайно важную роль в политическом пространстве. Их формирование происходит в обществе независимо от уровня его развития, формы государственного правления и политического режима. Динамичное развитие любого общества обеспечивается наличием самодостаточной, внутренне структурированной и эффективной политической элиты, ведь, без преувеличения, действенная и ответственная элита является образованием, которое институционально не всегда фиксируется, однако, несмотря на это, играет существенную реальную роль в общественной жизни, поскольку является «совокупным порождением всех процессов политической жизнедеятельности общества» [7].

Безусловно, отсутствие или наличие действенной и активной элиты как на общегосударственном, так и на региональном уровне является доминирующим фактором, который решает судьбу страны. Однако отметим, что за годы независимости не сформировалась собственная «национальная аристократия», которая стала бы проводником общественной консолидации и духовного возрождения Украины. Следовательно, вопрос заключается в том, а всегда ли провозглашенная элита является «лучшими», «избранными», «отборными»? Уж не теряется ли научность данной дефиниции, не происходит ли подмена понятий, и по своей сути она является «квазиэлитой» «псевдоэлитой», неспособной воспринимать и адекватно реагировать на вызовы, организуя общество на прогрессивные преобразования?

Поэтому сегодня в научной, политической и общественной мысли Украины одной из наиболее острых и дискуссионных тем стало формирование национальной элиты и лидерства, тем более, что вопросы кадрового обеспечения в государственном управлении являются одними из приоритетных.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучение политической элиты и лидерства является предметом рассмотрения широкого спектра политических, психологических, исторических, социологических и социально-философских исследований, что, в свою очередь, определяет многоаспектный, междисциплинарный характер анализа политического лидерства как института власти. Состояние разработки темы показывает, что теоретико-методологические основы становления и развития политической элиты и лидерства находятся в поле зрения таких исследователей, как Э. Афонин, С. Вовканич, М. Головатий, О. Гринив, В. Карлова, А. Колодий, О. Крюков, А. Пахарева, М. Пирен, Ф. Рудич, В. Танчер, М. Шульга и др. Основываясь на достижениях известных украинских мыслителей – А. Антоновича, Д. Донцова, М. Драгоманова, Н. Костомарова, В. Липинского, М. Сосновського и Д. Чижевского, они внесли весомый вклад в теорию политической элиты и лидерства, акцентируя внимание на определении их роли в различных процессах.

Изучением проблемных вопросов кадрового обеспечения системы государственного управления занимаются В. Бакуменко, О. Воронько, В. Князев, Н. Липовская, В. Луговой, П. Надолишний, Н. Нижник, Т. Мотренко, А.Оболенский, В. Олуйко, Г. Опанасюк, Е. Охотский, Н. Протасов, А. Рачинский, С. Серегин, А. Турчинов, Г. Щекин, С. Хаджирадева, В. Яцуба и др.

На основе проведенного анализа установлено, что имеющиеся научные толкования понятий «политическая элита», «политическое лидерство» и «высшие руководящие кадры» являются неоднозначными и содержательно пересекающимися, а в некоторых случаях они даже отождествляются, что приводит к невозможности их функционального обособления. Кроме того, немало вопросов формирования и трансформации политических элит в Украине, прежде всего в контексте науки государственного управления, все еще остаются мало исследованными.

Поэтому *цель статьи* состоит в обобщении исторических уроков воздействия элиты и политического лидерства на процессы государственного строительства и определении на этой основе архетипических основ политико-административного реформирования системы государственного управления независимой Украины, что и определило логику построения исследования.

Изложение основного материала. В течение тысячелетий понимание сущности процесса управления людьми и роли личности в изменениях общественного развития и создании истории практически не изменилось. Несмотря на разнообразие научных наработок и практических достижений, по-прежнему не потеряли своей актуальности взгляды и мнения таких античных философов, как Гераклит, Сократ, Платон и Аристотель или средневекового Маккиавели, которые считали, что управление является «царским искусством», требующим патриотизма (желание и умение положить свою судьбу на алтарь Отечества), наличия ценностных убеждений (являются следствием надлежащего воспитания) и профессионализма (основательной специальной подготовки), поскольку в государственно-строительных процессах роль политического, культурологического и образовательного катализатора исполняла «национальная аристократия», или «ведущая прослойка», перед которой стояла архиважная и сверхсложная задача: «всякое время национальная аристократия должна так объединять и так организовывать свою нацию, чтобы под ее руководством нация имела лучшие материальные и моральные условия для победы в тяжелой борьбе за существование <...> В любое время национальная аристократия должна иметь, кроме материальной силы, еще и моральный авторитет в глазах своей нации», ведь «никто нам не построит государство, если мы его сами не построим» и «никто из нас не сделает нацию, если мы сами нацией не хотим быть». Обеспечить достижение такой цели должна именно национальная аристократия – «группа лучших в данный момент среди нации людей, которые являются лучшими среди нее потому, что именно они в данный момент являются организаторами, правителями и вождями нации» [5, с. 131]. Они призваны не только повышать свой политический уровень, но и способствовать его повышению среди широкой общественности.

Следует отметить, что политическая сфера определяет формирование правил и стереотипов поведения, способы действия, идеологию и психологию руководителей разных уровней, всей полити-

ИЖА
Николай,
????
Nikolai,

доктор политических наук, доцент, директор Одесского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Одесса.

Аннотация: в статье обобщены исторические уроки влияния элиты и политического лидерства на процессы строительства государственности. На этой основе определены архетипические основы политико-административного реформирования системы государственного управления независимой Украины, охарактеризован процесс формирования лидеров по масштабности, уровню задач и источникам финансирования, и выявлена его специфика.

Ключевые слова: *система государственного управления, национальная элита, политическое лидерство, кадровое обеспечение, строительства государственности.*

УДК 351: [35.08:342.51] : 316.46

ческой элиты. В процессе взаимоотношений вырабатывается нормативный кодекс, который не только материализуется в институтах и механизмах власти, но и воспроизводится в административно-управленческой, экономической, духовной и нравственной сферах, в структурах общественной жизни.

Так, в украинской политической мысли проблема формирования элиты возникает еще во времена Киевской Руси – в деятельности Владимира Великого (Святого), в «Русской Правде» Ярослава Мудрого, сборнике законов феодального права, который имел огромное значение для дальнейшего развития украинского, русского, белорусского, а отчасти и литовского права, в «Поучении сыновьям» Владимира Мономаха – своеобразном завещании чиновникам. Позже она находит свое продолжение в Городельской унии 1413, в «Пактах и Конституции прав и вольностей войска Запорожского» Филиппа Орлика (1710), в работах Антоновича, М. Грушевского, Д. Донцова, М. Драгоманова, М. Костомарова, В. Липинского и П. Чубинского и в конституционных проектах. Все они являются свидетельством высокого уровня зрелости общественно-политических сил.

Идея активного участия дворянского сословия в Украине в политическом и национальном возрождении украинского государства находит свое продолжение в деятельности УНП – первой украинской политической партии освободительного характера XX в., которая определяла программным заданием (Проект Украинской конституции УНП М. Михновского, 1905 г.) развитие суверенного украинского государства.

Одним из главных факторов государства во времена Украинской Народной Республики, Гетманщины и Западно-Украинской Народной Республики, безусловно, служит национальная политическая элита, которая все свои усилия, опыт и даже жизни подчинила достижению общей цели – строительству независимой Украины. Проследивая процесс формирования элит в Украине сквозь призму истории, следует учесть, что правящий слой всегда была идентифицирован (элита имела право быть таковой, потому что ее представители были патриотами своей земли) и связан с определенной территорией [1], на которой украинский народ завоевывал для себя право на историческое бытие.

То есть, развитие политико-правовой мысли достигает чрезвычайно высокого уровня, однако в реальности ощущается нехватка национальной элиты. Например, слабость казацкой державы, по Н. Костомарову, была обусловлена внутренним расколом в украинском обществе и в казацкой старшине, что привело к вооруженной борьбе, а среди причин провала реформирования Центрального Совета ученые единодушно отмечают отсутствие национальных управленческих кадров, не способных внедрять провозглашенные идеи и цели в практическую плоскость. При этом наблюдается недооценка отсутствия таких чиновников-профессионалов, которые были бы патриотами своего государства. Не случайно главной причиной краха Гетманщины называется невозможность обеспечить профессиональными кадрами ключевые должности. Правящая прослойка преимущественно состояла из лиц, не имевших опыта управления, поскольку среди них не было ни администраторов-специалистов, ни опытных организаторов производства, транспорта, финансовой системы или армии. Даже губернские старосты возглавляли не профессионалы и не патриоты, что давало старостам возможность превышать свою власть и сваливать потом всю вину на центральное правительство, дискредитируя его. Следовательно, без завершения формирования основ государственной службы не могло быть и речи о развитии системы специального обучения чиновников. Кроме того, в то время политическая элита прервала связи с бизнес-элитой, поставив себя вне производства и игнорируя реальную жизнь. А нехватка профессионалов, уменьшение коэффициента элитарности общества не только предопределяют обреченность начатых реформ, но и становятся тормозом на пути рыночных преобразований, демократического развития общества.

Нетрудно провести аналогию с теми событиями, которые происходили в Украине за годы становления независимости. Тем более, что за годы пребывания в составе Советского Союза понятие национальной элиты в Украине не существовало ни в

теории (понятие «национальный» применительно к партийной номенклатуре подразумевал «националистический»), ни на практике – из-за систематической перетасовки руководящих кадров, осуществляемой единственной правящей партией [1].

Формирование политического лидерства происходило преимущественно двумя путями: как следствие отбора и расстановки бывших коммунистов, независимо от того, изменили они свои взгляды или нет, и как результат вхождения в политику новых групп и отдельных общественных деятелей и представителей научной интеллигенции, непосредственно не связанных ни с коммунистическим режимом, ни с сопротивлением ему. В своем подавляющем большинстве они стали удовлетворять собственные интересы, не имели профессиональных умений и навыков управления, и хоть пытались действовать адекватно общественно-политическим изменениям и коллизиям, но проявляли беспомощность в решении сложных социальных и экономических проблем, стоящих перед обществом.

Тяготея к историческому наследию, политические лидеры продолжали традицию борьбы против кого-то, а не за что-то. Девяностые годы отличались весьма заметной «красной» окрашенностью, появлением большого количества политических лидеров популистского характера, на смену которым из-за слишком быстрой трансформации по политическим предпочтениям и ориентациям пришла пестрая и изменчивая элита, весьма динамично переходящая из одного политического лагеря в другой.

Как отмечает И. Дзюба, «произошел внезапный выброс в псевдоэлиту, сложилась “гремучая смесь”, в которой смешались осколки советской партийной номенклатуры, политические карьеристы, демагоги, сомнительного происхождения нувориши» [2, с. 36].

В основном это происходило из-за того, что самоидентификация и осознание лидерами своей роли в процессах административного реформирования привели к ситуации, когда стремление найти свое место в политике вошло в противоречие с привычным для них состоянием чиновничества. Поиск оптимальных форм самоорганизации и защиты собственных интересов обусловил выбор путей собственной политической реализации – путем создания собственных политических партий или организаций, комбинируя сложные схемы с общегосударственными политическими и экономическими группировками или просто сохраняя нейтралитет.

Фактически, время было потрачено на борьбу различных политических сил за власть, которая диктовалась преимущественно экономическими интересами и велась вокруг вопроса о том, какая группа политической элиты станет контролировать доступ к распределению экономических и финансовых ресурсов страны и осуществлять приватизацию национального достояния.

Бесспорно, противоречивость условий формирования и развития политической элиты нашего государства породила противоречивые оценки ее характера и возможностей. Прежде всего следует отметить, что если до недавнего времени политической элитой считали преимущественно закрытую группу политических лидеров, то сейчас этим термином определяют социальные субъекты, связанные с проблемами политического развития, которые значительно влияют на социально-политические процессы, на развитие общества. Поэтому, не умаляя значительной и активной роли подобных фигур в начале становления Украины как независимого государства, следует иметь в виду имеющие место социальную поляризацию, коррумпированность, отчужденность власти от общества, политическое тщеславие, доминирование психологии временности из-за стремления значительного количества представителей политической элиты к личному обогащению [4]. К тому же ситуация осложняется длительным, устойчивым противоборством между различными частями элитных группировок.

Процессы в Украине замедляет отсутствие общегосударственной национальной идеологии, главных морально-духовных ценностей, на которые должна ориентироваться нация в своем развитии. В целом это тормозит духовно-культурное развитие украинской нации, не способствует укреплению национального самосознания и дей-

ствует на руку силам, не заинтересованным в укреплении украинской государственности [3]. Призывы к духовному возрождению, перестройке экономики, модернизации, евроинтеграции и т.д., не подкрепленные реальными действиями, углубляют в национальном самосознании чувство утраты общенациональной перспективы.

В связи с этим вопросы формирования и развития лидерских качеств и навыков у руководителей всех без исключения уровней обретают чрезвычайную важность. Так, процесс формирования лидеров современной Украины по масштабности, уровню задач и источникам финансирования можно рассматривать на четырех уровнях. Прежде всего, это подготовка государственных служащих и должностных лиц местного самоуправления по государственному заказу. Имеются в виду не только магистратура по специальностям «государственное управление» и «государственная служба», но и Высшая школа государственного управления, созданная при Национальной академии государственного управления при Президенте Украины и Школа высшего корпуса государственной службы, созданная при Национальном Агентстве Украины по вопросам государственной службы, формирования президентского кадрового резерва «Новая элита нации».

Во-вторых, это развитие лидерских качеств с помощью полученных грантов, при финансовой поддержке международных агентств – неправительственных, неприбыльных общественных организаций, работающих при содействии и поддержке международных агентств (в частности, Центр муниципального менеджмента, Украинская Школа Лидеров); проведение региональных тренингов и семинаров, а также проектов, реализованных в результате получения грантов.

Указанные две группы ориентированы на потенциальных политических лидеров как для регионального, так и для национального уровней в зависимости от развития и проявления лидерских качеств и навыков администрирования, а также от ситуации в обществе на данный момент.

Что касается следующих двух уровней, то они ориентированы на собственные нужды, т.е. на местный и региональный уровни. Сформированные на общественных началах, инициативе и стремлении местных властей привлекать к управлению городом или регионом управленцев-профессионалов, они предусматривают объединение государственных структур и общественных неприбыльных организаций для привлечения молодежи к государственной службе, повышения квалификации молодых государственных служащих, выявления и развития в них лидерских навыков (молодежные администрации; органы местного самоуправления, которые сотрудничают со школьниками; общественные объединения) [6].

Вместе с тем нужно отметить, что незаинтересованность правящих элит в научном обосновании своей деятельности приводит к тому, что отсутствует социальный заказ на глубокое, всестороннее изучение связей и принципов действия механизмов института политического лидерства и формирование национальной элиты как непрерывных составляющих демократического общества.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейших научных исследований. История отечественного государства убедительно свидетельствует о том, что вопрос формирования национальной элиты и лидерства, а затем и высокопрофессиональных кадров на высших руководящих должностях всегда находился на первом месте, и именно с их отсутствием связаны неудачи по изменению существующего положения дел к лучшему, ведь политическое лидерство обретает смысл как фактор стабильности и интеграции интересов различных групп населения – лидеры выступают инициаторами преобразований, являются ключевыми фигурами успешного проведения административной реформы на демократических началах, формируют стратегию развития и определяют средства ее реализации. Поэтому взаимодействие политического лидерства и государственного управления рассматривается как основная проблема повышения управленческой способности общества, способствует стабильному и поступательному развитию нашего государства.

Историко-логическое отображение процесса становления и формирования политического лидерства в государственном управлении периода утверждения независимости государства и выяснение факторов, обусловивших специфику такого развития, дают возможность выявить и обобщить его ведущие тенденции: институализацию, когда процесс выявления, отбора лидеров и их продвижения к власти происходит в рамках определенных институтов; концентрацию активности лидеров на экономических и социальных проблемах, поскольку эффективность деятельности, направленной на обеспечение экономической стабильности, социальной справедливости и повышение уровня жизни и всеобщего благосостояния способствует росту авторитета и легитимности; тяготение к прагматизму, что обуславливает необходимость выхода на политическую арену нового поколения лидеров-радикалов, сторонников решительных мер, и, конечно же, профессионализацию. Управленческая деятельность требует специальных знаний, навыков и опыта, тем более – политическая, когда от компетентности и профессионализма руководящих кадров зависит судьба крупных слоев населения.

Динамика общественного развития находится в прямой зависимости от способности института политического лидерства к институциональным изменениям. Прежде всего, тесная и непосредственная взаимосвязь между ними проявляется в готовности к принятию вызовов современности, креативности и гибкости при принятии управленческих решений в сочетании с индигированием инноваций в различных сферах общественной жизни.

В стране не сформировалась элита в новом качестве – как носитель национальной идеи, национального самосознания общества. Политические лидеры не выполняют социальной функции, не берут на себя как носители определенных идей историческую ответственность за судьбу государства и нации. Вследствие этого современная украинская элита не является фактором консолидации и мобилизации общества, поскольку не может реагировать адекватно имеющимся потребностям на глобализационные вызовы, решать общегосударственные задачи, обеспечивать поступательное развитие государства. Следовательно, насущной потребностью сегодняшнего дня является потребность в сильном лидере, способном взять на себя ответственность за судьбу страны, процессы формирования нации и кристаллизацию коллективной идентичности и национального самосознания.

Список литературы:

1. Брюховецкий В. Ключ до формування української євроцентричної еліти – освіта / В. Брюховецький // Дзеркало тижня. – 2003. – № 44 (469).
2. Дзюба І. На еліту надійся, а сам не плошай / І. Дзюба // Національна безпека і оборона. – 2003. – № 9. – С. 34–36
3. Карлова В.В. Національна еліта в незалежній Україні: проблеми становлення та функціонування / В.В. Карлова // Вісник Академії муніципального управління : збірник наук. праць. – 2010. – № 4. – (Серія : «управління»). – Режим доступу : http://nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Nvamu_upravl/2010_4/14.pdf. – Заголовок з екрана.
4. Крюков О.І. Політико-управлінська еліта України: особливості становлення та розвитку в умовах суспільної трансформації : автореф. дис. ... докт. дер. упр. : спец. 25.00.01– «Теорія та історія державного управління» / О.І. Крюков ; Національна академія держ. управління при Президентіві України. – К., 2007. – 36 с.
5. Липинський В. Листи до братів-хліборобів про ідею і організацію українського монархізму / В.Липинський. – Нью-Йорк, 1954. – 470 с.
6. Приходченко Л.Л. Регіональне політичне лідерство: становлення та вплив на державне управління : автореф. дис. ... канд. дер. упр. : спец. 25.00.01 – «Теорія та історія державного управління» / Л.Л. Приходченко. – Одеса, 2001. – 20 с.
7. Траверсе О. Політичне лідерство, національна еліта і практика модернізації суспільства / О. Траверсе // Політичний менеджмент. – 2006. – № 1 (16). – С. 27–36.

САЛЬНИКОВ
Вячеслав,
SAL'NIKOV
V'yacheslav,

кандидат исторических наук, доцент
Воронежского филиала
Российской академии
народного хозяйства
и государственной
службы при Президенте
РФ, г. Воронеж.

Аннотация: в статье говорится о необходимости и возможности рассмотрения международных отношений, мировой и региональной политики через призму архетики. Автор показывает особенности применения архетипического подхода к международным и региональным исследованиям, его взаимосвязь с антропологическим, социокультурным и цивилизационным подходами и основные отличия, отмечает необходимость повышения его научной объективности и совершенствования его инструментария.

Ключевые слова: антропологический подход, архетипы, габитус, геополитика, культурная география, идентичности, культурно-цивилизационный код, менталитет, мировая политика, парадигма, социальные конструкции.

УДК 327

Вячеслав САЛЬНИКОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МИРОВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В АРХЕТИПИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Постановка проблемы. В последнее время у нас и за рубежом активизируются исследования, где акцентируется внимание на антропологических и социокультурных факторах международных отношений, мировой и региональной политики. Это обусловлено тем, что в результате крушения биполярного мира и под воздействием процессов глобализации «конца истории», о котором писали неолитаралы [13], не произошло. Мир вступил в состояние бифуркации, и чтобы хоть как-то предсказать тренды его развития и по возможности осуществлять управление ими, ученые обращаются к исследованию факторов, влияющих на механизм принятия решений, на успех претворения их в жизнь, на успех тех или иных международных союзов... В силу того, что участниками международных отношений, мировой и региональной политики являются не только государства, международные и неправительственные организации, но и, прежде всего, люди, обладающие национальной, конфессиональной, политической и иной идентичностью, принимающие решения не только в соответствии с установками той или иной научной школы или референтной группы, но и опираясь на менталитет или габитус идентичности, к которой принадлежат, то соответственно возрастает интерес к научным исследованиям с применением антропологического, социокультурного и цивилизационного подходов, позволяющих лучше понять действия людей и ответить не только на вопрос «почему?», но и «зачем?».

Однако поведение людей (причем не только масс, но и элит) не всегда объяснимо рационально, поэтому есть потребность в использовании подходов, специально применяемых для исследования иррациональных механизмов поведения людей. В основе таких подходов, одним из которых является архетипический подход, лежит методология психоанализа, исследующая влияние на человеческое сознание структур индивидуального и коллективного бессознательного, что позволяет если не понять, то хотя бы попытаться объяснить, почему «хочется как лучше, а получается как всегда».

Анализ последних исследований и публикаций. Что касается последних публикаций российских ученых по данной проблематике, то здесь стоит особо отметить Э.Я. Баталова и его «Антропологию международных отношений», где автор говорит о необходимости дополнить государствоцентричный и социоцентричный подходы к международным отношениям и мировой политике подходом антропологическим, рассматривающим международные отношения и мировой политический процесс с позиций человека и в интересах человека [2]. Нельзя оставить без внимания П.А. Цыганкова, неплохо проиллюстрировавшего «картины мира» представителей «канонических» и «неканонических» парадигм [15, с. 105–166], С.В. Чугрова, давшего понятие «внешнеполитический менталитет» и предложившего методологию его изучения [16], И.А. Василенко, эффективно применяющей цивилизационную парадигму при анализе современной геополитики [4]. Нельзя также не упомянуть и

позитивный опыт применения цивилизационного подхода при анализе факторов, влияющих на выбор внешнеполитической стратегии [6], при обосновании стратегии международной интеграции [7], при построении модели «диалога цивилизаций» как альтернативы их столкновения [12], при оценке конфликтологического потенциала «прав человека» [1]. Умелое сочетание антропологического, социокультурного и цивилизационного подходов наблюдается в работах, посвященных анализу влияния стратегии «мягкой силы», информационных технологий, социальных сетей и публичной дипломатии на мировую политику [3], некоторых аспектов деятельности негосударственных акторов международных отношений [11] и пр.

Что касается участников теоретико-методологического семинара «Архетипы и государственное управление», то в своих публикациях они довольно успешно рассматривают теоретические, методологические и научно-практические аспекты теории и истории государственного управления, местного самоуправления, формирования и функционирования механизмов государственного управления, службы в органах государственной власти и местного самоуправления с позиций архетипического подхода [10]. К сожалению, среди публикаций участников данного семинара относительно мало работ, посвященных международной тематике, но автор полагает, что это временный недостаток.

Определение нерешенных задач данной проблемы. Что касается нерешенных задач данной проблемы, то главной из них является существенное различие в ее видении российскими и украинскими учеными, вызванное социокультурным расколом постсоветского пространства и экспансией западной цивилизации, в том числе грантовой, в Украину. Также остается острой проблема научной верификации исследований, использующих архетипический подход, как и преодоление исследовательского субъективизма в архетипике. Не помешала бы и гармонизация научно-методологического аппарата, используемого представителями антропологической, социокультурной, цивилизационной и архетипической парадигм.

Отсюда *целью данной статьи* является попытка такой гармонизации – для начала хотя бы применительно к вопросам международных отношений, международной и региональной политики.

Изложение основного материала. Как сказал известный антрополог К. Левистрос, «XXI век будет веком гуманитарных наук – или его не будет вовсе». И, действительно, под влиянием техногенной цивилизации с ее дигитализацией, виртуализацией, технологизацией всего и вся и засильем общества потребления жизнь человечества все более деонтологизируется, лишается трансцендентных смыслов. Даже появился такой термин – «постчеловеческое общество» [9]. Поэтому ряд ученых, в том числе и в области международных отношений, говорит о необходимости «антропологического поворота», позволяющего увидеть человека не как множество индексных показателей, но, прежде всего, как действующего субъекта Истории и как «меру всех вещей».

Применительно к международным отношениям это означает дополнение государственноцентричного и социоцентричного подходов к их интерпретации и построению подходом антропологическим, рассматривающим эти отношения в соответствии с принципом *ad hominem* – т.е. с позиций человека и в интересах человека. Что здесь имеется в виду?

Во-первых, имеется в виду связь природы человека с природой международных отношений. Здесь до сих пор «ломают копья» сторонники эгоистической природы человека, обуславливающей анархизм международных отношений (реалисты), и те, кто верит, что можно создать «справедливый миропорядок» либо эволюционным путем – через достижение «вечного мира» посредством международных правовых и политических институтов (либерально-идеалистическая парадигма), либо революционным путем прийти к торжеству социализма и преодолеть поляризующую логику глобализации (марксисты и неомарксисты). Поэтому комплексное рассмотрение

этой взаимосвязи во всех ее противоречиях должно быть включено в число задач теории и философии международных отношений.

Во-вторых, свою роль играют личностные особенности, тех, кто принимает решения в области международных отношений, их проектирует и строит. Речь здесь идет о различных элитах: политических, административных, интеллектуальных, бизнес-элитах и др., в той или иной степени являющихся непосредственными участниками международных отношений. Здесь недостаточно описать биографии их представителей и показать их вклад в развитие системы международных отношений, мировую и региональную политику – важно понять причины превращения этих людей в исторические личности и установить степень связи их личностных особенностей с теми социальными конструктами, которые они пытались или пытаются реализовать.

В-третьих, важны человеческие качества масс людей, не являющихся непосредственными участниками международных отношений, но включенных в состав их макросубъектов (народов, государств, региональных и локальных общностей). Эти качества фиксируют их представления о себе, своем месте в мире и собственной «исторической миссии», склонность или несклонность к быстрым переменам, умение уживаться с другими общностями, готовность или неготовность к жертвам или компромиссам, степень воинственности и пр. [2]. Особенности развития этих качеств помогают либо мешают формированию международной субъектности сообщества, способствуют или же, наоборот, препятствуют выбору того или иного внешнеполитического курса. Стоит обратить внимание и на изменение социального контекста существования человека под влиянием международных отношений, мировой и региональной политики. Здесь есть обширное поле работы для этнических и социальных психологов, исследующих национальные характеры, для социологов и политологов, изучающих процессы социальной трансформации, особенно усилившиеся в эпоху глобализации, для социологов международных отношений и не только для них...

Отсюда возникает потребность в исследовании «человека международного» как самостоятельного социального типа и возвращении самостоятельной ветви гуманитарного знания – антропологии международных отношений и мировой политики, которая исследовала бы как научная дисциплина детерминирующее воздействие человека на международные отношения, мировую и региональную политику, а также воздействие мировых отношений, международной и региональной политики на человека. В теоретико-методологическом и практическом плане такая дисциплина должна ориентировать на гуманизацию самих этих отношений и определяемых ими сфер человеческого бытия [2].

Но что такое человек? Ведь он говорит и мыслит в пространстве конкретного языка, имеет сформированную социумом «картину мира», его характер формируется под влиянием не только генетики, но и социального окружения. Поэтому антропологический подход необходимо дополнить социокультурным и цивилизационным подходами, что позволило бы вписать тех или иных индивидов в общности более высокого уровня организации – локальные, этнические, национальные, региональные, цивилизационные и глобальные, вливаясь в которые, отдельные индивиды становятся их частью, включаясь через их институты в том числе и в систему международных отношений.

Что касается социокультурного подхода, основы которого заложили М. Вебер, П.А. Сорокин, Н. Элиас, то:

1. он рассматривает общество как единство культуры и социальности, где человек является единицей общества, творцом и одновременно продуктом культуры, формирующей паттерны социального поведения людей и создающей то «гравитационное поле», которое помогает обществу объединять людей, а людям – жить в обществе, развивая его и себя;

2. он интегрирует такие измерения человеческого бытия, как тип соотношения личности и общества, характер культуры и тип социальности, представляющие собой «типы антропосоциетального соответствия» [8, с. 28–30];

3. данная комплексная взаимосвязь позволяет рассматривать социальные, экономические, политические и иные процессы в социокультурном единстве, которое является основой для методологии исследования как различных социокультурных констант (паттерн, менталитет, национальный характер, цивилизационный тип и др.), так и для исследования процессов социокультурной динамики, тесно связанных с трансформационными процессами;

4. применение этого подхода к исследованию международных отношений, мировой и региональной политики позволило бы проанализировать связь международной системы, подверженной динамике, и ее социокультурной среды, включающей «типы антропосоциетального соответствия», «внешнеполитический менталитет» и др.

Особенностью цивилизационного подхода, основы которого были заложены в трудах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя и С. Хантингтона, является то, что его сторонники делают акцент на взаимосвязи экономики, политики, права, культуры и социальных отношений, в силу чего развитие этих сфер общественной жизни не может рассматриваться отдельно, но только в комплексе. Этот подход активно применяется и при исследовании международных отношений, мировой и региональной политики, где существуют различные трактовки понятия «цивилизация» [10, с. 294–295].

Применительно к современной системе международных отношений, мировой и региональной политики с позиций данного подхода мы можем говорить и о том, что она трансформируется вместе со становлением постиндустриальной цивилизации, и о том, что закончилось противостояние капиталистической и социалистической «Мир-Систем» при сохранении противостояния Севера и Юга, и о столкновении локальных цивилизаций, и о необходимости противопоставить формирующемуся антигуманному Новому Мировому Порядку, закрепляющему господство «золотого миллиарда», более справедливое мироустройство... Однако, несмотря на концептуальную противоречивость и на отсутствие единства в понимании сущности современной цивилизации, обусловленное не только научной, но и мировоззренческой позицией ученых, применение данного подхода в значительной степени обогащает теорию международных отношений, комплексно рассматривая экономику, политику, право, культуру и социальные отношения и привнося в нее ценностное измерение.

Но, говоря о высокой миссии человека как участника международных отношений, процессов мировой и региональной политики, мы не должны забывать и об иррациональной составляющей человеческой личности, открытой психоаналитиками (З. Фрейд, К.-Г. Юнг, Э. Фромм и др.) и содержащей как деструктивное, так и конструктивное начало. Использование психоанализа с успехом осуществляется не только в психологии, но и в других социально-гуманитарных дисциплинах. Применительно к нашей проблематике стоит обратить особое внимание на архетипику – научное направление, делающее акцент на исследовании архетипов – изначальных представлений о мире, зафиксированных в мифах, верованиях, произведениях литературы и искусства, представляющих собой своеобразные матрицы мышления, восприятия мира и поведения людей, являющихся носителями культуры, базирующейся на данных архетипах. Архетипическую парадигму довольно успешно используют в своих исследованиях украинские ученые (Э. Афонин, Е. Донченко, О. Амосов и др.), основавшие научную школу, получившую признание не только на постсоветском пространстве, но и в дальнем зарубежье.

Что касается применения архетипики в исследованиях международных отношений, мировой и региональной политики, то поле применения этого направления может быть обширным.

Во-первых, оно может использоваться при описании «картины мира» представителей той или иной парадигмы, научной школы, того или иного ученого. Применительно к реалистам – это архетипы дома (суверенного государства), страха («хочешь мира – готовься к войне»), хаоса (анархическая природа международных отноше-

ний), война и жреца (обеспечение безопасности через стратегию и дипломатию). Для представителей либерально-идеалистического направления характерно использование архетипов демиурга (создание идеального международного порядка), единения (повышение роли международных структур), пророка (продвижение либеральных ценностей), пространства (поддержка глобализации). Представителям марксистской (неомарксистской) парадигмы свойственны архетипы борьбы (противостояние классов, в роли которых могут выступать государства и регионы), революции (ее истоки берут начало в революции вождей, свергших господство жрецов), пространства (Центр – Полупериферия – Периферия), справедливости (стремление создать более справедливый миропорядок). Общими архетипами, используемыми представителями этих парадигм, являются «свой – чужой», «мы – они», «чистый – нечистый», «хаос – космос» и не только. Эта тема еще ждет своих исследователей.

Во-вторых, архетипы соединяют массы и элиты, выполняют роль «культурного ядра» при формировании идентичностей, обеспечивают позитивное или негативное восприятие тех или иных образов, той или иной политики.

Что касается роли архетипов в соединении элит и масс, то это происходит подобно тому, как соединяются автор, создавая свое произведение, и аудитория, способная это произведение оценить. Согласно юнгианцам, количество поклонников данного автора зависит от того, насколько его творчество помогает активизировать психоэнергетику архетипов коллективного бессознательного, тесно связанных с культурными архетипами. То же самое происходит и в коммуникациях элит и масс: насколько элиты владеют искусством активизации психоэнергетики архетипов – настолько они популярны в народе.

Рассматривая архетипы в качестве «культурного ядра» при формировании идентичностей, мы имеем в виду их связь с культурно-цивилизационным кодом, лежащим в основе той или иной идентичности – локальной, национальной, региональной или цивилизационной, и с национальным (локальным, региональным и т.д.) характером. Это дракон как символ китайской цивилизации, Англия как остров-корабль с «self-made man» в качестве мачты [5, с. 158], США как «Ноев ковчег микронародов, первая составная цивилизация – из высадившихся на чужую планету сильных – хищных и исходно свободных индивидов, порвавших со своими Матерями-Прародинами..., и начавших тотально новую жизнь» [5, с. 188], Россия как образ «очарованного странника» [10, с. 294–297], для которого труднее всего сделать осознанный выбор... Отсюда и неприятие того, что не соответствует представлениям людей, на чей выбор влияют те или иные архетипы. Поэтому китайцев пугает хаос (в силу чего они готовы терпеть авторитарные режимы), англичан и американцев – авторитаризм, россиян – отсутствие высокого смысла жизни и т.п.

В-третьих, архетипы влияют на формирование географических образов – то, чем занимаются культурная география и геополитика: образы регионов, стран и на их восприятие. Это либо архетипы культурного пространства («центр – периферия», «столица – провинция»), либо архетипы тела («Москва – сердце России»), архетипы функциональности («сакральное – профанное», «кузница – здравница – житница», «форпост» и т.д.). Для геополитики – это «Хартленд» и «Римленд», «Суша» и «Море», между которыми идет вечная борьба. Значительное место в архетипике культурной географии и геополитики принадлежит образам «границы», «стража», «фронттира», определяющим пределы «нашей земли», указывающим место подвига.

В-четвертых, действие архетипов должно учитываться при осуществлении различных проектов социального конструирования: региональных, национально-цивилизационных, глобализационных и пр. Здесь необходимо эксплуатировать идею общей истории, общей судьбы, или наоборот, – желание изменить судьбу... Заимствование иноземных образцов также должно быть проанализировано с точки зрения их восприятия архетипической матрицей народа, подвергаемого социальной инженерии. Так, при строительстве украинского государства использовались образ

Киевской Руси – развитого европейского государства с вечевым строем, образ вольнолюбивой Запорожской сечи, сохранившиеся в народной памяти воспоминания о борьбе населения Юго-Западной Руси против иноземного и инокультурного гнета. Что касается России, то для ее государственной идеи характерны державно-имперская, пространственная и духовная доминанты, что обуславливает ограниченность возможностей установления в ней демократии в западном понимании. А если говорить о различных вариантах интеграции постсоветского пространства, то гораздо больше шансов реализовать проект интеграции вокруг «стержневого государства», которым является Россия [14, с. 238–280], нежели интеграционные проекты вокруг «срединных государств» [10, с. 89–101]. Ни народ России, ни ее нынешние элиты воспринять другие интеграционные проекты не готовы и вряд ли будут готовы в ближайшее время.

И, в-пятых, хотелось бы придать архетипике международных и региональных исследований большую научную объективность и конкретность, особенно в понимании феноменологии архетипа, взаимосвязи архетипов с политической, экономической, правовой и культурной жизнью общества, их влияния на «реверсные процессы» – процессы, связанные с процессами возврата, «поворота вспять», «отката», «варваризации» и другими подобного рода явлениями, способствующими торжеству принципа «хотелось как лучше – получилось как всегда». Этот «реверсный аспект» является, на взгляд автора, самым ценным, что есть в архетипике социальных процессов, и это выгодно отличает архетипику от цивилизационного, социокультурного и антропологического подходов.

Основные выводы и перспективы дальнейших научных поисков.

1. В силу усложнения трендов мирового развития после распада биполярного мира возникает потребность в исследованиях механизмов и структур, влияющих на процесс принятия решений и выбор предпочтений не только элитами, но и массами. Поэтому в современных международных и региональных исследованиях все больше применяются цивилизационный, социокультурный и антропологический подходы, располагающие необходимой для этого методологией.

2. Поведение людей (причем не только масс, но и элит) не всегда объяснимо рационально, поэтому есть потребность в использовании подходов, специально используемых для исследования иррациональных механизмов поведения людей. В основе таких подходов, одним из которых является архетипический подход, лежит методология психоанализа, исследующая влияние на человеческое сознание структур индивидуального и коллективного бессознательного, что позволяет если не понять, то хотя бы попытаться объяснить, почему «хочется как лучше, а получается как всегда».

3. Что касается использования концептов архетипики в исследованиях международных отношений, мировой и региональной политики, то эвристический потенциал этого научного направления предоставляет достаточно широкие возможности его использования: а) для описания «картины мира» представителей той или иной парадигмы, научной школы, мировоззрения того или иного ученого; б) как механизма единения масс и элиты, выполняющий роль «культурного ядра» при формировании идентичностей, обеспечивающий позитивное или негативное восприятие тех или иных образов, той или иной политики; в) для формирования культурно-географических и геополитических образов среды обитания; г) при реализации разноуровневых проектов социального конструирования (регионального, общенационального, цивилизационного, глобального).

4. Для повышения авторитета архетипики международных и региональных исследований необходимо, на взгляд автора, придать ей большую научную объективность и конкретность, особенно в понимании феноменологии архетипа, взаимосвязи архетипов с политической, экономической, правовой и культурной жизнью общества и их влияния на «реверсные процессы», способствующие торжеству принципа «хотелось как лучше – получилось как всегда». Этот «реверсный аспект», по мнению

автора, является самым ценным в архетипике социальных процессов, что выгодно отличает архетипику от цивилизационного, социокультурного и антропологического подходов.

Список литературы:

1. Атоян В.В. Конфликтогенный потенциал универсальных ценностей / В.В. Атоян // Вестник Моск. ун-та. – 2012. – № 3. – С. 59–62. – (Серия 12. : Полит. науки).
2. Баталов Э. Антропология международных отношений [Электронный ресурс] / Э. Баталов // Международные процессы. – 2005. – № 2 (8). – Т. 3. – Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/seven/001.htm>. – Дата доступа: 10.03.2013.
3. Бережная М. Информационная составляющая публичной дипломатии / М. Бережная // Дипломатическая служба. – 2012. – № 6. – С. 36–43.
4. Василенко И.А. Геополитика современного мира : учебное пособие / И.А. Василенко. – М. : Юрайт, 2010. – 395 с.
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира : курс лекций / Г.Д. Гачев. – М. : Академия, 1998. – 432 с.
6. Громыко А. Цивилизационные ориентиры во взаимоотношениях России, Евросоюза, США / А. Громыко // Свободная мысль-XXI. – 2007. – № 8. – С. 68–77.
7. Егоров В. Общая культурно-цивилизационная основа – фактор реинтеграции постсоветского общества / В. Егоров, О. Смирнова // Обозреватель = Observer. – 2012. – № 12. – С. 42–51.
8. Минюшев Ф.И. Социология культуры / Ф.И. Минюшев. – М. : Акад. проект, 2004. – 270 с.
9. Наше постчеловеческое будущее [Электронный ресурс] // НГ-наука. – 2006. – Режим доступа : http://www.ng.ru/science/2006-05-24/15_future.html. – Дата доступа. – 15.03.2013.
10. Публичное управление: теория и практика : сб. науч. тр. Асс. д-ров гос. упр.: спец. вып. – X. : Изд-во «ДокНаукаДержУпр», 2012. – 312 с.
11. Садыгова Э. Проблемы межцивилизационного взаимодействия и негосударственные акторы в современных международных отношениях / Э. Садыгова // Международная жизнь. – 2012. – № 4. – С. 109–122.
12. Следзевский И.В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики / И.В. Следзевский // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 141–156.
13. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ ; Ермак, 2005. – 588 с.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2005. – 603 с.
15. Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебник / П.А. Цыганков. – М. : Гардарики, 2007. – 557 с.
16. Чугров С.В. Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения / С.В. Чугров // Полис. – 2007. – № 4. – С. 46–65.

Виолетта ТРОФИМОВА

**К ВОПРОСУ О ЖЕНСКИХ АРХЕТИПАХ В
ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ: АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ САЛОННОЙ КУЛЬТУРЫ**

**ТРОФИМОВА
Виолетта,
TROFIMOVA
Violet,**

*кандидат
филологических
наук, докторант
кафедры эстетики и
философии культуры
философского
факультета Санкт-
Петербургского
государственного
университета,
г. Санкт-Петербург.*

***Аннотация:** в статье
рассматриваются
женские архетипы
греческих богинь,
проявленные в личности
и деятельности
маркизы де Рамбуйе,
хозяйки одного из
первых французских
салонов XVII века.
Устанавливается
связь между этими
архетипами и успехом
ее социокультурного
проекта.*

***Ключевые слова:** салон,
Рамбуйе, Франция,
архетип, богиня.*

УДК 304.444

Постановка проблемы. В современной науке большое внимание уделяется праосновам культуры и выявлению архетипов в разных областях знания. В последние годы проводятся конференции и семинары по архетипике, публикуются статьи и монографии по этой теме, защищаются диссертации. Одновременно большой интерес вызывает генезис организационных форм культуры, бытование художественной культуры в тот или иной исторический период. Гендерные вопросы также находятся на переднем плане научных исследований – происходит постоянная переоценка роли женщин и мужчин в культуре. Такой социокультурный институт, как салон, сыграл важнейшую роль не только в развитии художественной культуры европейских стран и России, но также имел отношение и к политической сфере. Генезис салона как общественного института обычно не рассматривают с позиций архетипики, однако представляется плодотворным выявить первообразы, актуализированные в первых европейских салонах.

Анализ последних исследований и публикаций. В России интерес к салонной культуре наблюдается еще с XIX века. Хрестоматийным стал труд М. Аронсона и С. Рейсера «Литературные кружки и салоны», изданный в конце 1920-х годов и переизданный уже в 2001 году [1]. Авторы этой книги обращаются к деятельности российских салонов XIX века, однако кратко останавливаются и на истории салонов в Европе XVII–XVIII веков, прежде всего во Франции. В самом начале XX века на русский язык были переведены письма госпожи де Севинье, виднейшей французской писательницы второй половины XVII века и хозяйки известного литературного салона [7]. На русском языке была также издана биография госпожи де Севинье, принадлежащая перу Гастона Буассье [4].

Из российских авторов о роли женщин во французских салонах XVII века писал В.М. Хвостов в книге «Женщина и человеческое достоинство» [11]. Деятельностью французских салонов XVII века интересовались также литературоведы, прежде всего из-за того, что салоны стали объектом сатиры в знаменитой комедии Мольера «Смешные жеманницы» и в менее известном, но по-своему уникальном «Мещанском романе» Фюретьера. Однако эти произведения значительно повлияли на то, что французские салоны XVII века стали восприниматься как пространства пустой болтовни, напыщенности и псевдоучености. На рубеже XX–XXI веков работы А. Стоговой и В. Успенской способствовали изменению подобного отношения к французским салонам XVII века в российской гуманитарной науке и переоценке роли женщин во французской культуре того времени [8; 10].

Генезис салонной культуры во Франции и образы хозяек салонов в российской науке с позиций архетипики не рассматривались. Однако на русском языке в последние годы появилось несколько работ, посвященных собственно женским архетипам. Архетипам девы и

матери было уделено значительное внимание в совместной работе К. Кереньи и К.-Г. Юнга «Душа и миф: шесть архетипов» [6]. Кроме того, вышли в свет перевод книги американского психоаналитика Д.Ш. Болен «Богини в каждой женщине» и труд российского психолога Галины Бедненко «Греческие богини» [3; 2]. В 2011 году в Санкт-Петербургском государственном университете Е.М. Щепановской (Семирой) была защищена кандидатская диссертация по философии на тему «Генезис и классификация мифологических архетипов: культурфилософский подход», в которой значительное внимание уделялось и женским архетипам (Земля, Луна, богиня любви и красоты) [12]. Однако Е.М. Щепановская практически не уделяет внимание роли женских архетипов в развитии культуры, концентрируясь на образе божественного кузнеца и образе близнецов. Д.Ш. Болен и Г. Бедненко уделяют женским архетипам больше внимания, однако вслед за Юнгом сводят их к греческим богиням. В этой работе мы также будем использовать при анализе архетипы греческих богинь.

Определение нерешенных прежде задач общей проблемы. В данной работе мы ставим задачу проанализировать женские архетипы одной из первых хозяек французских салонов – маркизы де Рамбуйе – и рассмотреть деятельность ее салона с точки зрения архетипики. Такая задача ранее в российской науке не ставилась.

Цель статьи. Мы ставим целью определить, какие архетипы проявлялись наиболее явно в личности маркизы де Рамбуйе и как они повлияли на деятельность ее салона.

Изложение основного материала. В Европе XVI–XVII века появляется новый социальный институт, посредством которого женщины заняли пространство, с одной стороны, не связанное напрямую с их домом и семьей, с другой – не являющееся сугубо религиозным, с третьей – не относящееся к придворной жизни. Это институт салона. Зародились салоны как центры культуры в Италии в эпоху позднего Возрождения, но подлинный расцвет они пережили во Франции XVII–XVIII веков. Как отмечает В.И. Успенская, это было «пространство за пределами семьи, не выходя из дома» [8, с. 179]. Наличие такого пространства являлось не только цивилизаторским фактором, не просто уменьшало разрыв между мужчинами и женщинами и способствовало их общению без цели последующего заключения брака, а превращало само общение в искусство разговора, открывало возможности для творчества в разных областях художественной культуры. Эти возможности широко использовали и мужчины – посетители салонов становились читателями и зрителями созданных ими произведений искусства, и женщины.

Исследователи, проводившие периодизацию французских салонов XVII века, первый период их существования связывают со знаменитым отелом (особняком) Рамбуйе, творением Катрин де Вивонн, маркизы де Рамбуйе. Катрин де Вивонн родилась в 1588 году в Италии в семье французского дипломата маркиза де Пизани и фрейлины-итальянки Джулии Савелли. В 1600 году в возрасте двенадцати лет ее выдали замуж за Шарля д' Анженна, маркиза де Рамбуйе. Брак был отложен до двадцатилетия Катрин, чему она была очень рада. Замужество ее, однако, оказалось очень счастливым. У супругов родилось семеро детей.

Интересные воспоминания о маркизе де Рамбуйе оставил ее дальний родственник, мемуарист Таллеман де Рео. Он отмечает ее стремление к знаниям: «Она всегда любила все прекрасное и собиралась изучать латынь только для того, чтобы читать Вергилия» [9, с. 142]. Болезнь, однако, помешала ее начинаниям, и она «ограничилась изучением испанского языка» [9, с. 142]. Маркиза выказала недюжинные способности к черчению и архитектуре. По словам Таллемана, она сама руководила перестройкой дворца Рамбуйе: «Недовольная теми чертежами, которые ей предлагались <...> она однажды вечером, после долгого раздумья, воскликнула: “Бумаги, скорей! Я придумала, каким образом сделать все так, как мне хочется”. И сей же час сделала чертежи... Чертежу г-жи де Рамбуйе последовали со всей точностью. От

нее-то и научились располагать лестницы сбоку, дабы получить большую анфиладу комнат, делать потолки выше, а окна и двери высокими и широкими, располагая их одни против других... Маркиза первая придумала применять для отделки комнат не только красный или коричневый цвет, отсюда ее большая комната и получила название «Голубой»» [9, с. 142]. Таким образом, маркиза де Рамбуйе была выдающимся инноватором в области дворцовой архитектуры и дизайна интерьера. Новое пространство, спроектированное маркизой де Рамбуйе, было использовано при постройке Люксембургского дворца – дворца королевы Марии Медичи. Таким образом, произошел обратный вертикальный культурный перенос – для королевского дворца послужило моделью здание, принадлежащее человеку более низкого социального статуса и созданное не придворным архитектором, а женщиной – представительницей высшего дворянства.

Самой маркизе де Рамбуйе не нравилась жизнь при французском дворе. Проведя детство в Италии, она считала французские нравы грубыми и испорченными. Около 1608 года маркиза де Рамбуйе начинает принимать в своем особняке неподалеку от Лувра, на улице Сен-Тома дю Лувр, выдающихся деятелей культуры своего времени – поэтов и ученых. Возможно, что при создании своего салона она использовала опыт своего отца, который посещал салон Клод Катрин де Клермон-Дампьер и ее супруга Альбера де Гонди. В этом салоне дамы брали имена девяти муз. Что касается салона Рамбуйе, его расцвет приходится на четверть века с 1624 по 1648 год.

Встречи проходили в знаменитой «голубой комнате». Здесь были венецианские зеркала, камин, альков с ширмой от сквозняков, в котором хранились бумаги, книги и личные вещи маркизы и который она «сделала центром комнаты», а также кушетка, на которой она возлежала [10, с. 184–185]. Лет с тридцати пяти маркиза страдала странной болезнью – она не переносила прямого жара от камина и солнечных лучей. Ей пришлось отказаться от прогулок по Парижу в солнечные дни, и в холода она была вынуждена кутаться в медвежью шкуру и надевать на голову несколько чепчиков. С кушетки она руководила беседой гостей. Именно маркиза де Рамбуйе «сформировала основные правила салонного общения, которые со временем стали характерными чертами салона как социального института» [10, с. 186]. Разговоров тет-а-тет старались не допускать, доминировали общие темы. Хозяйка выбирала тему и руководила дискуссией.

Хозяйка отеля Рамбуйе и ее окружение придавали большое значение реформированию французского языка, который казался им грубым. Для этого вводились новые, непривычные и искусственные обороты речи. Некоторые из них, однако, прижились, например «унижать собственное достоинство». Салон Рамбуйе был тесно связан с Французской Академией. Многие ее члены – Конрар, Шаплен и другие – были его постоянными посетителями. Работа Французской Академии по исправлению французского языка была с одобрением принята в салоне Рамбуйе.

Создавая свой салон как место встречи образованных, культурных и творческих людей своего времени, Рамбуйе актуализировала, прежде всего, архетип Афродиты, отразившийся в средневековой культуре как образ «Прекрасной дамы». Как отмечает Г. Бедненко, «Афродита мыслилась богиней вечной весны, цветения и плодородия. Она покровительствовала красоте и влюбленным, поэтам, прославляющим любовь, и художникам, воплощающим красоту. Все красивое в этом мире было творением Афродиты» [2, с. 185]. «Прекрасные дамы» Средневековья были не только объектами поклонения и музами трубадуров. Они были также организаторами поэтических турниров, например Клеманс Изаура, легендарная основательница «Цветочных игр» в Тулузе. Г. Бедненко считает, что «поистине храмами Афродиты были светские салоны умных, прекрасных и фривольных женщин XVIII–XIX вв. <...> Хозяйки салона чрезвычайно дорожили своей репутацией – выбор угощений и собственный туалет должны были быть на высоте... Все обязано быть на высшем уровне» [2, с.

196]. Маркиза де Рамбуйе очень дорожила репутацией своего салона, однако была образцом добропорядочности и соблюдения приличий. Отношения между мужчинами и женщинами в салоне Рамбуйе были подчеркнута асексуальными, возвышенными, здесь поклонялись дружбе.

Какие еще женские архетипы были актуализированы в личности маркизы де Рамбуйе и в ее салоне?

В салоне Рамбуйе было принято использовать эллинизированные имена, и сама хозяйка выбрала себе анаграмму собственного имени Катрин (Catherine) – Арте-нис (Arthenice). Бросается в глаза сходство этого имени с именем греческой богини Артемиды (Артемис). Как отмечает Д.Ш. Болен, «Артемиды, богиня охоты и Луны, персонифицирует независимость женского духа. Как архетип она дает женщине право преследовать свои собственные цели в избранной ею самой области» [3, с. 51]. Целеустремленность, последовательность в деле исправления нравов и очищения французского языка были характерными чертами маркизы де Рамбуйе как личности. По мнению Г. Бедненко, «Артемиды (Артемис) создает закрытое общество против мужчин» [2, с. 116]. Маркиза де Рамбуйе не стремилась исключить мужчин из своего «грота», но поддерживала творческих женщин, которые окружали ее как «нимфы». Из салона Рамбуйе вышла целая плеяда выдающихся французских писательниц середины и второй половины XVII века: мадемуазель де Скюдери, маркиза де Сабле, маркиза де Севинье и другие. Более того, французские «амазонки» времен Фронды (герцогиня де Лонгвиль, например) также были постоянными посетительницами салона Рамбуйе.

Кроме Артемиды, маркиза де Рамбуйе в какой-то мере идентифицировала себя с Вестой (греческий вариант – Гестия). Она подарила литератору Конрару эмблему, на которой была весталка, поддерживающая огонь в храме Весты [9, с. 174]. Веста – богиня домашнего очага – не имела облика, но, как утверждает Г. Бедненко, ее «огонь... объединял всех жителей Рима в одну семью» [2, с. 262]. Маркизе де Рамбуйе удалось объединить вокруг себя культурную и творческую элиту своего времени. Д.Ш. Болен отмечает, что можно определить значение Гестии (Весты), «исследуя связанные с огнем ритуалы» [3, с. 99]. Ритуальность была неотъемлемой частью салона Рамбуйе. Более того, к середине века этот салон стали воспринимать как некий храм, где, по словам Сомеза, поклонялись «мудрости, науке, поэзии и добродетели» [14, с. 95]. Во второй части «Словаря прециозниц» тот же Сомез дает такую характеристику салону Рамбуйе: «Этот дом во все времена был обителью Муз, приютом остроумных людей; достоинство всегда здесь пользовалось уважением, а добродетель и сегодня так же ценится, как и во времена Валера (Вуатюра – В.Т.)» [15, с. 124]. Это был не только храм Афродиты или Гестии, но и храм Афины: друзья нередко называли маркизу де Рамбуйе «Минервой», актуализируя, таким образом, архетип богини мудрости.

Отдельные черты женщины-Гестии, например созерцательность, сосредоточенность на внутренней жизни, были присущи маркизе де Рамбуйе. Около 1648 года, незадолго до кульминации Фронды, она сочинила несколько молитв для себя самой. По мнению Таллемана де Рео, они были «превосходно» написаны, и сам секретарь Французской Академии Конрар велел переписать их изящным почерком и «преподнес той, которая является их автором, ежели позволительно воспользоваться словом мужского рода, говоря о женщине» [9, с. 149]. Маркиза не стремилась к литературной славе, ее устраивала роль ведущего литературного критика эпохи. До конца своих дней она очень много читала и знала все лучшие сочинения своего времени. Она судила о прочитанном с присущей ей умеренностью, и ее суждения, по мнению Р. Пикара, «были законодательством в сфере вкуса» [13, с. 53]. Ничто не считалось прекрасным, если маркиза де Рамбуйе не находила его таковым.

По мнению Г. Бедненко, женщина-гестия «любит планировать перемены в интерьере» [2, с. 267]. О дизайнерских способностях маркизы де Рамбуйе уже было

сказано выше. Таким образом, актуализация архетипов Артемиды, Афины и Гестии – богинь-девственниц – ограничивает проявление архетипа Афродиты как богини любви и чувственности, закладывает жесткие рамки общения между мужчинами и женщинами в салоне Рамбуйе.

Еще один женский архетип, о котором можно говорить в связи с маркизой де Рамбуйе и ее семьей – это архетип Деметры. Маркиза де Рамбуйе и ее дочь Жюли образуют почти буквально пару «Деметра – Персефона». Страдания Деметры в связи с потерей дочери – сначала Жюли, которая вышла замуж в 1645 году, а затем младшей дочери, мадам де Гриньян, умершей в 1660-е годы, – ожидали маркизу в конце жизни. Показательна автоэпитафия, написанная маркизой де Рамбуйе перед смертью:

*Здесь лежит Арменис, освобожденная от суровостей,
Которую суровость всегда преследовала.
И если ты хочешь, прохожий, посчитать все ее несчастья,
Тебе нужно всего лишь посчитать дни ее жизни.*

Однако есть и другая сторона архетипа Деметры. Как отмечает К. Кереньи, у Гомера «Деметра говорит о себе в гимне, что она приносит величайшую пользу и величайшую радость и богам, и людям» [6, с. 135]. Обычно Деметру рассматривают как богиню, которая научила людей земледелию. Земледелие напрямую связано с термином «культура», его прямое значение – «возделывание, обработка, уход, поэтому культура – это и возделывание поля, обработка сада, и уход за растениями и животными» [5, с. 18]. Деятельность салона Рамбуйе – это приобщение французов к культуре, воспитание культурного человека. Говоря о Деметре, К. Кереньи замечает, что «богиня отнюдь не показывает людям, что нужно сделать с зерном. Она показывает, – после того, как земля начала плодоносить, – Элевсинские мистерии» [6, с. 135]. В салоне Рамбуйе тоже был элемент тайны – тайны инкультурации человека. Маркиза сумела создать структуру (вслед за Н. Элиасом можно назвать ее «фигурацией»), которая воспроизводилась на протяжении трех веков и сыграла значительную роль в развитии европейской культуры. Именно салон Рамбуйе стал образцом для более поздних салонов, причем не только во Франции, но и в других странах. Смерть маркизы де Рамбуйе совпала с подъемом интереса к салонам и их хозяйкам, а упадок отеля Рамбуйе – с появлением новых видов общественных собраний, в которых рождалась и обсуждалась тогдашняя литература.

Основные выводы и перспективы дальнейших научных поисков. Маркиза де Рамбуйе была всесторонне развитой личностью, и в ней проявилось сразу несколько женских архетипов: архетипы Афродиты, Афины, Артемиды, Гестии (Весты) и Деметры. Деятельностный архетип Артемиды позволил маркизе создать жизнеспособный социокультурный институт, существовавший на протяжении почти полувека. Архетипы Афродиты и Афины в маркизе позволили ей привлечь в свой салон литераторов и ученых, а архетип Гестии (Весты) – сделать его настоящим храмом искусств и мудрости. Архетип Деметры проявился в личной судьбе маркизы, а также способствовал закреплению восприятия ее самой как источника культуры и законодательницы хорошего вкуса. Дальнейшие исследования женских архетипов хозяек салона будут способствовать переосмыслению не только их образов, но и роли салона в европейской культуре и позволят выявить архетипические составляющие, которые следует использовать при разработке и внедрении современных проектов в области культуры.

Список литературы:

1. Аронсон М. Литературные кружки и салоны / М. Аронсон, С. Рейсер. – СПб : Академический проект, 2001. – 400 с.
2. Бедненко Г.Б. Греческие богини: архетипы женственности / Г.Б. Бедненко. – М. : Класс, 2005. – 320 с.

3. Болен Д.Ш. Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь / Д.Ш. Болен. – М. : София, 2005. – 272 с.
4. Буассье Г. Госпожа де Севинье / Г. Буассье. – М. : Книжное дело, 1900 – 131 с.
5. Драч Г.В. Культурология : учебное пособие / Г.В. Драч. – М. : Альфа-М, 2010. – 413 с.
6. Кереньи К. Кора / К. Кереньи // Юнг К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов / К.-Г. Юнг. – М. ; К. : Совершенство, 1997. – С. 121–178.
7. Севинье М. де. Письма : Т. 1 / М. де Севинье. – СПб : П.Ф. Пантелеев, 1903. – 259 с.
8. Стогова А. Метаморфозы «нежной дружбы»: к вопросу о создании и восприятии романов в XVII веке / А. Стогова // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – 2005. – Вып. 15. – С. 223–262.
9. Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории / Рео Ж. де Таллеман. – Л. : Наука, 1974. – 316 с.
10. Успенская В.И. Женские салоны в Европе XVII–XVIII веков / В.И. Успенская // Женщины. История. Общество : сборник научных статей. – Тверь : ОГУП «Тверское областное книжно-журнальное издательство», 2002. – Вып. 2. – С. 171–199.
11. Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство: исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос / В.М. Хвостов. – М. : издание Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1914. – 510 с.
12. Щепановская Е.М. (Семира). Генезис и классификация мифологических архетипов: культурфилософский подход : дисс. ... канд. филос. наук / Е.М. Щепановская (Семира). – СПб : СПбГУ, 2011. – 274 с.
13. Picard R. Les salons littéraires et la société française 1610–1789 / R. Picard. – NY : Brentano's, 1943. – 361 p.
14. Somaize Le grand dictionnaire historique des pretieuses. Premiere partie. – Paris : Jean Ribou, 1671. – 314 p.
15. Somaize Le grand dictionnaire historique des pretieuses. Second partie. – Paris : Jean Ribou, 1671. – 320 p.

Сергей ЮШИН

АРХЕТИП ВЛАСТНОЙ ЦЕФАЛИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Постановка проблемы. Современное государственное строительство в Украине формально осуществляется под флагом децентрализации государственной власти. Стратегия экономического и социального развития Украины на 2004–2015 гг. определила важным направлением нового этапа административной реформы децентрализацию управленческих функций и проведение территориально административной реформы по типу польской или чешской [1, с. 231]. Одобренные постановлением Верховного Совета Украины (№ 3227, 2005 г.) Рекомендации парламентских слушаний «Децентрализация власти в Украине. Расширение прав местного самоуправления» утверждают, что именно децентрализованная модель в условиях устойчивого социально-экономического развития доказала свое преимущество перед централизованной. Принятый в 2010 г. Закон Украины «Об основах внутренней и внешней политики» (№ 2411) предполагает возможность расширения полномочий местных советов путем децентрализации функций органов государственной власти, но предполагает с одной оговоркой – в рамках гармонизации общегосударственных, региональных и местных интересов.

Здесь уместно указать, что «децентрализационная» борьба Верховного Совета Украины ведется чрезвычайно абстрактно: «говорили безотносительно о том, о чем безотносительно говорить нельзя» [2, с. 427]. Во-первых, из истории Востока и Запада мы видим, что их развитие тысячелетиями осуществлялось на фоне довольно жесткой централизации (а как расценивать, например, современное Китайское «чудо»?). Во-вторых, непонятно, о какой мере децентрализации в данном случае ведется речь. В-третьих, в постановлении № 3227 нет упоминания о возможном перераспределении законодательных полномочий «сверху вниз» от самого Верховного Совета на уровень регионов. В-четвертых, заявления о наличии целого ряда противоречий в положениях Конституции (отсутствии четкого распределения полномочий между органами местного самоуправления и органами исполнительной власти на местах, нерациональной системе организации органов исполнительной власти, неэффективной системе государственной службы и службы в органах местного самоуправления, т. е. о том, что в значительной степени является следствием общей неразвитости правового пространства Украины, развитие которого входит именно в компетенцию Верховного Совета) вызывают сомнения в том, что осуществленное с помощью метода «проб и ошибок» перераспределение полномочий «сверху вниз» устранил эти «противоречия», «нечеткости», «нерациональности», «неэффективности» и т.п. В-пятых, статья 132 Конституции Украины говорит не о децентрализации государственной власти, а о сочетании механизмов централизации и децентрализации в ее осуществлении, в силу чего всякие абстрактные призывы, как к децентрализации, так и к централизации государственной власти противоречат Конституции Украины и являются лишь беспредметными политическими лозунгами.

Итак, проблеме сочетания централизации и децентрализации осуществления государственной власти присуща высокая степень неопределенности, которой, как указывал Ф.Х. Найт, характерна не-

**ЮШИН
Сергей,
YUSHYN
Sergii,**

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ННЦ «Институт аграрной экономики», г. Киев.

Аннотация:
государственная власть в Украине согласно ее Конституции осуществляется на основе сочетания централизации и децентрализации. Но в чем именно должно было бы выразиться подобное «сочетание»? Теория об этом пока умалчивает. А практика такова, что формально в Украине декларируется приоритет децентрализации, а вот фактически наблюдается обратная тенденция. В поиск оптимального «сочетания» централизации и децентрализации власти следует ввести понятие ее «цефализации».

Ключевые слова:
архетип, власть, централизация, цефализация, государство.

УДК 35.075.5

достаточная осведомленность и необходимость действовать, опираясь на мнение, а не на знание. При отсутствии неопределенности человек отдает всю свою энергию деланию вещей; сомнительно, чтобы деятельность разума могла вообще участвовать в такой ситуации (в мире, устройство которого допускает теоретическую возможность совершенного знания, вполне вероятно, что все органические перестройки носят здесь технический характер, а все организмы – это суть автоматы); при наличии неопределенности само «делание» чего-либо, осуществление реальной деятельности приобретает поистине второстепенный характер; первостепенной проблемой или функцией становится решение: что и как это делать, и настоящей становится централизация функций принятия решений и управления, и неизбежен процесс «цефализации», подобный происходящему в ходе эволюции живых организмов и вызванный теми самыми причинами [3, с. 256–257].

Иначе говоря, в реальном «обществе мнений» (не в гипотетическом «обществе знаний») с его высокой степенью неопределенности поиск конструктивного решения проблемы сочетания централизации и децентрализации государственной власти целесообразно синхронизировать с изучением сущности процесса «цефализации», формирующего системы высших органов государственной власти, обеспечивающие интеллектуальное обеспечение развития всего данного социального организма.

Данная проблема по своему существу междисциплинарна и связана с важными научно-техническими заданиями, разрабатываемыми в рамках таких дисциплин, как экономика и социология, информатика и кибернетика, организация и управление, биология и психология, антропология и история, теория эволюции и теория систем.

Актуальность данного исследования подтверждается значительными усилиями украинских законодателей, направленными на отыскание рационального сочетания централизации и децентрализации государственной власти и отсутствием пока что какого-либо видимого успеха в получении положительного практического результата.

Анализ последних исследований и публикаций. В перечне наиболее значимых публикаций, которые касались вопросов эволюции централизации и децентрализации государственного управления в Украине, следует особо отметить монографию [4], где Н.Р. Нижник справедливо отмечает, что процессы правового сепаратизма, нигилизма, как и «войны» подзаконных актов, нежелания отдельных регионов и местных органов управления, выполнять некоторые нормативные акты, это прежде всего проявление некачественного соотношения процессов централизации и децентрализации в сфере управления. По его мнению, соотношение централизации и децентрализации – не простая сумма двух составляющих, где увеличение одного элемента тянет за собой уменьшение другого. Диалектическая взаимосвязь между ними сложна. Здесь должен быть определенный оптимум. Если выходить из этого оптимума, то следует признать, что действительно отступление от него при определении весомости одного элемента нарушит и функционирование другого. Но на практике оптимума нет [4, с. 8, 20].

Поиску подобного оптимума в той или иной мере посвятили свои труды крупные ученые современности. И. Валлерстайн указывает на то, что реальная способность центральных властей принуждать к выполнению своих решений группы, действующие в границах государства, может быть большей или меньшей [5, с. 404]. В Канаде, указывает Ю. Хабермас, идет разумный поиск федералистского решения, не затрагивающего целостности государства, а стремящегося обеспечить культурную автономию его части за счет децентрализации полномочий государства [6, с. 105].

По мнению Ф. Фукуямы, одной из ключевых проблем современности является именно проблема отсутствия базовой концепции, охватывающей различные аспекты государственности, и непонимание их связи с экономическим развитием. При этом он, полемизируя с Ф. Хаеком и Л. Мизесом, отмечает, что у децентрализованных организаций есть недостатки, проблема устранения которых не имеет технического решения: децентрализованность организации часто порождает высокие внутренние организационные издержки, и потому подобные организации могут оказаться более

медлительными и менее решительными, чем централизованные [7, с. 19, 123]. Если прислушаться к мысли К. Мангейма, главная особенность современной технологии в тенденции к усилению централизации и, следовательно, к укреплению власти меньшинства и диктатуре [8, с. 414], становится очевидной безотносительностью, а потому и неосуществима абстрактно проектируемый процесс децентрализации.

З. Бауман (обобщая идеи И. Бенгама, М. Крозье, М. Фуко) относит «войны государств за пространство», то есть за подчинение социального пространства единственной составленной государством карте (при «дисквалификации» всех иных «конкурирующих» карт и интерпретаций пространства, и ликвидации или нейтрализации всех картографических учреждений и проектов, кроме государственных: структура должна была стать абсолютно «читаемой» для государственной власти и ее агентов, владея в то же время полным иммунитетом от семантической обработки со стороны пользователей или жертв – то есть недоступной для любых интерпретационных инициатив «снизу»), способных наполнить фрагменты пространства смыслами, неизвестными и непонятными сильным мира этого, прибавить им неуязвимость от контроля сверху. То есть, именно манипуляция неопределенностью является сутью и главной целью борьбы за власть и влияние внутри любого структурированного целого, и в его самой радикальной форме – современной бюрократической организации, особенно в государственной. Но ускорение глобализации, по мнению И. Баумана, приводит к таким феноменам, где, во-первых, между государством и экономикой возникает водораздел, во-вторых, транснациональное ведение хозяйства существенно суживает функции национальных государств (слабые государства, квазигосударства – это именно то, что требует Новый Мировой Порядок), в-третьих, глубочайший смысл самой идеи глобализации – это неопределенный, неуправляемый и самостоятельный характер всего, что происходит в мире; отсутствие центра, пульта управления, пр. [9, с. 49, 53, 82, 84, 98].

Ж. Бодрийяр исследует особенность отношений между властью (идеологией, стратегией) и экономикой (капиталом) на этапе информационной революции. Он утверждает, что сегодня нами правит принцип симуляции вместо прежнего принципа реальности. Целевые установки исчезли, теперь нас порождают модели. Больше нет идеологии, а есть лишь симулякры, где политическая экономия – симулякр второго порядка в ряду тех, что имеют дело с реальностью производства или же значения, в сознании или же в бессознательном. Капитал же больше не принадлежит к порядку политической экономии – играя политической экономией как симулятивной моделью, он больше не живет благодаря законам экономики, и потому эти законы могут стать рекламным аргументом, перейти в сферу знака и знаковой манипуляции. Экономика становится театром, где разыгрываются количественные характеристики ценности. Соответственно, властным системам ни к чему реальное насилие или контрнасилие, они живут насилием символическим и их стратегия заключается в гиперреальности «плавающих» ценностей, где возможна лишь катастрофическая, а не диалектическая стратегия (все реальное доводится до своего предела, и тогда-то оно само собой обращается в свою противоположность и рушится) [10, с. 44, 45, 46, 47, 88, 97].

По мнению П. Бурдьё, что бы ни делалось, политическая логика будет вечно выдвигать проблему: в самом деле, достаточно ввести политику в интеллектуальное поле, и появится оппозиция между сторонниками индивида и «общества», которая не имеет иной реальности, кроме политической. При этом на всех полях существует борьба за монополию легитимности. Социальный мир есть место борьбы за слова, которые обязаны своим весом – подчас своим насилием – факту, что слова в значительной мере делают вещи. Однако привычка к политическому вербализму и к овеществлению коллективов приводит к тому, что паралогизмы и силовые логические приемы, скрытые в самых тривиальных выражениях повседневной жизни, проходят незамеченными. Наше восприятие и наша практика, направляются практически таксономиями, оппозициями между высоким и низким и т. п. Классификации, созданные ими, обязаны своей доброкачественностью тому, что допускают логики

ровно столько, сколько надо для нужд практики, ни слишком много – расплывчатость необходима, особенно в переговорах, – ни слишком мало. Через юридически гарантированную структуру распределения собственности, а значит – власти в поле, структура экономического поля определяет все то, что в нем происходит. И потому борьба за модификацию структуры экономического поля, которую называют политической, есть составная часть предмета экономической науки. Иррациональность экономического производства состоит в том, что оно функционирует лишь в той мере, в которой оно производит сначала веру в ценность своих продуктов. Наряду с понятием «символическая власть» (или же узаконенное право на конституирующую номинацию, которая порождает, называя: власть называть, в частности, называть «неназываемое», то, что было ранее незамеченным или вытесненным, – огромная власть), П. Бурдые ищет связь между разными видами капитала: почему в таких обществах как наше экономический капитал является доминирующим видом капитала по отношению к символическому, социальному и даже культурному капиталам. На самом деле, особое «могущество» экономического капитала держится на том, что он допускает экономию экономического расчета, т. е. рационального управления. А символический капитал – это экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим категориям восприятия. Его легализация придает перспективе абсолютную и универсальную ценность. И здесь на первый план выходит государство как держатель монополии на легитимное символическое насилие, точнее, арбитра, но очень могущественного, в борьбе за эту монополию. Далее, рассматривая процесс делегирования (перенос власти), П. Бурдые указывает, что отношение делегирования рискует скрыть суть отношения представительства и парадокс ситуации, когда некая группа может существовать только посредством делегирования частному лицу. Представляемая, символизируемая группа существует именно потому, что существует представитель и потому, что он ее порождает в обмен на свое представительство как представителя группы. В этом круговом отношении можно видеть корень иллюзии, когда представитель до определенного предела может казаться и проявлять себя как *causa sui*, поскольку он является причиной того, что порождает его власть, и поскольку группа, сотворившая его как уполномоченное лицо, не существовала бы (или, по меньшей мере, не существовала бы в полном объеме как представительная группа), если бы не было лица, ее воплощающего. Такой первоначальный круг представительства утаивался: его подменяли множеством вопросов, из которых самым распространенным был вопрос о сознательности. Был также затемнен вопрос о политическом фетишизме и о процессе, в чьих рамках индивиды составляют группу (или составляются в группу), но теряют контроль над группой, в которой или с помощью которой они конституировались [11, с. 52, 61, 87, 112, 158, 159, 164, 165, 198, 200, 201, 230, 231]. Конечно, П. Бурдые не дает никаких рекомендаций относительно сочетания централизации и децентрализации. Но если следовать за его мыслью, то, по существу, он развивает идею Ф. Норта о процессе цефализации как результате делегирования властных функций «снизу вверх» при использовании видовых потенциалов капиталов (символического, экономического, культурного, пр.) обеспечивающих символическую власть на основе ее способности реализовать политический вербализм, как и право на конституирующую номинацию.

Определение нерешенных ранее задач общей проблемы. Очевидно, что поиск сочетания (или оптимума) механизмов централизации и децентрализации пока что не был успешным в силу в силу ряда причин. Во-первых, его теоретический базис формально замыкался в рамках этой оппозиции и декларировании приоритетности децентрализации и демократизма. Насколько следует доверять этим декларациям? Ну, если верить Аристотелю, что люди крайностей отодвигают того, кто держится середины, к противоположной от себя крайности [12, с. 91], то всякий, кто занимает высокую социальную должность, будет любой ценой удерживать централизацию, а всех остальных при этом пытаться дезориентировать своим мнимым формальным стремлением к децентрализации. Понятно, что никто в чистом виде не наблюдал

в реальной жизни ни абсолютной централизации, ни абсолютной децентрализации. Поэтому, с научной точки зрения, корректной будет постановка вопроса о том, что такое промежуточное между ними: одни и те же способности, соотносящиеся с разумом, суть начала для противоположных действий, но нет способности делать в одно и то же время противоположное одно другому, поэтому надо прежде всего исследовать, из чего состоит промежуточное между противоположностями [13, с. 236, 241, 267]. Во-вторых, практический базис поиска игнорирует радикальные изменения в расстановке сил на этапе глобализации и превращения капитала в доминирующий фактор современности. Но ведь «капитал» (лат. «головной») происходит от «сарит» (голова) – из праиндоевропейского «сарит». Видимо, поиск сочетания механизмов централизации и децентрализации пора увязать не с представлениями о физическом капитале, а с представлениями о капитале как командовании над трудом [14, с. 319]. Капитал, как подчеркивает К. Маркс, – это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает ей специфический характер [15, с. 319]. Он рассматривал в совокупности силы природы и науку как силы капитала [16, с. 399], который всего-навсего лишь соединяет массу рук с массой орудий ... под своей властью [17, с. 499]. Природа капитала в том, что он стремится выходить за всякие пространственные границы, а поэтому создание физических условий обмена – средств связи и транспорта – становится для капитала необходимостью в совершенно ином масштабе: уничтожение пространства временем. При этом система машин – это наиболее адекватная форма основного капитала, а машины – созданные человеческой рукой органы человеческого мозга [18, с. 15, 205, 215]. Следовательно, К. Маркс по существу предвосхищает идею Ф. Найта о процессе цефализации. Но в контексте задач сочетания механизмов централизации и децентрализации это пока отсутствует.

Целью данного доклада является расширение представлений о «властной цефализации», корни которой лежат в фундаментальных основах бытия всего живого и которая детерминирует сочетание механизмов централизации и децентрализации государственной власти применительно к особенностям условий каждой страны.

Изложение основного материала. Если исходить из этимологии слова «архетип» – начальный образец, то «цефализация» имеет архетипические корни. Дж. Бернал утверждал, что жизнь – частичная, непрерывная, прогрессирующая, многообразная и взаимодействующая со средой самореализация потенциальных возможностей электронных состояний атомов (самоусложнение информационных аспектов потенциальных возможностей материи), а структуры, порожденные жизнью суть выражение внутреннего предписания, заложенного в молекулярной структуре живого [19, с. 20, 30, 102]. Но тогда, очевидно и социальное бытие организмов суть выражение внутреннего предписания, заложенного в их биологической структуре.

Еще И. Гёте указывал, что мы можем безбоязненно утверждать, что все более совершенные органические существа, среди которых мы видим рыб, амфибий, птиц, млекопитающих и во главе последних человека, все они сформированы по одному прообразу, который в своих весьма постоянных частях лишь более или менее уклоняется туда и сюда и посредством размножения ежедневно совершенствуется и преобразуется. И неужели невозможно, раз мы уже признали, что созидательная сила производит и развивает более совершенные органические существа по одной общей схеме, начертать этот прообраз если не для чувств, то для ума, и по нему, как по норме, разрабатывать наши описания и, так как эта схема отвлечена от формы различных животных, вновь свести к ней самые различные формы? [20, с. 76].

Если мы обратимся к трудам В.И. Вернадского, то там обнаружим ссылку на связь научного знания (проявляющегося как геологическая сила, создающая ноосферу) с созданием человеческого мозга. В истории науки она была выявлена американским натуралистом, крупнейшим геологом, зоологом, палеонтологом и минералогом Д.-Д. Дана (1813–1895) в Нью-Хейвене. Станным образом это обобщение не вошло до сих пор в жизнь, почти забыто и не получило до сих пор должного развития. Говоря

современным научным языком Дана заметил, что с ходом геологического времени на нашей планете проявляется все более и более совершенный центральный аппарат – мозг – некоторой части ее обитателей, чем тот, который существовал на ней раньше. Процесс этот, названный им энцефалозом, никогда не идет вспять, но многократно останавливается, иногда на многие миллионы лет [21, с. 28–29]. Эмпирическое обобщение, осуществленное Дана, показывает, что эволюция живого вещества идет в определенном направлении, названное им «цефализацией» [22, с. 28–29]. Иначе говоря, термин цефализация был предложен задолго до предложения Ф. Найта.

Исследования Л.Б. Вишняцкого показывают, что пока неясно, был ли процесс энцефализации постоянным и непрерывным, или он носил скачкообразный характер. Возможно, это обусловлено тем, что мозг, вес которого составляет лишь 2 % от веса тела, потребляет примерно 20 % от получаемой организмом энергии [23, с. 71, 143].

Аспект «цефализации» в принятии властных решений присутствует уже в ряде древних текстов. Афина порождена из головы Зевса. У Платона мы находим, что решение «пришло в голову», «в глазах все проистекает от головы». Он подчеркивает: «боги, подражая очертаниям Вселенной, со всех сторон округлой, включили оба божественных круговращения в сферовидное тело, то, которое мы ныне именуем головой и которое являет собою божественнейшую нашу часть, владычествующую над остальными частями; ей в помощь придали они все устроенное ими же тело, позаботившись, чтобы оно было причастно всем движениям сколько их ни есть»; а «начало этого – рождение мозга; в нем укоренены те узы жизни, которые связывают душу с телом»; причем в его представлениях, «мозг дифференцируется на две доли: ту, которой суждено было, как некоей пашне, воспринять семя божественного начала, он сделал со всех сторон округлой и нарек эту долю головным мозгом, предвидя, что вместивший ее сосуд по завершении каждого живого существа станет головой; другая доля должна была получить оставшуюся, т. е. смертную, часть души; ее он разъял на округлые; и притом продолговатые, тела, также наименовав их все в целом мозгом, хоть и не в прямом смысле; от них, как от якорей, он протянул узы, долженствующие скрепить всю душу; а вокруг этой основы начал сооружать все наше тело, прежде всего одев мозг твердым костным покровом» [24, с. 447, 479, 480]. Как видим, аспекты развития человека на основе цефализации изучались и в глубокой древности. Просто переводы с греческого языка на другие языки прямо это не представляли.

Безусловно, проблема соотношения централизации и децентрализации власти в обществе тождественна проблеме соотношения головного и спинного мозга у животных. Так, по данным С.В. Савельева, головной и спинной мозг почти равны по массе у лягушки; у зелёной мартышки и игрунки масса головного мозга намного превышает массу спинного, спинной мозг змеи по размерам и массе во много раз превышает головной мозг [25, с. 37]. Из этого можно сделать вывод, что попытки трансплантации в одну страну соотношения централизации и децентрализации из другой страны не только неконструктивны, но еще и опасны. А. Тойнби пишет по этому поводу: элементы культуры, вполне безвредные и даже благотворные на родной почве, могут оказаться опасными и разрушительными в чуждом социальном контексте [26, с. 63]. Точно так же действуют и элементы чужой властной культуры.

О проблематичности решения задач централизации и децентрализации власти писали многие видные ученые. Так, Г. Саймон указывает на отсутствие адекватных лингвистических и концептуальных средств для реалистического и адекватного описания процессов «централизация или децентрализация», потому слова «власть» и «централизация» используются без соответствующего функционального определения указанных терминов. Он задает вопрос: как определить, является ли деятельность конкретной организации «централизованной» или «децентрализованной»? Далее он подчеркивает, что существует цена централизации, и что каждый человек, пока не поймет долгосрочных последствий, чувствует себя «в большей безопасности», когда принимает решение сам, вместо того, чтобы делегировать эту функцию подчиненному (централизация принятия решений способствует: обеспечению коор-

динации, высокому профессиональному уровню и ответственности). Возможности же децентрализации возрастают по мере увеличения способности подчиненных принимать правильные решения. Но руководитель часто обосновывает централизацию разными причинами: своей высокой квалификацией или более широкими умениями сравнительно с подчиненными; если он сам принимает решение, то может быть уверенным, что это решение будет таким, как он того хочет. Хотя он не всегда сознает, что полностью сосредотачивая функцию принятия решений в своих руках, он умножает себе работу и делает своего подчиненного ненужным [27, с. 41, 53]. Здесь уместно указать на то, что каждый руководитель избегает ситуаций, в которых может проявиться его недостаточная компетентность. Если исходить из тезиса Аристотеля, то из трех видов государственного устройства ... наилучшим ... является тот, в котором управление сосредоточено в руках наилучших [28, с.484]. А кто же признается себе и окружающему, что он на своей должности не наилучший?

Г. Минцберг глубоко рассмотрел вопрос централизации/децентрализации. Распределение власти вниз по цепи линейных полномочий он именуется вертикальной децентрализацией. Но он считает, что сами по себе оба понятия – «централизация» и «децентрализация» – относятся к одной из самых туманных тем менеджмента и употребляются авторами научных трудов для обозначения столь разных явлений, что практически лишились полезного смысла (мутны воды децентрализации). И в этой связи он высказывает мысль: централизацию и децентрализацию следует рассматривать не как абсолюты, а только как два полюса континуума, а путаница здесь от того, что разные понятия «борются» между собой за одно и то же название, потому Г. Минцберг говорит не о центре, а о стратегической вершине/апексе, соединяющей цепь наделенных формальными полномочиями менеджеров среднего звена [29, с. 18, 48, 126]. То есть, Г. Минцберг достаточно близок к формулировке идеи властной централизации с позиции ее вершины/апекса.

Исходя из вышеприведенного, неудивительно, что М. Тетчер указывает на то, что, несмотря на все призывы в Европейском Союзе к децентрализации, даже туманные перспективы расширения используются в качестве предлога для принятия мер, направленных на дальнейшую централизацию; и если к системе централизованного принятия решений добавить завесу секретности и отсутствие реального обсуждения целей и средств, вряд ли стоит ожидать чего-то иного, кроме как взяточничества и некомпетентности. Иначе говоря, разговоры о децентрализации в ЕС в значительной мере не более чем сотрясение воздуха [30, с. 371, 380, 427].

Здесь сложно определить, существует ли большая разница между уровнями централизации в ЕС и в Англии, ведь еще А. Токвиль указывал на то, что в его время в Англии централизация правительственной власти доведена до чрезвычайно высокой степени, государство действует словно один человек; по своей воле приводит в движение колоссальные массы людей, везде и всюду, где только пожелает, собирает силы и использует все свое могущество; при этом в той же Англии полностью отсутствует централизация административной власти [31, с. 82]. Что же касается централизации власти в США во времена А. Токвиля, то он указывает на то, что если в Европе центральное правительство отправляет своих чиновников в общину, то в Америке община использует своих чиновников в общегосударственных целях. Исполнительная власть в США отличается тем, что внутри нее нет ни централизации, ни иерархии: именно поэтому она столь незаметна. Власть существует, но неизвестно, где ее искать, хотя в отдельных штатах можно наблюдать зарождающиеся элементы централизации исполнительной власти, т. е. отличительной чертой исполнительной власти в США является ее крайняя децентрализация. При этом А. Токвиль выделяет централизацию правительственную (защита интересов, общих для всех слоев данного общества) и административную (защита интересов, присущих какому-то отдельным слоям общества). Правительственная централизация, и это понятно, приобретает небывалую силу в соединении с административной централизацией. В этом случае она приучает людей полностью и постоянно отказываться от проявления собственной воли, приучает подчиняться, причем не единожды и не по одному

конкретному поводу, но во всем и всегда. В США на первый взгляд, поверхностный беспорядок убеждает в том, что в этом обществе царит полная анархия, и, лишь внимательно всмотревшись в то, что происходит, он начинает понимать, что его первое впечатление было совершенно ложным, т. к. объединенная сила граждан всегда окажется более способной обеспечить общественное благосостояние народа, нежели правительственная власть. И когда центральная власть утверждает, что она может полностью заменить собой свободное участие непосредственно заинтересованных в том или ином начинании людей, она либо ошибается сама, либо желает ввести в заблуждение вас. Централизация – это превосходный тормоз в любых начинаниях, а не стимул для их осуществления. Когда же возникает необходимость привести в движение глубинные силы общества и резко ускорить его развитие, централизованная власть тогда незамедлительно теряет всякую силу [31, с. 68, 71, 79, 80, 82, 84, 85].

Безусловно, А. Токвиль во многом прав. И понятно, что в его время шел процесс освобождения народа от разных форм централизованной тирании. Но если мы обратимся к более поздней истории США, то убедимся, что значение государства для развития нации существенно возросла. Так, Дж. Гэлбрейт пишет, что современная техника предопределяет усиление роли современного государства, и что именно потребности развития техники, а не какие-либо идеология или политические интриги, заставляют фирму искать для себя помощи и защиты у государства [32, с. 20, 41].

Однако куда движется отношения между государством и капиталом на этапе ускоренной глобализации. У. Бек пишет, что мета-власть капитала распространяется, формально не нарушая законы и не располагая одобрением парламентов и правительств, с развитием новых информационно-технологических возможностей по сокращению временных горизонтов и устранению расстояний. Под транс-легальной властью он понимает квазигосударственную компетенцию компетенций – с центральным выводом: «транснациональные предприятия должны как квазигосударства принимать и квазиполитические решения». Образно говоря, государства имеют корни, а инвесторы – крылья. Эта новая асимметрия укорененной и окрыленной формы власти позволяет проводить захват мировой экономики невоенными средствами. На деле же национальные правительства и общественность – лишь наблюдатели принимаемых решений. Руководящий персонал концернов принимает решения без их согласия и сразу же приступает к выполнению этих решений. Если какой-нибудь национально-государственный институт попытается ограничить пространство действия концерна, тот найдет для себя другое поле деятельности. В конечном счете, вопрос не в том, может ли что-то произойти; вопрос в том, где это произойдет. В крайнем случае, всемирно-экономические акторы принимают политические решения без демократической легитимации. Центральный парадокс неолиберального понимания политики и модели государства. С одной стороны, эта модель ориентирована на минималистское государство, задачи и автономия которого должны быть приспособлены к продвижению и закреплению норм мировой экономики. Соответствующее мировому рынку государство должно быть легко заменяемым и взаимозаменяемым, чтобы конкурировать с возможно большим числом таких же государств и прочувствовать на институциональном уровне неолиберальный режим мирового рынка. С другой стороны, осуществить дерегулирование рынка и приватизацию социальных достижений не может слабое государство. Требуется именно сильное государство, так как соответствующий всемирно-экономическому устройству правовой режим в свою очередь должен быть санкционирован государством и проведен в жизнь вопреки сопротивлению общества. Сегодня возникла возможность космополитического государственно-го федерализма, когда существуют лишь стратегии как формы действия контингентности политического, которые дифференцируются по различным группам акторов – капитал, глобальное гражданское общество, государства. Стратегия есть синоним отсутствия всемирного государства в сочетании с эпохой космополитической борьбы (грюндерской) за глобальную систему правил [33, с. 115-116, 130-131, 145, 170].

Как видим, мнение У. Бека о сильном государстве в эпоху квазигосударства существенно расходится с вышеприведенной точкой зрения З. Баумана на этот счет о

том, что именно слабые квазигосударства требуются Новому Мировому Порядку. Здесь возникает правомерный вопрос: зачем квазигосударствам решать проблемы централизации и децентрализации. Ведь еще Библия предрекала ликвидацию всякой власти. О том же писали и марксисты-ленинцы, и анархисты. Но через тысячи лет государство все-таки существует, то не исключается, что в трансформированном виде оно будет существовать далее. Ведь оно не само себя создавало, а его, как утверждает Платон, создали наши потребности [34, с. 145]. А для Аристотеля государство принадлежит к тому, что существует по природе, человек же по природе своей есть существо политическое [28, с. 378]. Поэтому будем надеяться, что, вопреки всем апокалиптическим предсказаниям, возобладает природная потребность человека, который найдет в себе силы для ее реализации вновь реанимировать государство.

Выводы и дальнейшие направления научных исследований. Изложенные выше материалы позволяют утверждать, что поиск сочетания механизмов централизации и децентрализации на сегодня не имеет достаточного теоретического обоснования, а потому неконструктивен. Для приведения этого поиска в состояние конструктивности целесообразно применить архетипические подходы, в частности с использованием идеи властной цефализации, которая напрямую связана с парадигмой ноосферы, а через нее с идеологией формирования духовного капитала (где бы интегрировались подвиды капитала: символический, социальный, культурный, экономический, пр.).

Целесообразно в рамках научного сообщества создать специальную группу ученых и специалистов различных научных сфер, для осуществления постановки задачи адаптации теории развития государства и общества к принципам архетипики. Для повышения эффективности деятельности подобной группы ее состав необходимо формировать на конкурсной основе с предоставлением соответствующих проектов.

Рекомендации органам законодательной и исполнительной власти.

Верховному Совету Украины целесообразно проводить опрос общественного мнения на предмет установления потенциальных асимметрий и дисгармоний в действующем законодательстве, касающемся всего круга вопросов централизации и децентрализации власти, а далее осуществлять обстоятельный анализ письменных предложений граждан и периодически (один раз в году) проводить парламентские слушания с формированием и опубликованием соответствующих рекомендаций.

Кабинету Министров Украины целесообразно разработать методологию, на основании которой можно было бы унифицировать распределение полномочий между Кабинетом Министров Украины и входящими в него министерствами и ведомствами, и между центральными и местными органами исполнительной власти.

Список літератури:

1. Стратегія економічного і соціального розвитку України на 2004–2015 рр. “Шляхом європейської інтеграції”. – К. : ІВЦ Держкомстату України, 2004. – 416 с.
2. Аристотель. О душе / Аристотель ; пер. с древнегреч. // Соч. : в 4-х т. : Т.1. – М. : Мысль, 1976. – С. 369–450.
3. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль / Ф.Х. Найт ; пер. с англ. М.Я. Каждана ; науч. ред. пер. В.Г. Гребенников. – М. : Дело, 2003. – 360 с.
4. Державне управління в Україні: централізація і децентралізація : монографія / відп. ред. Н.Р. Нижник ; кол. авт.: В.Б. Авер'янов, І.А. Грицяк, С.Д. Дубенко та ін. – К. : Вид-во УАДУ, 1997. – 448 с.
5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн ; пер. с англ. – СПб. : Университетская книга, 2001. – 416 с.
6. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. / пер. с нем. – СПб. : Наука, 2001. – 417 с.
7. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма ; [пер. с англ.]. – М. : АСТ ; АСТ-Москва ; Хранитель, 2006. – 220 с.
8. Мангейм К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм ; пер. с англ. – М. : Юрист, 1994. – 697 с.

9. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З Бауман ; пер. с англ. – М. : Весь Мир, 2004. – 188 с.
10. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр ; пер. и вступ. ст. Зенкин С.Н. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
11. Бурдьё П. Начала / П. Бурдьё ; пер. с фр. Шматко Н.А. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.
12. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель ; пер. с древнегреч. // Соч. : в 4-х т. : Т. 4. – М. : Мысль, 1983. – С. 53–294.
13. Аристотель. Метафизика / Аристотель ; пер. с древнегреч. // Соч. : в 4-х т. : 1 Т. – М. : Мысль, 1976. – С.63–368.
14. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : Т. 1. : Кн. 1. / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Госполитиздат, 1960. – 907 с.
15. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : Кн. III., Ч. 2. / . / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Госполитиздат, 1962. – Т. 25. – 551 с..
16. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Ч. 1. / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Госполитиздат, 1962. – Т. 26. – 476 с.
17. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Ч. 1. / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Госполитиздат, 1968. – Т. 46. – 317 с.
18. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Ч. 2. / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Госполитиздат, 1969. – Т. 46. – С. 290.
19. Бернал Дж. Возникновение жизни / Дж. Бернал ; пер. с англ. – М. : Мир, 1969. – 391 с.
20. Гёте И.В. Избранные сочинения по естествознанию / И.В. Гёте ; пер. и ком. И.И. Канаева ; ред. Е.Н. Павловского. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 212 с.
21. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М. : Наука, 1988. – 520 с.
22. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере / В.И. Вернадский // Успехи современной биологии. – 1944. – № 18. – Вып. 2. – С. 113–120.
23. Вишняцкий Л.Б. Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры : курс лекций / Л.Б. Вишняцкий. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Кишинев : Высшая Антропологическая Школа, 2005. – 396 с.
24. Платон. Тимей / Платон ; пер. с древнегреч. // Соч. : в 3-х томах : Том 3 : Ч. 1. – М. : Мысль, 1971. – С. 455–542.
25. Савельев С.В. Происхождение мозга / С.В. Савельев. – М. : Веди, 2005. – 368 с.
26. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории : сб. / А.Дж.Тойнби; пер. с англ.. – 3-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2006. – 592 с.
27. Саймон Г. Административное поведение / Г. Саймон ; пер. с англ. – К. : АртЕк, 2001. – 392 с.
28. Аристотель. Политика / Аристотель пер. с древнегреч.// Соч. : в 4-х т. : Т. 4. – М. : Мысль, 1983. – С. 375–644.
29. Минцберг Г. Структура в кулаке : создание эффективной организации / пер. с англ. – СПб. : Питер, 2004. – 512 с.
30. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер, с англ. – М. : Альпина Паблшер, 2003. – 504 с.
31. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке : пер. с франц.; Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.
32. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт : пер. с англ.. – М. : ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига»; СПб. : Terra Fantastica, 2004. – 602 с.
33. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек ; пер. с нем. – М. : Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 464 с.
34. Платон. Государство / Платон : пер. с древнегреч. // Соч. : в 3-х томах : Том 3., Ч.1. – М. : Мысль, 1971. – С. 89–454.

Татьяна АВРАМЕНКО

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ
МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ
(АРХЕТИПИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ)**

Постановка проблемы. Реформирование отечественного здравоохранения – тематика, находящаяся в фокусе внимания с первого года независимости Украины. На сегодня она достигла пика актуальности, ведь является одной из ключевых в программе реформ, подготовленной по инициативе Президента. Вместе с тем не секрет, что эта тема вызывает и огромное количество дискуссий, недоразумений и критику как со стороны общественности, так и со стороны профессиональных кругов, поскольку здравоохранение – это та сфера, которая не любит экспериментов, ведь она касается самого ценного – здоровья и жизни человека.

Следует отметить, что подходы, которые реализовались в последнее время, часто вызывали вопросы: насколько они согласованы, насколько соответствуют реальной картине не только в медицинской сфере, но и в стране в целом? Довольно часто ответ неутешителен – принятие управленческих решений зачастую не учитывает реального состояния дел.

Таким образом, на сегодня крайне актуальным является исследование вопросов государственного управления здравоохранением в условиях системных изменений. Одними из таких изменений являются медико-демографические изменения, ведь реформирование отечественного здравоохранения происходит на фоне постоянного демографического кризиса. Старение населения вызывает ряд важных как экономических, так и медико-социальных проблем: уменьшение количества трудоспособного населения (15–64 лет), снижение показателей рождаемости и рост смертности, нарастающую потребность в медицинской помощи, уходе за одинокими пожилыми людьми и т.п. Важность исследования данного вопроса обусловлена еще и тем, что в последнее время произошла «медиагизация» государственной политики, когда современные СМИ создают условия так называемой символической деятельности политиков, когда политика превращается в «игру на публику», стилизируясь согласно ожидаемым результатам [18].

Анализ последних исследований и публикаций дает право утверждать, что в научной литературе достаточно полно исследованы вопросы государственного управления сферой здравоохранения, развития и реформирования как медицины, так и гериатрической помощи в Украине. В частности, вопросы государственного управления сферой здравоохранения исследовали такие ученые, как М. Билинская, А. Виноградов, Ю. Вороненко Л. Жалило, Д. Карамышев, В. Корецкий, В. Лехан, В. Москаленко, Я. Радыш, Н. Рынгач, В. Рудый, Г. Слабкий, И. Солоненко и др..

Развитию гериатрической помощи населению в новых социально-экономических условиях в Украине посвящены научные труды В. Москаленка, В. Чайковской, Д. Чеботарева; Н. Сачук, А. Токаря, Н. Вержиковской и других ученых.

Относительно исследования архетипики государственного управления, то хотя это направление научного поиска достаточно новое,

**АВРАМЕНКО
Татьяна,
AVRAMENKO
Tetiana,**

*кандидат наук
государственного
управления, докторант
кафедры управления
охраной общественного
здоровья Национальной
академии
государственного
управления при
Президенте Украины,
г. Киев.*

Аннотация: *в статье
проанализированы
теоретические основы
и практические
аспекты
реформирования
отечественной сферы
здравоохранения с
позиции методологии
архетипики в
контексте выработки
новых подходов
государственного
управления
здравоохранением
в условиях медико-
демографических
изменений.*

**Ключевые
слова:** *архетипы
государственного
управления,
здравоохранение,
гериатрическая
помощь, медико-
демографические
изменения.*

**УДК 351.77:314
(364.:477)**

все же оно имеет свое отражение в научных трудах таких ученых, как А. Амосов, Е. Афонин, Т. Вакулова, А. Донченко, Л. Кочубей, А. Пелин, А. Радченко, А. Романенко, Ю. Шайгородский, В. Шедяков и др. Вместе с тем, остаются практически не исследованными вопросы архетипики государственного управления здравоохранением.

Целью статьи является теоретическое обобщение вопросов государственного управления здравоохранением в условиях медико-демографических изменений и определение его архетипической составляющей.

Изложение основного материала. Украина принадлежит к «старым» странам мира. По количеству лиц в возрасте 65 лет и старше в общей структуре населения в начале XXI века Украина занимает 11-е место в мире [25; 26]. Согласно данным Института геронтологии, население в возрасте 60 лет и старше составляет 20,3 % с прогнозируемой тенденцией к его дальнейшему повышению. По данным демографического департамента ООН уже к середине этого столетия ожидается увеличение данного показателя в Украине до 38,1 %, в том числе население в возрасте 80 лет и старше увеличится в 3,5 раза. При этом характерной особенностью современной возрастной структуры населения Украины (что обязательно следует учитывать при формировании политики развития отечественной сферы здравоохранения) является то, что пирамида старения населения растет только «снизу» за счет высокой смертности взрослого населения и снижения рождаемости (Рис .1), в отличие от стран Запада, где происходит старение «сверху» в результате снижения смертности [25; 26].

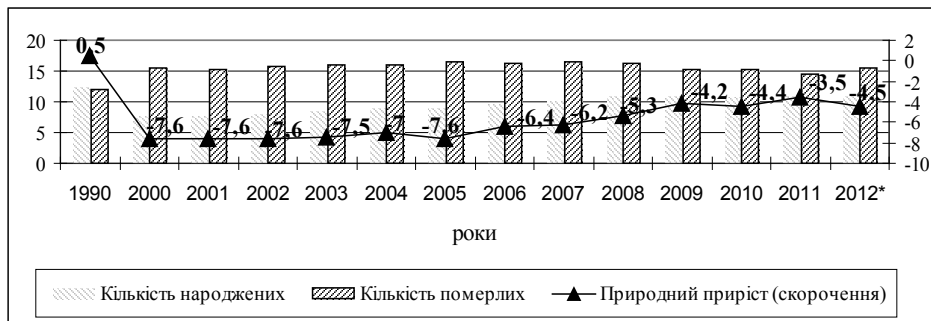

Рис. 1. Динамика общих коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста (сокращения) населения Украины (на 1000 населения)

Таким образом, «старение» в Украине осложняется следующими негативными факторами [1].

1. Медико-демографические показатели:

а) низкий уровень рождаемости (который хотя и несколько повысился за последние годы, но остается достаточно низким) в сравнении с высокой смертностью, отрицательный естественный прирост [12] (рис. 1). Кроме того, необходимо учитывать, что среди рожденных детей только около 11 % вполне здоровы, остальные рождаются с определенными патологиями, и часть из них пополнит количество инвалидов, которых и так в стране более 2,8 млн человек [24], что детерминирует существенные проблемы со здоровьем и необходимость длительного ухода в будущем;

б) рост заболеваемости. Ведущую роль в формировании заболеваемости и смертности играют хронические неинфекционные заболевания, которыми страдают до 60 % взрослого и почти 20 % детского населения [12]. По данным Центра медицинской статистики МЗ Украины, в 2010 г. среди лиц в возрасте старше трудоспособного зарегистрировано 31 млн 750,2 тыс. заболеваний (в 2009 г. – 30 млн 578,3 тыс.) [28], среди которых преобладают болезни системы кровообращения (свыше 20 %), органов дыхания (около 25 %), глаза и его придаточного аппарата (около 9 %). Такая тенденция сохранялась и в 2011 году, что нужно учитывать при формировании стратегии развития отечественного здравоохранения, при разработке программ сохранения и улучшения здоровья населения старшей возрастной группы как на государствен-

ном, так и на региональном уровнях, ведь для населения пенсионного возраста уровни заболеваемости, первичной инвалидности и смертности соответственно в 2,3, 1,5 и 8 раз выше, чем в трудоспособном возрасте, что детерминировано возрастными изменениями организма. Соответственно растет и потребность в медицинской помощи: 43,1 % населения старше трудоспособного возраста (41,8 % городских и 45,0 % сельских жителей) нуждаются в периодическом медицинском осмотре и профилактических реабилитационных мероприятиях, 40,7 % (43,3 % и 37,2 %) – в активном медицинском наблюдении и восстановительном лечении, 9,7 % (10,6 % и 8,3 %) – в интенсивном стационарном лечении с последующим назначением медико-социальной реабилитации, 6,5 % (4,3 % и 9,5 %) – в постоянной ежедневной медицинской и социально-бытовой помощи в полном объеме [1; 25; 26].

в) уменьшение людей в возрасте от 5 до 24 лет (предтрудоспособного возраста) [12] (рис. 2).

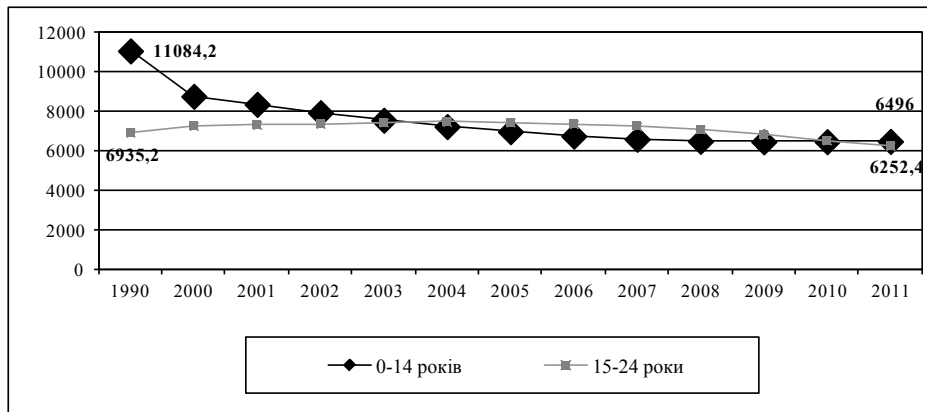

Рис. 2. Распределение постоянного населения Украины в возрасте до 25 лет.

Это приведет к росту демографической нагрузки на людей трудоспособного возраста (демографическая нагрузка – обобщенная количественная характеристика возрастной структуры населения, показывает нагрузку на общество и экономику производственного населения [25, 26]) (табл. 1).

Таблица 1

Демографическая нагрузка в 2006-2010 гг.
(на 100 человек трудоспособного возраста) [1, 8, 23, 25, 26]

Год	Демографическая нагрузка		
	общая	детьми	лицами после трудоспособного возраста
2006	56,4	23,4	33,0
2007	55,8	23,0	32,9
2008	55,6	22,7	32,8
2009	55,9	22,8	33,0
2010	56,8	23,1	33,7
2011	66,6	25,5	41,1

Более того, как указывают эксперты, в дальнейшем будет наблюдаться рост демографической нагрузки, поскольку население страны будет уменьшаться в сегменте трудоспособного возраста. Так, по результатам прогнозных расчетов, в ближайшие десятилетия демографическая нагрузка на трудоспособный контингент в Украине будет увеличиваться, а в его структуре уже после 2020 года ускоренно будет расти доля нагрузки именно лицами послетрудоспособного возраста [1; 8; 25; 26].

2. Накопление в структуре общества одиноких пожилых людей (почти 3 млн человек, то есть каждый 5 пенсионер). Все они испытывают потребность в различных

видах посторонней повседневной заботы [25; 26]. По официальным данным, на сегодняшний день среди населения старше 70 лет 18,3 % нуждаются в ежедневной социально-бытовой помощи, 82 % постоянно принимают лекарства, среди людей старше 80 лет 20 % нуждаются в специализированной психиатрической помощи [25; 26], и эта проблема со временем будет только усугубляться. Так, по данным экспертов, к середине нынешнего столетия количество нетрудоспособных стариков, которые будут проживать одиноко, увеличится втрое. Среди причин данной ситуации можно назвать такие: распад многопоколенных семей, разная продолжительность жизни мужчин и женщин, традиционное преобладание в обществе малолетних семей, миграция молодежи из сел и другие [1].

3. Недостаточно развитая и нескоординированная система гериатрической помощи населению. Гериатрическая помощь в Украине предоставляется в системе общих учреждений здравоохранения и специальных гериатрических структурах Министерства здравоохранения, в системе амбулаторных и стационарных учреждений Министерства труда и социальной политики, а также частично общественными и религиозными организациями: Обществом Красного Креста Украины, Каритас Украины, Хессед и другими [4]. Но современный уровень оказания медицинской и социальной помощи населению послепенсионного возраста в Украине не соответствует его реальным потребностям, особенно это касается людей старческого возраста (75–89 лет) и долгожителей (более 90 лет), потребность которых в медико-социальной помощи значительно возрастает. Это обусловлено следующими проблемами.

а) Низкий уровень доступности медицинской помощи. Потребность в амбулаторной терапевтической и специализированной консультативной помощи находится на неудовлетворительном уровне (в среднем, на 47,0 %); в реабилитационном поликлиническом лечении – на 81,0 %, в организации стационаров на дому – на 71,1 %, в скорой медицинской помощи – на 32,5 %, в стационарном интенсивном лечении – на 26,2 % и в социально-бытовом обслуживании – на 20,5 %. Более того, каждый четвертый человек старческого возраста и старше самостоятельно не выходит за пределы своего дома, каждый пятый не может самостоятельно осуществить элементарные гигиенические процедуры. При этом для пожилых жителей сельской местности показатели качества и доступности медицинской помощи значительно ниже, чем для городских, а в ходе реформирования отечественной сферы здравоохранения, в отдельных случаях происходит разрушение и без того недостаточно развитой сети гериатрической помощи [22; 25; 26].

б) Несовершенство и декларативность системы обеспечения лекарствами. До сих пор в нашей стране отсутствует единая скоординированная система фармацевтической помощи пожилым людям, это при том, что почти каждый пожилой человек болеет одновременно 4–5 хроническими заболеваниями, каждый второй нуждается в лечении [7], а платежеспособность этой категории пациентов очень низка. В ряде европейских стран предусмотрено возмещение стоимости лекарственных средств для всех лиц старше 65 лет. В нашей стране вопрос льготного или бесплатного отпуска лекарственных средств пожилым людям остается нерешенными, несмотря на мощную законодательную базу.

Согласно отечественному законодательству льготное обеспечение лекарствами положено ветеранам и инвалидам ВОВ [16], инвалидам 1, 2 и 3 групп, детям-инвалидам [14], а также ветеранам труда и лицам, имеющим особые трудовые заслуги перед Родиной [15]. Кроме того, согласно законам Украины «О местном самоуправлении в Украине» и «О местных государственных администрациях» местные органы исполнительной власти и местного самоуправления могут предоставлять дополнительные льготы малообеспеченным слоям населения за счет средств местных бюджетов [27]. Обеспечение же лекарствами остальных (подавляющего большинства) престарелых остается нерешенным. Более того, упомянутая выше категория людей, которым предусмотрено льготное обеспечение лекарствами, не всегда может воспользоваться льготами по причине или недостаточного финансирования, или отсутствием осве-

домленности о праве на льготное обеспечение лекарствами, или из-за физической неспособности добраться к врачу или в аптеку (например, в сельской местности).

Нет в Украине и такой структурной единицы, как гериатрическая аптека – профильного специализированного учреждения, или специалиста в обычной социальной аптеке или, по крайней мере, в поликлинике, который бы предоставлял консультативно-информационно-профилактическую помощь пожилым людям по поводу обеспечения лекарствами, особенностей их приема и тому подобное.

В 2012 году в Украине с целью повышения экономической доступности лекарственных средств, в первую очередь для социально незащищенных больных артериальной гипертензией, Кабинет Министров Украины принял Постановление № 340 «О реализации пилотного проекта по внедрению государственного регулирования цен на лекарственные средства для лечения лиц с гипертонической болезнью». Данным постановлением предусмотрено установление предельного уровня оптово-отпускных цен на группу монопрепаратов, используемых для лечения лиц с гипертонической болезнью. Это – позитивный шаг, учитывая то, что среди заболеваемости пожилых людей преобладают болезни системы кровообращения. Но остается открытым вопрос механизма возмещения этих средств, особенно в сельской местности, тем более, что у нас, согласно Постановлению КМУ от 17 августа 1998 № 1303 «Об упорядочении бесплатного и льготного отпуска лекарственных средств по рецептам врачей в случае амбулаторного лечения отдельных групп населения и по определенным категориям заболеваний» предусматривался бесплатный или льготный отпуск лекарственных средств по рецептам врачей в случае амбулаторного лечения, например, таких заболеваний, как сахарный диабет, бронхиальная астма, инфаркт миокарда (первые шесть месяцев), которые также весьма распространены среди пожилых людей. Но реализации данного Постановления в полной мере не было по причине недостаточного финансирования, неосведомленности пациентов и т.д. [1].

в) Невершенство системы зубопротезных услуг. В Украине согласно действующему законодательству, в частности законам Украины «Об основах социальной защищенности инвалидов в Украине», «О статусе ветеранов войны, гарантии их социальной защиты», «Об основных принципах социальной защиты ветеранов труда и других граждан преклонного возраста в Украине», «О милиции» (ст. 22) [13], «О статусе и социальной защите граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы» (Ст. 23) [17] и т.п., инвалидам, ветеранам войны и труда, пожилым людям и другим категориям, указанным в законодательстве, предусмотрено бесплатное или первоочередное зубопротезирование со снижением его стоимости на 50 % (за исключением зубопротезирования из драгоценных металлов и материалов, приравненных по стоимости к ним, что определяется Министерством здравоохранения Украины) [17]. Но на практике, по таким причинам, как: недостаточное финансирование; которое, к тому же выделяется с задержкой; обслуживание определенных, предусмотренных в нормативных документах, медицинских учреждениях; неосведомленностью пожилых людей; большими очередями ожидания; транспортными проблемами (для сельской местности) и т.д., процент нуждающихся льготного зубопротезирования остается достаточно высоким [1].

г) Низкий уровень развития паллиативной помощи. По данным экспертов Ассоциации паллиативной и хосписной помощи, опирающихся на данные Государственного комитета статистики Украины, в разной степени интенсивности поддерживающей помощи в конце жизни в Украине ежегодно нуждается не менее 500 000 человек (большое количество из которых – пожилые, люди старческого возраста и долгожители), а также почти 2 млн членов их семей. Как и в большинстве стран мира, в основном нуждаются в паллиативной помощи старики и лица с такими неизлечимыми болезнями, как СПИД, туберкулез, онкологические болезни, сердечно- и cerebroсосудистые заболевания, сахарный диабет, болезнь Альцгеймера и т.д. Хосписная помощь этим пациентам оказывается или на дому, или стационарно в медицинских учреждениях. Согласно расчетам ВОЗ, потребность в стационарных койках состав-

ляет 7 коек на 100 тыс. населения. Для Украины этот показатель составляет 3700 стационарных коек [21]. Однако в нашей стране очень мало придают внимания этой проблеме, не хватает специализированных медицинских учреждений – по состоянию на 1 января 2012 г. в Украине работало всего 5 стационарных хосписов и 13 паллиативных отделений, которые имеют в общем 521 стационарных коек, и 7 центров профилактики и борьбы с ВИЧ/СПИД, имеющих до 50 хосписных коек. Еще 3 хосписа – это благотворительные учреждения, а их соучредителями являются местные управления здравоохранения (65 коек). В них предоставляется медицинская и элементы психологической и духовной поддержки. Эти медицинские учреждения, в свою очередь, сталкиваются с проблемой недостаточного финансирования и нехваткой персонала. Наш медицинский персонал не имеет надлежащей профессиональной и психологической подготовки в работе с паллиативными больными. Таким образом, большинство граждан не имеют доступа к адекватной комплексной паллиативной и хосписной помощи [5]. Эти проблемы продолжают существовать, несмотря на то, что им уже не первый год уделяется много внимания и в СМИ, и в научных кругах; неоднократно поднимался вопрос и на государственном уровне – согласно Приказу МОЗ Украины № 159-0 от 24.07.2008 г., было создано Государственное предприятие «Институт паллиативной и хосписной медицины МЗ Украины» как базовое научно-методическое и клиническое заведение по паллиативной и хосписной помощи людям с неизлечимыми болезнями и ограниченным сроком (прогнозом) жизни; с 2010 года создана рабочая группа, которая занимается разработкой стандартов и клинических протоколов в паллиативной и хосписной медицине, подготовлена Государственная целевая программа развития паллиативной помощи до 2014 г. (она так и не получила дальнейшего внедрения), внесены изменения в Закон «О внесении изменений в Основы законодательства Украины о здравоохранении относительно усовершенствования оказания медицинской помощи» (вступил в силу 1 января 2012), куда было включено понятие «паллиативная помощь» (ст. 35-4) [1; 2; 11], в рамках реформирования медицины в Украине разработаны примерные таблицы оснащения для специализированного учреждения особого типа «Хоспис», для отделений паллиативной и хосписной медицины и для хосписа на дому. Они легли в основу Проекта приказа Минздрава Украины «Об организации деятельности и функционирования учреждения здравоохранения особого типа “Хоспис”, отделения/палаты паллиативной и хосписной медицины и специализированной мультидисциплинарной мобильной бригады паллиативной помощи “Хоспис на дому”», который находится на этапе общественного обсуждения на сайте Минздрава Украины еще с 2010 года [21]. Кроме того, разработан подраздел «Паллиативная помощь» для Общегосударственной программы «Здоровье – 2020: украинское измерение» [12].

д) Несовершенство системы организационно-кадрового обеспечения гериатрической помощи. В Украине фактически разрушена система подготовки и функционирования института гериатров, а в амбулаторной сети почти полностью ликвидированы должности врачей-гериатров. Количество специалистов по специальности «гериатрия» резко уменьшилось (часто на область приходится один областной гериатр), а углубленных знаний особенностей возрастной патологии и гериатрической помощи на уровне первичного звена не хватает [1; 25; 26], хотя первичным звеном амбулаторно-поликлинической помощи пожилым людям является участковый врач-терапевт (врач общей практики – семейной медицины). Его рабочая нагрузка предусматривает до 60 % амбулаторного обслуживания и 90 % помощи на дому пожилым больным [1; 25; 26].

Следует отметить, что база для подготовки таких специалистов в Украине есть, ведь еще в 2005 году в рамках выполнения программы Мадридского международного плана действий по проблемам старения с целью усовершенствования додипломной и последипломной гериатрической подготовки медицинских и социальных работников и волонтеров для системы медико-социальной помощи людям пожилого возраста на базе Института геронтологии АМН Украины был создан Государствен-

ный учебно-методический гериатрический центр, но его возможности в полной мере не используются [1; 25; 26].

Таким образом, многочисленные потребности как медицинского, так и социального, психологического и т.п. характера, которые формируются в условиях старения населения, должны определять направление государственной политики медико-социальной помощи населению пожилого возраста на всех этапах структурной перестройки медицинской сферы. Понимая это, Украина еще в 2002 году взяла на себя обязательства, предусмотренные Мадридским международным планом действий по старению, принятым на Второй Всемирной Ассамблее в 2002 г. [6], в соответствии с которым была создана законодательная база.

На сегодня социальная политика государства по обеспечению прав престарелых закреплена достаточно мощной нормативно-правовой базой, в т.ч. законами Украины «Об основных принципах социальной защиты ветеранов труда и других граждан преклонного возраста в Украине», «О статусе ветеранов войны, гарантии их социальной защиты» «О социальных услугах», «О реабилитации инвалидов в Украине», Приказом МЗ Украины № 73 от 08.04.1993 «О улучшения медицинского обслуживания престарелых» [1; 10; 20] и т.д. Этими правовыми документами предусмотрены осуществление комплекса мероприятий по улучшению медицинского и социально-бытового обслуживания престарелых, расширение практики работы выездных медицинских бригад (семейных врачей, участковых терапевтов, специализированных диагностических, консультативных, стоматологических) и медико-социальных экспертных комиссий в сельскую местность, а также выездных дневных стационаров областных госпиталей и т.д. Кроме этого для улучшения качества жизни и здоровья населения старших возрастных групп направлялись ряд государственных программ, в частности программа «Здоровье пожилых людей» (1998–2002 гг.), Государственная комплексная программа социально-медицинского обеспечения ветеранов войны на период до 2005 года, Межотраслевая комплексная программа «Здоровье нации» на 2002–2011 гг., отдельный раздел которой «Сохранение здоровья в старости» касался решения медико-социальных проблем пожилых людей, и т.п. Вместе с тем, в отечественном здравоохранении существует ряд проблем, из-за которых в Украине не обеспечивается надлежащая гериатрическая помощь. Ни одна из государственных программ не была профинансирована на 100 %, поэтому не добились ожидаемых результатов [1].

Более действенными были региональные программы, в частности «Забота», «Ветеран», «Здоровье пожилых людей» и др., кроме того, в городах и районах Украины действуют центры волонтерского движения, в состав которых входят представители управлений (отделов) труда и социальной защиты населения – их работа является более действенной и ощутимой для тех, на кого она направлена [1].

Кроме этого, в октябре 2011 года Распоряжением КМУ [1; 12] была одобрена новая программа «Здоровье-2020: украинское измерение», целью которой является продление качественной жизни населения, здоровье и благосостояние граждан Украины путем создания новой системы охраны здоровья [9]. Одним из подразделений данной программы, в основу которой положена новая европейская стратегия «Здоровье-2020», является «Улучшение здравоохранения пожилых людей». Задачи, которые ставятся в этой программе, являются следующими: разработка политики и стратегии, направленной на профилактику заболеваний пожилых людей, устранение проявлений социального и экономического неравенства по возрастному признаку для обеспечения равного доступа пожилых людей к услугам здравоохранения, обеспечение сохранности максимального функционального потенциала на протяжении всей жизни, содействие всестороннему участию инвалидов пожилого возраста во всех аспектах жизни общества и т.д. Они во многом пересекаются с задачами предыдущих программ, которые так и не были реализованы на практике [1; 12].

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Подводя итог проведенному анализу проблем обеспечения пожилых людей в Украине медико-социальной

помощью, отметим, что основными проблемами на сегодня остаются следующие: несоординированная нормативно-правовая база, низкий уровень ее обеспечения, ограниченное финансирование (по данным экспертов, ориентировочная стоимость медицинского обслуживания в государстве на одного человека пожилого возраста в среднем составляет 675,8 грн в год, что в несколько раз выше реального обеспечения [1, 19, 25, 26]), отсутствие официальной статистики по проблемам паллиативной и хосписной помощи, отсутствие специализации медицинского персонала по данной проблематике, недостаточная информированность населения о возможностях герiatricкой, паллиативной и хосписной помощи в Украине и т.п.

Анализ проблемы показывает, что вопросы стратегии развития отечественного здравоохранения должны формироваться с учетом современной медико-демографической ситуации. На это указывают и эксперты ВОЗ, ведь старение населения ставит перед обществом вопрос необходимости решения не только чисто медицинских, но и ряда проблем политического, экономического, социального, культурного, психологического и т.п. характера; возрастает потребность в различных видах не только медицинской, но и социально-бытовой помощи, и, соответственно, растут расходы общества на предоставление этой помощи, увеличивается объем финансирования на пенсионное обеспечение, выплату льгот, обслуживание нетрудоспособных пожилых граждан и тому подобное.

Таким образом, рассматривая вопросы современного государственного управления здравоохранением с позиции его архетипической составляющей, следует отметить, что построение отечественного здравоохранения должно:

– во-первых, базироваться на принципах справедливости, ведь согласно Платону ключевым понятием «государства» является справедливость, то есть то, что государство (а, соответственно, и государственное управление) создается не просто для того, чтобы в нем жить, но чтобы жизнь эта была справедливой и счастливой [3];

– во-вторых, использовать собственный положительный опыт работы здравоохранения, адаптируя его к современным социально-экономическим и медико-демографическим реалиям, ведь архетипы для отечественной сферы здравоохранения сегодня являются, прежде всего, проявлением связи прошлого и будущего в обеспечении здоровья нации.

Раскрытию именно этих позиций и будут посвящены наши дальнейшие научные исследования.

Рекомендации органам законодательной и исполнительной власти:

1. ВР Украины, Минздрава Украины, Совету министров АР Крым, Минсоцполитики Украины вместе с Министерством финансов, Министерством экономики, Министерством юстиции, Министерством внутренних дел, а также местными государственными администрациями в пределах своих полномочий следует создавать условия для безусловного выполнения норм Конституции Украины и действующего законодательства по предоставлению гарантированной медицинской помощи пожилым людям и об усилении ответственности за несоблюдение данного законодательства.

2. Пересмотреть позицию в вопросе введения обязательного медицинского страхования в Украине. Для этого надо создать экспертную комиссию из экономистов, финансистов, правоведов, профсоюзов и т.п. относительно вычисления процента страхового покрытия медицинской помощью населения, финансовой нагрузки на работающее население с учетом сегодняшней и будущей демографической нагрузки, при этом обязательно следует учитывать такой важный фактор, как «медицинская инфляция». На наш взгляд, при нынешней медико-демографической, социальной и экономической ситуации в Украине внедрение обязательного медицинского страхования только обострит и без того сложную ситуацию по обеспечению населению Украины равного доступа к гарантированной медицинской помощи.

3. С целью предупреждения развития хронических заболеваний, которые с возрастом только усугубляются, необходимо усилить профилактическую составляющую отечественного здравоохранения, а именно:

– обязать Минздрав Украины восстановить систему обязательных медицинских осмотров (диспансеризацию) с целью ранней диагностики заболеваний, создания единого пространства доступной для всех слоев населения медицинской помощи. Для этого надо продолжать развитие и укрепление первичного звена, популяризацию института семейного врача. В программу диспансеризации следует привлекать таких специалистов, как кардиологи, онкологи, специалисты по профзаболеваниям и т.п. Необходимо отходить от системы эпизодического симптомного лечения в пользу системы, предусматривающей профилактику и отвечающей потребностям пациентов с хроническими заболеваниями с целью предотвращения обострений и осложнений.

– Минздраву Украины, Совету министров АР Крым, Минсоцполитики Украины, местным госадминистрациям на базе Центров здоровья, территориальных центров социального обслуживания пенсионеров и других структур следует создать школы здорового образа жизни и активного долголетия, университеты третьего возраста, а на базе крупных учреждений создать школы предпенсионной подготовки.

4. Создать координационные (опекунские) советы по вопросам медико-социальной помощи людям пожилого возраста при местных администрациях [1].

Список литературы:

1. Авраменко Т.П. Напрями удосконалення сфери охорони здоров'я в умовах постаріння населення України : аналітична записка [Електронний ресурс] / Т.П. Авраменко. – Режим доступу : <http://www.niss.gov.ua/articles/934>.
2. Борьба за правильную смерть [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.palliativecare.gov.ua/node/161>.
3. Бутирська Т. Архетип «етичного» як визначальний фактор державного будівництва / Т. Бутирська // Публічне управління: теорія та практика : зб. наук. пр. : Спеціальний випуск. – Х. : Вид-во «ДокНаукаДержУпр», 2012. – С. 29.
4. Геріатрична допомога населенню: виклики і перспективи [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://family-doctor.com.ua/geriatrichna-dopomoga-naselennyu/>.
5. Дані Асоціації паліативної та хоспісної допомоги [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.palliativ.kiev.ua>.
6. Доклад второй Всемирной ассамблеи по проблемам старения : (Мадрид, 8–12 апреля 2002 года) [Электронный ресурс] / ООН. – Режим доступа : <http://social.un.org/ageing-working-group/documents/mipaa-ru.pdf>.
7. Людям похилого віку потрібна не лише медико-соціальна допомога, але й інформаційна підтримка. – Віра Чайковська [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.moz.gov.ua/ua/portal/pre_20120406_2.html.
8. Медико-демографічна ситуація та організація медичної допомоги населенню у 2010 році: підсумки діяльності системи охорони здоров'я та реалізація Програми економічних реформ на 2010–2014 роки «Заможне суспільство, конкурентоспроможна економіка, ефективна держава». – К. : МОЗ України, 2011. – 104 с.
9. Мета програми «Здоров'я – 2020: український вимір» – профілактика захворювань, а не лікування хворих [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.moz.gov.ua/ua/portal/pre_20111025_2.html.
10. Москаленко В.Ф. Постаріння як глобальна проблема сучасності [Електронний ресурс] / В.Ф. Москаленко, Т.С. Грузева. – Режим доступу : www.nbuv.gov.ua/.../PH_N3_2008_15.pdf.
11. Основи законодавства України про охорону здоров'я : Закон України : остання ред. 13 січ. 2012 р. № 2801-ХІІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2801-12>.
12. Про затвердження Загальнодержавної програми «Здоров'я-2020: український вимір» : Проект закону України : від 16 берез. 2012 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.moz.gov.ua/ua/portal/Pro_20120316_1.html.

13. Про міліцію : Закон України : остання ред. 13 черв. 2012 р. № 565-ХІІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/565-12/page3>.
14. Про основи соціальної захищеності інвалідів в Україні : Закон України : остання ред. 09 груд. 2012 р. № 875-ХІІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/875-12>.
15. Про основні засади соціального захисту ветеранів праці та інших громадян похилого віку в Україні : Закон України : остання ред. 09 груд. 2012 р. № 3721-ХІІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3721-12>.
16. Про статус ветеранів війни, гарантії їх соціального захисту : Закон України : остання ред. 01 січ. 2013 р. № 3551-ХІІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3551-12/ed20120701>.
17. Про статус і соціальний захист громадян, які постраждали внаслідок Чорнобильської катастрофи : Закон України : остання ред. 01 січ. 2013 р. № 796-ХІІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/796-12/page2>.
18. Радченко О.В. Архетип українського політикуму [Електронний ресурс] / О.В. Радченко. – Режим доступу : http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/pubupr/2010/2010-34/doc/2/06.pdf.
19. Середня тривалість життя в Україні значно нижча від країн Європи, а геріатрична допомога недостатня [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://health.unian.net/ukr/detail/192740>.
20. Сметаніна К.І. Концепція теорії та практики фармацевтичної допомоги геріатричним хворим [Електронний ресурс] / К.І. Сметаніна. – Режим доступу : <http://novosti.mif-ua.com/archive/issue-22700/article-22729>.
21. Стан паліативної та хоспісної допомоги в Україні фахівці оцінюють як такий, що потребує вдосконалення [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://palliativecare.gov.ua/node/74>.
22. У Дніпропетровську в рамках медичної реформи, що проводиться у регіоні, закрито єдину в місті геріатричну поліклініку, яка щороку обслуговувала близько 10 тис. пенсіонерів [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.unian.ua/news/496468-edinu-v-dnipropetrovsku-geriatrichnu-polikliniku-zakrili.html>.
23. Україна: десять років після Мадриду (стан реалізації Мадридського міжнародного плану дій з питань старіння в Україні у 2007–2011 рр.) / Міністерство соціальної політики України ; Фонд народонаселення ООН Інститут демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи НАН України. – Київ, 2011. – С. 13.
24. Федько О.А. Ціннісна природа здорового способу життя для особистості, нації та держави / О.А. Федько // Стратегічні пріоритети. – 2009. – №4 (13). – С. 84.
25. Чайковська В.В. Геріатрична допомога населенню: виклики і перспективи [Електронний ресурс] / В.В. Чайковська. – Режим доступу : <http://family-doctor.com.ua/geriatriчна-dopomoga-naselennyu>.
26. Чайковська В.В. Демографічні прогнози для України [Електронний ресурс] / В.В. Чайковська. – Режим доступу : <http://novosti.mif-ua.com/archive/issue-13366/article-13392>.
27. Щодо додаткових пільг малозабезпеченим верствам населення [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.mlsp.gov.ua/labour/control/uk/publish/article;jsessionid=62A25666839E91CE9B90A78DD3911C03?art_id=117436&cat_id=117425.
28. Щорічна доповідь про стан здоров'я населення та діяльність системи охорони здоров'я України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.uiph.kiev.ua/index.asp?p=annual>.

Эдуард АФОНИН, Андрей МАРТЫНОВ

**АРХЕТИП І СОЦІСТАЛЬНЕ:
ВЗАЄМОДІЯ І ВЗАЄМОВПЛИВИ**

Постановка научной проблемы. Глобальные общественные трансформации усиливают динамику многих процессов и актуализируют необходимость исследования взаимосвязи социального и психологического. Концептуальная постановка проблемы определяет вопросы взаимовлияний архетипов и социетальной психологии в контексте научного анализа социальных проблем разного уровня управления.

Анализ основных исследований научной проблемы, которая рассматривается в данной статье. Швейцарский психолог Карл-Густав Юнг определил архетип как нерациональное подсознательное, то есть абстрактную душу, общую для всех людей, даже если архетипы проявляют себе через индивидуальное сознание. Фактически архетип – это зафиксированный коллективным бессознательным культурный стереотип, который влияет на поведение и историю человечества. Архетип является феноменом человеческого бессознательного, поэтому его характеристики проявляются в культуре и религии, ему свойственна определенная социально-историческая динамика, которая имеет свои закономерности. Первую попытку показать взаимосвязь между развитием мировой истории и идеей архетипа на примере локальных цивилизаций предпринял немецкий философ О. Шпенглер.

Опыт многих поколений, накопленный в духовных сокровищницах памяти культур многих народов, в целом формирует ландшафт архетипов локальных цивилизаций, каждая из которых является частью мирового цивилизационного пространства и соответствует определенным группам народов, этносов и государств, которые самоидентифицируются общностью духовных, культурных, этнических и религиозных ценностей, исторических судеб и геополитических интересов. Последователь Юнга Джеймс Хиллман, основатель школы архетипической психологии, в монографии «Сила характера», пишет, что «характер является направляющей силой» [2, с. 14]. Архетипы становятся осью социетальных процессов.

Социологический справочник определяет понятие социетальный как «систему отношений и процессов, которые рассматриваются на уровне общества в целом» [16]. Одним из первых так рассматривал общество французский мыслитель Анри Сен-Симон [13, с. 327]. Однако понятие «социетальное» по уточненным данным ввел американский социолог Альберт Галловей Келлер (1874–1956) в монографии «Социетальная эволюция: исследование эволюционных основ науки об обществе» (1915 г.) [3]. Чаще всего социетальное рассматривается как характеристика общества в целом, а не только узкой сферы отношений между индивидами [13, с. 255]. Невозможно создать универсальную теоретическую модель общества, опираясь только на какую-либо одну из его структурно-функциональных характеристик или институтов. Французский психоаналитик Ж. Лакан развил концепцию трех регистров психоаналитического поля: реального, символического и представленного в мышлении. Эта концепция корреспондируется с фрейдистской терминологией

**АФОНИН
Эдуард,
AFONIN
Eduard,**

*доктор
социологических
наук, профессор,
засл. деятель
науки и техники
Украины, профессор
Национальной академии
государственного
управления при
Президенте Украины,
г. Киев.*

***Аннотация:** в
статье показано
диалектическое
единство понятий и
концептов архетип
и социетальное.
Архетипы на
онтологическом уровне
универсализируют
социальное
пространство и
время. Конвергенция
концептов архетип
и социетальное
дает возможность
трансформировать
онтологический подход
и рассматривать
архетипы в контексте
качественно-
количественной
методологии
исследования динамики
социальных изменений.*

***Ключевые слова:**
архетип, социетальное,
социетальные
процессы,
трансформация.*

УДК 316.012:141.7

**МАРТЫНОВ
Андрей,
MARTYNOV
Andrii,**

доктор історичних наук, старший науковий співробітник Інституту історії НАН України, м. Київ.

Аннотация: в статье показано диалектическое единство понятий и концептов архетип и социетальное. Архетипы на онтологическом уровне универсализируют социальное пространство и время. Конвергенция концептов архетип и социетальное дает возможность трансформировать онтологический подход и рассматривать архетипы в контексте качественно-количественной методологии исследования динамики социальных изменений.

Ключевые слова:
архетип, социетальное, социетальные процессы, трансформация.

УДК 316.012:141.7

«ид», «эго», «супер-эго», а также философскими представлениями о реально-экзистенциальном, феноменальном и структурном (гипер-реальное) как составляющими человеческого опыта [17, с. 34].

Американский социолог Толкот Парсонс (1902–1979) рассматривал общество как социальную систему, причем он считал, что любые социально значимые действия людей определяются этой системой. Последняя, по мнению Т. Парсонса, имеет интенцию к равновесию. Ради этого необходимы адаптация как соотношение социума и среды, в которой общество существует, достижение цели, поддержание имманентного порядка и мотивирование на достижение идеальной цели. В парсоновской концепции личность больше зависит от социальной системы, нежели определяет ее. Но это утверждение не касается выдающихся исторических личностей.

Социетальные особенности социальных институтов можно рассматривать как системы стабильных связей между людьми, которые организационно воссоздаются благодаря стандартизированным моделям поведения. В этом смысле демократия является системой социальных институтов, способных на правовой основе контролировать властные структуры. Демократия является правом личности высказывать свою точку зрения, с которой могут не согласиться все другие члены общности. Рациональное мышление отступает на второй план, уступая «коллективному бессознательному» [13, с. 206].

Обзор нерешенных ранее задач. Исследование социально-психологических аспектов государственного управления, несмотря на отдельные научные разработки, остается актуальной задачей.

Цель статьи – анализ взаимовлияния архетипичных и социетально-психологических аспектов государственного управления.

Изложение основного материала. Материалистическое понимание истории традиционно отдает приоритет бытию над сознанием. В соответствующей парадигме история воспринимается как своеобразный природно-исторический процесс изменения конкретно-исторических типов общества. При этом социальные факты объясняются главным образом другими социальными фактами. Идеалистическое видение истории общественного развития, наоборот, считает сознание и идеи определяющими для изменений бытия. Более продуктивным является подход, который диалектически учитывает взаимовлияние бытия на сознание и сознания на бытие. Как справедливо отмечает Эрих Фромм, культурный смысл ценностей, превратившись в социальные нормы как основу общественного сознания, направляет ход истории [18, с. 24].

Сложную диалектику этого процесса интегрально характеризует фактор социетальности. Социетальные процессы, рассматриваемые на уровне всего общества формируют социетальную идентичность, которая понимается как «многомерная психосоциальная реальность» [5, с. 80]. Социальная и социетальная идентичность не тождественны. Социальная идентичность определяет принадлежность субъектов к определенным социальным категориям и идентифицируется с ними [6, с. 228]. Социальная идентичность была свойственной эпохе модерна, четким водоразделом которой стала Великая французская революция. Классическими признаками социального самосознания являются классовая, гендерная, возрастная, этническая, географическая и другие типы идентичности. На соци-

альную идентичность влияют культурная и социальная дифференциация, психологические стереотипы [4, с. 394]. Люди действуют под влиянием своей культуры и поддаются ее реверсу. Вследствие своей деятельности социальные субъекты создают новые формы и смыслы культуры. Благодаря этому культуре свойственны исторический характер, относительность и разнообразие. Современным результатом этого исторического развития человеческой культуры является парадигма постмодерна.

Отметим, что для социокультурной «мозаичности» постмодерна более свойственна социетальная идентичность. Социетальная идентичность формирует свой код культуры. Решающую роль в формировании новой социетальной идентичности играют доминирующие культурные ценности и социальные действия, причем нежелание раскрывать свои моральные нормы является признаком массовой культуры, доминирующей в эпоху постмодерна. Вследствие этого язык становится средой, не способной нести истину или универсальный смысл. Место рациональных социальных субъектов, как правило, занимает неструктурированная аномичная масса, которой, кажется, неведомы традиционные социальные ценности.

Происходит ускоренная смена способа политического доминирования, ведь политическая гегемония, как справедливо отмечал итальянский мыслитель А. Грамши, достигается благодаря культурной гегемонии. «Как только доминирующая социальная группа, – пишет А. Грамши, – выполнит свою функцию, идеологический блок проявляет тенденции к распаду» [9, с. 332].

Постмодерная парадигма политики усиливает значение ценностных ориентиров в процессе формирования общественной мысли как важного механизма дискурса, который влияет на принятие рационального политического решения. Не случайно английский социальный мыслитель Эрнст Гелнер рассматривает знание как решающий фактор социальных трансформаций [6, с. 109]. Знания как квинтэссенция социокультурного и социетального развития становятся важным фактором политики.

В идеале знания о социетальных особенностях определенного народа должны формализоваться в своеобразной карте, которая даст возможность по аналогии с геномом человека говорить о конкретном ментальном коде культуры нации. Менталитет можно рассматривать как «систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основанных на общественных знаниях и верованиях, которые вместе с доминантными потребностями и архетипами коллективного бессознательного определяют иерархию ценностей, характерных для представителей той общности, убеждения, идеалы, наклонности, интересы и прочие социальные установки, которые отличают эту общность от других» [10, с. 14]. Ментальность связана с бессознательным и фиксирует архетипичные отличия между социальными субъектами.

Особенная роль в этом процессе принадлежит политической культуре как системе доминирующих ценностей и нормативных моделей поведения власти и граждан. Израильский социолог Ш. Айзенштадт в исследовании «Политическая система империй» (1967) показал, что для обеспечения своей эффективности имперские системы должны мобилизовать или создавать новые материальные и культурные ресурсы.

Историческое наследие Римской империи, формализованное в нормах римского права, греческой культуры и иудео-христианской религиозной традиции, является определяющими для европейской идентичности [1, с. 14]. Наследие византийской империи и нестабильные постимперские раритеты свойственны украинской социетальности, которая по математическим характеристикам близка к пропорции 32 : 68, если тождественность принять за единицу или 100 процентов. В идеале такое соотношение может быть оптимальным для обеспечения динамической стабильности.

Доминирование тенденции развития постиндустриального общества также усиливает значение социокультурного фактора во всех сферах социальной жизни. Кроме того, социокультурные факторы становятся основными детерминантами, которые дифференцируют современную систему международных отношений. Американский

политолог С. Хантингтон отмечал, что «в мире после “холодной войны” культура и культурные идентичности (в расширенном понимании они являются цивилизационной идентичностью) определяют модели солидарности, дезинтеграции и конфликта» [7, с. 11]. В новых социально-исторических условиях социокультурный фактор является определяющим для анализа противоречий процессов политической трансформации.

В 1991 г. Ф. Фукуяма написал книгу «Конец истории», в которой доказывал, что демократия является светлым будущим для человечества. Но в книге 2005 г. «Государственное строительство» он уже писал, что прежде чем строить демократию, нужно создать государственность. От того, какой будет эта государственность, решающим образом зависит качество демократии.

Мощный национальный спрос на реформы зависит от организационных возможностей управленческой элиты, гармоничности и легитимности политической системы, культурных и структурных факторов.

Реально правят те, кто влияет на процесс принятия решений власти. При абсолютизме правители не ограничены традиционными или правовыми нормами и осуществляют свою власть произвольно. Ключевыми противоречиями остаются вопросы балансирования экономических интересов. Ведь политически незащищенные интересы, как правило, игнорируются. Поэтому элиты зависят от поддержки групп интересов, которые контролируют ресурсы общества. Необходимыми нормами и институтами, которые обеспечивают функционирование либеральной демократии, являются следующие: конституционное осуществление контроля осуществления контроля государственной политики выбранными представителями народа, проведение честных свободных выборов, эффективность государственной политики, реальное право граждан на свободу слова в доступных источниках информации, легитимная деятельность независимых ассоциаций. Так возможно управлять одними интересами при помощи других интересов.

Украина представляет сложный пример трансформации. Советская номенклатура больше всех выиграла от распада тоталитарной системы. «Со времени провозглашения независимости, – отмечают Е. Головаха и Н. Панина, – население Украины вынуждено жить в условиях социальной аномии, которая характеризуется отсутствием в обществе ценностно-нормативной базы социальной консолидации, которая невозможна без всеобщего представления о добре и зле, что в обществе приветствуется и что осуждается» [8, с. 49].

Общественное развитие можно рассматривать по аналогии с шахматной партией. Внешняя среда делает ход и ждет хода в ответ. Общество спектакля только имитирует политический процесс. Власть руководит людьми, но не владеет собой, поэтому не владеет и обстоятельствами. Искусство политического управления состоит в способности трансформировать новые общественные запросы в ресурсы, необходимые для инноваций. Политический дискурс в Украине имеет целью не «понимание опыта другого, а переубеждение другого, уподобление его себе» [15, с. 65]. Это усложняет переход от власти как гегемонии к власти как формы партнерства. Не складывается понимание власти как стратегической игры субъектов, каждый из которых имеет суверенную волю и собственные интересы, но руководствуется общими правилами игры. В Украине правила игры переписываются в процессе самой игры. Вследствие этого невозможным становится понимание общего интереса как баланса субъективных интересов.

До сих пор смысл выборов в Украине состоит в том, чтобы «избрать одну из политических элит, которые претендуют на власть, и принять их лидерство» [12, с. 26]. При этом политическая целесообразность остается основным фактором деятельности ветвей власти в Украине [11, с. 19]. Манипулятивные технологии не изменяют твердых убеждений больших социальных групп, а только временно корректируют их

в нужном манипулятору направлении. Поэтому при политической демократии большинство не всегда прогрессивно по своим установкам, стереотипам и ожиданиям.

Демократия, по известному определению А. Линкольна, «является управлением народа, самим народом и ради народа». Правда, Р. Даль отмечает, что ни одна из существующих политических систем не может быть названа демократией, поскольку она означает непосредственное управление народом делами общества и государства, как и равные возможности (а не только права) доступа всех граждан к политической власти. Критерии демократии – право избирать и быть избранным, наличие альтернативных источников информации и свобода слова, свободные регулярные выборы, свобода деятельности политических партий, подконтрольность и сменяемость политических лидеров и общественных деятелей. При этом политическая власть рассредоточена по горизонтали и вертикали как в государстве, так и в гражданском обществе, причем ее многочисленные источники осуществляют реальное, хотя и неодинаковое влияние на принятие политических решений.

Правда, «диктатура не антитеза демократии. Она, – как отмечал немецкий социолог Карл Мангейм, – только один из возможных путей, которым демократическое общество пытается решать свои проблемы. Плебисцитная диктатура может быть охарактеризована как самонейтрализация политической демократии» [14, с. 167].

Выводы. Ответы украинской элиты на исторические вызовы остаются пока что не акцентированными (размытыми). Это, так сказать, в общих чертах трансформационная характеристика общественной системы. Кроме того, по данным отечественного мониторинга общесистемных изменений (1992–2012), общественная система Украины с 2006 г. находится в патопсихологическом состоянии с диагнозом «психоневроз отложенного действия», а следовательно, ее поведение априори является неадекватным. Однако известно, что система начинает работать в «нормальном режиме» в случае органического оформления всех институционально властных механизмов. Существенным неблагоприятным фактором является и то, что институты гражданского общества, призванные в новых условиях стать основой социального контроля, еще слабы и потому не способны контролировать власть. Массовые партии сегодня больше не нужны ни для прихода к власти, ни для ее удержания. Поэтому нынешние украинские партии больше напоминают политически пародийный аналог основанной Ярославом Гашеком «Партии умеренного прогресса в рамках закона».

Ответы украинской элиты на исторические вызовы остаются неакцентированными и неадекватными. Система начинает работать только в случае органического оформления всех властных механизмов.

Украинское государство функционирует как «агент» олигархического капитала. Кризис рациональности стимулируется столкновениями интересов разных кланов, вследствие чего нарушается административная рациональность, которая должна работать на общенациональные интересы. Народ в Украине свои интересы четко не артикулирует. Важной проблемой политического волеизъявления избирателей является степень их компетентности. Если избиратель голосует интуитивно, имея условное впечатление о программах и предыдущей политической практике кандидатов, им легко манипулировать. Чем больше в стране таких избирателей, тем меньшей является степень демократичности выборов. Формально-процессуальная демократия, которая сформировалась в Украине, не является продуктом эволюции гражданского общества, которое отстаивает свои интересы, претензии на свободу и создает соответствующие механизмы их обеспечения.

Социальный мир теряет стабильность. Радикальная политика не всегда популярна в условиях кризиса. Активное меньшинство всегда сильнее молчаливого большинства. Украинскому политическому режиму свойственны высокий уровень политической поляризации национальной элиты, ее низкое качество, высокая конкуренция частных интересов, сохранение кадров бывшей номенклатуры и их воспроизводство,

расцвет бюрократической коррупции, низкий уровень доверия населения к таким политикам и их политике.

Открытым остается вопрос, как коллективная воля, то есть способность к социальному творчеству независимо от структурных ограничений, может влиять на трансформацию социальной структуры? Демократия – это не власть толпы, лозунгов и призывов. Демократия – это власть закона. Предпосылки демократического перехода связаны с усилением среднего класса, ограничением всевластия бюрократии и демофилогизацией общественного сознания, которое продуцирует воссоздание абсолютной власти. Но до сих пор попытки лишить общество иллюзий провоцируют недовольство.

Доминирование антагонистических интересов усложняет политический диалог. Вследствие этого политическая борьба рассматривается как игра с нулевой суммой, когда победа одних ведет к поражению других и желанию лишить оппонента возможностей влияния любыми способами.

Консолидация общества и социальное согласие становятся возможны, только если реформирование ведется в интересах большинства населения Украины. Пока же более 90 % граждан Украины имеют доход в 40 раз меньший, чем остальные 10 %. Такой разрыв в доходах стимулирует гражданские конфликты. В таких условиях Украине сложно стать страной социальной гармонии. Кроме того, средний класс остается фрагментированным и неоднородным. Украинская элита только начинает осознавать, что политика является балансом различных социальных интересов, каждый из которых требует внимания. Поэтому политический кризис обусловлен не столько отсутствием механизмов регулирования внутренних конфликтов, а стремлением элиты управлять страной без учета интересов большинства общества. Поэтому в Украине доминирует недоверие к политическим институтам и политике. Все более четкой становится тенденция к ослаблению легитимности власти.

Процесс формирования новой социетальной идентичности украинского общества еще не завершен. Результатом эффективной трансформации политической системы будет переход общества к стабильному развитию и преодолению состояния общественной аномии, благодаря которой утеряны легитимные мотивы частных интересов. Формирование модели стабильного развития зависит от времени перехода украинского социума из переходного коэволюционного периода своего развития в стабильную эволюционную стадию. Конечно, инверсионные и инерционные факторы будут влиять на внутреннее развитие и влияние на него внешней среды. Внешняя среда также пребывает в турбулентном состоянии. Пик изменений прогнозируется на период до 2025 года. Прогноз социетальных характеристик, которые гипотетически будут характеризовать ментальность украинского социума периода стабильного развития, связан с изменением структуры социальных ценностей. Такими характеристиками могут быть экстраверсия (ориентация на внешнюю среду), прагматичность в восприятии мира, рациональность, сенсорность и интенциональность как доминирование мужского гендера.

Социетально-психологический характер общественной ситуации нашего времени требует большего внимания к общесистемному исследованию общественных процессов. Дефицит таких исследований усложняет процесс принятия управленческих решений, процесс их реализации и коррекции. Отдельный аспект проблемы связан с прогнозированием на этапе подготовки и принятия управленческих решений.

Вместо выводов.

1. В целом ответ украинской элиты на исторические вызовы, которые бросает переходное состояние общественной системы, остается пока «размытым» так же, как неизменно «размытыми» пребывают с 1994 г. социальные нормы украинского общественного системы.

Кроме того, как установлено мониторингом общесистемных изменений в украинском обществе, Украина с 2006 г. находится в патопсихологическом состоянии,

которое характеризует диагноз «психоневроз отложенного действия» (Б. Зейгарник).

Это состояние влечет за собой в целом неадекватное социальное поведение. Обобщенным проявлением такой нерелевантности в Украине можно считать проявления конформизма и частично садомазохизма - поведения, которую описывает при процессах американской «большой депрессии» (30-40-х гг.) Э. Фромм в книге «Бегство от свободы» (1941).

Из-за «органическую» неупорядоченность институционально-властных механизмов Все эти проявления неадекватного социального поведения возникают на фоне несостоятельности общественной системы работать в «нормальном режиме» из-за рассогласования институционально-властных механизмов. Существенным неблагоприятным фактором является и то, что институты гражданского общества, призваны в новых условиях стать основой социального контроля, еще слабые и поэтому могут контролировать власть. Массовые партии сегодня больше не нужны ни для прихода к власти, ни для ее содержания. Нынешние украинские партии больше напоминают политически пародийный аналог основанной Ярославом Гашеком «Партии умеренного прогресса в рамках закона».

Это состояние влечет за собой в целом неадекватное социальное поведение в обществе. Обобщенным проявлением нерелевантности такого поведения становится для Украины феномен конформизма и частично садомазохизма - поведения, которую описывает при процессах американской «большой депрессии» (30-40-х гг.) Э. Фромм в книге «Бегство от свободы» (1941).

Существенным неблагоприятным фактором является и то, что институты гражданского общества, призваны в новых условиях стать основой социального контроля, еще слабые и поэтому могут контролировать власть. Массовые партии сегодня больше не нужны ни для прихода к власти, ни для ее содержания. Нынешние украинские партии больше напоминают политически пародийный аналог основанной Ярославом Гашеком «Партии умеренного прогресса в рамках закона».

2. Банальным является признание того факта, что украинское государство функционирует как «агент» олигархического капитала. Кризис рациональности стимулируется столкновением интересов различных кланов, и вследствие этого нарушается административная рациональность, которая должна работать на общенациональные интересы. Большинство украинского общества (55-56% взрослого населения) в Украине, к сожалению, еще не способно артикулировать свои интересы и, по существу, способно лишь на ситуативное поведение, которым легко манипулировать. Важной проблемой волеизъявления избирателей в сложившейся ситуации является низкая степень осведомленности украинской общественности. Но если избиратель голосует интуитивно, имея условное представление о политической программе и предыдущей политической практике кандидатов, им легко манипулировать. Чем больше в стране таких избирателей, тем меньше степень демократичности выборов. «Формально процессуальная демократия», которая сформировалась в Украине, не является еще настоящим продуктом исторической эволюции гражданского общества, отстаивающего свои интересы, заявляющего претензии на волеизъявление и создающего соответствующие механизмы его обеспечения.

Социальный мир, приобретающий характерный для современности высокий уровень динамики изменений, требует гармонизации и сбалансированности механизмов, образующих ее. Только при таких условиях общество имеет шанс «умиротворяться» и приобретать определенный вектор, характеризующий устойчивое состояние общественного развития. Нередко утверждают, что решительная политика не может быть популярной в условиях кризиса, ведь активное меньшинство всегда сильнее молчаливого и инертного большинства. Однако решительная политика не включает в себя шансов для устойчивого развития общества, если она асоциальна. Это положение особенно характеризует нынешний политический режим в Украине

с его высоким уровнем политической поляризации национальной элиты, ее низким качеством, высокой конкуренцией частных интересов, сохранением кадров бывшей номенклатуры и ее воспроизводством, расцветом бюрократической коррупции, низким уровнем доверия населения к большинству политиков и его политике.

3. В контексте решимости, которая все ярче характеризует политическую власть, возникает еще один вопрос-контроверза: способна «коллективная воля большинства» к социальному творчеству? С одной стороны, демократия – это не власть толпы, лозунгов и призывов. Демократия – это власть закона. Но закона справедливого, который защищает всех, независимо от принадлежности к тем или иным элитарным прослойкам. Предпосылками такой демократии является создание среднего класса как экономической основы устойчивого общественного развития, дебиюрократизация административной системы, демифологизация общественного сознания, противостоящая воспроизводству механизмов абсолютной власти. Вместе с тем не только «рационализация общества», но и вера людей в незыблемость добродетели является действенным и порой провоцирующим крайнее недовольство фактором, котрім впоене овладел западній гуманістический мир.

4. Масштабное реформирование, инициированное с первых дней пребывания нынешней политической властью, должно производиться в интересах большинства населения Украины и консолидировать общество. Только таким образом и можно достичь национального и социального согласия. В тоже время более 90% граждан Украины получают сегодня доход в 40 раз меньше, чем 10% богатых. Такой разрыв в доходах является стимулом к гражданским конфликтам. При таких условиях Украине трудно стать страной социальной гармонии. Кроме того, следует принять во внимание тот факт, что средний класс всегда был и остается сложным и неоднородным.

Нынешняя украинская элита лишь приближается к осознанию того объективного факта, что политика является балансом различных социальных интересов, каждый из которых одинаково легитимен и требует своего представительства в большой национальной политике. Украинский истеблишмент, к сожалению, не может понять, что политический кризис обуславливается не отсутствием действенных механизмов регулирования внутриэлитных конфликтов, а устремлением политической элиты управлять страной, пренебрегая интересами большинства. Все больше граждан Украины не доверяют никаким политическим институтам и политикам. Вследствие этого весьма выразительной становится тенденция стремительного ослабления легитимности власти.

5. Важным компонентом вызревания социальных интересов в новых условиях является становление новой природы самости человека – социетальной идентичности. В противоположность модусу социальной идентичности, покоящемся на механизме отождествления себя с внешними группами и классами, новый модус ориентируется на самосознание человека, его самодостаточность, которые, собственно, и служат психологической основой «спроса» на обеспечение гражданских прав и свобод в обществе. В механизмах становления социетальной идентичности архетипы играют роль важного – связующего компонента новой субъективной реальности.

Состояние нового модуса идентичности находится в активном становлении и еще далек от завершения. Новый модус идентичности сосуществует со старым модусом социальной идентичности, при этом первый является определяющим. Их гармоничное состояние поддерживает код национальной культуры [18].

Именно этот компонент социетальности становится в новых общественных условиях той основой, которая обеспечивает действенность и эффективность трансформации политической системы и в целом успешный переход общества к устойчивому развитию, когда преодолевается аномия, которая в дюркгеймовском смысле слова означает состояние общества или отношение личности к обществу, когда отсутствует консенсус относительно общих ценностей и общественной цели.

Прогноз социетальных свойств, гипотетически будет отражать ментальность украинского социума периода устойчивого развития. Он связан: с изменением структуры общественных ценностей, которая определяется потребностью, то есть тем, ради чего действует субъект; эмоциями, которые сопровождают развитие субъекта в процессе его деятельности; установками, которые определяют силу контроля за деятельностью; мотивами, мерой энергии, которая вкладывается в деятельность; наконец, целью, которая становится сигналом прекращения определенного вида деятельности и переключения на другую. Итак, этими характеристиками могут быть: интроверсия (психическая установка на внешнюю, объектно-материальную сущность предметов и вещей, которая порождает материалистическую картину мира); прагматичность (ментально-качественная ориентация на утилитарные ценности, материальную выгоду, экономическую эффективность и т. д.); рациональность (оценочно-волевой способ принятия решения, который Вольтер назвал способом победить ум в неразумном мире); сенсорность (конкретно-чувственная особенность взаимодействия человека с миром); интернальность (опора на самоконтроль, который должен стать основой общественного контроля в постмодерном обществе); интенциональность (доминирование мужского гендера, а следовательно утверждение категории «развитие», которая стремится преодолеть категорию «функционирование»).

6. Психосоциальные особенности нынешней социальной ситуации связываются с утверждением динамической природы личности, общества и цивилизации, определяющей ролью в их устойчивом развитии психологического компонента и феномена социетальности как органической целостности психосоциального мира человека, общества и цивилизации. Они диктуют необходимость уделять больше внимания к междисциплинарным, общесистемным исследованиям социальных процессов. В тоже время отсутствие или недостаточность таких исследований делает практически невозможным эффективное принятие управленческих решений и достижение сбалансированной государственной политики.

Отдельный аспект проблемы составляют вопросы прогнозирования на этапе подготовки и принятия управленческих решений.

Список литературы:

1. Aust S. Ein Kontinent macht Geschichte. Experiment Europa / S. Aust, M. Schmidt-Klingenberg. – München, 2003.
2. Hillman J. The Force of Character and the Lasting Life / J. Hillman. – Ballantine, 1999.
3. Keller A.G. Societal evolution: a study of the evolutionary basis of the science of society [Электронный ресурс] / A.G. Keller. – Режим доступа : http://www.archive.org/stream/societalevolutio2kellgoog/societalevolutio2kellgoog_djw.txt.
4. Lepenies W. Kultur und Politik. Deutsche Geschichten / W. Lepenies. – München. – 2006.
5. Афонін Е. Психокультура України: «помаранчевий перехід» / Е. Афонін, О. Донченко, В. Антоненко // Соціальна психологія. – 2006. – № 4.
6. Большой толковый социологический словарь : Т. 1. – М., 2001.
7. Гантінгтон С. Протистояння цивілізацій та зміна світового порядку / С. Гантінгтон. – Львів, 2006.
8. Головаха Є. Основні етапи і тенденції трансформації українського суспільства: від перебудови до «помаранчевої революції» / Є. Головаха, Н. Паніна // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2006. – № 3.
9. Грамши А. Из тюремных тетрадей / А. Грамши // Избранные произведения / А. Грамши ; пер. с итал. – М., 1980.
10. Історія європейської ментальності. – Львів, 2006.
11. Казин Ф. Украина: от президентской республики к парламентской и обратно / Ф. Казин // Свободная мысль. – 2007. – № 4.

12. Коэн Дж. Л. Гражданское общество и политическая теория / Дж. Л. Коэн, Э. Арато ; пер. с англ. – М., 2003.
13. Краткий философский словарь. – М., 2010.
14. Манхейм К. Социология культуры / К. Манхейм. – Спб. – 2000.
15. Панарин А.С. Философия политики / А. С. Панарин. – М., 1996.
16. Система социетальная [Электронный ресурс] // Словарь социолога. – Режим доступа : <http://www.smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-28-13-47-51/42-2010-08-30-12-18-24/1195-2011-02-26-01-29-54>.
17. Удовик С.Л. Государственность Украины: истоки и перспективы / С.Л.Удовик. – К., 1999.
18. Фромм Э. Что такое Дзен? Паломничество в страну Востока / Э. Фромм, К.-Г. Юнг // Психоанализ и дзен-буддизм. – К., 1994.
19. Людська ідентичність та особливості її впливу на політику й державне управління / Е.А. Афонін // Концептуальні засади взаємодії політики й управління : навч. посіб. / Нац. академія державного управління при Президентові України. – К. : НАДУ, 2010. – С. 265–289. – Режим доступу : <http://www.nbu.gov.ua/books/2010/10aeakzv.pdf>.

Елена ДОНЧЕНКО

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ КАК АРХЕТИП ДОМА. ТИПЫ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ

Постановка проблемы. В наше время «онлайна» и постмодерна с его принципами глобальности, случайности, нелинейности, нестабильности и т.д. жизненный мир индивида невольно заполняется неконтролируемой тревогой и деструктивным напряжением. Современные риски постмодерна (уничтожение любых дихотомий, из которых состоит мир – нормы и патологии, красоты и уродства, структуры и ризомности, логики и абсурда, моральности-аморальности, большинства и меньшинства и т.д.) поддерживают эту перманентную и не всегда осознанную внутреннюю тревогу индивида. Тревога взрослого человека всегда связана с миром других людей – их действий и идей, требований и поступков, надежд и разочарований, и еще – с психологическим феноменом «бездомности», главное в котором – отсутствие границ. Неконтролируемую силу тревоги во время общения заметил Г.С. Салливан, утверждающий, что, в отличие от напряжений, вызванных различными бытовыми потребностями и заботами, сила неконтролируемой тревоги возрастает именно в процессе межличностных контактов и вообще контактов человека с результатами деятельности людей. Такая тревога подавляет все другие виды напряжений, возникающих параллельно с ней, и это ощущение всеобъемлюще и неуправляемо. В детстве защитой от тревоги могут служить апатия, отчужденность и маленькие «домики» везде (а хотя бы и под столом). У взрослых эту роль начинает выполнять реальное и виртуальное взаимодействие с другими людьми и результатами их труда (предметами, движениями, образами, идеями, текстами и пр.), а если шире – с различными проявлениями социальности. Именно эти «различные проявления социальности», влияющие на самочувствие человека, получили в современной гуманитарной науке самостоятельное имя – интересубъективность (ИС). Сложная природа ИС обусловила такое качество начального этапа осмысления этого феномена в гуманитарных науках, как безграничная и бессистемная экстенсивность. Экстенсивный научный дискурс ИС воспроизводит существующее в реальной современной жизни пространство неконтролируемой тревоги. То же постоянно воспроизводится и другими научными, культурными и политическими дискурсами.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретическое и практическое поле ИС настолько всеобъемлюще, что нуждается хотя бы в каком-то структурировании. Мир логической ИС Е. Гуссерля, Г. Шпета, М. Мерло-Понти, мир эмпирико-семантической и экзистенциальной ИС Бахтина, С.Л. Рубинштейна, Н.А. Бердяева, С.Л. Франко, Ж.-Л. Нанси, Ж. Деррида, Ж. Делеза, М. Фуко, мир нормативной ИС М. Хайдегера, Е. Девинаса, Г. Марсея, Ж.-П. Сартра... От экзистенциальности через интенциональность к респонзивности пролегал феноменологический мир ИС. Это бесконечно движущееся поле ИС проникает в целостную психику человека – его сознание и подсознание. Сознание современного человека, по словам Ж. Лакана, сегодня понимается как хаотичная магма непонятных желаний, экзистенциальных стремлений и запросов к внешнему миру, а М. Фуко и Ж. Делез обращают внимание на децентрированность

ДОНЧЕНКО
Елена,
DONCHENKO
Elena,

доктор
социологических наук,
профессор, главный
научный сотрудник
Института социальной
и политической
психологии НАПН
Украины, г. Киев.

Аннотация: в статье выделяется индивидуальная интересубъективность (ИНИС) как архетип собственного Дома, который рождается и функционирует вместе с двумя другими типами интересубъективности – пространственным и кодовым.

Ключевые слова: индивидуальная, пространственная и кодовая интересубъективность, архетип Дома, защита, тревога.

УДК 159.9.01: 159.922

человека, страдающего в условиях рефлексивного одиночества и стремящегося к своему Я в чем-то или ком-то ином... На смену гуссерлианскому трансцендентально неизменному Я пришло представление о Я, которое хочет постоянно обновляться, фрагментироваться, сбрасывать с себя хайдеггеровскую анонимность, а с ней – ужас ничейного бытия...

То есть, в трудах философов понятие социальности с ее коммуникациями, межличностным и иным общением, организационными, культурными, педагогическими, национальными, виртуальными и пр. пространствами фактически совпадает с феноменом ИС, и они весьма тесно коррелируют друг с другом.

У психологов понятие социальности фиксирует исходную включенность человеческой субъективности в социальном мире, что конкретизируется в изначальной социальности субъективного опыта и таком психологическом образовании, как структура личности.

И в разработке темы ИС также хочется оторваться от чистого бытия трансцендентного Я, децентрировать его и представить научному сообществу его часть – индивидуальную ИС (ИНИС).

Определение нерешенных задач общей проблемы. В этом плане нас интересует специфика феномена ИС, которая, на наш взгляд, состоит в факте совместного функционирования как имплицитно содержащейся в нем социальности, так и защиты от «лишней» социальности в виде определенной структуры-Дома внутри психологической структуры личности. Социальность и ИС образуют целостность, из которой рождается психологически взрослый человек, способный видеть безграничность возможностей и свой путь среди них, ограниченный собственным «домом». То есть, среди фундаментальных факторов, обуславливающих взрослую, психологически зрелую индивидуальность, мы выделяем ИНИС как архетип собственного Дома.

Постановка проблемы и ее связь с важными научно-исследовательскими задачами. Сопrotивляясь постмодерну, человек не устает приобретать собственную идентичность через поиск «своего – не своего» в окружающем мире, хочет видеть разницу между собой и другим, все плотнее всматриваться в другого, чтобы понять себя – свои возможности, крайности, пределы, глупость, случайности, погрешности, и все чаще возникающую потребность в собственной миссии, в том, чтобы после оргии (как назвал Ж. Бодрийяр эту исторически короткую, но мощно-разрушительную эпоху постмодерна) найти собственное место и собственные границы бытия, то есть, овладеть той долей собственного мира, которая включает в себя послание Бога.

Итак, поле ИС порождает тревогу и оно же лечит, порождает агрессию и зовет к себе, в нем нельзя не находиться, и от него очень часто хочется отдохнуть... Однако современный дискурс ИС не может удовлетворить человека, который хочет понять, а какой смысл в этом понятии? Раньше говорили о коммуникативности, общении, взаимопонимании, поиске себя через другого, о сложной работе части и целого, о субъекте и об объекте, Я и не-Я, об атмосфере, в которой не все может быть осознано и проконтролировано, а теперь все это каким-то образом умещается в одной только ИС? Видимо, где-то в коллективной и индивидуальной психике появился запрос на осмысление определенного сложного феномена, который не только способен представить индивидуальность в многочисленных проявлениях социальной и психосоциальной жизни, но и защитить ее, дать ей покой, собственный дом, в котором не бывает одиночества. На наш взгляд, именно таким феноменом может выступать индивидуальная ИС (ИНИС), которая способна регулировать самочувствие человека, влиять на его дела, поступки, настроение, душу, дух, а главное – на его выбор. Но феномен ИНИС не является чисто автономным образованием. В современном мире он рождается и функционирует вместе с двумя другими типами ИС – пространственной и кодовой.

Понятно, что психические процессы, свойства и состояния индивида, вся его активная и пассивная социальная жизнь рождаются, формируются, развиваются, в целом происходят в разных ИС пространствах. Процессы социализации, адапта-

ции, интеграции, индивидуализации, самореализации, идентификации и другие... Состояния радости, счастья, любви, уверенности в себе, бодрости, разочарования, уныния, депрессии и прочие... Все свойства, которые воспроизведены в тесте Лири, и другие... Все это разнообразие психической феноменологии рождается и живет в ИС пространствах, между которыми возникают определенные отношения, на индивидуальное психическое, которое по своей природе является полицентричным, поликультурным, полицентрическим. И именно эта полицентричность и полицентричность вместе с толерантными отношениями между искомыми пространствами выступают условием формирования психологически взрослого человека и его индивидуальности. Интерсубъективное пространство (ИСП) – это общее пространство, в котором проходит психосоциальная жизнь членов определенного сообщества. В отличие от более или менее устойчивых черт национальной или вообще социетальной ментальности (которые существуют в текстах в виде идеи), ИСП содержит в своем образе не только содержимое коллективного бессознательного, не только концентрированное выражение характерных психических состояний, свойств и процессов, но и реальные, сознательные, динамические, ситуативные реакции и чувства людей, в нем находящихся. Образ ИСП может иметь личностное или публичное происхождение. Если личному образу присущи черты фактически воспринимаемого, конкретного характера, то публичному – мифологические свойства. Последний содержит в себе мифический опыт общения с тем историческим опытом, один и тот же фактаж которого различные социальные группы воспринимают и переживают по-своему, почти мистически или даже медитативно присваивая ему разные смыслы.

М. Элиаде заметил, что благодаря парадоксу ритуала любое священное пространство (а именно таким является публичное пространство интерсубъективности – О.Д.) совпадает с Центром Мира, так же, как и время любого ритуала совпадает с мифическим временем «начал». Такое пространство является пространством Центра Мира и в сознании тех, кто в нем находится. А такое ощущение Центра Мира является психосоциальным механизмом формирования народной памяти, который действует в настоящее время в виде трансформаций исторических событий в идеологические категории и политические лозунги, а характеристик исторических личностей – в архетипные образцы лидеров-героев. В результате на примере отличающихся по ощущениям Центра Мира региональных сообществ в Украине мы видим возникшие на основе одних и тех же фактов противоположные образы героев и противоречивые политические лозунги, что не способствует нахождению необходимого взаимопонимания между регионами, партиями и сообществами.

Поскольку в мифе часть равна целому, а целое – части, образ будущего всеукраинского интерсубъективного целого не вырисовывается. Напротив, на передний план выступают черты и свойства нисходящей ИС, которые можно рассматривать как последствия постмодернизма в украинской жизни: неуверенность в себе и других, разочарование, депрессии и соответствующее этим конструктам неадекватное восприятие окружающего мира, стремление к постоянному комфорту, уход от реальных конфликтов и т.д., неспособность увидеть перспективы, которые имеют место за рамками этого комфорта (минимальный уровень благосостояния, минимальный уровень стресса, минимальный уровень поисковой активности при максимальном избегании проблем интерсубъективного характера) приводят к существенному сокращению ИС копинг-ресурсов. Имеются в виду такие социетальные копинг-ресурсы в ИС пространстве, как отсутствие новых талантливых сюжетов в кино, литературе и музыке, банальность политической жизни, отсутствие государственной и даже мировой элиты, формальные достижения в науке без всякой надежды на прорыв, махровая интеллектофобия в СМИ и Интернете, демонстрационная навязчивость дорогого гламура и его дешевых представителей; невозможность стратегирования и планирования; беспомощность в ситуации кризиса и пр. Многих здравомыслящих людей пугает также имеющее место такое социетальное состояние, как «счастье в неведении, невидении, избегании», и такой навязчиво-распространенный в Украине дешевый

социально-психологический диссонанс, как стремление жить по-восходящему в условиях нисходящей ИС.

Однако человеку подсознательно хочется, чтобы публичное пространство было нацелено на реальное бытие, на резонанс реальности с архетиповыми ритмами и структурами поведения, позволяющими человеку определиться с фактом своей принадлежности к определенному, живому, теплому мифу всеобщей (хотя бы в пределах страны) intersубъективности! Ведь именно такое пространство может стать естественной средой бытия человеческого разума и любви. ИП – это симбиоз человека мифического и исторического, реального, прагматического. И если мифическому человеку достаточно просто переживать, то прагматичному необходимо действовать, чтобы не изменить своим переживаниям и своей, всегда такой значимой ностальгии по Золотому веку.

В целом пространство ИС выполняет множество социально-психологических задач, потому что оно содержит в себе как заархивированные в архетипах мощные наработки прошлого, так и разнообразие впечатлений настоящего времени. С поры возникновения опыта передачи информации будущим поколениям это пространство приобрело интеркультурный характер, а в последнее время эволюционировало к глобально-планетарным масштабам.

Человек, родившийся во времена возникновения ИС пространства «онлайн», уже не тот человек, который социализировался в медиапространстве печатной продукции, непосредственного общения и скромной кино-теле-радио информации, однако уже в 50-е годы прошлого века психологи и психиатры уже начали говорить об информационных неврозах. Сегодняшняя молодежь из поколения «онлайн» в этих «неврозах» рождается и живет, не представляя себе жизни без них. Психологи уже более десяти лет говорят об интернет- и медиазависимости и о том, что возникла настоятельная необходимость защиты и самозащиты от лишних сенсорно-когнитивных сигналов, образов, в целом впечатлений. И, вопреки здравому смыслу, количество и качество рекомендаций экстернального характера (запрет, ограничения, цензура информации и др.) превышает иные пути работы с проблемой информационных излишеств, хотя уже тогда, в 50-е, под влиянием неофрейдистских идей о бессознательном сформировался интернальный подход к проблеме лишних, вредных или вынужденных воздействий на психику индивида и интерперсональный подход, который, в отличие от классической объектной теории, сосредоточенной на отношениях с матерью, уделял особое внимание зрелым психосоциальным контактам взрослого индивида.

Понятие ИС поля как центрального объяснительного конструкта возникло именно в психоаналитической теории и практике. В этом поле рассматриваются такие классические клинические явления, как трансфер, сопротивление, конфликт, а также пограничные и психотические состояния, возникающие между аналитиком и клиентом в процессе анализа.

Цель статьи. Современный дискурс ИС также требует какого-то объяснительного конструкта, от которого можно было бы отгалькиваться в попытках понять ту или иную феноменологию ИС. Мы предлагаем в качестве такого конструкта рассматривать ИС ситуацию как момент встречи индивидуальной, пространственной и кодовой ИС.

Кодовая ИС – это метаязык различных дискурсов, который служит для общения определенных малых групп – научных, культурных, игровых и т.д. Эта межкультурная intersубъективность включает в себя как архетипы коллективного бессознательного, так и определенный язык, смыслы, на основе которых люди могут понимать друг друга. Речь идет здесь именно об узком или специфическом, например субкультурном, понимании. Для этого, с одной стороны, создаются универсальные коды – разные метаязыки или искусственные языки символов, формул, чисел и т.п. Эти искусственные коды действуют на пространстве кванторизации общего для работы в узком, кодовом, кругу intersубъективного пространства. Искусственные метаязыки не являются естественными для людей, то есть не intersубъективными в полном

смысле, а поэтому ими нельзя пользоваться в реальной, не специфической жизни. Ими нельзя обмениваться существенными характеристиками – отношениями, вкусами и т.д., а любая попытка это сделать будет выглядеть как инфантильный фарс. Кодовая ИС может выступать и в качестве вспомогательного механизма идентификации (определенную индивидуальность привлекают определенные символы, цифры, т.е. коды), и в качестве вируса, искажающего психофрактал, отдаляя активное проявление сущностной природы индивида. Например, научные парадигмы в качестве интересубъективного пространства работают как идеологии по образцу политических. Они заставляют интеллект человека работать в тех или иных очень зауженных и односторонних рамках. С другой стороны, факт выбора личностью того или иного парадигмального пространства является проявлением его психофрактальной структуры, ее психотипа. Человек в избранных рамках чувствует себя комфортно, как с дуалом. Дуальный принцип бытия срабатывает здесь на определенное кольцо прогресса, двигая его в направлении развития. Однако эта идеальная модель способна осуществиться только при условии объединения личности со своим глубинным ощущением собственной силы или, как говорят, «назначением», «миссией», при условии дифференцированного самоощущения, в результате которого человек начинает доверять скорее собственной интуиции, чем чужим влияниям, собственной логике, чем той, которую предлагает ситуация, собственному сердцу, чем реакции тех, кто рядом. Это может сделать только зрелая, психологически взрослая личность. Именно способность отделять зерна от плевел в себе и в каждой значимой жизненной ситуации является главным признаком психологической зрелости. В большинстве же случаев, к сожалению, научные парадигмы, как и политические идеологии, выполняют вредную роль. Они разнимают целостность, нарушая связь всего со всем, т.е. нарушая функциональность психического как такового. В результате незрелое большинство оказывается в интересубъективном научном пространстве, где, по сути, отсутствует искомый предмет. Психологически ИС пространство, разделенное на разные парадигмы, растворяет человека, отвергает его кумулятивную сущность и само превращается в вирус, поражающий интеллект, волю и чувства незрелого человека, будь он «психологом», «философом», «психиатром» или просто рядовым ценителем гуманитарного знания. Научные парадигмы, как вирус, насыщают психику незрелой молодежи понятиями и представлениями только одного сегмента жизни, подавляя другие, принимающие участие в функционировании данного сегмента. То же самое можно сказать о различных дискурсах, политических идеологиях, культурных мемах, фреймах и т.д.

Итак, кодовая ИС – это определенный искусственный язык договоренностей различных сообществ (научных, эзотерических, религиозных, культурных и т.д.) о значениях символов, знаков и смыслов и способах их структурирования. Это определенное условие сакральности и закрытости действий, смыслов и артефактов, смысл которых может понять только посвященный. В этом случае индивидуальное не вступает в конфликт с общественным, оно лишь крепнет внутри самого себя. Тайное знание позволяет индивиду чувствовать себя сильным и защищенным. У индивида появляется Дом. Но этот Дом очень обедняет жизнь незрелого индивида и очень помогает психологически взрослому человеку.

Изложение основного материала. Итак, современный взрослый индивид в каждой жизненной ситуации подвергается влиянию этих трех типов ИС. Весомость и влияние каждого из них в определенной ситуации будет зависеть от опыта индивида. Эвристичность «ситуационных исследований» в современной науке заключается в познании самоценных, индивидуально-неповторимых феноменов истории, культуры и психосоциальной жизни. Эти исследования широко используются во всех тех ситуациях, постижение которых предусматривает учет человеческой специфики.

Наша ИНИС как объект ситуационного анализа – это сплав единичного и общего, диахронного и синхронного, актуального и потенциального, сущего и должного. ИНИС мы представляем в качестве определенного защитного механизма выбора,

обеспечивающего стабильность в изменении и покоя в движении. Этот защитный механизм имеет природу архетипа Дома. Активное защитное поведение в интрасубъективном пространстве имеет целью избегание дистрессора. Пассивное защитное поведение – это интрасубъективная поддержка-защита от прогнозируемых индивидом стрессоров, результатом которой является снижение эмоционального напряжения еще задолго до реального изменения ситуации. Защитные ресурсы у разных типов ИС также различны. Психофрактал, Я-концепция, уровень эмпатии, субъективное восприятие уровня угрозы ситуации, локус контроля, сетевые коммуникативные компенсаторы, установка на ауто- или экстрапунитивные реакции, эмпатия и аффилиация, мотивация избегания или преодоления и другие социально-психологические конструкты можно отнести к защитным ресурсам индивида. Интрасубъективный стресс может преодолеваться с помощью различных комбинаций трех классических психоформ – интеллектуальной, эмоциональной и поведенческой. Те или иные комбинации защит зависят, в свою очередь, от оценки важности угрожающей ситуации и отношения к ней участников.

Считается, что в последнее время к активным факторам резистентности к интрасубъективным стрессорам относятся виртуальные социальные сети. Однако как объем сетевого участия взрослого человека, так и то, какие именно защитные ресурсы он будет выбирать в той или иной ситуации, во многом зависят от ИНИС, выступающей архетипом собственного Дома. Дело в том, что определенное качество ИНИС в большой степени базируется также на специализированной, сильной (по Юнгу) психической функции, которая управляет всеми другими элементами психической структуры индивида, «подсказывая» человеку то, с кем дружить, а кого обойти, какую книгу выбрать среди сотен других, не говоря уже о том, в кого влюбиться. Подобные внутренние подсказки уравнивают человека, если он действительно находится в диалоге со своей ИНИС. В этом сюжете явно просматривается другой, вечный для человечества сюжет с главной невидимой фигурой – Богом. Бога вроде бы никто не видел, но он является важнейшей реальностью в мире. Молитва к Богу всегда содержит в себе вопрос, как быть. Здесь и находится первый и определяющий росток интрасубъективности, ведь душа требует постоянного обмена. Ей необходимо задавать вопросы и прислушиваться к ответам, она может останавливать, сдерживать, тормозить, подталкивать, подгонять, разрешать или запрещать подобное. Такие же функции всегда выполнял Бог. Человечество много потеряло, когда появилась «дыра величиной с Бога» (Ж.П. Сартр). Именно здесь содержится индивидуальная интрасубъективность человека, здесь она рождается, развивается и живет. Хотите вы верить в существование собственной модели интрасубъективности в структуре вашей психики (имеющей собственную регулирующую функцию) или не хотите – а она существует. И ее существование имеет вполне прагматический смысл, как и существование религии, а именно – упорядочение хаоса, уравнивание психических состояний, самоорганизационное ограничение возможностей. Собственная интрасубъективность – это ваша собственная религия, которая у взрослого человека заменяет ему хорошую мать. Здоровую интрасубъективность необходимо обрести, отказываясь от всего, что заставляет человека чувствовать себя униженным, оскорбленным, брошенным и т.д. Очень важным является воспитание в человеке внутреннего ощущения полноценности, благодаря которому любое общение с другим приобретает оттенок священнодействия. Животным легко быть в ладу со своим естеством, но человеку всегда было сложно оставаться по-настоящему человеческим и счастливым.

Итак, ИНИС как феномен с высокой степенью сложности имеет все возможности для нахождения индивидом собственного психосоциального Дома. ИНИС рождается и растет вместе с ребенком, болеет вместе с подростком, закаляется вместе с юностью и наконец оформляется в субличность взрослого человека. Но нужно констатировать, что в медийную эпоху периода «онлайн» не так уж и просто стать взрослым. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования интернет-зависимой

и интернет-независимой молодежи и не только молодежи. Гораздо легче это было сделать доонлайновому человеку. Однако психологические законы работают везде, и даже сам «онлайн» имеет определенные психологические характеристики, выступая самостоятельной психоинформационной фигурой в целостной картине поликультурного пространства. И тем, кто задержался в ювенальной стадии развития, позже труднее адаптироваться к реальной профессиональной жизни, к реальной команде, к реальным жизненным задачам, управлять собственной мотивационной сферой, идентифицироваться с собственной сущностью (душой), эффективно использовать силу и слабость своих психических функций (психофрактал), в конце концов, стать субъектом собственной жизни и, соответственно, гораздо труднее обрести ИНИС как архетип сохранения стабильности в изменении (или архетип Дома). Ведь от эффективности осмысления, творческого принятия и использования человеком сложности этого психосоциального феномена зависит если не его биологическая, то социальную жизнь так точно! И это — не преувеличение. Динамическая сложность ИНИС как копинг-механизма и одновременно как структурного компонента психики индивида формируется и изменяется на всех стадиях развития человека – эмбриональной (отдельно – кризис рождения), в раннем детстве, пубертатном периоде, на этапе знакомство с «богом» (в мировоззренческом смысле этого измерения), зрелости, старости и даже в предсмертной стадии. В каком-то смысле прав был Кьеркегор, когда говорил о том, что стать одиночкой – это задача и цель человека, и надо с большой осторожностью вступать в общение с другим, а в сущностную беседу – только с Богом и самим собой. Для Кьеркегора человек может быть открытой системой только для Бога, для Хайдеггера – для собственной замкнутой Самости... Однако и то, и другое, на наш взгляд, – это бесконечность, потому что Самость как часть является также частицей Бога как целого. Как является частью Бога и ИНИС, которая формируется в пределах, с одной стороны, божественного психофрактала индивида и архетипов коллективного бессознательного, а с другой – изменчивой социальности. На ИНИС как архетип Дома и вместе с тем фактор поискового поведения имеют большое влияние переживания ребенка в момент его рождения. Эти переживания наполнены очень сложным содержанием: от чувства безопасности, комфорта, единения с матерью, чувства удовлетворенности — к тревоге и смертельной опасности, безнадежности, одиночеству, беспомощности и отчаянию, мгновенной потере всех опорных точек в жизни, чувству полного растворения или исчезновения... Продолжение травматизации в детстве (отсутствие матери или ее холодность, семейные ситуации, которые давят на ребенка, и т.д.) усиливают и закрепляют негативные эмоции, воздействуя на будущую ИНИС взрослого человека. Тот факт, что на перинатальном уровне происходит объединение этих сложных самих по себе психических состояний, может быть ключом к пониманию сложности феномена ИНИС. Постепенное развитие ребенка, его социализация, по мнению Салливана, происходят под влиянием поощрений – так формируется персонификация Я-хороший, нарастания тревоги (Я-плохой) и внезапной сильной тревоги (ужас), персонифицирующейся в форме не-Я. Эти три Я-репрезентации образуют вторичную систему Самости, которую человек переживает как свою личность и демонстрирует окружающим.

ИНИС отвечает за все контакты человека и их свойства (продолжительность, надежность, легкость, теплоту, холодность и др.) и за то, как человек будет себя чувствовать в определенном ИС пространстве, а также за то, какие кодовые ИС он выберет для своей самоидентичности и самореализации. Получается, что именно ИНИС является доминирующим психологическим фактором любой ИС ситуации, что подтверждается и свойствами молекул ДНК: они несут индивиду не только генетический код особенностей организма, его внешнего вида, но и код поведения, склонность к определенным психологическим проблемам, событиям, жизненным трудностям, информацию о ролевом опыте предков, ошибки, которые человеку приходится повторять... Ну а относительно влияния пубертатного периода развития человека написано столько, что нам остается лишь констатировать: часто психическая

пубертатность проявляется гораздо раньше физической и определяет потребности межличностного дополнения даже на клеточном уровне. Феномен же ИНИС во многих своих элементах базируется на феноменах психического дополнения и психической дуальности, которые определяют стратегию индивида в ИС ситуациях. Итак, мы представляем индивидуальную ИС как архетип Дома, формирующийся прежде всего на иррациональном фундаменте памяти сердца (его боли и счастливых мгновений), памяти ДНК, фрактального архетипа, архетипов коллективного бессознательного и «вторичной Самости», а сформированная ИНИС является важным структурным компонентом психики взрослого человека, отвечающим за его индивидуальный стиль в социуме. К сожалению, психологи, описывая в различных вариантах структуру личности, не включают в эту структуру важный для человека аспект интерсубъективности в качестве неотъемлемого емкого и полноценного компонента. Так, например, С.Д. Максименко выделяет в структуре личности внутренний мир, переживания, источники активности личности (интенции), характер, психические состояния, биопсихическую структуру, опыт, познавательную сферу, направленность и способности. О.П. Санникова в своей континуально-иерархической структуре личности (макроструктуры) анализирует «зону пересечения» (опыт и актуальные переживания), а функцией «межграничных» зон называет сочетание различных уровней в поддержании целостной системы, сочетание внешних и внутренних воздействий и т.п.; именно эти зоны «нейтрализуют нежелательные для всей системы изменения деструктивного характера и направляют психическую активность на выборочное развертывание желаемых изменений». На наш взгляд, ИНИС конкретизирует такие общие понятия, как опыт, межграничные зоны, зоны пересечения и т.д., ведь так просто дискурс не возникает.

Выводы и дальнейшие направления научных исследований. Дискурс ИС также возник не зря. Он открывает путь к осмыслению важнейшего структурного компонента психики человека как социального существа – индивидуальной интерсубъективности (ИНИС), ведь именно через этот канал психики передаются и поступают проявленные и не проявленные сигналы, ритмы, коды, символы, энергия и информация. Именно эта не до конца осознаваемая человеком система интерсубъективного обмена постоянно формирует то, как мы овладеваем (или нет) той или иной ситуацией, воспринимаем реальность и себя в этой реальности. Развитая ИНИС взрослого содержит в себе определенные ее качества и наполненность. Так, кто-то нуждается лишь в камерном общении, а кто-то не может без большой аудитории, кто-то устает от живого общения за пять минут, а кому-то мало и пяти часов, один предпочитает скайп, СМС и электронную почту, а кто-то не может без голосового общения, кто-то требует пространства кодовых текстов, а кто-то – народного гуляния; одному для преодоления состояния одиночества необходима книга, другом – человек и т.п. Распределение функций и ролей других субъектов и объектов, представленность одного объекта в другом, их взаимные воздействия и ценностные взносы, их отношения сотрудничества-конкуренции, объективные позиции, психологические ниши и т.п. входят в структуру ИНИС как своеобразная организация и распределение ее частей между собой. Развитая ИНИС всегда содержит в себе образ желаемого ИС пространства, преимущества кодового языка общения, то есть фактически — границы собственного Дома. Внутренний образ атмосферы собственного Дома – это и свойство ИНИС, которая облегчает путь человека в безграничном пространстве ИС.

«Бездомность» не поможет человеку понять, как устроены и куда направлены мысли и чувства другого, с кем и в каком месте надо остановиться, а с кем можно пойти и дальше, сколько может длиться комфорт столкновения с другой ИНИС, и что делать, чтобы избавиться от различных видов тревог и овладеть определенной ИС ситуацией. Если система ИНИС чувствительна к изменениям и активна, психика человека является здоровой и способной к решению проблем. Если же ИС канал по каким-то причинам заторможен, закрыт, вся система психики не может развиваться нормально, и мы наблюдаем патологии разного плана – от так называемой множественной

персональности вплоть до ее отсутствия (архетип волка). В этом плане трудно не согласиться с тезисом Гуссерля по поводу относительности оценки нормальности другого человека или определенной ситуации. Поэтому восприятие кого-либо или чего-либо как нормального или ненормального происходит в пределах определенной ИС ситуации, то есть, в пределах взаимодействия индивидуальной, пространственной и кодовой ИС. ИНИС здесь играет доминирующую роль. Все, что не совпадает с ИНИС оценщика, выглядит ненормальностью в его глазах или, в лучшем случае, воспринимается как чужеродное. И наоборот. Вместе с развитием науки и, соответственно, культуры, происходит постоянная коррекция существующих норм, которая, согласно феноменологии Гуссерля, должна привести к конституированию универсальной гармонии всех людей. А эталоном и основой такого конституирования он «назначил» трансцендентальное Эго. Однако этот тезис можно принять только при условии феноменологического «брака» трансцендентального Эго и ИНИС.

Рекомендации органам законодательной и исполнительной власти. Не забывайте, что общее украинское пространство жизни является для каждого украинца пространством Центра Мира! Такое ощущение является главным психосоциальным механизмом формирования общественного мнения, самочувствия и народной памяти. Не забывайте, что, подписывая каждый государственный документ, вы формируете это пространство, в котором сами же и живете!

Список литературы:

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Д. В. Складнева. — СПб.: Наука, 1998.
2. Гуссерль Э. Парижские доклады / Э. Гуссерль ; пер. и примеч. А.В. Денежкина // Логос. — 1991. — № 2. — С. 6—30.
3. Донченко О.А. Архетиповий менеджмент : монографія / О.А. Донченко ; Національна академія педагогічних наук ; Інститут соціальної та політичної психології. — Кіровоград : Імекс-ЛТД, 2012.
4. Кубанова О.Ю. Проблема интерсубъективности в «Картезианских размышлениях» Э. Гуссерля / О.Ю. Кубанова // Историко-философский ежегодник '91. — М., 1991.
5. От Я к Другому : сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога / науч. ред. А.А. Михайлов ; составит. Т.В. Щитцова. — Минск, 1997. — 276 с.
5. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. — СПб, 1998;
6. Максименко С.Д. Генезис существования личности / С.Д. Максименко. — К., 2006.
7. Саннікова О.П. Феноменология личности / О.П. Саннікова. — Одесса, 2003.

**КОРЧАК
Ирина,
КОРЧАК
Irina,**

магистр
государственного
управления,
заместитель
начальника управления
труда и социальной
защиты населения
Тетиевской
райгосадминистрации
Киевской области, г.
Тетиев, Киевская обл.

Аннотация: в статье раскрывается значение устойчивого развития и взаимосвязь с архетипами единства человека и природы на основе анализа возможных путей и реализации концепции устойчивого развития.

Ключевые слова:
устойчивое
развитие, архетипы,
ментальность, этнос,
развитие общества.

УДК 316.3

Ирина КОРЧАК

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Постановка проблемы и актуальность исследования. Социализация экономических отношений в конце XX в. обусловила необходимость реализации принципов социально ориентированного управления экономическими процессами в обеспечении устойчивого развития общества.

Проблема устойчивого развития – одна из наиболее актуальных в современном мире. Ею занимаются мировые лидеры, ей посвящены сотни правительственных и межправительственных программ, она уже много лет стоит в повестке дня влиятельных международных организаций.

Устойчивое развитие общества в любом измерении – в глобальном, национальном или местном – выглядит сегодня как одна из важнейших, неотложных и всеобъемлющих проблем. Кажется, человечество уже приближается к тому, чтобы дать системные, подробно просчитанные, точно предвидящие возможные последствия ответы на глобальные вызовы эпохи. Но – только приближается, хотя ответы должны быть сформулированы не сегодня и даже не вчера. Опоздание составляет несколько десятилетий, и предостерегающие голоса экспертов звучат все тревожнее.

По историческим меркам срок отставания незначителен, но надо учесть, что кривая исторического развития в наше время круто забирает вверх. Изменения, которые ранее происходили в течение веков и тысячелетий и воспринимались как процесс эволюционного развития, в настоящее время обретают сногшибательный, почти непредсказуемый характер. В основе негативных изменений – безответственная, неумная и насильственная по отношению к природе деятельность человека.

Поэтому важно установить психические движущие силы, влияющие на ход устойчивого развития и развертывание социальной действительности. Одной из них, по нашему мнению, являются архетипы.

Анализ последних исследований и публикаций. Термин «устойчивое развитие» официально был принят на Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию, проходившей в Рио-де-Жанейро в 1992 году [12]. Это стало результатом многолетней научно-аналитической и политической работы по выяснению, согласованию, формулировке и принятию общественностью новых концептуальных идей. Позже созданная в 1983 году Международная комиссия по окружающей среде и развитию, которую возглавила премьер-министр Норвегии Г.Х. Брутланд, убедительно доказала необходимость введения понятия «устойчивое развитие» в качестве базового. Таким образом, в международно-правовых документах начали формироваться идеологическая подоплека и методология оценки последствий глобализации. В свою очередь, концепции устойчивого и человеческого развития тесно связаны с «Целями развития тысячелетия» (ЦРТ), определенными мировым сообществом в начале XXI века, которые выступают ориентиром для направления усилий человечества и корректируются в зависимости от полноты реализации, успехов или трудностей на пути их достиже-

ния. Существуют также другие концепции и проекты, возникшие и развивающиеся в связи с идеями устойчивого развития и тесно связанные с ним [13].

Понятие «архетип» было введено Юнгом в 1919 году в статье «Инстинкт и бессознательное» («Instinkt und Unbewusstes»). Юнг использует теорию архетипов для объяснения сути мифологии, религии, искусства и других феноменов культуры. В дальнейшем идеи предшественников углублялись и актуализировались в произведениях западных авторов М.Л. фон Франц, Ж. Лакана, Дж. Хиллман, Э. Ноймана, Е.Ф. Эдингера, А. Стивенса, П. Белохлавека, М. Лингс, Д. Дюмарсе, И. Кикпатрика, С. Аккройда, А. Пиннингтона, К. Эстес и других. Украинская школа архетипики представлена в работах ученых Э. Афонина, Е. Донченко, С. Крымского и Ю. Романенко, которые исследуют особенности протекания отечественных социально-психологических процессов.

Цель статьи – раскрыть значение устойчивого развития и архетипов единства человека и природы для становления экологического сознания современного человека и формирования экологической культуры в информационном обществе.

Изложение основного материала. Концепция устойчивого развития объединяет три главных компонента устойчивого развития общества – экономический, природоохранный и социальный.

Экономический подход состоит в оптимальном использовании ограниченных ресурсов и применении природо-, энерго- и материалосохраняющих технологий для создания совокупного дохода, обеспечивающих сохранение совокупного капитала, с помощью которого он образуется. В то же время переход к информационному обществу порождает структурные изменения совокупного капитала в пользу человечества, увеличивая объемы нематериальных потоков финансов, информации и интеллектуальной собственности. Уже сейчас эти потоки превышают объемы перемещения материальных товаров в семь раз. Развитие новой «виртуальной» экономики стимулируется не только дефицитом природных ресурсов, но и ростом объема информации и знаний, которым придается значение приоритетного товара. С точки зрения экологии, устойчивое развитие должно обеспечить целостность биологических и физических природных систем и их жизнеспособность, от этого зависит глобальная стабильность всей биосферы. Особое значение приобретает способность таких систем к воспроизводству и адаптации к современному уровню развития экосистемы.

Социальная составляющая сориентирована на человеческое развитие, на сохранение стабильности общественных и культурных систем, на уменьшение количества общественных конфликтов. Человек должен стать не объектом, а субъектом развития. Человек должен принимать непосредственное участие в процессах формирования своей жизнедеятельности, принятии и реализации решений, выполнять контроль за их выполнением. Социальное измерение, а лучше сказать – человеческое измерение устойчивого развития требует совершенно новых подходов: психологических, нравственных, культурологических и политологических. И на первое место выходит не собственно экономическая проблематика, а преемственность поколений в реализации их жизненных потребностей. Тогда постоянное выступает как производная и как орудие воспитания, образования, прав человека, его физического и духовного здоровья, развития демократии, законности и др.

Устойчивое развитие – сложная и объемная категория, которая является основой определенного способа видения реальности и отражает новый этап развития социальной подсистемы биосферы. Сейчас можно говорить лишь о наиболее общих теоретических контурах концепции, а не о завершенной теории устойчивого развития. Вполне обоснованным является утверждение, что главная идея устойчивого развития совпадает с идеей концепции ноосферы В. Вернадского, которая заключается в том, что человек является закономерным этапом эволюции живой материи, главным назначением которой является устранение стихийности развития биосферы и обеспечение перехода к эволюции, управляемой разумом.

Архетипы единства человека и природы – базисные элементы культуры, которые формируют константные модели духовной жизни, это основа экологии культуры в информационном обществе. Грядущее век – век человека информационного общества – должен стать эрой настоящей гуманизации культуры, достижение которой невозможно без ее экологизации.

В Докладе о человеческом развитии (ДЧР) в 1994 году было подчеркнуто, что национальное богатство может расширить возможности выбора для людей. Однако этого может и не произойти. Определяющим здесь выступает не само богатство, а то, как оно используется в разных странах. И до тех пор, пока общество не осознает, что главное его богатство – это люди, излишняя обеспокоенность по поводу производства материальных благ будет скрывать конечные цели обогащения жизни людей. При таком подходе на первый план выступает идея развития человеческого потенциала, или человеческого развития. С физического капитала как основы акцент переносится на человеческий капитал, который рассматривается и как цель, и как главное орудие общественного развития. Тогда и инвестиции должны направляться преимущественно в человеческий капитал, в человека – на создание современных рабочих мест, повышение общей образованности и квалификации работников, здоровья и качества их жизни, обеспечение прав и свобод, человеческого достоинства.

Человек, который рождается на свет, каким-то образом усваивает все, что человечество выработало в течение тысячелетий, репродуцирует этнические особенности и т. п. Это становится возможным из-за действия ментально-психических механизмов индивидуальной психики.

Каждый индивид воспроизводит и трансформирует в себе прошлый потенциал развития этноса, нации и человечества, добавляя к нему капельку своего духовно-практического опыта отношений с миром, обществом, нацией и людьми.

Психика каждого человека (этнофора) входит в систему социальной психики, является ее микрочастицей и своеобразным «генератором психоэнергии». Вместе с тем социальная психика этнической общности, в которую входит данный человек, «присутствует» в индивидуальной психике как внутренний психологический опыт внешнего (социального, то есть специфического психического) – переживаний, ощущений, восприятий, волевых, духовных и социальных связей, чувств и прочего. Одним словом, происходит взаимовлияние социальной психики нации и индивидуальной психики ее членов. Благодаря ее функционированию и проявлению отдельными индивидами в процессе их социализации передается внешнее психическое, объективированное в смыслах общности, понятиях, верованиях, традициях, ценностях, искусстве, музыке, литературе, народном творчестве, архитектуре, национальных установках, формах взаимодействия, вере в Бога, отношении к Родине, нации и ее святынь, долга, чести, достоинства, других этносов и народов и их потребностей и ценностей, к человеку вообще и т.д. [5].

Герман Гессе был прав, когда предполагал, что «у культуры, или духа, или души есть собственная история, протекающая рядом с так называемой мировой, то есть рядом с постоянными боями за материальную власть как вторая, тайная, бескровная и священная история».

Карл Юнг в своей теории пришел к выводу, что, кроме индивидуального бессознательного, существует коллективное, расовое бессознательное, которое является проявлением творческой космической силы и является общим для всего человечества. Юнг считал, что в процессе индивидуализации человек может преодолеть узкие границы Эго и личного бессознательного и соединиться с высшим «Я», соответствующим всему человечеству и всему Космосу.

Юнг рассматривал психику как комплементарное взаимодействие сознательного и бессознательного компонентов при непрерывном обмене энергией между ними. Для него бессознательное не было психобиологической свалкой отторгнутых инстинктивных тенденций, вытесненных воспоминаний и подсознательных запретов.

Он считал его творческим, разумным принципом, который связывает человека со всем человечеством, с природой и космосом. Изучая динамику бессознательного, Юнг открыл функциональные единицы, которые назвал «комплексами» [10].

Развивая и реализуя концепцию устойчивого развития, построенную на развитии личности, необходимо учитывать, что архетип (согласно теории Юнга) личность наследует, поэтому он находится в ней, но одновременно – и снаружи. Часть архетипа, усвоенная и направленная вовне, образует «персону» («маску»), сторона архетипа, обернутая внутрь индивида, – это «тень» («тень имеет врожденный характер: если сорвать „маску“, то увидим „тень“, которая проявляется в комплексах, симптомах»). Психологическая коррекция эффективна, лишь если происходит коррекция «тени» и «персоны». Индивидуальное бессознательное человека можно познать через «комплексы» – совокупность психических смыслов, заряженных одной эмоцией, одним аффектом. Комплексы проявляются через симптомы, а совокупность симптомов образует синдром (например, страх, агрессивность). Корректировать надо комплексы в целом, а устранять отдельные симптомы бесполезно – убрав один симптом, получаем новые симптомы, поскольку первопричина – комплекс – продолжает существовать и имеет свою разрушительную силу. Чтобы корректировать «комплекс», необходимо извлечь из бессознательного эмоционально заряженный «комплекс», переосмыслить его и изменить его эмоциональный знак, изменить направление аффекта, то есть цель – устранить не симптом, а тот аффект, который лежит в основе «комплекса».

Юнг ввел понятие акаузального связующего принципа синхронности, который обозначает осмысленные совпадения событий, разделенных во времени и пространстве. По его определению, синхронность вступает в силу, когда «определенное психическое состояние имеет место одновременно с одним или несколькими внешними событиями, которые возникают как значимые параллели к текущему субъективного состояния». Синхронно связанные события явно соотносятся тематически, хотя между ними нет линейно причинной связи [5].

Это – история формирования социальной психики нации, прежде всего ее ментально-психической составляющей. Главная цель устойчивого развития общества заключается в обеспечении условно бесконечного существования человеческой цивилизации и ее прогрессивного развития. Такая цель требует решения задач двух уровней. Первый уровень можно обозначить как необходимый – это физическое выживание человека биологического. Второй уровень – достаточный, он предусматривает духовное развитие человека социального. Указанное не означает какую-то очередность или иерархию. Оба уровня чрезвычайно важны и взаимосвязаны. Иногда кажется, что задача выживания человека как биологического вида более понятна, актуальна, первоочередна. Но не менее ясно и то, что человек без духовного развития, человек, личность которого только еле просматривается за естественным стремлением продолжить род и обеспечить физиологические функции – это регресс, утрата человеком главного – его человечности, отличия от животного мира. Именно на уровне развития человека социального, человека как личности возможно создание идеи устойчивого развития и ее реализация.

Главными предпосылками реализации устойчивого развития можно определить следующие:

- распространение в массовом сознании глубокого понимания взаимосвязи между человеком, человечеством и природой, а также фундаментальных основ устойчивого развития открытых стационарных систем;
- определение направлений изменения сущности человека как личности, превращения его из объекта в субъект глобального развития;
- формирование глобальных, национальных и местных стратегий устойчивого развития в условиях экономического роста и обеспечения основных потребностей людей;
- существенное уменьшение потребления ресурсов;

- нахождение источников финансирования экономических, экологических, социальных, политических и других преобразований, особенно для развивающихся стран;
- создание нормативно-правовой и институциональной базы устойчивого развития;
- создание и совершенствование национальных и международных систем мониторинга эффективности реализуемых мероприятий и корректировки программ развития;
- развертывание массовой социальной мобилизации в пользу программ устойчивого развития;
- обеспечение скоординированной в масштабах всего мира научной проработки проблем и сопровождения практических действий по реализации концепции устойчивого развития [11 с. 29].

Для реализации этих условий устойчивого развития, представляется, следует говорить о ментальности и «архетипности» нации не отдельно, а как о ментально-психической подсистеме ее социетальной психики. На наш взгляд, ментально-психическое представляет собой некое образование коллективного бессознательного и коллективного бессознательного социальной психики нации, которое является сгустком, ядром, сущностью ее внутреннего духа, связанного с тайнами рождения этноса, его взаимодействием с природой и социальным миром, психоэнергия которого концентрирует всю остальную совокупность психического, то есть, тем или иным образом проявляется в поведении, действиях, особенностях мышления, мироощущении, мировосприятии и т.д. при жизнедеятельности нации [2]. Такого мнения придерживается часть ученых, в частности М.И. Пирен, отмечая, что «типичные психологические черты этносубъектности, зафиксированные в их ментальности, являются одновременно и своеобразными „метками“ той естественной и социальной среды, в которой она сформировалась».

Архетипы человеческих отношений и другие нормы, стили жизни, паттерны поведения и стереотипы действий, фигурация межчеловеческой зависимости – все это образует поле государственных качеств. То есть, государственные качества можно рассматривать как состоящие из эксплицитных и имплицитных норм, определяющих поведение, усвоенное и опосредованное с помощью архетипических символов; как таковые они возникают в результате коллективной деятельности, включая их воплощение в предметах.

Указанные цели устойчивого развития, как видим, взаимосвязаны, они являются целями управленческой деятельности на всех уровнях – глобальном, региональном и местном. Они составляют основу для разработки политики и конкретных мероприятий органов управления соответствующих уровней. Но содержание и эффективность деятельности органов государственного управления, местного самоуправления и общественных организаций зависят от глубины понимания исполнителями и всеми людьми новых подходов, отражающих и уже приобретенный опыт (отрицательный и положительный), и прогнозные оценки ситуации в биосфере, и практические потребности людей, и архетипы составляющей человеческого развития (сознательного и надсознательного). Надо научиться сопоставлять потребности с возможностями окружающей среды и природы, личные интересы – с национальными и общечеловеческими. Надо научиться преодолевать эгоизм богатых групп в пользу социальной справедливости, на которую все еще надеются миллионы обездоленных в мире. Эта подсистема является относительно устойчивым специфическим образованием звена «коллективное бессознательное – коллективное надсознательное», что удерживает черты социально-психологического облика этноса в конкретных географических, исторических и культурных условиях, которые постоянно проектируются на современную социальную действительность. Такая проекция по своей сути является системой умственных и чувственных образов, которые косвенно и неосознанно сти-

мулируют и регулируют поведение членов этноса в конкретных социокультурных условиях.

Выводы и последующие направления научных исследований: Ускорение динамики мировых процессов, развитие глобализации на фоне недопонимания со стороны мировых лидеров причин негативных последствий процессов, развивающихся в природе и социуме, запоздалое реагирование на них – все это приводит к накоплению и обострению глобальных проблем, которые становятся все более опасными для человечества и планеты.

Идеи устойчивого развития появляются как альтернатива недостаточно организованному и управляемому общественному развитию во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Приходит понимание, что дальнейшее следование его траектории ведет в тупик. На повестку дня мирового развития выходит императив поиска выхода из создавшегося положения, определения путей перехода к принципам устойчивости во всех сферах общественного управления.

«Мы еще должным образом не усвоили опыт Средневековья, Античности и первобытной древности, – писал Юнг, – но нас манит неумолимый поток прогресса, который с дикой силой рвется вперед, в будущее. Мы за ним все больше и больше отрываемся от своих корней».

Таким образом, категория «архетип» в современной науке о культуре и о взаимоотношениях человека и природы обретает статус категории, задает основание межпарадигмального диалога, становится источником новых знаний о культуре. Динамика времени определяется и выражается господствующими в обществе архетипами, изменение времен означает смену архетипов или способов их проявления. Автор осознает всю сложность задачи и понимает, что содержание означенных проблем, их выбор и структура требуют дальнейшего изучения.

Список литературы:

1. Бойко В.В. Социально-психологический климат коллектива и личность / В.В. Бойко, А.Т. Ковалев, В.Н. Парфенов. – М. : Мысль, 1983.
2. Варій М.Й. Соціальна психіка нації : монографія / М.Й. Варій. – Львів : Сполом, 2002.
3. Барій М.Й. Загальна психологія : навч. посібник для студ. психол. і педагог. Спеціальностей / М.Й. Барій. – Львів : Край, 2005.
4. Винницький О.Р. Мозок і парапсихологія : монографія / О.Р. Винницький. – К. : Поліграфкнига, 1996.
5. Вичев В. Мораль и социальная психика / В. Вичев. – М. : Прогресс, 1978.
6. Грофф С. За пределами мозга / С. Грофф. – М. : Изд-во Московского Трансперсонального центра, 1993.
7. Донченко Е.А. Социетальная психика / Е.А. Донченко. – К. : Наукова думка, 1994.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М., 1990.
9. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. – М. : Республика, 1992.
10. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени / К.Г. Юнг. – М., 1993
11. Сталий розвиток суспільства : навчальний посібник / авт.: А. Садовенко, Л. Масловська, В. Серета, Т. Тимочко. – 2 вид. – К., 2011. – 392 с.
12. Hartmut Bossel. Indictors for sustainable development: Theory, method, applications / Bossel Hartmut. – International Institute for Sustainable Development, 1999. – 124 p.
13. Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies / United Nations. – 3rd edition. – New York, October 2007. – 93 p.

**КРУПКИН
Павел,
KRUPKIN
Paul,**

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра изучения Современности, г. Париж, Франция.

Аннотация:
статья посвящена обсуждению архетипа сакральности, который вводится для индивидуальной психики и рассматривается в исторической перспективе – и когда он образовался по результатам ароморфоза в эволюции пред-человеческих триб, и когда он был задействован в другом ароморфозе, положившем начало социальной эволюции. При этом оказалось, что, несмотря на уже довольно долгий процесс секуляризации в развитых странах, сакральное там, хоть и в других формах, чем ранее, продолжает оставаться важным для людей и общества.

Ключевые слова:
архетипы, сакральность, социальность.

УДК 304.5 : 316.7 : 572.1/4

Павел КРУПКИН

АРХЕТИП САКРАЛЬНОСТИ

Постановка проблемы. Развитие научной парадигмы институционального обществоведения [2] в одном из своих изводов касается области знания, где были введены в оборот и активно обсуждаются такие психологические объекты, как архетипы Юнга [3]. Наличие в головах людей ментальных структур несоциальной/биологической природы среди прочего ставит проблемы:

1) выработки адекватного понятийного аппарата для их описания и операционализации; 2) вычленения, описания и классификации конкретных архетипов.

Подходя к данным проблемам с позиций обществоведения, я ограничил себя интересом только к тем архетипам / ментальным структурам, которые обуславливают человеческую социальность [2; 3; 5]. При этом возникла интересная возможность развить альтернативный язык описания архетипов, который может оказаться пригодным не только аналитически – для разложения на части и понимания соответствующего опыта/наблюдений, но и функционально – как база для построения и апробации соответствующих моделей.

В части реализации представившейся возможности в работе [5] были выделены архетипы социальности, включающие в себя архетипы структурирования: «свои»/«мы и они», «авторитет», «ценность детей», «ценность женщин», «молодые мужчины как расходный материал»; архетипы коммуникации: «язык», «знаки взаимодействия», «тяга к касаниям»; когнитивные архетипы: «подражание», «ценность опыта», «традиция»; а также такие ментальные комплексы, как «справедливость», «права требования» и «вопросание пределов». При этом (к сожалению) там выпал из поля внимания такой важный архетип из последнего класса, как «сакральность», а соответствующие ментальные структуры оказываются очень важным для любого сообщества людей как в социальном [4], так и в индивидуальном плане [8].

Цель публикации. Настоящая статья посвящена обсуждению архетипа сакральности. Данный архетип рассмотрен в исторической перспективе – и когда он образовался по результатам ароморфоза у пред-человеческих триб, и когда он поучаствовал в другом ароморфозе, который положил начало социальной эволюции. При этом оказалось, что, несмотря на уже довольно долгий процесс секуляризации в развитых странах, сакральное там, хоть и в других формах, продолжает оставаться важным для людей и общества [4].

Изложение основного материала

Понятие архетипа и его место в психике человека. Юнговское понимание архетипа может быть сформулировано следующим образом [3]: архетипы – это универсальные для всего человечества схемы, конкретное наполнение которых содержанием определяет поведенческие паттерны людей, а также особенности их восприятия и воображения; это врожденная система управления стабилизацией конкретного вида инстинктов, формирующихся у растущего организма. Хорошим примером подобного понимания архетипа служит родной язык: у каждого ребенка в мозгу есть соответствующая «врожденная форма», которая «наполняется» конкретным содержа-

нием при его социализации в семье, причем если процесс такого «наполнения» не будет запущен до 3-х лет, то ребенок речью не овладеет [1].

По Юнгу, архетип – это составная часть того, что он обозначил термином «коллективное бессознательное»; то, что находится в глубинных слоях психики и считается одинаковым для всех людей. Если представить, что психика человека определяется ментальными структурами [2, с.45; 3], то именно наборы подобных структур и будут отвечать за любой поведенческий паттерн и/или распознаваемый сознанием объект. В этих наборах из общих соображений могут существовать не только те структуры, которые появляются/воспитываются при социализации человека, но также и структуры «биологического уровня», возникновение которых происходит по мере роста плода в утробе матери вместе с развитием его мозга и нервной системы.

Представленное выше согласуется со следующей моделью индивидуальной психики [3]. Каждый человек имеет свою уникальную личность, которая складывается в течение всей его жизни и определяется наличествующим в его мозгу множеством ментальных структур. У каждой личности есть своя когнитивная сфера, ответственная за накопление и критическое осмысление опыта и разных других типов знаний и умений, и поведенческая сфера, определяющая поведение. Сознательную часть поведенческой сферы обычно называют Я-концепцией индивида, и к ней относят ментальные структуры его сознательных установок, ценностей, различного рода поведенческих паттернов и такого прочего. Неосознанную часть поведенческой сферы будем называть габитусом. Интересно отметить, что когнитивная сфера также имеет свою неосознанную часть, то, что иногда называют «неявным знанием», хотя большая часть ментальных структур когнитивной сферы вполне осознана, и, более того, данные структуры именно что формируются сознанием индивида в процессе его развития/социализации, а также в результате обобщения получаемого им жизненного опыта.

Ментальные структуры когнитивной сферы среди прочего также и формируют обрабатываемый мозгом информационный поток, определяя МойМир индивида (Umwelt), т.е. то, как человеку оказываются даны его внутренний и внешний миры [2, с. 46]. МойМир – это «жизненное поле» человека, в котором он «разворачивает» и осмысливает свою жизненную активность. В частности, среди опорных структур индивидуального МойМира можно различить мотивационные модели важных для человека других людей (theory of mind), которые существенны для выработки прогнозов индивида по реакции социальной среды на производимые им действия.

Когнитивная сфера человека сильно завязана на его родной язык, который обусловливает инкорпорирование в личность ее индивидуальной культуры – определенных слоев тех самых упомянутых выше ментальных структур и их взаимосвязей [2, с. 79]. При этом легко выделяются две базовые характеристики индивидуальной культуры каждого – этническая принадлежность и гендер. Гендерные особенности личности я здесь затрагивать не буду в силу их неактуальности для рассматриваемого круга вопросов, а вот этнические особенности людей для вопросов человеческого общежития оказываются очень даже уместными. Это связано с тем моментом, что базовые основы своего сознания каждый принимает во младенчестве именно в их этническом варианте, и лишь потом на этот базис ложатся более универсальные культурные слои. Если ложатся.

Архетип сакральности. В перечень архетипов социальности, сформированный в [5], следует также включить еще и архетип сакральности – врожденную форму, имеющуюся в мозгу каждого человека, которая «опредмечивает»/конкретизирует его чувства, связываемые с сакральными переживаниями. В число последних обязательно входит негодование от профанации считаемого святым/священным, чувство благодати/благодати вследствие удачно совершенного сакрального ритуала, переживаемые аффекты от того, что обозначается словами «осквернение»/«скверна».

То, что сакральность человека обеспечивается архетипически, следует хотя бы из того, что в настоящее время неизвестны примеры сообществ, которые обошлись бы в своей эволюции без той или иной формы наполнения сакральных переживаний каким-то вполне конкретным содержанием. Кроме того, уже появились философские осмысления результатов эпохи секуляризации, в рамках которых сакральные переживания человека рассматриваются в числе необходимых для ощущения индивидом полноты своей жизни¹.

Обусловленность человеческой социальности богами – это был настолько характерный тезис для традиционных человеческих обществ, что он даже вошел в определение Традиции как социального времени². Однако связь социального с сакральным обсуждалась и для современных обществ – этот тезис лежит в основе программы Э. Дюркгейма [7], которая развивалась и после смерти автора, дав среди прочего понятие «гражданская религия»³. Сакральные переживания обнаруживаются и при анализе устройства так называемых коллективных идентичностей (social identity), лежащих в основе всех сколь-либо субъектных сообществ, да и несубъектных, но осознающих себя как нечто единое, тоже⁴.

Исторически идентичностная человеческая социальность приходит на смену социальности иерархий доминирования⁵ приматов где-то 70–100 тыс лет назад, что можно определить по появлению следов ухода за инвалидами, а также через выделение доли умершему в похоронном обряде. Одна из гипотез для данного ароморфоза⁶ связана с формированием у пред-людей по результатам группового отбора среди их сообществ табу на ограничение доступа «своего»⁷ к пище. Подобное табу, особенно в контексте конкуренции с понятиями иерархий доминирования с их «правом альфы», не может функционировать без чего-то подобного центру сакральности, который в случае нарушения табу дает аффект негодования, создающий эмоциональную основу для остальных членов сообщества восстать против альфы и призвать оно к порядку. Предложенный механизм возникновения архетипа сакральности имеет следствием то, что человеческая идентичностная социальность по большому счету «ложится поверх» социальности иерархий доминирования, и она особенно сильно активируется в условиях дефицита жизненно важных ресурсов. Это находит подтверждение в человеческих практиках – иерархии обычно развиваются при наличии ресурсного изобилия, в то время как ресурсные дефициты обычно сопровождаются введением нормирования распределения таких ресурсов с существенным креном в сторону уравнивания в получаемых каждым долях.

Переход к социальной эволюции. Обратим далее внимание на факт, что практически всю свою историю, кроме, может быть, последних десяти тысяч лет, все чело-

¹См., например, [8], а также [4].

²[2, с. 60–65; 4].

³См. детали в [4].

⁴См. детали в [3].

⁵Общая модель иерархий доминирования может быть представлена следующим образом. В результате парных столкновений каждая особь в сообществе получает свой ранг, который определяет доступ к пище и другим дефицитным ресурсам. Самая сильная особь стаи – альфа – обладает непререкаемым «авторитетом» в этом плане, за альфой следует бета, и т.д. вплоть до последних особей по рангу – до омега. В принципе, параллельные иерархии доминирования существуют у обоих полов, задавая общую схему социальных взаимодействий внутри стаи. При этом во внешних взаимодействиях стаи, ведомая своим альфой, действует во многом очень сплоченно и согласовано, эксплуатируя к своей пользе дополнительные возможности, даваемые «эффектом коллектива». Детали см. в [2, с. 101].

⁶См. детальное обсуждение в [3].

⁷Следует отметить, что архетип сакральности сильно связан с архетипом «свой», хотя последний имеет более древнюю основу и проявляется, среди прочего, и в группах животных с иерархиями доминирования. Недавно было установлено, что в нейрофизиологии архетипа «свой» значительную роль играет вещество окситоцин [6].

вечество осваивало доступный себе ландшафт в виде групп охотников-собирателей в 15–30 взрослых особей. Более крупные группы обычно распались на две, более мелкие – «слипались» с другими. Данный факт регулирования численности первобытных человеческих групп дает возможность предположить, что подобные «распады» и «слипания» регулируются биологически, на уровне инстинктов, и потому «умение» жить более крупными сообществами требует компенсации воздействия данных инстинктов, что люди и научились впервые делать где-то 10–12 тыс лет назад.

Драйвер подобного ароморфоза можно связать с сакрализацией склада⁸. Действительно, несколько первобытных триб вполне могли начать складировать осенний урожай под присмотром специально выделенной команды – инвалидов и шамана, давая последним дополнительный смысл существования. Сама идея складирования запасов могла быть почерпнута у грызунов. Сохранность собранных в запас продуктов диктует необходимость создания стен складского комплекса для ограничения доступа к запасам со стороны животных, совместные же трапезы в зимнее время и наличие шамана дают пространство для развития ритуалов. Относительно свободное время у шамана и инвалидов/помощников могло дать базу для дальнейшего развития искусства. И более того, сама идея земледелия могла быть почерпнута из выросших злаков от просыпанного осенью зерна...

Но самое главное – склад с запасами держал несколько триб охотников-собирателей по соседству, давая им пространство для наработки практик компенсации инстинкта распада при достижении числа взрослых особей более 30. И эти практики со временем появились, причем в основе их оказались именно коллективные идентичности, ценность сохранения единства в которых оберегалась все теми же центрами сакральности в головах всех участников.

Основной вывод и перспективы дальнейших исследований. В заключение имеет смысл рассмотреть идеальные типы структурирования древних триб с уже развитым сакральным. Первый шаг – тотемическая триба [4] – состоит из сообщества равных, вождя/бигмена и шамана. При этом шаман позиционируется в стороне от сообщества – и социально, и географически.

Следующий шаг – община с храмом/складом⁹. Сообщество равных, которые владеют всеми активами общины либо лично, либо через долю в общественном, составляет народное собрание. В центре общины находится храм/склад, который обслуживается храмовыми слугами. Храмовая служба же, среди которой наличествуют не только жрецы и кладовщики, но также, в частности, и ремесленники, обслуживает дополнительно и многие нужды самих общинников. Верхние позиции храмовых работников, по всей видимости, статусно близки к общинникам, нижние позиции обычно занимают рабами.

Наряду с храмом община также объединяется фигурой вождя/царя. Царь отвечает за удачу и расположение богов, и на этом основании он участвует в руководстве общиной. Наряду с царем на политику верхнего уровня влияет жреческая верхушка, храмовые завхозы, влиятельные общинники и народное собрание. Храмовые завхозы

⁸Основанием данной гипотезы послужило обнаружение храмового комплекса Гёбекли-Тепе, который был построен и поддерживался людьми в мезолите – начиная с XI тысячелетия до н.э. – без присутствия какого-либо поселения по соседству. Кроме того, складская функция была неотъемлемой от храма в начале писанной истории – люди там хранили и «долю богов» и свои излишки, а «доля богов» покрывала основные издержки общественной жизни.

⁹Заметим, что описываемая здесь схема социального устройства существенно отличается от одной у Платона (философы, стражи, рабы), которая обычно предлагается в качестве архетипа социального. Схема же Платона может быть получена из социального устройства тотемической трибы, в котором шаман из положения «сбоку» переносится в положение «наверху», «главный», а общинники лишаются статуса «цели общества» и тем самым поработаются.

зы управляют резервами общины, создающимися из вкладов общинников вместе с результатами ведения храмового хозяйства – храм может владеть как землей, так и другими активами, которые считаются общественными. Храмовые завхозы руководят ремесленниками и деятелями искусства, которые обычно входят в число храмовых слуг, а также осуществляют обмен продукцией с другими общинами, отправляя и принимая торговые караваны.

При этом очень интересно изменялось в очерченной схеме статусное положение различных профессиональных групп. Если во времена царства Хамураппи общинники были в основном земледельцами, которые сами обрабатывали свои наделы, а ремесленники, купцы и солдаты числились среди храмовых слуг, то у Аристотеля общинниками уже являлись солдаты – владельцы наделов, а землю в основном обрабатывали рабы. Ремесленники продолжали оставаться среди храмовых работников. Взяв же «Историю Флоренции» Макиавелли, мы обнаружим там в центре общества уже ремесленников и купцов (попполо), а вот военная знать прошлых времен (нобели) вдруг начала предпочитать деклассироваться, переходя по статусу в попполо. Крестьянства Макиавелли не видел вообще, а основную массу солдат числил по отношению к попполо на существенно более низком статусном уровне.

Список литературы:

1. Бурлак С. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы / С. Бурлак. – М. : CORPUS, 2011. – 480 с.
2. Крупкин П.Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления / П.Л. Крупкин. – М. : Флинта ; Наука, 2010. – 568 с.
3. Крупкин П.Л. Эволюционная теория архетипов Юнга: Архетипические моменты в структуре коллективной идентичности [Электронный ресурс] / П.Л. Крупкин // Публичное управление: теория и практика : сборник научных работ Ассоциации докторов наук государственного управления. – Х. : Изд-во «ДокНаукДержУпр», 2010. – № 3–4. – 432 с. – Режим доступа : <http://modernity-centre.org/2010/07/27/kroopkin-115>.
4. Крупкин П.Л. Об обосновании социального сакральным [Электронный ресурс] / П.Л. Крупкин // Социология религии в обществе позднего модерна. – Белгород : БелГУ, 2011. – 220 с. – Режим доступа : <http://modernity-centre.org/2011/02/13/kroopkin-124>.
5. Крупкин П.Л. Архетипы социальности [Электронный ресурс] / П.Л. Крупкин // Публичное управление: теория и практика : сборник научных трудов Ассоциации докторов государственного управления : специальный выпуск. – Х. : Изд-во «ДокНаукДержУпр», 2012. – 312 с. – Режим доступа : <http://modernity-centre.org/2012/06/23/kroopkin-131>.
6. Марков А.В. Окситоцин усиливает любовь к «своим», но не улучшает отношения к чужакам [Электронный ресурс] / А.В. Марков // Элементы большой науки. – 2010. – Режим доступа : <http://elementy.ru/news/431346>.
7. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life / E. Durkheim. – NY : The Free Press, 1995. – 464 p.
8. Taylor Ch. Secular Age / Ch. Taylor. – Cambridge : Harvard University Press, 2007. – 874 p.

Алексей КРЮКОВ, Александр РАДЧЕНКО

АРХЕТИПНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

Постановка проблемы. С обретением независимости и формированием политического курса Украины на развитие демократического социального правового государства приобрело чрезвычайную актуальность осмысление сущности демократического политического режима, типологии переходных режимов на пути перехода от авторитаризма к демократии. Встав на путь демократического транзита Украина столкнулась с целым рядом негативных явлений социально-политического характера, отчего в обществе разгорелась дискуссия – это неизбежные «осложнения» преодоления прошлого, субъективные просчеты недалеководного политического руководства или «оборотная сторона демократии», ее естественное состояние?

На поставленные вопросы до сих пор нет ответов. С точки зрения авторов за ответами следует обратиться к глубинным основаниям политических режимов, их архетипным характеристикам, что и представляет собой *цель данной статьи*.

Анализ последних исследований и публикаций свидетельствует о широком внимании к проблематике политических режимов в дискурсивной рамке отечественных политических и государственно-управленческих исследований. Однако практически одновременно как среди западных ученых (Х. Арндт, Р. Гастил, Р. Даль, Т. Карозерс, М. МакФаул, В. Меркель, Р. Мертон, А. Пшеворский, К. Пейтман, Д. Растоу, Дж. Сартори, В. Уоллерстайн др.), так и среди российских и украинских исследователей сферы политического (В. Андрущенко, В. Горбатенко, А. Колодий, А. Мельвиль, Г. Латфуллин, В. Разин, А. Романюк, А. Фисун, В. Шадт, Ф. Шамхалов, Ю. Шемшученко и др.) достаточно часто допускается терминологическая путаница и разночтения одних и тех же дефиниций. В частности, даже в фундаментальном учебнике политологии по научной редакции А. Колодий (допущенному Министерством образования Украины как учебник для высших учебных заведений) среди определенных основных категорий политологии является «политическая система», «политический процесс», но тщетно искать общеизвестную в Европе дефиницию «политический режим» [9, с. 36].

Фундаментальная восьмитомная Энциклопедия государственного управления, изданная Национальной академией государственного управления при Президенте Украины в статье «Свойства и признаки государства» о политическом режиме вспоминает лишь то, что это совокупность методов и приемов осуществления государственной власти и что различают демократический, антидемократический, тоталитарный и авторитарный политические режимы [2, с. 104], а понятие «архетип» в ней отсутствует вовсе.

Изложение основного материала. В общественных науках понятие архетип (от греч. *arche* – начало и *typos* – образ) – прообраз, первоначальный образ, идея. Архетипы формируют инстинктивные предубеждения и в то же время представляют собой действенные средства инстинктивного приспособления к миру [4].

**КРЮКОВ
Алексей,
KRYUKOV
Ол,**

доктор наук в сфере государственного управления, профессор, кафедры политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Харьков.

Аннотация: в статье с точки зрения архетипного подхода, анализируются основные тенденции развития политических режимов на постсоветском пространстве. Авторы пытаются дать ответ на вопрос насколько реально в условиях транзита осуществить демократические преобразования.

Ключевые слова: архетип, политическая система, политический режим, демократический переход.

УДК 321:323.3

**РАДЧЕНКО
Александр,
RADCHENKO
Olexander,**

доктор наук в сфере
государственного
управления, профессор,
профессор кафедры
государственной
службы Луганского
национального
университета им.
Т.Шевченко, г. Луганск.

Аннотация: в статье
с точки зрения
архетипного подхода,
анализируются
основные тенденции
развития политических
режимов на
постсоветском
пространстве.
Авторы пытаются
дать ответ на вопрос
насколько реально в
условиях транзита
осуществить
демократические
преобразования

**Ключевые
слова:** архетип,
политическая система,
политический режим,
демократический
переход.

УДК 321:323.3

В этом смысле понятие «политический режим» является одним из базовых архетипов политической системы, выражает способ ее функционирования характер взаимосвязи государственной власти и общества. Он являет собой институционный способ взаимодействия государства и гражданина, отражает тот или иной уровень свободы, политической конкуренции между властью и оппозицией в формировании органов государственной власти, а также уровень политического участия граждан, их влияния на принятие государственно-управленческих решений, отображающих социальное представительство и народное волеизъявление [11, с. 18].

Опыт политических трансформаций последних десятилетий убеждает в том, что политические трансформации бывших авторитарных режимов не всегда означают их демократизацию. Следствием подобных поставторитарных и посттоталитарных транзитов становится формирование «дефектных», «гибридных» и пр. политических режимов. Поэтому проблема типологизации государственно-политических режимов как системы общественных отношений, является одним из центральных объектов политологических исследований как отечественных, так и зарубежных ученых.

Сначала необходимо определиться в соотношении политических систем и политических режимов. Под политическим режимом мы понимаем совокупность характерных для определенного типа государства властно-политических отношений, средств и методов реализации государственной власти, доминирующих форм взаимодействия власти и общества, совокупности составляющих механизм функционирования политической системы общества. Ядром, стержневой подсистемой политического режима, будем считать властные отношения в недрах государственного аппарата, методы и принципы государственного управления, идеологию и философию деятельности должностных лиц, политиков, государственных служащих. Выделение именно этой составляющей политического режима имеет принципиальное значение для транзитивных обществ, поскольку от характера направления и особенностей властного взаимодействия, ценностных основ, форм и методов деятельности представителей государственного аппарата (которые, собственно, и осуществляют трансформационные преобразования) наиболее зависит успех (или провал) демократического транзита.

Демократическим политическим режимом принято обозначать форму организации общественно-политической жизни, основанную на принципах равноправия его членов, периодической выборности органов управления, децентрализации и рассредоточении власти с целью предоставления гражданам возможности равномерного влияния на функционирование органов власти и принятия решений в соответствии с волей большинства [7, с. 563].

Авторитарный режим представляет собой тип управления, при котором власть имущие требуют безусловной покорности граждан [4, с. 17].

В то время как политическая система представляет собой довольно устойчивую статичную конструкцию, политический режим имеет динамическую форму существования и потому менее стабилен, изменения его могут колебаться в ту или иную сторону в пределах норм, допускаемых конституцией и законами, особенностями социокультурного развития. Современное политическое развитие в определяющей степени зависит от культурной готовности наций к

тем или иным переменам. Отказ от прежних и восприятие новых ценностей нередко продиктовано геополитическими интересами, связанными с принадлежностью к ответствующей цивилизации.

Таким образом, матрица политической системы носит четко определенный институциональный характер и сама политическая система, прежде всего, является системой институтов, в то время как матрица политического режима имеет аксиологический характер и включает в себя, прежде всего, ценностные детерминанты процесса функционирования политической системы и политические отношения. Система более статична, режим по отношению к ней выступает механизмом, а ценности выступают «приводными цепями» этого механизма. Итак, когда мы обращаемся к системообразующим архетипным характеристикам системы общественных отношений, то речь должна идти о типах политических систем, когда мы рассматриваем соотношение различных ветвей и институтов власти в рамках политической системы, то в этом случае речь идет о типах политических режимов [12, с. 47].

Сущность политического режима определяет также и диалектика взаимоотношений гражданского общества с государством. Существует три архетипа таких отношений. Первый тип - государство выполняет волю гражданского общества и строит свои отношения с гражданами на клиентских или партнерских началах. При таких условиях общество как бы нанимает государство для руководства обществом. Второй тип предполагает полное порабощение гражданского общества государством, когда люди становятся винтиками деспотической тоталитарной системы. Третий тип - авторитарный - характеризуется определенным балансом, равновесием сил между гражданским обществом и государством.

В данном контексте можно рассматривать и становление политических режимов государств на постсоветском пространстве, формирующее взаимодействие государства и гражданского общества по всем трем указанным моделям.

К первой группе партнерского взаимодействия государства и общества можно отнести, в первую очередь прибалтийские страны – Литву, Латвию, Эстонию. Ко второй группе с доминированием государства в большей или меньшей мере центрально-азиатские государства – Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан. К третьей – восточно-европейские государства и закавказские республики - Украина, Россия, Белоруссия, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан.

Прибалтика исторически занимала либо прогерманскую (Латвия и Эстония), либо пропольскую (Литва) позицию, и став разменной монетой в период последнего передела мира вынуждена была находиться в едином государственном образовании с геополитически чуждой Россией. Государства с преобладанием православной культуры, тем не менее, по-разному ориентировались в своем дальнейшем развитии – от максимальной удаленности по историческим причинам (Молдова) до максимального сотрудничества (Беларусь) при окончательно неопределившейся Украине. Несмотря на конфессиональные различия в закавказских государствах, советское прошлое их объединило и тесно переплело, создав сложно разрешимые этнические проблемы. Их европейская географическая маргинальность способствует маргинальности политической, заключающейся в движении в европейском направлении, но со своими кавказскими особенностями. Сильные геополитические игроки в данном регионе (Турция, Иран) добавляют политическую неопределенность и привносят своеобразие в политическую ситуацию в закавказских государствах. Центрально-азиатские страны, возвратившись к своим традиционным истокам, строят свою государственность, исходя из собственного представления о политике и государстве, на которое оказывают существенное влияние ведущие геополитические игроки региона – Россия, Китай, Иран, а также США, не желающие выхода из-под контроля важного геополитического региона. Под влиянием перечисленных тенденций в постсоветских государствах формируются политические режимы как традиционного характера с авторитарными чертами, так и демократической направленности с явным налетом советского прошлого.

В частности, Филипп Редер говорит о формировании на постсоветском пространстве четырех типов поставторитаризма: автократии, олигархии, этнически ориентированных и уравниловных республик [18]. Зато Александр Фисун убежден, что в большинстве постсоветских стран формируется неопатримониализм [13].

Особое внимание исследователей (Ч. Ендрейн, С. Хантингтон, В. Моммсет, Р. Даль) было приковано к феномену существования (особенно в транзитивных государствах) формально вполне демократических политических режимов, при которых политические лидеры выходят за пределы правового поля под лозунгом политической целесообразности, идут на непосредственные контакты с населением, гражданскими структурами, широкими народными массами, поддерживающими их, стремятся мобилизовать широкие слои общества на борьбу с коррупцией, символизирующей предыдущие «преступные» режимы и т.д. Однако подобная политика является не более, чем только заигрыванием с толпой, чрезмерные обещания никогда не осуществляются, а истинные мотивы и интересы правящей группы далеки от народных и заключаются в как можно более долгом пребывании у власти. Такой режим получил название популистского. Подробные мировоззренчески-ценностные, институционально-правовые и политико-инструментальные черты популизма приведены в работе исследовательского коллектива НАГУ под председательством Е. Афолина [7, с. 287 - 292].

Отметим также, что в основе большинства классификаций политических режимов лежат ценностные принципы соотношения власти и свободы, особенности механизмов реализации государственной власти и ее взаимодействия с гражданским обществом. При таком подходе вместе с тремя идеальными режимами – тоталитарным (всесилие власти над обществом и полное отсутствие свободы), авторитарным (всесилие власти над обществом при определенном уровне индивидуальных свобод) и демократическим (преимущественный контроль общества над властью с доминированием прав и свобод граждан) выделяется ряд гибридных режимов, в соответствии с уровнем подконтрольности власти обществу и степени гарантированности прав и свобод гражданина тяготеющих к одному из этих идеальных типов.

Как ни парадоксально, но 30-летний опыт исследования «переходов к демократии» как самостоятельного направления политической науки (со времени публикации статьи Д.Растоу «Переходы к демократии; попытка динамической модели» [19]) трудно назвать особо продуктивным в отношении изучения архетипов собственно демократии. Транзитологи обычно принимали то или иное определение предполагаемой «точки прибытия» процесса перехода практически по умолчанию и без дискуссий [15], не задаваясь вопросом о том, в какой мере данное теоретическое построение применимо к изучению обществ в процессе трансформации (вероятно, неприменимых концепций в принципе не существует) и что нового оно позволяет узнать о предмете исследования. Между тем совершенно очевидно, что в свете постсоветской практики наиболее распространенные в литературе модели демократии выглядят недостаточными.

Трансформацию политических режимов в постсоветских государствах можно условно разделить на два этапа. На первом этапе в 1990-е годы направленность политических процессов характеризовалась двумя ключевыми тенденциями: стабилизацией и адаптацией. В прибалтийских государствах, заранее определивших для себя европейский путь развития, эти процессы проходили ускоренным темпом. В остальных государствах наблюдались схожие тенденции, связанные со стабилизацией обстановки в стране. Так, были заморожены этнические конфликты (в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Приднестровье), которые окончательно разрешены не были, однако противоборствующим сторонам удалось достигнуть перемирия; завершены гражданские войны (в Грузии и Таджикистане). В бывших союзных республиках к концу 1990-х гг. сформировались национальные государства, граждане которых старались адаптироваться к новым рыночным условиям в экономике, минимуму государства в социальной сфере и новым политическим институтам - демокра-

тическим по форме, но в значительной мере традиционным по содержанию. В 2000-е годы наступил второй этап трансформации, совпавший с началом экономического роста и повышением требований населения к своему благосостоянию. На первый план выходит проблематика выбора дальнейших целей и путей развития. Данная проблема решалась по-разному. Так, в странах, где сложились достаточно активные и развитые гражданские структуры и где правящие круги вовремя не отреагировали на новые вызовы, произошли «цветные революции» (Грузия, Украина, Киргизия). В России властные элиты предложили населению новую форму социального контракта: авторитарное правление в обмен на рост благосостояния. Такой маневр позволил правящим кругам избежать демократизации и постепенно вытеснить публичную конкуренцию из политики. В ряде стран (в Армении, Азербайджане, в меньшей степени Белоруссии) властным элитам с помощью силовых мер разного масштаба и разной степени интенсивности удалось не допустить развития по сценарию «цветных революций». В Молдове же на волне требований социальной справедливости к власти вернулась Коммунистическая партия, традиционно эксплуатировавшая этот лозунг и сумевшая эффективно использовать ностальгические воспоминания о временах Советского Союза. Однако, как показали дальнейшие события, несмотря на все политические различия, нигде, ни в одной из указанных стран так и не удалось добиться принципиально иных моделей развития.

Специалист по постсоциалистическим трансформациям А.Рябов [10], отмечает различия в трансформационных процессах стран Центральной и Восточной Европы и постсоветских государствах. Прежде всего, это деинституционализация политической и, в значительной степени, экономической жизни, свидетельствующей о непредсказуемости результатов выборов в первых государствах и предсказуемости политического процесса во вторых, а также персонификация власти, характерная практически для всех, кроме прибалтийских, государств постсоветского пространства. Победившие на выборах силы стремятся сразу же использовать демократические институты для сохранения нового статус-кво в свою пользу. Следует отметить, что большинство постсоветских государств (кроме, пожалуй, Белоруссии) пытались выйти из-под геополитического контроля России, полагая, что такая удаленность способствует повышению шансов для создания сильной национальной государственности, основанной на специфическом для каждой страны политическом режиме.

Специалист по посткоммунистическим трансформациям Томас Карозерс в своей известной статье «Конец парадигмы перехода» пишет о том, что наиболее распространенные модели политического развития переходных стран следует считать альтернативными направлениями, «а не промежуточными станциями на пути к либеральной демократии». По его мнению, «шаткая середина между полнокровной демократией и откровенной диктатурой является сегодня самым типичным местом пребывания посткоммунистических стран и стран третьего мира». Не являясь диктатурами или молодыми демократиями, они принадлежат к так называемой политической «серой зоне», но имеют демократические атрибуты, например, определенное, хотя ограниченное, политическое пространство для оппозиционных партий и независимого гражданского общества. В то же время при наличии регулярных выборов и демократических конституций «они страдают от серьезного дефицита демократии, в частности, когда речь идет о скверной репрезентации интересов граждан, слабом участии в политических процессах вне голосования, внеправовых действиях государственных служащих, сомнительных выборах, низком доверии к государственным учреждениям и их традиционной неэффективности» [14].

Таким образом, демократизация политического режима в большинстве стран постсоветского пространства происходит не по предписанным теориями транзита правилам, способствующим становлению либеральной демократии, а по своим, нередко сочетающимся с традиционным характером политической власти, условиям.

Пребывание этих стран (за исключением прибалтийских республик) продолжительное время в рамках советского геополитического пространства повлияло на по-

литические процессы после обретения ими независимости. Однако, несмотря на первоначальное сходство посткоммунистических трансформаций, все зримее является прагматическая тенденция постсоветских стран стать самостоятельными государствами, не зависимыми от своего мощного соседа. И политические режимы, формирующиеся в новых субъектах международных отношений, подчинены именно данной цели. Причем, неустойчивая политика в России является фактором, ослабляющим российское влияние на постсоветское пространство, что приводит к неопределенным геополитическим последствиям. Поэтому чем раньше Россия определится со своими внешнеполитическими приоритетами, тем больше вероятности сохранения в зоне своего влияния некоторых постсоветских государств.

По мнению российского исследователя В. Гельмана [1], в целом, постсоветский опыт лишней раз подтверждает, что демократия не рождается «по умолчанию» или даже в результате усилий «демократов» (пусть ими и движут добрые намерения), но представляет собой прежде всего «обусловленный исход конфликта» [17]. Это, казалось бы, довольно банальный вывод может служить «точкой отсчета» для дальнейших исследований. Основными проблемами демократизации на постсоветском пространстве являются политическая конкуренция и становление формальных институтов. Изучение этих аспектов постсоветской политики в России, Украине, Белоруссии и (во многом) на Западе находится пока на начальной стадии анализа эмпирики в целях подтверждения и/или опровержения существующих теорий (релевантность которых по отношению к пост-СССР порой вызывает сомнения). Очевидно, что следующие шаги по переосмыслению теорий требуют и иных подходов к изучению практики постсоветского развития.

Выводы. До самого последнего времени рассмотрение процессов демократизации вообще и в пост-СССР, в частности, проходило в рамках парадигмы «голливудского фильма». Согласно ей, «хорошие парни» (сторонники демократии) противопоставят «плохим» (противникам демократии), но в конечном счете зрителей ждет happy end, т.е. успех «хороших парней» [см., напр, 16]. Сегодня, после осознания того, что happy end вряд ли наступит, а «хороших парней» в природе не бывает (равно как и «плохих»), следует ожидать — как некогда в кинематографе — прихода реализма (в любом возможном смысле этого понятия).

Реализм в изучении политики на постсоветском пространстве означает не только отказ от нормативного взгляда и принятие существующих акторов и институтов такими, каковы они есть. В более широком плане речь идет о реализации исследовательских программ, ориентированных на выявление причин и следствий динамики акторов и институциональных изменений в сравнительной перспективе — как кросс-национальной, так и кросс-региональной (имея в виду сравнение национальной и субнациональной политики в странах пост-СССР). Такие исследования могут стать точками роста» нового знания о мире политики в целом.

Для изучения субнациональной политики в России такой «точкой роста» будет, вероятно, политический анализ становления местного самоуправления в крупных городах и сопутствующим этому процессу конфликтам региональных и субрегиональных элит. Для изучения политики в постсоветских государствах новые познавательные возможности откроет анализ перехода в Беларуси, дающей пример успешной консолидации недемократического посткоммунистического режима. В то же время в Украине, с одной стороны, произошел мощнейший всплеск демократии (майdan 2004 года), но, с другой стороны, он же и окончился таким же сильным всеобщим общественным разочарованием в демократии как таковой, что привело к социальному возрождению «Феникса из пепла социальных ожиданий» — заказа на сильную авторитарную власть на последних президентских выборах в Украине, где реально соперничали только два откровенно авторитарных лидера — Тимошенко и Янукович. Наконец, собственно политическая практика функционирования формальных институтов — создание и применение конкретных законов, разрешение споров и использование санкций — также остается резервом исследовательской повестки дня.

Список литературы:

1. Гельман В. Из огня да в полымя? Динамика политических режимов постсоветских стран в сравнительной перспективе / В. Гельман. // Полис, 2007 – N2 – С.81-108.
2. Энциклопедія державного управління : у 8 т. / Нац. акад. держ. упр. при Президентіві України ; наук.-ред. колегія : Ю. В. Ковбасюк (голова) та ін. – К. : НАДУ, 2011. Т. 1 : Теорія державного управління / наук.-ред. колегія : В. М. Князев (співголова), І. В. Розпутенко (співголова) та ін. – 2011. – 748 с.
3. Карбалевич В. Управляемая демократия: белорусский вариант // Неприкосновенный запас. 2008. № 5 (61). [Электронный ресурс]. / В. Карбалевич. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2008/5/ka9.html> (дата обращения: 28.04.2011).
4. Короткий оксфордський політичний словник / Пер. з англ.; За ред. І. Макліна, А. Макмілана. – К. : Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2005. – 789 с.
5. Лейбин В. Словарь-справочник по психоанализу. [Электронный ресурс] / В. Лейбин. – 2-е издание. – М.: АСТ, 2010. – Режим доступа : <http://vocabulary.ru/dictionary/881/word/arhetip>
6. Макаренко Б. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации / Б. Макаренко // Полития. – 2008. – № 3 (50). – С.105-125.
7. Політичні партії як суб'єкт формування політико-управлінської еліти в умовах політичної модернізації : Навч. посіб. / Національна академія державного управління при Президентіві України, Українське товариство сприяння соціальним інноваціям; Ред. кол.: Е.А. Афонін (голова) та ін. – К. : Парламентське вид-во, 2008. – 416 с.
8. Політологічний енциклопедичний словник./Упорядник В. П. Горбатенко; За ред.. Ю. С. Шемшученка, В. Д. Бабкіна, В. П. Горбатенка. – 2-е вид., доп і перероб. – К.: Генеза, 2004. – 736 с.
9. Політологія. Кн. перша : Політика і суспільство. Кн. друга : Держава і політика / А. Колодій, Л. Климанська, Я. Космічна. – 2-е вид., перероб. та доп. – К. : Ельга, Ніка-Центр, 2003. – 664 с.
10. Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветских трансформаций. Лекция Андрея Рябова на проекте «Публичные лекции Полит.ру». [Электронный ресурс]. / Андрей Рябов. – Режим доступа : <http://polit.ru/lectures/2010/08/12/rjabov.html>
11. Радченко О. Зміст, сутність та типологія категорії «політичний режим» у державно-управлінському дискурсі [Текст] / О. В. Радченко // Актуальні проблеми державного управління : Зб. наук. пр. – Х. : Вид-во ХарПІ НАДУ “Магістр”, 2005. – № 2(24) – С. 15 – 22.
12. Радченко О. Політичний та державноуправлінський режим: операціоналізація дефініцій в категоріальному ряду сфери політичного / О. В. Радченко // Збірник наукових праць ДонДУУ. Серія Державне управління. Т.IX. Вип. 112 – 2008 р. – с. 43–51.
13. Фисун А. А. Демократия, неопартимониализм и глобальные трансформации: Монография. / А. Фисун. – Х.: Константа, 2006. – 352 с.
14. Carothers T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. – 2002. – Vol.13. №2. – P. 6 – 18.
15. Merkel W. Systemtransformation. Eine Einführung in die Theorie und Empirie der Transformationsforschung. / Wolfgang Merkel. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010 – 561 p.
16. McFaul M. Russia's 1996 presidential election: the end of polarized politics / Michael McFaul. – California : Hoover Press, 1997 – 169 p.
17. Przeworski A. Democracy and the Limits of Self-Government / Adam Przeworski. – Cambridge University Press, 2010 – 200 p.
18. Roeder Ph.G. Varieties of Post-Soviet Authoritarian Regimes. / Ph.G. Roeder. – Post-Soviet Affairs, 1994. – Vol. 10. – № 1.
19. Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model / Dankwart A. Rustow. – Institute of War and Peace Studies, Columbia University, 1970 – 27 p.

**КУЗЬМИН
Николай,
KUZMIN
Nikolai,**

кандидат философских наук, Крымский экспертный клуб, г. Симферополь, Автономная Республика Крым, Украина.

Аннотация: в статье исследуется природа символических социальных границ. Социальная граница рассматривается как архетип, конституирующий культурные группы. На примере современного Крыма показано, как конструируются символические границы между этническими сообществами.

Ключевые слова: социальная граница, идентичность, восприятие дискриминации, историческая память, межэтнический конфликт.

УДК 316.723: 323.1

Николай КУЗЬМИН

ГРАНИЦА КАК АРХЕТИП СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРУПП: КРЫМСКИЕ РЕАЛИИ

Постановка проблемы. Поликультурность и поликонфессиональность украинского общества являются не только неопровержимым фактом, но и должны восприниматься как ресурс для развития его культуры, государственного строительства и экономики. Однако современная социокультурная ситуация ставит вопрос о том, как сохранять культурное многообразие в условиях, когда во многом элиминируются внешние культурные различия. С другой стороны, в современном мире достаточно примеров диссоциации поликультурных сообществ, конфликтов между этнокультурными и конфессиональными группами.

В этих условиях актуальность приобретает исследование как способов сохранения культурными группами своего своеобразия, так и возможностей использования культурной разделенности для запуска механизма конфликта.

Анализ основных исследований и публикаций позволяет утверждать, что в украинской науке государственного управления, социологии и политологии проблеме роли и значения архетипов в управлении сложными социальными процессами уделяется значительное внимание. В частности, можно назвать работы следующих ученых: Э. Афонин, Т. Бутырская, Т. Вакулова, Е. Донченко, Л. Кочубей, О. Крюков, О. Романенко, Ю. Шайгородский и др. Однако можно констатировать недостаток работ, в которых бы исследовалось действие конкретного архетипа в какой-либо отдельной социально-политической ситуации.

Проблема социальных границ в отечественных общественных науках нашла отражение в работах Б. Гвоздецкой, И. Кононова, В. Кочана, О. Филипповой и С. Хобты. Однако также можно констатировать, что понятие «социальная граница» как весьма действенный методологический инструмент практически не применяется к анализу крымского социума, сложную этнополитическую и ментальную структуру которого можно считать классическим примером социального разделения.

Цель статьи – проанализировать механизмы конструирования социальных границ между этническими группами современного Крыма и на этом примере раскрыть значение архетипа границы в формировании этнических групп и необходимости его учета в практике государственного управления.

Изложение основного материала. Исследования Ф. Барта [1] показали, что понятия границы и идентичности тесно связаны между собой. С точки зрения норвежского ученого, именно границы конституируют культурные группы, поскольку культурные факторы более изменчивы, чем факт существования границы: «Культурные черты, которые обозначают эту границу, могут меняться; культурные характеристики членов также подвержены трансформации; организационные формы группы – и те могут изменяться. И только факт постоянной дихотомии между членами и „внешними” позволяет определить общность и исследовать изменения культурных форм и содержаний» [2, с. 300].

В то же время создание границ является одной из наиболее древних культурных практик человека. Данные археологии свидетельствуют о наличии локальных сообществ, обладающих культурной спецификой, еще у неандертальцев [3, с. 348]. Первобытные род и племя являлись весьма сплоченными и герметичными группами, символические границы между которыми образовывали тотемические представления и ощущения тесной связи с территорией, имеющие значительную эмоциональную силу [4, с. 50].

Значительное место идея границы занимает в мифологии. Формирование границ объявлялось результатом промысла и действия богов, а в актуальной практике осуществлялось путем сложных ритуалов и обрядов, к которым допускались лишь посвященные [5, с. 97]. В древнегреческой мифологии Зевс выступал покровителем границ полисов. Древнеиранский бог Митра, являвшийся создателем законов, этических норм и социального порядка в целом, именовался «выпрямитель границ». Одной из ипостасей Юпитера был бог Терминус, который символизировал сакральность границы. В праздник Терминалий жители соседних, граничащих участков сообщая приносили жертву Терминусу, при этом жертвенный костер должен был быть зажжен от огня домашнего очага [6, с. 50].

Все это позволяет утверждать, что граница является своеобразным архетипом, укорененным в глубинах бессознательного, и поэтому человек будет всегда проводить реальные или символические границы в своей практике и придавать им особое значение. Как справедливо указывает В. Кочан, «всю историю человечества его сопровождали границы: пространственные и временные, между дозволенным и порицаемым, между известным, понятным и неизвестным, неясным, между страхом, опасностью и безопасностью, между своим и чужим» [7, с. 130]. В.Я. Пропп показал, что в мифосимволике граница скрывает за собой амбивалентную, загадочную реальность: в сказках запредельный, «потусторонний» мир нередко описывается как место изобилия, где есть и «молочные реки», и «кисельные берега», и «скатерти самобранки», но это изобилие таит в себе опасность [8, с. 369]. Граница, выступая как архетип в культурных практиках, всегда будет обнаруживать себя через структурирование социокультурного пространства, определение порядка межкультурных взаимодействий. Поэтому если человек утратит границу в одном месте, то он будет стремиться обнаружить ее в другом, реконструировать новое разграничение.

В этом смысле справедливым следует признать утверждение Ю.М. Лотмана о том, что «всякая „культурная“ картина мира является „бинарной“ по своей сути, то есть, любая семиотическая модель пространства, в котором обитает та или иная культурная общность, оказывается с необходимостью разделенной на внутреннее („свое“) пространство и внешнее („их“)» [9, с. 50]. Именно такое разделение и является семантическим ядром архетипа границы. По мнению Е.П. Истоминой, оно состоит в том, что граница выступает в функции разграничителя двух разнокачественных пространств – «своего» (космического, упорядоченного, освященного) и «чужого» (хаотичного, опасного, неосвященного) – и формирует ценностную структуру универсума [10, с. 9].

То есть, проведение символической границы в современных социокультурных практиках – это не просто способ воспроизводства своей культурной группы, но и реализация глубинных интенций человеческой психики, а существующие культурные порядки лишь обеспечивают возможность реализации этой интенции. Социальная идентичность строится на основе постулирования социальной границы. Как показали исследования Дж. Тернера и Г. Тэджфела, процесс формирования идентичности начинается с социальной категоризации – упорядочивания социального окружения в терминах членов определенных групп, подчеркивания воспринимаемых внутригруппового подобия и межгрупповых различий. А вторым этапом формирования идентичности является конструирование качественных характеристик разграничения, а именно социальное сравнение – процесс, формирования представлений, обеспечивающих межгрупповую дифференциацию за счет предпочтения своей группы: приписывание ей в основном положительных характеристик, а другим – в разной степени негативных [11, с. 118–119].

В современных условиях усиливается значимость социопсихологических механизмов в процессах воспроизводства социальных групп, поскольку все меньше остается объективных

маркеров для разделения по социоструктурным и социокультурным признакам. Поэтому поддержание полигруппового порядка все больше основывается на дискурсивных практиках, межгрупповые границы становятся все более символическими, но при этом не превращаются в менее действенные и конфликтные. Более того, в области дискурса конфликтность возникает и манипулируется быстрее и легче.

Символические границы, как подчеркивают М. Ламонт и В. Молнар, представляют собой концептуальные различия, производимые социальными акторами для определения целей и возможных практик. Это инструменты, благодаря которым индивиды и группы борются и приходят к определениям реальности. Символические границы формируют идентичности, а значит, и ресурсы группового членства [12, р. 167]. Такого рода дискурсивные границы закрепляются определенным набором символических маркеров, которые Ф. Барт называл диакритиками. И. Нойманн подчеркивал, что в качестве диакритиков может выступать все, что угодно, однако в ситуациях взаимодействия культурных групп чаще всего их источниками являются язык, история, религия и т.п. [13, с. 31].

Одним из наиболее ярких примеров такого дискурсивно-символического разграничения являются этнополитические процессы в современном Крыму, для которых характерна жесткая дискурсивная граница между русскоязычным большинством крымского населения и крымскими татарами. В сфере СМИ и публичного политического противостояния сформировавшиеся дискурсивные межэтнические границы имеют следующий набор диакритиков: религия, язык, историческая память, топонимика, представления о конфликтах между группами, о дискриминации.

Одним из наиболее очевидных символов, разделяющих национальные сообщества в Крыму, является история, вернее, ее противоположные, конфликтные интерпретации. Это и характеристики Крымского ханства и борьбы с ним Российской империи, и историческое первенство христианства и ислама на полуострове, и мифологема «коренного народа», и последствия включения Крыма в состав России, и проблема коллаборационизма в 1941–44 гг., и последующая депортация крымско-татарского народа.

Историческая память в этнополитической борьбе выступает как некоторое «научное» обоснование этнических идеологий. Наборы исторических мифов разграничивают данные этнокультурные сообщества Крыма точно так же, как в прошлом тотемы и мифы о происхождении разделяли архаические племена.

История, обладая статусом научности, дает возможность идеологам этничности обосновывать свои построения подобранными историческими фактами, формировать квазинаучный дискурс. Исторические изыскания, которые подтверждают этнические идеологии, нередко имеют статус научных монографий и статей, что позволяет идеологам утверждать об истинности, объективности своих конструктов и обвинять противоположную сторону в мифотворчестве и следовании стереотипам. В результате картины исторического прошлого практически не согласуются между собой. Это не представляло бы особой проблемы, если бы не обоснование историческим прошлым современных претензий на власть и ресурсы.

Постулирование исторических претензий коррелирует с представлениями о дискриминации, которые так же, как и историческая память, разделяют крымчан на «своих» и «чужих». Обвинения в дискриминации звучат с обеих сторон этнополитического противостояния. Крымские татары обращают внимание на неразрешенность земельных и культурно-языковых проблем, непропорциональное представительство во власти, ксенофобию по отношению к крымским татарам в СМИ. Русские – на то, что крымским татарам выделяются отдельной строкой средства из бюджета на обустройство и реализацию культурных проектов (в качестве примера можно привести слова русского публициста: «татарская умма собирает джизью и харадж с нас до сих пор; смотрите, мы оплачиваем все их СМИ, они дотируются из госбюджета; отдаем землю, оплачиваем их поездки 18 мая со всего Крыма в Симферополь. Получается,

что одна-единственная община имеет привилегии относительно всех других, их права больше и выше остальных» [14]).

То есть, представления о дискриминации носят взаимный характер, мы имеем сообщество дискриминируемых, в котором каждая из этнических групп видит себя обделенной, и в результате происходит взаимное конструирование символической границы, разделяющей этнические группы на дискриминируемых и дискриминирующих. О такой взаимности свидетельствует социологическое исследование Центра Разумкова, результаты которого показывают наличие значительных расхождений в оценках представителями национальных групп обеспеченности собственных прав и прав другой национальной группы [15, с. 25–27]. Индекс обеспечения прав крымских татар в оценках крымчан в целом составляет 0,74 (в т.ч. в оценках россиян – 0,79, украинцев – 0,78), а в оценках самих крымских татар – только 0,346. С другой стороны, индекс обеспечения прав русскоязычного населения в оценках крымчан в целом составляет всего 0,49 (в т.ч. русских – 0,44, украинцев – 0,54), а в оценках крымских татар – 0,71. То есть, каждая из этнокультурных групп считает, что права других обеспечены лучше, чем ее собственные.

Еще одним способом выстраивания символических границ является топонимика. Крымскотатарские СМИ принципиально используют только те названия населенных пунктов Крыма, которые существовали до 1944 г., даже более того, Севастополь и Симферополь, с самого начала носившие эти имена, называют, соответственно, Ахтияр и Акъмесджит – по названиям поселений, существовавших рядом с местом их основания в период Крымского ханства. Предложения провести автоматический возврат названий населенных пунктов, переименованных после депортации крымскотатарского народа, – символ границы между этническими сообществами Крыма. Аналогичной стратегии придерживаются радикальные оппоненты крымских татар в русском движении. В их дискурсе полуостров называется не иначе, как Таврида, а название Крым они не признают, поскольку считают его более поздним и занесенным извне чужаками тюрками.

Но если исторические интерпретации, топонимика и представления о дискриминации основываются хоть на какой-то объективной реальности, то следующий способ конструирования символической границы опирается целиком на виртуальную реальность. Речь идет о внедрении в общественное сознание идей об некоторой изначальной, неизбежной конфликтности между русскими и крымскими татарами, о том, что рано или поздно конфликт перейдет в «горячую стадию». К счастью, в этом случае известная «теорема Томаса» пока не сбывается, и данные пророчества не становятся самоисполняющимися. Однако функционирование таких идей в публичном дискурсе становится основой действий, направленных на этническую мобилизацию и жесткое разграничение с «будущими врагами», тем более что примеры Боснии, Косова, Нагорного Карабаха и др. являются актуальными для современной политики. Такого рода восприятие отношений между этническими группами формирует границу, подобную той, которая существует между враждующими государствами. Ее конституируют взаимные угрозы и страхи.

В то же время следует признать, что реального конфликта в Крыму нет. Случавшиеся столкновения на этнической и религиозной почве нигде не приобрели массового характера и скорее были результатом усилий и провокаций со стороны этнополитических предпринимателей. Крымское сообщество в значительной степени ориентировано на поиск компромиссов, поддержание мира. Четверть века совместной жизни показала, что можно находить общий язык, несмотря на потенциальную конфликтность и попытки ее актуализировать. О том, что конфликт в значительной степени является воображенным, свидетельствуют еще одни данные Центра Разумкова: в 2011 г. лишь 4,6 % респондентов в числе наиболее важных, актуальных крымских проблем отметили напряженные межнациональные отношения (в 2008 г. – 16,4 %), причем у русских эта цифра составляет 3,1 %, а у крымских татар – 14,7

%. В то же время 76 % опрошенных Центром Разумкова крымчан утверждают, что не ощущают себя защищенными от столкновений на межнациональной и межэтнической почве. О воображенном характере таких страхов, в частности, свидетельствует то, что в Севастополе, где полностью доминирует русское население, наличие таких страхов подтвердили уже 88,6 % [16]. То есть, можно констатировать, что межнациональный конфликт, не являясь частью реальности, выступает в качестве маркера социальной границы; в реальности такой границы нет, но в виртуальном смысле она существует.

Символические границы, опирающиеся на представления о неминуемом конфликте между русскими и крымскими татарами, конструируют и при помощи акцентуации религиозных различий. Причем, поскольку православие и ислам имеют достаточно долгие традиции бесконфликтного сосуществования, здесь вступает в действие миф о «радикальном исламе», который, как показала Э.С. Муратова, является «продуктом целенаправленного творчества определенных политических деятелей и журналистов. Посредством публичных выступлений и публикаций в средствах массовой информации в общественное сознание внедряется мысль о радикальных, экстремистских проявлениях процесса исламского возрождения в Крыму и неминуемом межконфессиональном конфликте по примеру Боснии, Косово или Чечни» [17, с. 209]. Антиисламская пропаганда, отождествление ислама и терроризма используются как еще один из диакритиков, формирующих этнокультурную границу. Так, одиозный лидер одной из групп крымского казачества Виталий Храмов заявил, что из-за действий «исламского радикального подполья» сегодня слова «татарин», «мусульманин» и «мусульманский радикал» являются практически словами-синонимами [18].

Таковы достаточно безрадостные реалии современного Крыма. Однако стоит ли их оценивать однозначно негативно? Дискурсивное символическое разграничение, на первый взгляд, конфликтогенно и несет в себе угрозы безопасности государства и общества. Но ведь такое разграничение было всегда, и это не привело к самоубийству человечества. Многие современные исследователи, анализируя развитие в истории Китая и Европы, прямо говорят о том, что именно внутренняя однородность Китая стала причиной застоя в его развитии, а конфликты и конкуренция между множеством европейских государств обусловили бурный рост технологий и привели, в конечном итоге, к доминированию европейской цивилизации в мире. Более того, как было показано выше, действия по созданию границы имеют архетипический характер, и уже только поэтому не могут быть однозначно деструктивными, в них должна быть позитивная созидательная, развивающая составляющая. С точки зрения Ю. Лотмана, смысл концепта «граница» всегда двузначен: с одной стороны, она разделяет, с другой – объединяет, принадлежит одновременно двум разделенным пространствам [19, с. 162]. Конкуренция этнических групп может способствовать не только конфликтам, но и развитию этнических культур, активизации этнографических и исторических исследований, большей мобилизованности и дисциплинированности представителей каждого этноса с целью приобретения дополнительных оснований для позитивной «я-концепции».

Российский исследователь К. Крылов, являющийся одновременно одним из идеологов русского национализма, пишет: «Прежде всего, наличие границы не предполагает, что она разделяет разные вещи. По обе стороны границы может находиться одно и то же. Важно лишь то, что границу трудно пересечь. Это – главное (а по существу, единственно важное) свойство границы. Если рассуждать более формально, границу можно определить как место, где пересекаются цепи причинности: процесс, захватывающий все по одну сторону границы, не продолжается по другую ее сторону» [20]. Как националист К. Крылов постулирует необходимость национально-го размежевания, однако при этом указывает на то, что такое размежевание должно определять порядок взаимодействия групп. Именно поэтому в современных иссле-

дованиях граница трактуется как «начало или конец всякого определенного бытия; межа, отделяющая нечто от иного; место прямого соприкосновения, единения и взаимопроникновения смежно сосуществующих предметов» [21, с. 213].

Следуя этой мысли, можно утверждать, что символическое разграничение этнокультурных групп формирует общее социальное пространство их взаимодействия. И только в рамках этого пространства обретают смысл конфронтационные практики, призванные подчеркнуть инаковость и тем самым способствовать иногрупповой динамике, воспроизводству как самих групп, так и их конкуренции. То есть, в этом случае архетип границы будет способствовать внутреннему развитию этнокультурных сообществ.

Выводы. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что неэффективными будут управленческие усилия, направленные на стирание этнокультурных границ, ведь целью управления является не создание новой реальности, а упорядочивание и повышение эффективности функционирования наличных структур. Поэтому управленческие усилия должны быть направлены на то, чтобы разграничивающие практики не приобретали деструктивный характер, не порождали сильных конфликтов. Усилия, направленные на стирание границ, ни к чему не приведут, поскольку архетип уничтожить невозможно, а его подавление в какой-либо одной сфере реальности приводит к тому, что он найдет себе выход в иной сфере. Так, стирание классовых границ в западном обществе в годы послевоенного роста благосостояния привело к появлению новых межгрупповых границ. Классовый конфликт сменился конфликтом поколений (вспомним лозунг «Не доверяй никому старше 30-ти»), а молодежные бунты 1968-го по степени своей деструктивности оказались значительно сильнее классовых конфликтов, в целом имевших рациональную экономическую природу. Аналогично, стирание межкультурных границ может иметь непредсказуемые последствия. Сами по себе попытки ассимилирующего воздействия могут служить причиной конфликтов.

Управленческие усилия в сфере межкультурных взаимодействий будут гораздо более эффективными, если сосредоточатся на функциях границ. Социальная граница, несмотря на свой символический характер, выполняет функции, аналогичные тем, какие выделяют у государственных границ (барьерная, фильтрующая и контактная [22, с. 305]). Социальные границы разделяют группы (барьер), конституируют возможности ограниченных переходов из группы в группу (фильтр) и включают в себя механизмы взаимодействия (контактная функция). В данном контексте очевидно, что политика, направленная на предупреждение межэтнических конфликтов, должна концентрироваться на усилении контактной функции культурных границ и при этом способствовать сохранению культурной самобытности этнических групп.

Список литературы:

1. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта ; пер. с англ. И. Пильщикова. – М. : Новое изд-во, 2006. – 187 с.
2. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries / Frederik Barth // Theories of Ethnicity: A Classical Reader. – NY., 1996. – P. 294–325.
3. Долуханов П. «Чуждый», «чужой» и археология / Павел Долуханов // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. – М. : Алетейя, 1999. – С. 344–359.
4. Проблемы этнической географии и картографии. – М. : Наука, 1978. – 166 с.
5. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении / Карл Хаусхофер ; пер. с нем. И.Г. Усачева // О геополитике. Работы разных лет. – М. : Мысль, 2001. – С. 7–250.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – Т. 2. – 719 с.

7. Кочан В.М. Феномен пограниччя в соціокультурному вимірі : дис. ... кандидата філос. наук : 09.00.03. / Кочан Василь Михайлович. – Сімферополь, 2008. – 178 с.
8. Пропп В.Я. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 511 с.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб : Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
10. Истомина Е.П. Мотив границы в художественном сознании И.А. Гончарова: автореф. дис. ... канд. фил. Наук : 10.01.01 – «Русская литература» / Е.П. Истомина. – Ярославль, 2011. – 19 с.
11. Сушков И.Р. Социально-психологическая теория Дж.Тернера / И.Р. Сушков // Психологический журнал. – 1993. – №3. – С. 115–125.
12. Lamont M. The Study of Boundaries in the Social Sciences / Michele Lamont, Virag Molnar // Annual Review of Sociology. – 2002. – Vol. 28. – P. 167–195.
13. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / Ивэр Нойманн ; пер. с англ. В.Б. Литвинова, И.А. Пильщикова. – М. : Новое издательство, 2004. – 336 с.
14. Попов Е. Не надо прятаться за сказки о веротерпимости [Электронный ресурс] / Евгений Попов // Крымское ЭХО. – 14.05.08. – Режим доступа : <http://kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=902>.
15. АР Крим: люди, проблеми, перспективи (Суспільно-політичні, міжнаціональні та міжконфесійні відносини в Автономній Республіці Крим) : (Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. – № 10. – 2008. – С. 2–72
16. Якість життя жителів Криму та перспективи її покращання в контексті реалізації стратегії економічного та соціального розвитку АР Крим на 2011–2020 рр.” : інформаційно-аналітичні матеріали до фахової дискусії на тему „Крим: безпека і розвиток” 6 квітня 2011 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.gazumkov.org.ua/upload/Prz_Krym_2011_Yakymenko.pdf.
17. Муратова Э. «Радикальный» vs «крымский»: ислам в современной мифологии Крыма / Эльмира Муратова // Ислам: история, сутнісні виміри та сучасні тенденції : матеріали VII міжнародної молодіжної релігієзнавчої літньої школи / наук. ред. Л.Д. Владиченко, Т.В. Хазир-Огли. – Київ, 2008. – С. 208–214.
18. Басаврюк С. Угроза исламского радикализма [Электронный ресурс] / Софья Басаврюк // Крымское ЭХО. – 4.06.2010. – Режим доступа : <http://kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=4616>.
19. Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3-х т. : Т. 3. – Таллинн : Александра, 1993. – С. 145–171.
20. Крылов К. Нация как субъект конфликта [Электронный ресурс] / К. Крылов // Вопросы национализма. – 2010. – № 3. – Режим доступа : <http://vnatio.org/archiv-pomegov/node91>.
21. Пивоваров Д.Е. Граница / Д.Е. Пивоваров // Современный философский словарь / под общей ред. В.Е. Кемерова. – Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; Москва ; Минск : Панпринт, 1998. – С. 213.
22. Колосов В.А. Геополитика и политическая география / В.А. Колосов, Н.С. Мируненко. – М. : Аспект-Пресс, 2001. – 479 с.

Мария ЛАШКИНА

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ АРХЕТИПА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

«Идеям присущи определенные свойства живых организмов. Они так же сохраняют и воспроизводят свою структуру, размножаются, сливаются друг с другом, – то есть так же эволюционируют; и в этой эволюции значительная роль принадлежит отбору».

(Жак Моно, биолог, лауреат Нобелевской премии 1965 года)

Постановка проблемы. Развитие современного информационного мира и коммуникативных технологий требует всестороннего осмысления возникающих вследствие различных воздействий общественных процессов. С момента изобретения печатного станка коммуникативные технологии значительно изменились. Сегодня для трансляции мыслей и идей, для их распространения не нужно, да и невозможно искать источник разрешения для конкретного контекста в системе государственного или общественного управления. Технологический прогресс телевидения, Интернета и социальных сетей становится все более независимым и маловлиятельным с точки зрения дискурса национального государства. Общественные потребности и рыночные отношения в условиях глобального свободного перемещения товаров и услуг дают возможность использовать технологические изобретения почти всем членам любого социума независимо от возраста, образования и социального положения.

По данным статистики, сегодня в Украине только телевизионные приемники имеют практически 100 процентов домохозяйств. В последние несколько лет в Украине стремительно развиваются сеть Интернет-пользователей, рынок Интернет-услуг. По данным ВОО «Совет конкурентоспособности индустрии информационно-коммуникационных технологий», за 2012 год количество потребителей Интернет выросла на 34 %. Уже 19,9 миллионов жителей Украины в возрасте от 15 лет регулярно пользуются Интернетом [4]. 13 млн. пользуются Интернетом достаточно активно, большинство населения пользуется мобильной связью, имеет по два и более мобильных телефонов. Информационное пространство расширяется и становится все более разноплановым, неоднозначным и доступным для манипуляций.

Информационная нагрузка на конкретного человека увеличилась в десятки раз по сравнению, например, с прошлым веком. Информационная нагрузка влияет и на все процессы, происходящие на социальном уровне, их изучение становится все более актуальным. «Социетальный» трактуется нами соответственно подходу украинских ученых (Е. Донченко, Э. Афонина) как сложное психосоциальное явление, отражающее действительность через психологические окраски, которые наделены характеристиками исторически переменного и вместе с тем целостного психосоциального мира человека, общества и цивилизации [1].

Глобализация и мультикультурность, конвергенция политических систем и ментальности уже стали реальностью настоящего, и мы не можем не учитывать их влияния, в том числе в идеологической сфе-

**ЛАШКИНА
Мария,
LASHKINA
Maria,**

кандидат наук государственного управления, докторант кафедры государственной политики и управления политическими процессами Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Киев.

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые особенности информационного пространства Украины, которые влияют на трансформацию архетипов национального государства в условиях глобализации и развития новых коммуникативных технологий. Позитивный сценарий развития под влиянием глобализации заключается в том, что неоформленное окончательно национальное сознание, впитав в себя все многообразие современного глобального мира, может сформировать в себе наилучшие характеристики толерантности, самоорганизации, кооперации и практически стать мировоззренческим образцом.

Ключевые слова: информационное пространство, архетип, модели поведения, мультикультурная среда, глобализация.

УДК 035:
659.3/4:32.019.5

ре. Современный мир все больше лишается границ – информационных, культурных, ментальных, экономических. Информационное пространство в этом смысле является тем фактором, который позволяет отобразить, насколько процессы глобализации являются определяющими и как они влияют на систему идеологических ценностей национального государства.

В то же время информационное пространство также является отражением и транслятором не только коллективного сознательного, но и коллективного бессознательного. То есть, мы можем говорить о влиянии архетипики национального государства на формирование информационного пространства и, наоборот, о влиянии информационного пространства на создание архетипов национального государства или о поглощении более агрессивной ценностной средой.

Эпоха постмодерна меняет подходы к ряду ранее постоянных и несомненных доктрин и истин, поэтому мы можем выдвинуть гипотезу об изменении архетипического в конкретной этнической и социальной среде в будущем под воздействием определенного информационного влияния. Тема влияния информационного поля на изменение бессознательного, в частности формирование нового гештальта (образа), у последующих поколений украинского общества является малоисследованной.

Целью этой статьи является попытка осмысления возможности трансформаций архетипов как механики ценностей через информационное пространство, исследовать потенциал информационного пространства для изменения архетипного восприятия действительности в Украине в условиях глобализации, понять, что, и каким образом влияет на формирование новых смыслов в украинской социетальной действительности, и как это отразится на процессах государственного строительства в Украине в будущем. Этот феномен мы будем рассматривать на стыке нескольких гуманитарных сфер, в частности психологии, медиа-технологий информационного поля, социологии политики, лингвистики и государственного управления.

Анализ последних исследований и публикаций. В своем анализе мы будем опираться на основные концепты исследований коллективного бессознательного школы аналитической психологии и информационных процессов (К. Юнга, Э. Самюэlsa, Г.Адлера, Д. Хардинга, Дж. Холла, Э. Нойман, В. Зеленского, Марии-Луизы фон Франц, Д. Шарпа и др.) и на выводы и постулаты известных исследователей социальных процессов и феноменов массового сознания Г. Лебона, Г. Тарда, Э. Дюркгейма, С. Московичи и других.

Карл Юнг утверждал, что «коллективное бессознательное состоит из инстинктов и их корреляторов – архетипов», которые, в свою очередь, и формируют коллективное бессознательное [26, с. 249]. Психологические феномены в современном мире становятся очень важным элементом. Для нашего исследования актуальными являются идеи автора архетипической психологии Джеймса Хилмана, который рассматривает архетипы как основу проблем экологии, социальной жизни городов, гражданского сознания и общественного образования, актуальных для государственного управления. Критикуя психоаналитические школы и чистую психологию, он обратил внимание на важность психического в существовании социума. Хилман считал, что любая текущая ситуация имеет архетипическое значение, поэтому исследование контекста является важным, и его надо расширять до масштабов вечности – существующих условий человеческой жизни [24, с. 14].

Почти все научные школы разных направлений и специализаций гуманитарной сферы интересуются феноменом влияния и развития архетипов в структуре бессознательного, их влияния на поведение и реакцию индивидов. Исследованием архетипики в социальных системах активно занимаются Е. Донченко, Ю. Романенко, А. Некита, Э. Афонин, А. Мартынов, П. Крупкин, Т. Вакулова, А. Шипунова, А.Радченко, Н. Моница, Н. Баннова, С. Плевако, А. Бабайцев, Я. Сурикова, Л. Салиев, И. Миرون, А. Давыдов, Е. Бохан, О. Породько-Лях и др.

Интересным для нас является исследование психологических феноменов в массовой коммуникации и архетипов как средства презентации ценностей в журналистике российских ученых И. Ерофеевой и Г. Мельник.

Изложение основного материала. Понимание проблемы наступает тогда, когда всеми одинаково осмысливаются составляющие семантических конструктов, используемых в исследовании. Поэтому в контексте публикации мы должны объяснить, что подразумевается под архетипом национального государства и как понимается информационное пространство, и установить между этими понятиями трансформационные связи. Автор согласна с мнением известного украинского психолога Е. Донченко о том, что классическая материалистическая наука не способна объяснить феноменологию архетипов, поэтому мы постараемся упростить понимание этого феномена, исходя из предмета исследования [8, с. 14].

Архетипы (с греч. «начало», «образец») в различных научных сферах трактуются как проформа, прототип, исходный образец. Например, в литературных произведениях архетипы – это образы, которые часто повторяются, лежат в основе литературных сюжетов, фольклорные мотивы; в искусстве – первичный оригинал, который положен в основу мифов, сказок и самой культуры в целом. С точки зрения представителей школы аналитической психологии (К. Юнг), архетипы – это универсальные психические структуры, составляющие коллективное бессознательное и отражающиеся в нашем опыте через определенные представления, мотивы, сновидения и т.д. [26, с. 251]. Характерными признаками архетипов являются: значительное влияние на эмоции человека, обладание собственной инициативой, содержание в себе определенного способа реагирования. Психологи считают, что в благоприятной для его проявления ситуации архетип способен порождать мысли и импульсы, вмешиваясь таким образом в нее и искажая истинные намерения человека. Если исходить из еще одного свойства архетипа как самостоятельной области психики, можно утверждать, что в них сконцентрирована специфическая собственная энергетика. Юнг сравнивал архетипы с априорными инстинктами, общими с животными, настолько близкими, что они выступают их бессознательными образами, то есть являются «моделями инстинктивного поведения». Как правило, эти модели олицетворяются в мифологическом национальном сознании. Архетип – самостоятельная область психики, ее неосознанная часть, поэтому она очень уязвима в условиях информационного мира. Юнг предупреждал человечество, что «мы значительно лучше защищены от невроза, наводнений, чем от духовной неполноценности, что снижает сопротивляемость психическим эпидемиям» [13].

Архетип национального государства, по нашему мнению, может основываться на устойчивых архетипических конструкциях, историях и мифах, сложившихся в подсознании людей, проживающих на одной территории, имеющих общие символы и признаки государства, определенную форму государственного устройства, органы государственной власти, общий язык (или языка) и культуру. В основе всех процессов государственного строительства лежат определенные общие национальные архетипы, которые фактически и должны создавать нацию. Национальное пространство Украины, а значит, и все процессы государственного строительства для страны, которая не имеет исторического опыта государственности, уже 20 лет пребывает в условиях «испытательного срока». Глобализация и новые коммуникативные технологии углубляют процессы расширения картины мира и восприятия действительности, что может продлить этот «испытательный срок» и стать угрозой для потери идентичности как единого политического, еще несформированного сознания. Это – негативный сценарий. Положительный сценарий заключается в том, что несформированное национальное сознание может с успехом впитать все разнообразие современного глобального мира, сформировав у себя лучшие характеристики – толерантности, самоорганизации, кооперации – и фактически стать культурологическим и мировоззренческим примером. Как утверждает М. Головатый, Украина родилась под знаком Венеры, и поэтому ее предназначение – высшее космическое творчество [7, с. 431]. По данным мониторингов социетальных изменений Украина (1992–2012) и Украина, Россия, Беларусь (2010–2011), в 2010–2012 годах у 46 % взрослого населения Украины сформировалась и готова и дальше воспроизводиться своя идентичность [1].

Информационное пространство рассматривается как многогранная информационная среда, окружающая человека, где через различные коммуникативные технологические средства создается и быстро тиражируется большое количество информации. В широком смысле это социально-политическое понятие вбирает в себя территориальный, экономический, космический и человеческий факторы [14]. Информационное пространство имеет несколько измерений – глобальное, межгосударственное, общенациональное, региональное и др. В информационном пространстве существует большое количество каналов распространения информации, в частности информационные агентства, телевидение, радио, печатные СМИ, книгоиздания, Интернет-среда и т.п. Современное состояние общегосударственного или национального украинского информационного пространства определяется специалистами как неудовлетворительное, искажающее основную демократическую ценность – свободу слова и мнений, снижающее нравственность и уровень культуры. Так, Г. Почепцов обращает внимание на то, что украинское информационное пространство не стало экономически оправданным бизнесом, как это происходит в других, демократически организованных, странах, а остается экономически-политическим, что влияет на его качество [18]. Среди большого количества телерадиокомпаний нет общественного телевидения. Государственные телерадиокомпании не удовлетворяют основное требование профессиональной журналистики в демократических обществах – предоставление точной, беспристрастной, сбалансированной и своевременной информации гражданам для принятия взвешенных рациональных решений и принятия ответственности за свою жизнь на себя.

В Украине зарегистрировано более 800 телерадиоорганизаций. Развитие цифрового и спутникового сегмента телевизионного рынка позволяет говорить об улучшении качества телевизионного сигнала и охвата территории его распространения, что автоматически приводит к увеличению аудитории телезрителей.

В Украине, как и во всем глобальном информационном мире, информационная нагрузка на человека увеличивается, что приводит к формированию нового типа личности, человека, который, не включаясь в контекст, приспосабливается к ситуации. «Большой брат» или «большой обманщик» фактически являются новыми архетипами информационной эпохи для всего мира. Особенности поступления информационного сигнала по каналам массовой коммуникации несут в себе знания о закономерностях действительности, отражают структуру человеческой памяти и интеллекта, основные особенности социальной системы, где наиболее ярким является взаимодействие индивидуально-психических явлений. Поэтому человек в системе информационного обмена и коммуникации выступает всего лишь одним из элементов (хотя, может быть, и очень сложным элементом) [16, с. 19]. Этот «элемент», теряя основные, традиционные архетипические корни, под влиянием глобализации очевидно трансформируется.

Мифологическое социальное пространство Украины основывается на определенных традициях, стереотипах и установках, которые формировались по-разному – от сказочного мира индивидуально-семейного уюта до идеологем «развитого социализма», транслируемых через пропаганду средств массовой информации. Как констатирует психолог О. Колита, украинская душа, вопреки трагическому историческому опыту, демонстрирует огромное жизнелюбие и жизнеспособность с ориентацией на настоящее [13]. Основными признаками украинской ментальности социологи называют интравертность в восприятии всего, что их окружает, сосредоточенность на событиях и фактах внутреннего мира; кордоцентричность, что проявляется в сентиментальности, эмпатии, ярко выраженной любви к природе, культуротворчестве и эстетизме жизни; архаический индивидуализм, преобладание чувственного над волей и интеллектом [7, с. 401].

Общеизвестны украинская лиричность и мечтательность, поэтичность и религиозность, стремление к идеалу, уважение к внутреннему миру человека, его талантов и способностей. В то же время в украинской национальной среде хорошо развиты черты, характерные для национальных государств, – способность к добровольному

объединению в самоорганизующиеся и самоуправляемые структуры и братства, артели, кружки, кооперативы, товарищества и корпорации. [13].

Специалисты признают, что, кроме позитивных мифов, присущих украинскому социуму, таких как «кодекс чести» и «рыцарство», в коллективном бессознательном функционируют очень опасные мифы-чужеземцы, сформированные чужими культурами, например «комплекс неполноценности», «Украина – это окраина», страх перед войной, уверенность, что от меня мало зависит качество жизни, здоровья и благополучия, что чувство счастья напрямую зависит от количества денег и т.п. [13]. Взаимосвязь ощущения счастья и большого количества денег или высокой должности приводит к «психологической готовности людей к решению своих проблем за счет других». По мнению профессора Э. Афонина, такой подход является мотивацией бедности и проявлением личности экстраверта, что характерно для психотипа современного общества, которое уже уходит с исторической арены [1]. Этот показатель, как показало исследование российских специалистов «Секреты успеха», характерен для людей с небольшими доходами. Более состоятельные на первое место для достижения успеха ставят настойчивость в работе [1].

По данным Института демографии и социальных исследований НАН Украины, бедными считаются те, у кого больше 60 % бюджета идет на питание. В 2010 году таких украинцев было 41,2 %, в 2011 – 41,5 %. К 2008 году уровень бедности снижался, сегодня же идет обратный процесс, уровень бедности увеличивается [6]. Очевидно, что при таких показателях трудно говорить о формировании нового психотипа пост-модернистского общества (по Э. Афонину), но это подтверждает вывод Г. Почепцова, что потребительское общество уже сформировано [18]. В то же время информационное пространство предлагает, кроме идеологем потребительского менталитета, еще и постсоветские, основанные на мифологемах прошлого. Фактически эти мифы и создают своеобразную амбивалентную политическую культуру украинского социума, где демократизм, свободолюбие, терпимость и миролюбие сочетаются со склонностью к анархизму, бунтам и междоусобной борьбе, стремлением поставить личностные интересы над общегосударственными [7, с. 401].

Надо заметить, что с момента появления пропаганды как технологии воздействия на общественное сознание в процессе трансформации мифов не последнюю роль играют современные средства массовой информации. Они предлагают неограниченные возможности как для получения информации о событиях и явлениях, так и для манипуляции мифическим способом познания, нарушая баланс информационного пространства и экологию массового сознания.

Передача информации проходит в форме и в виде психического переживания. В этом процессе информации тот, кто передает информацию (журналист, блоггер и др.), является только посредником между свершившимся общественным явлением и своими зрителями, слушателями и читателями, то есть потребителями информационного продукта. Передача информации осуществляется в форме и в виде психического переживания транслятора этой информации. В свою очередь, передача психического сигнала происходит как бы в три этапа: сначала переживание является чистой психикой (восприятие, чувства и особенности мышления самого субъекта, получившего информацию), затем превращается в психическую форму, символ, раздражитель (слова, текст, мимику, позу, картинки на экране и др.) и вновь становится психическим переживанием для объекта. Тексты, образы и знаково-символические средства, выступающие в роли сигнала, содержат специальные психологические коды, которые расшифровываются в коммуникативном процессе [16, с. 33].

Информационное поле, которым постоянно окружен человек, отражает содержание информационных потоков, их динамику и взаимосвязь. По большому счету, мощность этого поля зависит от того, кто является источником информации и на каких условиях идет передача сигнала. Сегодня огромная часть социальной коммуникации, которая приняла на себя устные, письменные и визуальные функции, происходит практически всегда через СМИ, Интернет и другие каналы информационного пространства. Это означает, что все пространство переполнено не только

сознательными и подсознательными образами, мифами, штампами и стереотипами трансляторов информации, но и переплетенными психическими переживаниями кодеров (передатчиков) и декодеров (приемников) этой информации.

Лингвисты утверждают, что в любом медиадискурсе существуют архетипические образы. Ольга Породько-Лях утверждает, что современный медиа-дискурс характеризуется этническими архетипами, которые представлены архетипическими образами, или образами-константами и трансформированы образами, характерными для языка СМИ. Концепты, которые сочетают в себе трансформированные гештальты и образы, возникают, с одной стороны, как специфические ключевые слова, а с другой – как специфические константы концептосферы медиа-дискурса. Она предлагает схему концептосферы, которая изменяется под влиянием архетипов, трансформируется и создает новые архетипические образы [17].

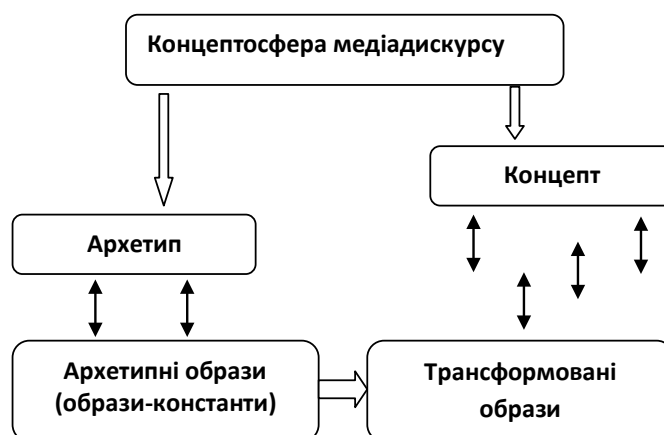

Рис.1 [17].

Как утверждает российская исследовательница И. Ерофеева, использование архетипов в журналистских текстах очень важно, поскольку они являются привлекательными для аудитории. Их использование может усилить подсознательные впечатления, а сакральные образы обеспечат необходимую связь между мотивацией потребителя и продажей медиа-продукта [10]

Архетипов – бесконечное множество, они обнаруживают себя всегда и везде, а особенно в период кризисных ситуаций (война, тяжелые кризисы, перестройка, революция). Поэтому ученые предлагают в современном глобальном мире исследовать их на уровне этноса, народа, нации – как ментальную конвергенцию, то есть с помощью парадигмы ментальной конвергенции (умственного сближения) привести в действие процессы гармонизации и трансформации межкультурных отношений современного мира [3]. Рассматривать национальные архетипы с помощью ментальной конвергенции было бы правильно, если бы украинское общество было моноархетипическим. Но украинское государство не имеет единых для всех исторических традиций, а значит, и общего мифологического поля. Возникает вопрос, как сформировать общие ценности при наличии феномена не менее двух архетипов внутри одного государства?

В условиях информационного мира роль информационного пространства в этом вопросе является определяющей. Поэтому нужно проанализировать, что мы видим, читаем, какие средства коммуникации используем. Мониторинг телепрограмм только за две выбранных нами недели, с 18 по 24 и с 25 по 31 марта 2013, показал засилье на украинских каналах сериалов, развлекательных программ и шоу российского производства. Названия программ на наиболее популярном украинском канале «Интер» – «Следствие вели», «Судебные дела», «Семейный суд» – говорят сами за себя. Количество только сериалов российского производства на топовых украинских каналах о милиции, прокуратуре, военных и преступниках разных мастей впечатляет: «Профиль убийцы», «Морские дьяволы-2», «Бригада», «Паутина-6», «Безмолвный свиде-

тель», «Улицы разбитых фонарей», «Детектор лжи-3», «Криминалисты. Мыслить, как преступник». Какие чувства могут вызвать у украинца сериалы и фильмы, якобы призванные воспитывать патриотизм, формировать мужество, уважение к воину, защитнику и стражу порядка, в стране, где уровень доверия к правоохрнительным структурам достигает немногим более одного процента [5, с.18]? Все эти художественные произведения пронизаны агрессией и насилием. Агрессия и насилие порождают агрессию и насилие. Создается ситуация, когда установка на формирование патриотизма, уважения к государству и правоохрнительным органам, которые заложены априори в российских сериалах, не соответствуют украинским реалиям, но картинка красивая и притягивает ностальгией. Фильмы и программы, отражающие или российскую современность, или совместную советскую историю, символизируют общее постсоветское информационное пространство. Современный мир более символичен, и символы фактически заменяют смыслы. Однако если установки не удовлетворяются, они меняются на противоположные.

Особенности менталитета украинцев, как было показано выше, свидетельствуют о том, что им присущи коллективизм и толерантность. Но эти установки не удовлетворяются, потому что не «выгодны», и это означает, что общество будет все больше уходить в индивидуальность и нетерпимость. На каналах практически нет оригинальных современных документальных фильмов, публицистических программ о будущем, о проблемах современности.

Проанализировав только названия программ телевидения различных каналов, которые транслируются в Украине, можно сделать вывод, что большинство программ являются кальками развлекательных шоу или российскими сериалами. Засилье развлекательных программ на телевидении свидетельствует о том, что этот наиболее доступный и популярный канал информационного пространства не выполняет воспитательную и информационную функции, а переключился только на развлекательную.

С другой стороны, совершенно противоположная картина наблюдается в Интернет-среде. Очевидно, что сторонниками этого канала коммуникации в большинстве является молодое поколение. Результаты социологического исследования «Современная молодежь Украины», проведенного институтом Горшенина, показали, что 80,2 % молодых людей уже не могут обойтись без мобильного телефона, а 72,3 % – без Интернета [27]. Большинство (60 %) людей ищет там информацию и новости. По данным рейтинга «Gemius Украина», в феврале этого года самым популярным ресурсом среди Интернет-аудитории в возрасте 14+ была поисковая система Google (68 %), вторым по популярности – почтовый сервер mail.ru, третьим – социальная сеть «ВКонтакте» [4]

Информационное пространство, заполненное продукцией других государств, и отсутствие национального информационного продукта имеют специфические последствия для социетальной среды. С одной стороны, это усиливает процессы глобализации, расширяет картину мира, с другой – уменьшает влияние национального государства на своих граждан, снижает уровень идентификации граждан с государством, фактически может привести к потере национального государства. Уровень доверия к органам государственной власти – это также показатель наличия актуализированной, современной государственной политики в информационном пространстве. Глобализация – это не только ментальная и культурная конвергенция, это также и возможность агрессивного развития постмодернистской сетевой империи со стороны более развитых государств. Общества «переходных» государств должны выработать определенные навыки защиты от таких воздействий, и роль органов государственной власти, которые принимают окончательные решения по развитию, здесь является основоположной.

По мнению автора, под влиянием СМИ, в частности телевидения, с одной стороны, эксплуатируются постсоветские ностальгические образы, с другой – навязываются новые архетипические образы. Например, значимыми и часто применяемыми в литературе, мифах и легендах для украинцев были архетипы «казак», «воин», «мать»

[19, с. 82]. Современность же через телевидение предлагает новые, в частности «маленький украинец», «серая зона», «слабое звено», «доступная украинская женщина». Студенты (исследование не было репрезентативным, опрашивались только студенты одного курса, одного ВУЗа) на вопрос, какие чувства они испытывают после просмотра выпусков новостей украинских каналов, отвечают, что чувствуют себя «рабом» или «жертвой» (!). Люди через информационное пространство не чувствуют заинтересованность их жизнью. Формируется и подогревается отчуждение общества от государства. Новости на телевидении не отражают реальное состояние общества по качеству новостей с точки зрения заказных материалов (цензуры), стандартов информационной журналистики и замалчивания новостей, о чем свидетельствует мониторинг Интернет-издания «Телекритика» [20].

Результаты экспертного опроса, проведенного Институтом социологии НАН Украины в 2012 году, показали очень низкие оценки экспертов по использованию интеллектуального, духовно-нравственного и гражданско-общественного потенциала общества. Специалисты констатируют сужение пространства для интеллектуальной конкуренции в противовес мировым тенденциям, и считают это «признаком общественной деградации» [9]. Скорее всего, это является свидетельством того, что государство фактически не создает условий для нового содержательного интеллектуального смыслового дискурса, загоняя общество в маргинальный тип существования.

Выводы и дальнейшие направления научных поисков. Мотивационные формы поведения, которые формируются у населения под влиянием развлекательных шоу-программ, формируют и потребительские вкусы относительно политического дискурса, превращая реальность в «симулякры». Медиакратия (власть СМИ) становится основной властью для населения, политиков и для государственного управления. В то же время молодое поколение практически уже имеет совсем другие вкусы и предпочтения, полностью связанные с новыми технологиями [18].

Процессы, происходящие в современном мире, дуалистичны с точки зрения их влияния на молодые национальные государства. Расширение коммуникативного пространства за счет новых технологий в известной мере угрожает формированию государственной идентичности нации. Информационное пространство государства, безусловно, является определяющим фактором в судьбе национальных государств. Через информационное пространство национального государства могут передаваться как положительные месседжи по формированию новых ценностей и мотивов существования социума, так и негативные, которые влияют на формирование агрессивных форм поведения, потерю идентификации и т.п.

Отсутствие в информационном пространстве интеллектуального диалога для общения по проблемам развития национального государства значительно влияет и на взаимоотношения власти и граждан, и на психологическую структуру социума. Общество – это организм, который постоянно развивается и изменяется под воздействием внешних факторов. Его функционирование обусловлено социально-психологическими процессами индивидуального и общественного сознательного и подсознательного, генезисом формирования и внешними факторами. Архетипы, создающие картину мира для новых поколений, в мировом контексте отражены в сказках еще позапрошлого века, например «человек мира, путешественник» (Герда в «Снежной королеве» Г. Андерсена). Если проанализировать сказки и мифы прошлого, можно найти много образов, которые сегодня уже воплощены в социетальной действительности.

Наше обзорное исследование показало, что в современном информационном пространстве сказки и мифы заменены сериалами и новостями, фильмами, ток-шоу, информационным шумом, которым наполнен Интернет. Это дает возможность представить, какие модели поведения воплотятся в будущих поколениях, например «большой притворщик», «вор», или «хороший прокурор». Депрессивные же архетипы, в частности «маленького украинца», влияют на социетальные особенности, и здесь уже трудно говорить о формировании ценностей демократичного европейско-

го общества, в котором основной ценностью являются свободные и ответственные граждане, а именно это задекларировано украинским законодательством. Все эти выводы требуют дальнейших глубинных исследований путем повторных анализов социологических и экспертных опросов, мониторинга и контент-анализа медиатекстов.

Рекомендации органам законодательной и исполнительной власти:

— Верховной Раде Украины необходимо как можно скорее рассмотреть и принять закон «Об общественном телевидении», который должен стать залогом объективизации, интеллектуализации и интеграции для общества информационного пространства.

— Кабинету Министров Украины – выделить финансирование на создание научно-публицистических, развивающих программ национального производства для детей и юношества, предназначенных формировать интегрированное современное общественное сознание для государства.

— Национальному совету Украины по вопросам телевидения и радиовещания - усилить контроль за выполнением уставов телерадиоорганизаций относительно требований заполнения эфира продуктом национального производства с учетом потребностей всех слоев населения

Список литературы:

1. Афонін Е.А. Результати моніторингу соцієтальних змін українського суспільства (1992–2012): контекст управління та освіти : тези доповіді на Міжнар. наук.-практ. конф. «Управлінські компетенції викладача вищої школи» (м. Київ) / Е. Афонін. – 14-15.03.2013.

2. Афонин Э.А. Великая коэволюция: глобальные проблемы современности: историко-социологический анализ : монография [Электронный ресурс.] / Э.А. Афонин, А.М. Бандурка, А.Ю. Мартынов. – К. : Парламентское изд-во, 2003. – 384 с. – (Сер. : Открытая исследовательская концепция : вып. № 2). – Режим доступа : <http://library.sociology.kharkov.ua/books/afonin/coevol.pdf>.

3. Бойко В. Ментальна конвергенція як нова парадигма трансформації та гармонізації культур [Електронний ресурс] / В. Бойко – Режим доступа : <http://visnyk.com.ua/stattya/150-mentalna-konvergensija-jak-nova-paradigma-transformatsiyi-ta-garmonizatsiyi-kultur.html>.

4. Бриганський Ю. За 2012-й рік кількість інтернет-користувачів в Україні зростає на 34 % [Електронний ресурс] / Ю. Бриганський // Кореспондент.net. – Режим доступа : <http://blogs.korrespondent.net/users/blog/bihanskyu/a89395>. – Назва з екрана.

5. Бурлакова В. Товарищі поліцейські / В. Бурлакова // Український тиждень : журнал. – 2013. – № 16 (284). – С. 16–19.

6. В Україні рівень бідності в містах наближається до показників у селах – експерт [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://economics.unian.net/ukr/news/143731-v-ukrajini-riven-bidnosti-v-mistah-nablijaetsya-do-pokaznikiv-u-selah-ekspert.html>. – Назва з екрана.

7. Головатий М.Ф. Соціологія політики : навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл. / М. Головатий. – К. : МАУП, 2003. – 504 с.

8. Експертні оцінки тенденцій інтеграції українського суспільства / Інститут соціології НАН України, відділ соціальної експертизи. – Київ, 2012 р.

9. Ерофеева И. Архетип как средство репрезентации национальных ценностей в журналистике [Электронный ресурс] / И. Ерофеева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. – Киров, 2009. – № 2 (2). – С. 111–115. – Режим доступа : jif.spbu.ru/upload/files/file_1274186057_1293.doc.

10. Ерофеева И. Архетип в медиатексте: возможности и особенности воспроизведения [Электронный ресурс] / И. Ерофеева // Вестник Читинского государственного университета. – Чита : ЧитГУ, 2009. – № 2 (53). – С. 150–154. – Режим доступа : rus.jif.spbu.ru/upload/files/file_1274186057_1293.doc.

11. Афонін Е. Закономірності та особливості суспільно-трансформаційних процесів в Україні [Електронний ресурс] / Е.А. Афонін, О.В. Суший, Л.М. Усаченко // Український соціум. – 2011. – № 4. – С. 7–30. – Режим доступу : http://www.ukr-socium.org.ua/stok/Aktual/Afonin_4_2011.pdf.
12. Калита О. Архетипи свідомості сучасного українця [Електронний ресурс] / О. Калита // Українська правда. – 2009. – Режим доступу : <http://www.pravda.com.ua/articles/2009/12/1/4351123>. – Назва з екрана.
13. Карпенко В. Інформаційна політика та безпека : підручник [Електронний ресурс] / В. Карпенко. – Режим доступу : <http://ukrlife.org/main/karp/bezpeka13.htm>. – Назва з екрана.
14. Карпенко В.С. Гуманістично-ноосферний підхід – стратегія розв’язання глобальних проблем [Електронний ресурс] / В.С. Карпенко – Режим доступу : <http://www.info-library.com.ua/books-text-11677.html>.
15. Мельник Г.С. Mass Media: Психологические процессы и эффекты / Г.С. Мельник. – СПб : Изд-во С.-Петербурга. Ун-та, 1996. –160 с.
16. Породько-Лях О. Трансформація етнічних образів у сучасному медіадискурсі (на прикладі концепту-тріади батько-мати-батьки) [Електронний ресурс] / О. Породько-Лях. – Режим доступу : <http://journlib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=2142>. – Назва з екрана.
17. Почепцов Г. Інформаційний та віртуальний простори України: кроки в майбутнє [Електронний ресурс] / Г. Почепцов // Телекритика. – 2013. – Режим доступу : <http://osvita.mediasapiens.ua/material/17057>. – Назва з екрана.
18. Покальчук О. Тремтячі еліти / О. Покальчук – К. : Форзац, 2011. – 168 с.
19. Про що мовчали новини в березні – 2013 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://osvita.mediasapiens.ua/material/17124>. – Назва з екрана.
20. Сич В. Портрет нації [Електронний ресурс] / В. Сич // Корреспондент. – 2011. – Режим доступу : <http://blogs.korrespondent.net/journalists/blog/vitaliysych/a33686>. – Назва з екрана.
21. Топ-20 сайтів за лютий 2013 року за даними Gemius Audience (Fusion Panel) [Електронний ресурс] // «Телекритика». – 2013. – Режим доступу : <http://www.telekritika.ua/ginok/2013-03-27/80313>. – Назва з екрана.
22. Украинский диагноз. Исследование ценностей разных народов Европы показало к чему стремятся украинцы [Электронный ресурс] // Корреспондент. – 2011. – Режим доступу : <http://korrespondent.net/ukraine/events/1196183-korrespondent-ukrainskij-diagnoz-issledovanie-cennostej-raznyh-narodov-evropy-pokazalo-k-chemu-stre>. – Назва з екрана.
23. Хиллман Дж. Архетипическая психология / Дж. Хиллман ; перевод с английского Ю. Донца и В. Зеленского.– СПб : Б.С.К., 1996. – 157 с.
24. Худояр О. Вторая украинская республика: от рассвета до заката. Распад, олигархический консенсус или революция [Электронный ресурс] / О. Худояр, И. Лубьянов. – Режим доступу : <http://hvylya.org/interview/politics2/vtoraya-ukrainskaya-respublika-ot-rassveta-do-zakata-raspad-oligarhicheskiy-konsensus-ili-revolyutsiya.html>.
25. Юнг К.Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание / К. Юнг. – М. : Олимп ; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. – 400 с.
26. 72 % української молоді не уявляє свого життя без Інтернету (дослідження) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://osvita.mediosvita.ua/material/17543>. – Назва з екрана.

Валерий РЕБКАЛО, Владимир КОЗАКОВ

АРХЕТИП КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Постановка проблемы. Сегодня мы наблюдаем «отмирание» старой социально-ценностной базы, которая уже не служит ориентиром поведения в условиях трансформации общественно-политической парадигмы. Поэтому состояние общественного сознания даже на уровне национальной элиты характеризуется, с одной стороны, изменчивостью, эклектичностью, духовной растерянностью и активным формированием новой идеально-ценностной системы – с другой. Духовно-идеологический кризис, охвативший сегодня все слои украинского общества, проявляется в различных формах, в том числе в разрыве единого духовного пространства, потере национального консенсуса базовых ценностей государства. Масштабность и глубина этих явлений порождают вопрос о направленности процесса преобразований в Украине, о научной обоснованности различных вариантов развития социальных сценариев, о специфике украинской модернизации в процессе вхождения в европейское пространство и его вероятные результаты.

Актуальность исследования. Для того чтобы определить основные направления становления и развития национального сознания личности, в том числе и государственного служащего нужно обратиться к архетипики как понятию, которое происходит от традиции платонизма – прообраз, первоначальный образ, идея, первоначальная форма для следующих образований. Это понятие, происходит от традиции платонизма и понимается как обозримый умом образец «эйдос».

Анализ последних исследований и публикаций. Тенденция выделения в структуре общественного сознания неосознанных элементов прослеживается в социально-психологической традиции (З. Фрейд, Э. Фромм, К. Юнг, С. Московичи и др.). Те или иные черты украинского национального характера связаны прежде всего с развитием и формированием национально сознания и национальной идеи, исследовали известные ученые-политики – В. Антонович, М. Драгоманов, А. Потебня, И. Франко, М. Грушевский, М. Волновой, Д. Донцов, В. Липинский, И. Лысяк-Рудницкий и другие.

Среди работ, посвященных социально-ценностным основам государственного управления, формирование национального сознания, исторической памяти и других аспектов современного процесса создания государства в Украине следует отметить работы Э. Афонина, Г. Атаманчука, В. Бакуменко, В. Козбаненка, В. Князева, О. Крюкова, И. Надольного, М. Пирен, В. Ребкала, Г. Ситника, П. Штомпки, Ф. Шамхалова. В тоже время место архетипики в становлении и развитии национального сознания государственного служащего в научной литературе почти не рассматривались. Поэтому актуальность темы статьи не вызывает никаких сомнений.

Цель статьи. Метод архетипа не является единственным научным средством исследования становления национального самосознания личности и государственного служащего в том числе, но он дает возможность изучения духовно-ценностных основ места и роли украинского менталитета в формировании национального самосо-

**РЕБКАЛО
Валерий,
REBKALO
Valerii,**

доктор філософських наук, професор, засл. діяч науки і техніки України, зав. кафедри державної політики та управління політичними процесами Національної академії державного управління при Президентові України, м. Київ.

Анотація: статтю присвячено з'ясуванню специфіки впливу архетипу на становлення та розвитку національної свідомості української нації. Особливо увага приділяється важливій державно-управлінській проблемі: місцю архетипу в формуванні національної свідомості державних службовців.

Ключові слова: архетип, ментальність, національна свідомість, державне управління.

УДК 329:352

**КОЗАКОВ
Владимир,
KOZAKOV
Volodymyr,**

доктор державного управління,
професор, професор кафедри державної політики та управління політичними процесами Національної академії державного управління при Президентові України, м. Київ.

Анотація: статтю присвячено з'ясуванню специфіки впливу архетипу на становлення та розвитку національної свідомості української нації. Особливо увага приділяється важливій державно-управлінській проблемі: місцю архетипу в формуванні національної свідомості державних службовців.

Ключові слова:
архетип, ментальність, національна свідомість, державне управління.

УДК 329:352

знания человека, в частности государственных служащих. В этом и заключается основная цель статьи.

Изложение основного материала. К. Юнг считал, что «коллективное бессознательное», которое трактуется как общечеловеческая основа («грибница») духовной жизни индивидов, наследуема, а не сформирована на базе индивидуального опыта. Если в личном бессознательном основную роль играют «комплексы» (например, комплекс Эдипа, комплекс неполноценности), то структурообразующими элементами коллективного бессознательного являются «архетипы» – универсальные модели бессознательной психической активности, которые спонтанно определяют человеческое мышление и поведение.

Специфика архетипа духовно-ценностных ориентиров и, соответственно, уникальность менталитета украинца раскрываются в контексте философии сердца, антропоцентризма, софийности мира, совершенства природного бытия, а также в архетипе эстетически совершенной ценности свободной личности. В частности, для украинца абсолютной ценностью оказывается не жизнь, как это диктует массово распространенная современная иерархия ценностей, а стержень идентичности – симбиоз чувство достоинства, совести и свободы [1].

Таким образом, архетип – это мировоззренческая основа, на которой базируется культурно значимое творчество любого представителя нации, а также его переживание.

Проблема самосознания интересовала человечество с древнейших времен. Уже Сократ сформулировал ее как философское кредо, познавательный императив – «Познай себя!» Такое познание было для него не только средством удовлетворения человеческой любознательности, а прежде основой для решения вопроса о моральных императивах человеческой деятельности.

В то время, когда модернизационные процессы в Украине набирали обороты, в ее духовной сфере осознавалось значение национальной традиции. Такие украинские мыслители XX в., как В. Липинский, Д. Чижевский и другие делают ее предметом философской рефлексии: «Одной из наиболее выдающихся черт культурной жизни является существование “традиции”, т.е. тенденции прятать, содержать определенные культурные факты, в большой степени напоминает индивидуальную память», – писал Д. Чижевский [2, с. 475]. Он подтверждает значение консерватизма традиции для В. Липинского, для которого традиция является не «пассивной жизнью в пределах устоявшихся, неподвижных, статичных форм, как спокойное, счастливое “следование за тем, что все делают”». Потому В. Липинский видит суть традиции именно в ее творческом характере».

Итак, понимание культурной традиции этими мыслителями отрицает просветительское отношение к ней как к суеверию, от которого необходимо избавиться, и приближает их к позиции П. Рикера, для которого последняя является взаимодействием «инновации и седиментации». Существуют «усвоение и закрепление как усвоенные формы сознания и культуры: смыслов, стилей» [3, с. 272].

Вместе с тем сохранение «авторитета традиции» (Гадамер) как «права оставаться самими собой» [4, р. 18] всегда имело огромное социальное значение для украинского общества. Архетип как инстинкт украинского народа поддерживался традициями связи народного творчества с государственными идеями на протяжении веков.

Консервативность украинской ментальности, по нашему мнению, не является негативной характеристикой, поскольку в западной традиции существует принципиально иное его понимание. «Консерватизм является самостоятельной системой абсолютных идей. Он определяется такими универсальными ценностями, как равновесие, порядок, сдержанность» [5, с. 455], считает С. Хантингтон. «Ведь человека толкает к консерватизму шок, вызванный событиями, ужасное ощущение того, что общество или его институты перестанут существовать» [5, с. 470].

Основатель теории украинской нации И. Лысяк-Рудницкий писал, что консерватизм – «стихийная духовная установка большей части украинского общества сыграл огромную роль и воплощался в сохранении родного языка, веры, обычаев и обрядов, традиционных форм семейной и общественной жизни» [6, с. 125]. Эта установка не мешала украинцам быть современной нацией, которая «может быть определена как территориально данная общность людей, разделяющих определенный вариант современной культуры и которых связывает между собой сильное чувство единства и солидарности» [6, с. 544]. И так, оба на первый взгляд противоположные украинские стремления обусловлены едиными ценностными мотивами. Однако ни предостережения ученых, ни политические лозунги в итоге не спасли от распада советское государство. В том числе поэтому в Украине, в которой процесс формирования гражданского общества и государства имел свою особую логику, ценность государства стала камнем преткновения на пути к структуризации свободного общества и качественно новых властных отношений.

По мнению Б. Крымского, познание и воспроизведение архетипов становится для нас способом связи прошлого и будущего. При этом значимость архетипов выходит за пределы субъективных психических состояний, она проявляется прежде всего в культурологии творчества [7].

В зависимости от субъекта, носителями самосознания могут быть индивидуальные (личностные) или коллективные (самосознание определенной группы людей, объективно сознательно объединенных в некое сообщество: семью, род, слой, класс, профессиональную группу, конфессию, партию, нацию и т.д.) субъекты. Следовательно, можно говорить о наличии различных форм архетипов самосознания (индивидуальное и коллективное) и различных его видов: личностное, родовое, профессиональное, классовое, конфессиональное, этническое, национальное, общечеловеческое и т. п.

Человек может быть одновременно носителем практически всех видов самосознания. Более того, формирование самосознания личности происходит именно вследствие интеграции ее в различных срезах и сферах окружающей реальности, жизненного пространства, то есть как обобщенный результат индивидуальной, социальной, профессиональной, политической, конфессиональной, национальной и т. д. самоидентификации. Для целостного представления о самом себе индивид должен осознать свое отношение к как можно большему числу имеющих в обществе ценностей и отношений. В зависимости от обстоятельств и потребностей один архетип самоидентификации уступает место другому или сосуществует с ним. Остальные до поры до времени остаются в тени, не играя ведущей или даже заметной роли в жизнедеятельности. Среди многочисленных самоопределений человека главное место занимает национальная самоидентификация, что в развитом виде предстает как национальное самосознание. Это обусловлено тем, что нация для современного человека остается наиболее жизненно важной, фундаментальной исторической общностью.

Национальное самосознание как следствие исторического генезиса нации одновременно выступает необходимым условием его полноценного развития и прогресса. Суть национального самосознания определяется как целостная саморефлексия нации (всестороннее понимание нацией своего исторически цивилизационного призвания). Архетип национального самосознания выступает мощным средством его исторического развития, полноценного функционирования в мировом сообществе,

побуждает коллективную человеческую волю к активной жизненной позиции, мобилизации всех имеющихся и скрытых жизненных ресурсов народа. Подобные соображения мы находим и у Д. Донцова: «Миллионы расходящихся человеческих свобод объединяются в одном» – общие триумфы в прошлом», «слава предков», дальше – общая воля в настоящем и «готовность к дальнейшим большим делам, одна большая цель для всех в будущем «одно крупное предприятие, которое соединило бы под своим лозунгом весь энтузиазм, весь фанатизм, все горения миллионов, вырывая их в критические моменты жизни за рамки их повседневных забот и эгоизмов в направлении одной большой цели» [8, с. 225].

Национальное самосознание пробуждает и стимулирует такие мощные эмоционально-психологические двигатели национального прогресса, как патриотизм и служение народу, которые не в состоянии заменить никакие меркантильные расчеты, материальная выгода и т.п.. Впрочем, эти последние не всегда являются надежной опорой национального развития, ведь легко превращаются при колебании экономической и социально-политической конъюнктуры в тормоз национального развития, а то и в его сокрушительно-разрушительную силу. Зато порожденный национальным самосознанием патриотизм практически не зависит от материального положения нации. Более того, по нашему мнению, ухудшение жизненных условий, угроза национальному прогрессу или независимости и другие подобные явления стимулируют духовную энергию национально сознательного гражданина, а поэтому вызывают всплеск его патриотической деятельности.

Вместе с тем отсутствие национального самосознания как самоценной категории не только не побуждает к поиску причин коллапса и путей спасения нации, а, наоборот, вызывает всплеск антипатриотических настроений; не мобилизацию сил для того, чтобы взять историческую судьбу в собственные руки, а поиск «сюзерена», к которому можно было бы отправиться в «вассалы» за обещанные подачки. Подобная психология, проявления которой мы наблюдали в политической жизни Украины лишь недавно, – прямое следствие деформированного, неразвитого национального самосознания. Такое состояние очень опасно для нации и государства.

Внешнее принуждение не может сравниться по эффективности своего воздействия с внутренним порывом масс, обусловленным их пониманием исторической и моральной необходимости их действий.

Национальное самосознание способно выполнять функцию регулятивного (управленческого) механизма благодаря органическому сочетанию в нем двух противоположных моментов: консервативно и творческого.

Непрерывный процесс самопознания, углубленное понимание своих проблем, поиск путей и средств их решения составляют постоянную систему архетипов, взглядов, ценностей и регулятивных установок, обязательных для исполнения всеми членами национальной общности (см. табл. 1).

Однако в обществе существуют определенные социальные группы, которые в силу специфики своей (прежде всего – профессиональной) деятельности должны выступать ведущими носителями национального сознания. Эти группы обычно относят к категории «национальная элита». Вероятно, что в их число, наряду с политиками, художниками и педагогами, входят государственные служащие (милитаристские и гражданские).

Национальное самосознание детерминировано множеством факторов, определяющих его архитектуру и содержательную особенность и соответственно функциональную способность, практическую эффективность.

Основные факторы, формирующие национальное самосознание как в генетическом, так и в функционально-структурном плане, хотя и взаимосвязаны между собой, однако являются относительно самостоятельными сферами. Их можно условно разделить на три большие группы: объективные, практически-духовные и идеальные (см. табл. 2).

Таблица 1.

Содержание функций национального самосознания

Функции		Содержание
Познавательная		Национальная принадлежность; Национальные особенности; Национальная история; Фольклор, обычаи, традиции; Геополитический состояние нации; Национальные идеалы
Ценностная	Эмоциональная	Любовь к Родине; Патриотизм; Гражданский долг; Национальное достоинство; Уважение к национальной истории; Духовные ценности нации
	Рациональная	Свобода; Независимость; Историческая миссия нации; Национальная самобытность; Цивилизационная миссия нации
Регулятивная	Консервативная	Защита национального суверенитета; Сохранение национальной самобытности; Соблюдение национальных традиций
	Творческая	Познание исторического опыта других наций Поиск новых путей и средств национального развития

Таблица 2.

Факторы формирования национального сознания

Объективные	Практически-духовные	Идеальные
Способ жизни народа Геополитическое положение Экономическое положение Политический режим	Этнические стереотипы Историческая память	Национальная идея

К первым относится весь комплекс общественно-исторических реалий, которые определяют образ жизни народа. Здесь следует отметить, что различие, а во многих случаях полная противоположность объективных условий жизни формирует и соответствующее специфическое видение ценностей, проблем, идеалов, задач, принципов жизнедеятельности и других составляющих национального самосознания. По нашему мнению, трудно исповедовать одни и те же идеалы и ценности уважаемым западноевропейцам и живущим под ношей экономических и социальных проблем украинцев. Поэтому попытки быстро переориентировать национальное самосознание украинцев в русло самосознания благополучных западных стран не только малоэффективно, но и губительно, как, например, попытки некоторых политиков убедить нацию в целесообразности установления в Украине федеративного устройства (вроде Германии), что, несомненно, означало бы, учитывая современные объективные реалии, неизбежно самоуничтожения страны. Более того, фактический провал европейской конституции на территории самой Западной Европы также наглядно продемонстрировал преждевременность попыток свержения с «весов» политической истории фактора национального самосознания.

К практически-духовным факторам для конкретного народа относятся прежде всего этнические стереотипы (архетип, традиции, обычаи, типичные черты характера и поведения, доминирующие эмоции и т.д.), а также историческая память, устойчивая символика, народные святыни. Эти явления этнической культуры трансформируются в стойкие, а во многих случаях – влиятельные элементы национального самосознания. Воплощая главные принципы и основное содержание национального духа в видимых конкретных вещах и образах, они порождают эмоциональный от-

клик среди всех слоев этнической общности, выступают эффективным средством передачи накопленного многими поколениями жизненного опыта, то есть средством социализации, воспитания членов данного этноса.

Особая роль среди механизмов формирования национального самосознания принадлежит архетипу исторической памяти. Она не только фиксирует огромное количество событий, но и синтезирует, вплетает их в единое целостное кружево национальной истории, где каждый факт, событие занимает свою ценностную нишу. Происходит своеобразная сортировка приобретенного опыта как на положительный, который следует усваивать и приумножать, так и на отрицательный опыт, который служит предостережением. Историческая память выступает не немым свидетелем прошлого, а живым побудителем человеческой воли и одновременно указателем, ориентиром целесообразной активности. Немецкий мыслитель К. Ясперс был полностью прав, утверждая, что «прошлое не завершено: оно продолжает жить. Оно не лежит перед нами как остатки того, что было. В прошлом кроется больше, чем добыто из него до сих пор...» [9, с. 266].

Однако достаточно «выигрышная» в начале 90-х гг. идея о «национальном возрождении» Украины так и не нашла достойного места в системе политических ценностей, а следовательно и государственно-управленческих ценностей. Поэтому вполне закономерно, что в начале XXI века национальная идея уступила место идее европейского выбора. Европейский выбор принес Украине новый проект ценностной модели – так называемые «европейские ценности». В числе таких, наряду с демократией, главное место занимают понятия гражданского общества и прав человека.

Например, одним из средств европейской интеграции Украины вполне уместно считать адаптацию ее законодательства и структуры государственного управления к стандартам ЕС, соблюдение принципов европейского административного пространства. Но можно ли эти стандарты приложить к сфере культурного и духовного бытия украинского народа? Если делать это механически, подобно тому, как мы пробуем заимствовать европейское законодательство и структуру государственного управления, то в лучшем случае из этого ничего не получится, а в худшем – украинцы, начав осознавать себя европейцами, перестанут осознавать себя украинцами. Подобная практика «национальной стандартизации» уже имела место в Советском Союзе, ее деструктивные последствия до сих пор наблюдаются в независимой Украине.

Выводы и дальнейшие направления научных исследований. Сегодня в Украине с новой остротой встает вопрос о культурной и цивилизационной идентичности, о месте между Западом и Востоком, индустриальным и постиндустриальным обществом.

Выяснено, что типичная ошибка многих научных трудов, посвященных исследованию развития гражданского общества и правового государства в Украине, заключается в том, что эти исследования в большей мере базируются на сравнении принципов, которые были выработаны классической либеральной теорией, с украинским обществом, на основе чего и делаются выводы о развитии отечественной демократии. Методологическая правомерность таких исследований вызывает сомнения, ведь сама либеральная теория в своем развитии претерпела существенные трансформации, вызванных критикой ее со стороны коммуитаристов и консерваторов, определенной разочарованностью в классическом либерализме, идеей завершения классического способа модернизации общества. Следует понимать, что посткоммунистические общества оказались в достаточно уникальной ситуации, и этот факт не позволяет провозглашать, что их развитие повторяет путь демократии западноевропейских странах. Посткоммунистические общества утверждают демократию во время структурных преобразований западного общества, принципы которого они стремятся имплементировать.

Отечественная модель коллективной идентичности строится на национальных основах и в определенной степени противоречит государственному стремлению западноевропейской интеграции. Однако эти модели развития ценностного консерватизма и европейской либеральной модернизации не исключают друг друга совершенно.

Содержательные составляющие ценностных ориентаций украинской ментальности (свобода, индивидуализм, толерантность) предусматривают возможность их включения в европейское культурное пространство. Задачей отечественной науки государственного управления становится разработка механизма перехода к новой модели солидарности с учетом всех противоречивых позиций идентичности украинца. Вместе с тем в современной Украине система ценностей государственного управления оказывается искажена вследствие действия многочисленных факторов, в том числе проявлений рудиментарного сознания, советского гиперинтернационалистского сознания, исторических последствий территориальной, национальной и политической раздробленности Украины в недалеком прошлом, современных рисков и угроз глобализации, гуманитарно-ценностного отставания массовой общественно-политического сознания и т. п.

Действенным механизмом ценностной интеграции Украины в Европу и целый мир должно стать активное понимание архетипов национальной культуры, в том числе – государственно-управленческих традиций. В качестве примера применения государственно-управленческой традиции в процессе формирования национального самосознания граждан приведем британскую монархию, которая, по сути, давно уже перестала быть монархией. Вместе с тем, британец (будь он по национальности англичанином, шотландцем или ирландцем) вполне правомерно может сказать большинству других европейцев: «у французов – президент, у поляков – президент, у украинцев – президент, а у нас – ее величество королева», и он (британец) будет этим гордиться, не обращая внимания на весь анахронизм британской монархии. Более того, осознание «принадлежности» к британской монархии остается одним из наиболее эффективных интегрирующих механизмов для уже достаточно давно самостоятельных наций (британцев, канадцев, новозеландцев, австралийцев).

Этот пример, конечно, не означает, что Президента Украины нужно срочно переименовать в «гетмана», хотя, возможно, и стоит над этим серьезно поразмыслить. Однако в современных реалиях Украины структура средств воплощения национальной идеи остается столь же размытой, как и сама национальная идея.

В то же время классические архетипы украинского национального характера, которыми мы так привыкли гордиться – индивидуализм, толерантность, нравственность, трудолюбие и т.д., слишком идеализированы и требуют пересмотра с позиции того, что мотивирует граждан действовать именно таким образом.

Список литературы:

1. Калуга В. Архетипы украинца [Электронный ресурс] / В. Калуга. – Режим доступа : <http://www.proza.ru/2012/12/20/1170>.
2. Чижевський Д.І. Початки і кінці нових ідеологій / Д.І. Чижевський // Історія філософії України : хрестоматія. – К. : Либідь, 1993. – С. 471–482.
3. Рікер П. Навколо політики / П. Рікер // Панорама новітньої науки: пер. з фр. // Рюс Ж. Поступ сучасних ідей – К.: Основи, 1998. – С. 565-567.
4. Fetcher I. Der neokonservatismus und seine Widersruche // Neokonservative und "Neue Angriff gegen Sozialstaat und liberare Demokratie in den Vereinigten Staaten Westuropa und der Bundesrepublik / Hrsg. Von I. Fetcher. – Munchen : Beck, 1983. – S. 11–34.
5. Hungtington S. Conservatism as an ideology / S.Hungtington // American Science Review. – 1997. – Vol. 51, nr.2. – P. 454–473.
6. Лисяк-Рудницький І. Консерватизм / Лисяк-Рудницький І. ; пер. з англ. // Історичні есе : у 2 т. – К. : Основи, 1994. – Т. 2. – С. 119–125.
7. Проблеми теорії ментальності. – К. : Наук. думка, 2006. – 408 с.
8. Донцов Д. Дух нашої давнини. / Д. Донцов – Дрогобич : Відродження, 1991. – 245 с.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс – М. : Изд-во полит. лит., 1991. – 527 с.

**СУШИЙ
Елена,
SUSHYI
Olena,**

кандидат
философских наук,
доцент, докторант
Национальной академии
государственного
управления при
Президенте Украины
г. Киев.

Аннотация: в
статье исследуется
взаимосвязь между
социальными
(институциональными)
и психическими
(психосоциальными)
процессами как основа
для переосмысления
традиционных
представлений о
социальном диалоге.
Анализируются
неформальные
институциональные
практики, их влияние
на формирование
параметров
политического
процесса.

Ключевые слова:
институциональные
практики,
коммуникация,
социальное
партнерство,
социальный диалог.

УДК 32:351

Елена СУШИЙ

СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ФОКУСЕ АРХЕТИПНОЙ ПАРАДИГМЫ

Постановка проблемы. Согласование различных групповых интересов и способность поддержания социального консенсуса является центральной задачей демократического реформирования украинского общества и государства. Ее решение сопровождается интенсивным поиском новых смысловых ориентиров социального понимания гражданского общества и политического действия государственных структур. Сложность и противоречивость данного процесса обусловлена тем, что существенной проблемой политических систем в переходных обществах является императивный уровень неформального политического пространства (институтов, связей, практик), размывающего основы демократических механизмов в управлении обществом [3]. Преобладающее влияние неформальных «правил игры» становится определяющим в формировании параметров политического процесса, поскольку любой формальный институт может стать фасадом неформального управления.

Анализ последних исследований и публикаций. Современные авторы подчеркивают важное значение насыщения государственной политики идеологией социального партнерства как условия общественной консолидации и осуществления необходимых для дальнейшего развития Украины реформ, при этом достижение общественного согласия рассматривается как неотъемлемая составляющая целенаправленной гуманитарной политики государства, а социальный диалог – как демократический способ решения социально-политических конфликтов [5; 9; 10]. Вместе с тем, оценивая опыт «реформаторских проектов» на постсоветском пространстве, в том числе в Украине, исследователи обращают внимание на усиливающееся влияние неинституциональных (неформальных) схем в практике социально-политических отношений (Г. Хелмке, С. Левитски, А. Фисун, О. Крисенко, В. Гельман, А. Медушевский и др.). Как отмечает В. Гельман, сама по себе «неформальность», имманентно присущая любому обществу, может по-разному сказываться на формальных институтах и поведении индивидов. Однако в фокусе внимания исследователей чаще оказываются именно те «конкурирующие» неформальные институты, которые не просто подменяют собой формальные правила, но и приводят к негативным эффектам [1].

Не решенные ранее части общей проблемы. Анализ современных публикаций свидетельствует о системном характере социального диалога, основными составляющими которого выступают институциональная и коммуникативная подсистемы. Однако выявляемые «институциональные эффекты» указывает на глубокую взаимосвязь между характером протекания и направленностью социальных процессов и бессознательными представлениями человека, рескриптивно закрепляемыми в форме стереотипов, норм и других социальных институтов [6]. Данное обстоятельство формирует новое проблемное поле осмысления социального диалога и его анализа в плоскости социоментальных (психосоциальных) характеристик социума, охватывающих не только сферу бессознательной детерминации процессов становления сознания, но и любые другие социаль-

ные (социально-материальные) формы его объективации. Попытку их осмысления следует определить как *цель данного исследования*.

Изложение основного материала. Исследование закономерных проявлений общественной трансформации, воплощенных в социально-материальных (институциональных) формах человеческого бытия и в их связи с психосоциальной культурой субъектов управленческих действий, показывает, что новообразуемые социальные, культурные, исторические и материальные формы человеческого бытия, с одной стороны, становятся сегодня производной субъективных (психосоциальных) сущностей, а с другой – они, будучи творением психосоциальных сущностей, разнообразие которых возрастет, формируют новые институционально-управленческие практики.

Каждый элемент целостной структурированной системы от простого до государственно-управленческого содержит алгоритм «институциональная среда → институциональная структура → институциональная практика» как активно действующий комплекс поддержания непрерывности ее функционирования и самовоспроизведения на институциональном, организационном и индивидуальном уровнях:

- институциональная среда (институты как «политические установки») предстает как совокупность «правил игры» (правил, норм, санкций), формальных правил и неформальных норм, открытых и скрытых установок, которые в целом упорядочивают и делают предсказуемой человеческое взаимодействие;

- институциональная структура определяет взаимосвязь конституированных политически организационных форм (государство, политические партии, общественные объединения и т.п.) и социальной среды, а также договоренностей – институционального согласия – об обязательном соблюдении дополнительных «внутренних» ограничений, которые дополняют действующие «правила игры»;

- институциональная практика отражает особенности реализации институциональных соглашений в конкретной институциональной среде и характеризует поведение акторов в рамках различных организаций [7, с.152–153].

Собственно, институциональные практики возникают, с одной стороны, как формы воспроизводства типичных ситуаций (норм, правил) и позиций (статусов, ролей), в рамках и «под углом зрения» определенной социальной группы. С другой стороны, они предстают как формы коллективного осмысления, с присущими им глубинными (архетипическими) праформа.

Взаимосвязь между управляемостью и степенью развития системы представительства интересов зависит от организации прямых и обратных связей, которые составляют основу функционирования демократической политической системы, определяют легитимность принимаемых решений. Характеризуя роль системы представительства интересов в политическом процессе, американский политолог Ф. Шмиттер писал: «относительная управляемость современных высокоиндустриальных развитых капиталистических государств зависит не столько от совокупной “перегрузки” политических систем, то есть от дисбаланса между суммой запросов общества и возможностями государства, сколько от дискретных процессов выявления, формирования, продвижения и реализации потенциальных групповых притязаний и запросов» [11, с. 342].

В более узком (управленческом) смысле государственные институты выступают прежде всего как структуры политического режима, опирающихся не на общесоциальные связи (или систему представительства гражданских интересов), а на конкретные внутренне элитарные коалиции и альянсы. Последние, собственно, и контролируют статусные, кадровые, организационные, финансовые и другие ресурсы в государстве и обществе. По сути, в государстве всегда образуется, условно говоря, «командный пул», т.е. главная структура, обладающая фактическим преимуществом в создании управленческого порядка и контролирующая иерархические и сетевые связи в системе управления государством.

Роль общественности в данном отношении проявляется трояким образом – через: 1) группы организованных интересов, 2) дискурсивные практики, 3) формы прямого давления на структуры власти и управления (в виде забастовок, пикетов, референдумов и т.п.) [8, с. 166–167].

Однако все более выразительной чертой современного политического пейзажа становится односторонность коммуникации между обществом и властью, где люди сами не стремятся донести до правящих кругов свое мнение. По сути, основополагающие для общественного кризиса в Украине проблемы стали препятствием на пути развития диалога между властью и обществом. Среди наиболее острых из них следует назвать:

1) злоупотребление политическими и экономическими свободами, где наиболее кричаще заявляет о себе проблема обеспечения баланса интересов различных групп населения – нынешний дисбаланс этих интересов в сторону олигархов (владельцев около сотни крупных предприятий) делает «нерентабельными» усилия остальных субъектов хозяйствования и бюджетных работников;

2) возвращение к мифологизму и государственному мифотворчеству, особенно в контексте провозглашенных реформ (мифы) и их реального воплощения;

3) квазиклассовые формы оппозиционного противостояния – формирующийся квазиантагонизм между представителями малого и среднего бизнеса (оппозиционное ядро), с одной стороны, и представителями крупного бизнеса (олигархи) и государства, защищающего их интересы, – с другой.

4) общественное недоверие, разочарование и психологическая усталость от политиканства, которые трансформировались в дистанцирование граждан, их капсулирование в микросреде семейно-родственных, дружеских отношений, содержащих достаточно высокий уровень доверия, социально-психологической и моральной поддержки: с одной стороны, это позволяет поддерживать стабильность общества, а с другой – препятствует развитию институций, способствующих диалогу общества и власти.

5) государственно-управленческая деятельность происходит на фоне амбивалентности (двойственного состояния) общественного сознания, следствием чего являются ситуационный характер поведения, высокая информационная зависимость людей (54,75 % согласно данных мониторинга социетальных изменений), к которой прилагаются также психопатологические неврозы и моральная усталость от результатов действия властей.

6) злоупотребления и манипуляция ценностной неоднородностью общества, где уровень осознания ценностных расхождений между регионами и сообществами внутри страны реально колеблется от фактического непризнания этого факта до социальной поляризации – разделения на «своих» и «чужих», «хороших» и «плохих», провозглашения «Восточной» и «Западной» или «национальной», «архаично-коммунистической» и «криминально-донецкой» Украины.

Очевидно, что кардинальное изменение формата взаимодействия государства и общества предполагает движение в направлении соединения социального диалога с гражданским и политическим и, таким образом, формирование новой модели согласования интересов различных социальных групп и слоев общества – классов, этносов, религиозных, профессиональных, территориальных и других групп населения – на условиях социального партнерства. В данном смысле социальный диалог выступает как паритетное конструктивное сотрудничество между гражданским обществом (как самостоятельной сферой общественных отношений, в которой реализуются частные интересы граждан и их групп, которая существует параллельно с государством, однако прямо ей не подчиняется) и государством (как носителем общественных интересов) [2].

Вместе с тем реализация динамических реформ непосредственно зависит от баланса формальных и неформальных практик на уровне вертикальных (субъект-объ-

ектных) и горизонтальных (субъект-субъектных) связей. Содержательная согласованность формальных и неформальных практик укрепляет процессы политической институционализации и обеспечивает способность проведения динамических реформ, способных изменить укоренившиеся в прошлом принципы взаимодействия социальных субъектов в системе «человек – общество – государство». В свою очередь, функциональная слабость формальных институций создает благоприятные условия для развития неформальных практик, способных не только развивать, но и искажать процессы политической институционализации, усиливая состояние неопределенности в обществе. Рост напряжения между формальными (институциональными) и неформальными практиками предопределяет возникновение особого комплекса институционализированных процедур унормирования возникающих неформальных практик, востребованных существенными потребностями и интересами общества, а также отдельных общественных групп и политических акторов (кlientелизм, коррупция, клановая политика, схемы ухода от налогообложения, селективное применение права государственным аппаратом и т.д.).

Особую роль в институциональных общественных преобразованиях играет психосоциальный комплекс политико-управленческой элиты Украины. В контексте создания государственной политики, как свидетельствуют результаты нашего исследования, значительная часть руководящих кадров все еще отдает предпочтение «глобальным», «универсальным», «инвариантным», «абстрактным» способам мышления и действия. «Руководящее сознание», к сожалению, остается уязвимым со стороны различных мифологем, а реформаторство часто превращается в формальные компании, присущие командно-административной логике управления. Это отдаляет политико-управленческую элиту от успешного осуществления общественных реформ и решения неотложных проблем развития общественно-политической модернизации.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Преодоление исторически унаследованных форм институционального дизайна и искажения процесса институциональных изменений нового типа необходимо требует целенаправленных консолидированных действий в направлении функциональной переориентации институциональных практик на развитие, выполнение и достижение социально значимых целей, и решение следующих задач:

- оптимизации формальных (социально-нормативных) и актуальных (реальных) форм социально-политического и государственно-управленческого процесса;
- налаживание механизмов функционирования обратных связей между государственным и негосударственными секторами в их соотношении с процессами самоорганизации и самоуправления на уровне общества и социальных групп;
- усиление «нормативных рамок» через административно-правовое обеспечение функционирования системы контроля / ответственности и интеграции норм, правил и стратегий, которые укрепляют состояние внутреннего locus-контроля как готовности конкретного гражданина брать на себя ответственность за собственную судьбу и не надеяться на опеку всемогущего государства.

В контексте указанных задач логику трансформационных преобразований институционального дизайна будет определять:

- преодоление укоренившихся институциональных практик и исторически конкретных конфигураций политико-властных отношений в рамках страны/региона/города путем формирования и развития институциональных практик и коммуникативных стратегий как сочетание идеальных (инвариантных) моделей политико-управленческих структур и реальных форм политико-властных отношений;
- конструирование публичной сферы и коммуникативных практик как ответственной сети альтернативных представительных центров функционального сбалансирования (децентрализации) отношений между центром (власть) и периферией (социально структурированное пространство), предупреждения функциональной узурпации государственно-управленческих институциональных практик путем

носителю равномерного распределения функциональных качеств между членами общества, расширение спектра альтернативных голосов, а также поля участников принятия властных решений;

— корректирование деятельности и особенно риторики власти согласно доминирующей, общезначимой системы норм и ценностей, которые определяют высокий уровень интеграции, поддерживают целостность и обеспечивают регулирование через консенсус, согласие, социальное партнерство.

Современный американский исследователь Б. Латур точно заметил, что хотя наука управления подчиняется собственным законам, возможно, нелишнее было бы учитывать социальные, культурные и политические аспекты, которыми объяснялось бы, почему некоторые здоровые организационные принципы никогда не применяются на практике [4, с. 75]. Поэтому, в процессе проектирования государственных и социальных преобразований социальный диалог должен стать внутренним требованием единения государственно-политического механизма с социально-культурным организмом.

Список литературы:

1. Гельман В.Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России / В.Я. Гельман // Полития. – 2010. – №2 (57). – С.6–24
2. Давиденко В.В. Соціальний діалог в контексті взаємодії громадянського суспільства і держави : автореф. дис... д-ра політ. Наук : 23.00.02 / В.В. Давиденко. – Л., 2008. – 35 с.
3. Крисенко О.В. Вплив неформальних інститутів на український політичний процес [Електронний ресурс] / О.В.Крисенко // Стратегічні пріоритети. – 2012. – № 4. – С. 58-62. – Режим доступу: http://www.niss.gov.ua/public/File/Str_prioritetu/SP_4_2012.pdf.
4. Латур Б. Пересобирая социальное. Введение в акторно-сетевую теорию // Экономическая социология. – 2013. – Т. 14. – № 2. – С. 73–87.
5. На шляху до суспільної злагоди / упоряд. Ю.Ж. Шайгородський. – К. : Український центр політичного менеджменту, 2001. – 144 с.
6. Некита А.Г. Социализация бессознательного отчуждения в массовом обществе : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.11 / А.Г. Некита. – Великий Новгород, 2010. – 40 с.
7. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы / С.В. Патрушев // Политическая наука. – 2001. – № 2. – С.146–186., с.152 – 153.
8. Соловьев А.И. Государственные стратегии России: институциональные возможности и барьеры / А.И. Соловьев // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации : материалы 8-й международной конференции факультета государственного управления МГУ им. М.В.Ломоносова; 26-28 мая 2010 г. : в 3 ч. : Часть 1 / отв. ред. И.Н. Мысляева. – М. : Издательство Московского университета, 2010. – С.164–173.
9. Соціальне партнерство і державна політика: від теорії до практики демократизації державного управління / заг. ред. В.М. Мартиненко. – Х. : Магістр, 2009. – 251 с.
10. Україна: політичні стратегії модернізації : зб. науково-аналітичних доп. / за заг. ред. М.М. Розумного. – К. : НІСД, 2011. – 328 с.
11. Шмиттер Ф. Увязка интересов и управляемость политических режимов в современной Западной Европе и Северной Америке / Ф. Шмиттер // Теория и практика демократии. Избранные тексты / пер с англ. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. – М. : Ладомир, 2006. – С. 341–348.

Владимир ШЕДЯКОВ

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МИФА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Постановка проблемы. Регулирующие воздействия социетального масштаба сталкиваются с необходимостью решения задач на трех уровнях изменений: технико-техническом, социально-экономическом и ценностно-культурном. То обстоятельство, что сложность и инерционность процессов возрастает от первого из них к третьему, должно учитываться и при оценке продолжительности эффективных для проведения трансформаций в плоскости каждого из них регулятивных мер, а также разнообразия управленческих композиций, которое может варьироваться в крайне широком диапазоне. В частности, исследование значения мифа для процессов антропогенеза и обществогенеза опирается на черты природы мифа, его регулятивные возможности [1; 14]. Таким образом, специальное изучение мифа открывает дополнительные возможности прогресса, связанные с формированием и укреплением на уровне архетипов управленческих механизмов развития.

Однако осознание происходящих процессов, формирование средствами науки мировоззрения, адекватного сложности общественных процессов, во многом тормозится привычной уверенностью, что миф – лишь форма донаучного восприятия и интерпретации действительности. Впрочем, именно базовые символы, которые живут в глубинных архетипах культурно-цивилизационного мира и отражают устойчивые ценностно-смысловые конструкции и обеспечивают во многом характер восприятия, формируя каркас мировосприятия, создавая его внутреннюю структуру, что и позволяет трактовать мифологические образы как гибридные, с одной стороны, более-менее точно отражающие внешний мир, а с другой – отпечатывающиеся на его понимании внутреннюю направленность сознания, определенный социокультурный код [14, с. 76]. Соответствующим образом прикладные антропологи и сторонники аккультурации связывали с ним, например, разрешение противоречия между традиционными социокультурными нормами и потребностями развития в реализации стратегий взаимной аккомодации (привыкания) и адаптации старого и нового. Между тем, долговременность и стабильность желательных трансформаций обеспечивается их ответственностью, базирующимся на архетипах и устойчивых парадигмах социального восприятия.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретико-методологические основы рассмотрения проблем аксиологии и создание научно-исследовательского аппарата изучения мифа заложены, прежде всего, работами Р. Барта, М. Вебера, Э. Дюркгейма, М. Элиаде, Э. Кассирера, Ф. Кэссиди, К. Клакхон, К. Леви-Стросса, А. Лосева, Т. Парсонса, А. Р. Рэдклифф-Брауна, Г. Спенсера, Э. Тайлора, В. Томаса и Ф. Знанецкого, К.-Г. Юнга, Дж. Фрезера, К. Хьюбнера, Ф. Шеллинга. Значительную роль в формировании соответствующей отечественной научной традиции имели многолетние философские раздумья Г. Сковороды и научные разработки проблем мифологического мировосприятия со стороны известных авторов, среди которых С. Аверинцев, В. Андрущенко, Е. Афонин, В. Буян, Т. Вакулова, Е. Воропай, А. Высоцкий, Е. Головаха, П. Гуревич, Р. Додонов, О.

**ШЕДЯКОВ
Владимир
SHEDYAKOV
Volodymyr,**

доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Национального института стратегических исследований при Президенте Украины, г. Киев.

Аннотация: в статье излагаются результаты исследования специфики и условий постсовременного мифа при осуществлении регулирования социетального уровня. Миф анализируется как важная составная часть процессов оживления культурных кодов в системе обеспечения успеха модернизации общества.

Ключевые слова: миф, технология социального регулирования, общественное развитие.

УДК 323.1

Донченко, К. Зуев, Л. Кочубей, В. Кравценюк, В. Кремень, А. Кривицкая, А. Лосев, В. Лях, В. Малахов, Л. Нагорная, Н. Панина, А. Полисаев, Н. Пробийголова, А. Радченко, О. Ременець, А. Ручка, Ю. Серова, В. Скалацкий, Т. Суходуб, С. Тримбач, Ю. Шайгородский и др. Изучение характера культурных репрезентаций и значения ценностей и духовно-интеллектуальной активности для социокультурного антропогенеза может базироваться на достижениях таких ученых, как С. Анисимов, Л. Аннинский, В. Бакиров, С. Батенин, А. Бузгалин, О. Дробницкий, О. Балакирева, Ю. Борисова, Г. Гак, В. Лекторский, М. Лифшиц, В. Межуев, В. Ожогин, Н. Победа, Г. Померанц, И. Попова, А. Ручка, Л. Сараскина, Э. Соловьев, Л. Столович, В. Толстых, В. Тугаринов, А. Уледов, С. Цымбалюк, В. Ядов. При изучении роли идеальных отношений и репрезентации деятельности в культуре общества следует учитывать исследования Б. Дубина, Д. Дубровского, С. Катаева, Э. Ильенкова, М. Желнова, М. Лившица, А. Мамалуя, Н. Победы и др.

Сегодня, тем не менее, сохраняет свою высокую теоретическую и практическую ценность потребность в исследовании роли мифотворчества, имеющего архетипические основания, для процессов социокультурного антропогенеза и возможностей/угроз, а также направленного его использования для поддержания процессов, расцениваемых как позитивные, и преодоления (локализации) тенденций негативных.

Цель статьи. Соответственно, темой данного материала является изложение результатов исследования архетипики специфики и условий формирования и распространения постсовременного мифа при осуществлении регулирования социального уровня. В нынешних условиях при формировании новой системы глобального управления каждое государство должно с уважением и вниманием относиться к мультицивилизационному характеру изменений, когда в разнообразии нужно видеть потенциал не угроз, а развития. Таким образом, эффективное владение постсовременными технологиями социального управления предполагает использование приемов и трансформации социальных мифологем для направленного влияния на общественные процессы. Соответственно, не только достижения науки, но и мифические образы могут целенаправленно использоваться с целью укрепления и развития общества, его «сосредоточения» (А. Горчаков, Ф. Тютчев), формирования точек прорыва и лидерских групп (С. Кургинян, М. Калашников), для обеспечения долговременного эффекта «позитивных мутаций» (А. Бузгалин, А. Колганов), закрепления прогрессивных изменений через механизмы сознательного, подсознательного и неосознанного восприятия и убеждения. Поэтому, например, борьба за мифологемы и ценностные комплексы традиции прошлого порой оборачивается прагматичным выбором будущего [5; 7; 11; 15].

Изложение основного материала. Отражающая глубинные архетипы народа аксиологическая сторона существования и развития мифа часто определяет роль конкретных разновидностей данного явления в истории конкретного культурно-цивилизационного мира, в частности как его спокойных, так и переломных моментов [2; 4; 6; 10]. Наличие в процессе социокультурного антропогенеза существенной роли мифотворчества обусловлена регулятивным воздействием многообразия культурных традиций и подходов и с ним взаимодействует. Формирование же мировоззрения в существенной мере зависит от совокупности определяющих ценностных ориентаций человека, его ценностного коррелята.

Соответственно, эмоциональное воздействие мифа, образа, символа – ключевая черта, создающая возможность заражать. При этом, как и всякий жизнеспособный вирус, мим в состоянии адаптироваться к изменениям среды, менять форму, мутировать, сливаться с другим. Таким образом, вкладывание текстов-вирусов и образов-вирусов способно менять основу социальных интеграторов и вызывает трансформации социальных сетей. Под влиянием архетипов возможно не осуществление безвекторных, отдельных и случайных изменений, а превращение трансформаций в системные и направленные.

Как известно, в социальных отношениях складываются и группы коммуникаций, более интенсивных и тесных, нежели остальные. Их изучение и интерпретация могут осуществляться как в рамках социально-кибернетического (например, как клик), так и социолого-эпистемологического (прежде всего, как концептуальных коррелятов) подходов. Преэминентность их воспроизводства пронизывает такие ключевые элементы социальной структуры, как группы и социальные институты, неся в себе как универсальные, кросскультурные черты, так и явления, свойственные конкретным культурно-цивилизационным мирам. Их активизация на основе народных архетипов реанимирует в обществе ценностные, мотивационные и побудительные комплексы, фиксируемые в том числе и виде набора конкретных ценностно окрашенных мифов.

Таким образом, использование отечественной национальной и региональной специфики практики культурной репрезентации становится важной составной частью оживления культурных кодов и использования продуктивных архетипов в системе обеспечения успеха постсовременной модернизации общества. Базовые черты специфики постмодернистской действительности, влияющие на предпосылки восприятия, – отсутствие «внешней опоры» человека в как социальном, так и природном окружении, быстрое изменение социокультурной среды и возможность его индивидуального сознательного изменения, распространение феномена «массовой культуры» вместо «культуры для определенного круга» с упрощением характеристик самой культуры; распространенность и многоаспектность различных коммуникаций и т.п. Как одно из последствий этих трансформаций возрастает необходимость самостоятельного принятия главных жизненных решений каждым, и, соответственно, фиксируется постоянство ситуации выбора для человека. Конечно, процессы мифотворчества/демифологизации создают ресурсные базы для облегчения «бремени свободы», интерпретации явлений, тенденций и процессов окружающей действительности.

Вместе с тем дополнительными основаниями мифотворчества становятся, в частности, следующие:

- 1) ситуация исчезновения привычной социальной среды (распад государства, отказ от идеологии, смена веры);
- 2) переход к непонятным условиям жизнедеятельности, непривычным социальным практикам;
- 3) овнешнение факторов значимых жизненных изменений. Однако механизм мифа допускает его использование и для запуска, и для закрепления прогрессивных тенденций; миф может сплотить, сделать конкурентоспособнее, сильнее.

При этом миф – это не отголоски «донауки», «квазинауки» и «паранауки»; общественные и индивидуальные функции мифа, науки и идеологии имеют явную специфику, они резонируют, но отличаются, причем усиление сетевого характера общества оказывает влияние не только на распространение мифа, но и на сам процесс мифотворчества – мифы трансформируются, меняя то форму, то содержание и принимая черты создателей. Более того, если, например, западноевропейский процесс создания общераспространенных мифов в целом завершился в XIX веке, то в Украине он активно продолжается, что открывает дополнительные возможности. При этом важно воспринимать разнообразие не столько как средоточие угроз, сколько как дополнительные возможности.

Хотя миф как явление зачастую трансрегионален, но его конкретные проявления, сфера реализации и динамика регионально изменчивы. Тем самым он может быть ресурсом как размывания культурного пространства макрорегиона глобальными инфраструктурами, так и отстаивания своей культурной самобытности. Человек живет в отчужденном мире, где есть измерения бытия, осваиваемые средствами мифа. Эта сфера меняется, в том числе под влиянием условий жизни и, соответственно, усиления тех или иных начал отчуждения для всего комплекса отношений. Зарождение и оформление национальных и региональных мифов, базируясь на имманентных

ценностях человеческого бытия, несет явные отличия пространственно-временной конкретики.

И именно социальное мифотворчество подчас демонстрирует качества ресурса эффективного регуляторного воздействия. Это значение мифа в трансформирующемся мире усиливается социальными сетями, которые обеспечивают как замещение отсутствующих полнокачественных институтов (по М. Кастельсу), так и проникновение политико-экономических идеологий в сакральную жизнь. Особенности политической социализации в сетевом обществе соединяют иерархически централизованные ризомические сетевые контакты, вынося в плоскость повседневного рутинного выбора каждого поистине смыслообразующие вопросы. Вообще, всеобщее распространение отношений виртуального капитала (финансового капитала особого рода), подчинение им чуждых ему сфер, превращение в основной способ воспроизведения корпоративно- сетевого состояния общества и культуры предполагает как рост иррациональных форм и уровней, так и активное вовлечение каждого человека в решение отдельных аспектов совершенствования деятельности корпорации и привлечение к широкой сети разного рода горизонтальных организаций. Виртуальный капитал (финансовый капитал особого рода) как основное средство жизнедеятельности и воспроизводства корпоративно- сетевого состояния общества и рынка предполагает частичное «втягивание» человека как носителя уникальных творческих способностей в процессы оптимизации деятельности корпорации и вовлечение его в широкую сеть горизонтальных организаций.

При этом постсовременность накладывает свои черты на характер и восприятие мифов. Постсовременность, постмодерн в определенном смысле тоже мифичны: их классическое содержание входит как одна из тенденций в характеристику черт любого времени, тем более – упадка или перерождения. Но продление рафинированной постсовременности граничит с субпассионарностью и может стать не только последствием повышения разнообразия и мощи паразитарных (а не производительных) форм использования времени, но и причиной дальнейшего распада и разложения. И именно социальное мифотворчество демонстрирует качества направления действенного управления процессами, отношениями и лицами в мультикультурной среде настоящего и будущего. Соответственно, в том числе и благодаря качеству социетальной работы с мифами зависит определенность, как обернется специфика нашего времени для каждого конкретного культурно-цивилизационного мира.

Логика однозначности причинно-следственных связей (модель «дерева») давно переросла в модель «куст» (характеризующее социальность, выросшую до многофакторности) и «ризому» стохастического состояния социальности, где сплетены самые причудливые сочетания логики бытия. Любая ветвь может стать корнем, узлом нового развития. Так, например, на микроуровне социальных отношений «горизонтальные» интересы фиксируются в региональных доминантах союзов, «роевых» предпринимательских структурах, увеличении числа «менеджерских» организаций, усилении влияния социальных сетей на бизнес и общественную жизнь. Впрочем, если социальная система обладает единством структуры и тенденций трансформации, то несистемная социальная целостность часто ее лишена: она – объект заведомо конгломератный, мозаичный. Если первая конституируется социально-личным началом, то вторая – индивидуально-психологическим. Первая предполагает неравенство частей и иерархию организации, тогда как вторая – равенство элементов и гармонию, отсутствие заранее установленных масштаба и норматива. Однако эти различия отнюдь не абсолютны. При этом социальные связи ныне все чаще вероятностны и стохастичны, их детерминации не обязательно имеют причинно-следственный характер, а, зачастую, синхронны. Как результат эта общая модель типологически сближается с вариантом несистемной социальной общности. Вместе с тем, если социальная система завершает историю эпохи превалирования социально-личностного развития, то несистемная социальная общность открывает эпоху индивидуаль-

но-психологическую. В период же трансформации общества их черты накладываются и пересекаются, создавая пеструю чересполосицу плохо структурированных социальных институций и коммуникаций.

При этом существование любого типа общественного идеала во всех без исключения социальных образованиях предопределено, в первую очередь, стремлениями осмыслить противоречивый характер общественного бытия и найти продуктивные пути его улучшения. И если условия существования развитого общества выводят на ведущее для существования общественного идеала место отношения типа «человек – общество», то в первобытном социуме имеет место доминирование отношений «человек – природа». В то же время функционирование общественного идеала во время древнейшего общества имеет ряд весьма существенных особенностей, связанных, в частности, и с тем, что тогда место человека в мире еще не достигло ни конкретно-общего, ни абстрактно-понятийного уровня, находилось преимущественно в виде чувственно-образных представлений, а общественный идеал был непосредственно вплетен в миф, оказываясь его важной составной частью. Соответственно, отражение действительности в таком типе идеала имеет нереальные, фантазмагорические черты и направлено за пределы той социальной структуры, где осуществлялась непосредственная жизнедеятельность людей. Тем не менее, любая мифология подчиняет и придает форму силам природы и общества; в воображении и с помощью воображения она формируется и исчезает, следовательно, трансформируется вместе с упрочением действительного господства человека над силами природы.

Таким образом, формируются технологии смещения реальности в нужном направлении за счет стимулирования желательных трансформаций., причем эффективной моделью сосуществования и изменений в отчужденном мире остаются превращенные формы, а реализация стимулирования желательных подвижек может осуществляться путем усиления возмездности в более или менее конкретных формах. Связь мифа с психофракталами как внутрдинамическими структурными элементами индивидуальной и социальной психики ведет к формированию устойчивых психокомплексов, фиксирующих матрицу социетального психофрактала [5]. Применение его в социальных коммуникациях позволяет апеллировать сразу уже к ценностно окрашенной данности («это очевидно», «это понятно», «это хорошо»), обходя заслоны критичного восприятия. В результате вбрасывание в сознание определенных раздражителей может превращать их в точки конденсации, а в сочетании с созданием нужной трансформационной среды это обеспечивает движение общества в заданном направлении. Таким образом, эффективное владение постсовременными технологиями социального регулирования предполагает использование приемов и трансформации социальных мифологем и использование их для направленного влияния на социальные процессы. Кроме того, механизмы и социальные технологии «мягкой» силы (в частности, стимулирования желательных трансформаций) часто базируются на непосредственно связанных с архетипами фундаментальных уровнях человеческой личности, что открывает дополнительные возможности и ликвидирует определенные ограничения в продуктивной работе с реальностью при организации межсистемных информационных потоков [3; 12; 13; 17].

Однако сегодня СМИ чаще всего используют этот механизм для усиления общественных ориентаций отнюдь не на участие в производственном процессе и творческом поиске, а на разнообразные варианты потребительства. От идеологии Творчества, Достижения (как результата эффективных усилий) они перешли к пропаганде философии Дара (случая, приносящего нечто от рождения или в процессе жизни). В качестве фона для сюжетов они избирают крайне высокий материальный уровень (исключения редки и часто связаны с сатирическими планами). Игра в жизнь замещает решение реальных проблем, происходит отвлечение от мира реального в пользу выдуманного, виртуального. Мир начинается в жизни и мыслях каждого человека. Информационное цунами стало эффективным средством управления масса-

ми, активного воздействия на подсознание и трансформации характера восприятия окружающего, причем конкуренция псевдодокументалистик оказывает воздействие на действительность.

Впрочем, осуществление эффективных моделей работы с информацией должно основываться на особенностях информационного пространства, характерных для нынешнего уровня социального развития. То есть, если когда-либо оно предполагало создание управленческих композиций преимущественно на базе устной речи, а позднее – печатного текста или радиосообщения и телевидения, то сейчас – в первую очередь, на базе особенностей «новых медиа». Естественно, каждый из этих этапов не только менял ресурсную базу подготовки и осуществления информационного воздействия, но и трансформировал управленческие техники. Вместе с тем качество присутствия в информационной сфере постсовременности все больше зависит от умения оперировать ложными величинами социальной и индивидуальной жизни. Растет и специфическая регулятивная роль химер общественного восприятия. Поэтому для успешного проведения новой модернизации необходимо выйти на т.н. «мировые стандарты» скорости и объема получения объективной информации, обеспечить ее доступность и качество.

Однако Интернет не только предоставляет море информации и помогает идентификации первоисточников, он также обостряет проблему внешнего манипулирования, информационного шума и облегчает подтасовку фактов под нужный ряд. Тем самым сегодня новое звучание обретает формула «многознание уму не научает», для каждого возрастает ценность базовых знаний и методологии, позволяющих отобрать индикаторы, а также способности создать новое. Соответственно, повышается и значение защиты от информационного проникновения многообразия «культурных вирусов». Это особенно важно для гибридной зоны как территории активной культурно-цивилизационной диффузии.

Соответствующая трансформация социальной среды проведения трансформации тесно связана с инверсией отчуждения на индивидуальном и социальном уровнях. При постсоветском транзите сочетаются потоки, чьи корни находятся в особенностях социалистического прошлого (в связи с явлением общей частной собственности, ложной социальной стоимости и т.д.) или были заимствованы у элементов олигархического капитализма (поэтому они близки к классическим моделям, исследованным постмарксистскими школами), а также характеризуют переходность в новую эпоху – с особенностями в разных культурно-цивилизационных мирах и регионах. Наличие богатого многообразия элементов различных подсистем накладывает также на соотношение отчужденного труда и свободного самодеятельного творчества, что предоставляет дополнительные возможности и обеспечивает широкий диапазон решений по трансформации сознания и подсознания путем формирования управленческих композиций информационных воздействий.

Кроме того, особенности новой эпохи при подготовке и осуществлении индивидуального и социального диалога усиливают потенциальные возможности использования пограничных психических состояний, маргинальных групп общества, промежуточных социальных слоев, территорий интенсивного диалога и социокультурной диффузии и, соответственно, потенциала их междисциплинарного анализа. Заметнее становится возникновение мира, состоящего из достаточно разнородных частей – государств, что отдаляются друг от друга в координатной сетке социального выбора, подходов, вытекающих из приоритетов свободы, демократии, прав человека или выделяющих как первоочередные цели стабильность, ресурсную безопасность и развитие.

В этом мире, несмотря на определенные дополнительные сложности, воплощение конкретных форм оптимальной реализации информационных воздействий предусматривает широкое применение алгоритмов сценарного, проектного и вариативного подхода к воплощению мягкого регулирования.

Поэтому механизмы и социальные технологии «мягкой» силы и гибкого управления часто базируются именно на фундаментальных уровнях человеческой личности, открывая дополнительные возможности и ликвидируя определенные ограничения в продуктивной работе с реальностью при организации межсистемных информационных потоков. Здесь имеет место своеобразное «оборачивание основы»: если инструментальные ценности формируются интересами и потребностями человека, то фундаментальные – сами их формируют. Иначе говоря, и на достаточно динамичном актуальном «бытовом» уровне мировосприятия открываются дополнительные ниши воздействия. Это расширяет возможности борьбы не столько силовой, физической, сколько за сознание и подсознание человека, позволяет не побеждать путем ликвидации человека, а делать привлекательным желаемое поведение.

При этом совокупность информационных систем разбивается на различные классы, в том числе глобальных, международных, национальных, макро-, мезо- и микрорегиональных, отдельных организационных структур. В то же время информационный диалог приобретает сейчас более сложные формы; технологии и приемы информационного взаимодействия при поиске ресурсов и проектов нового Модерна имеют тенденцию к воспроизводству новых форм, основанных на признании неполноты знаний участников процессов и совокупного влияния результатов взаимодействия игроков.

Поэтому новая эпоха создает условия расширения диапазона использования информационных технологий, ориентированных не на участие в изнурительном информационном противоборстве, а на взаимодействие в потоке событий, где каждый не имеет полноты информации и зависит от действий других акторов. При этом мифо-символьные конструкции как раз и в состоянии помочь подготовке условий конкретных ситуаций информационного взаимодействия, когда победа одного является проигрышем другого (в рамках игры с нулевым результатом), или существует возможность совместного выигрыша/проигрыша (в рамках игры с ненулевым результатом), или предполагаются существенные изменения по ее результату положения еще и третьей стороны. Таким образом, формируются новые требования и возможности управленческих композиций эпохи создания нового Модерна на базе повышения многообразия методов, приемов и технологий информационного менеджмента.

Соответственно, необходим новый формат стратегии, тактики и оперативного искусства проведения преобразований, реактуализующий диалектику влияния на пост-модерные процессы в рамках эффективной управленческой политики в условиях глобальных трансформаций настоящего и подготовки привлекательного образа будущего [8; 9; 16; 18–20]. При этом технологии успешных трансформаций уже требуют переноса акцентов с директивных указаний на мягкое стимулирование желаемых процессов и поведения. Однако даже при получении предполагаемых от воздействий последствий возможна не только оптимистическая интерпретация – действительность реагирует на мероприятия ожидаемым образом, что позволяет предположить, что дискурсивные (рациональные, основанные на предыдущих рассуждениях) модели оправданы. Существует также и пессимистическая – идет незаметное и не интерпретирующееся рациональное накопление отрицательных предпосылок грядущих перемен и событий. Соответственно, часто выигрыш – следствие именно нарушения искусственных ограничений и творческого использования специфики обстоятельств и условий.

Выводы из данного исследования. Таким образом, обеспечение долговременного устойчивого развития культурно-цивилизационного мира невозможно без достижения баланса экономической и социально-политической организаций социума и создания общественной среды, адекватной задачам развития. Следовательно, требуется возврат базовых ценностных, мотивационных и побудительных иерархий населения страны к созидательным, а не финансово-спекулятивным или свойственным рантье. Иными словами, на повестке дня – вовсе не очередной слом общественных тради-

ций социальными инновациями, а нахождение форм реализации продуктивных архетипов культурно-цивилизационного мира. При этом особенностью общественных процессов и социальной безопасности в украинских условиях является как раз стихийная активизация мифотворчества. Вместе с тем сегодня она отражает не только состояние глубинных оснований социальной памяти, но и специфические черты трансформации общества, иногда характеризующиеся как постсоветский и постсовременный транзит.

В частности, уже стал банальной констатацией результат наблюдений за функционированием социально-экономических систем – определенная стадия зрелости рынка, как правило, воспитывает и поддерживает существование общественного единства на прогрессивной основе, которая в вестернизированной культуре связывается с гражданским обществом. В условиях же инверсии развития (когда не гражданское общество создает государственность, а государство обеспечивает доформирование и функционирование гражданского общества) развитая общественность – условие устойчивого достижения определенного экономического уровня. При этом нужно учитывать специфику страны, ее культурные и политические традиции, характер и уровень развития экономики, качество социального и трудового законодательства, степень ассоциирования, развития и авторитета субъектов социального партнерства и тому подобное. Соответственно, социальное партнерство и промышленная демократия в настоящее время являются абсолютно необходимым компонентом для развития и продуктивного использования общественной конкурентной среды, которая не должна превращаться в войну всех против всех, а государственная регуляция и практика ведения хозяйства – в войну государства с бизнесом, тем более при реализации курса на высокотехнологичное производство и качественные социально-политические коммуникации, когда эффект агоры действует в масштабах новейшей ойкумены – своего региона и, частично, всего мира.

В этой ситуации без объединения усилий всех секторов хозяйствования (государственного, частного бизнеса, неприбыльных негосударственных организаций), прежде всего, без формирования социально ответственного бизнеса создать эффективный механизм укоренения на практике основанных на продуктивных архетипах инноваций в требуемых масштабах является утопичным, и одних только рыночных механизмов для этого совершенно недостаточно. Между тем, по нашему мнению, дополнительные резервы социальной регуляции на постсоветском пространстве могут обеспечиваться в первую очередь: 1) распространением арсенала решений в соответствии с тенденциями распространения ризомических разновидностей социального развития и адекватных практик; 2) возможностями, которые связаны с диалогом и диффузией внутренних и внешних культур; 3) трансформацией баланса отношений между государством, обществом и личностью.

Перспективы дальнейших научных поисков. В сфере интересов дальнейшей разработки тематики регулятивных возможностей постсовременного мифа, с авторской точки зрения, существенное место должно принадлежать уточнению диапазона индивидуальных и социальных воздействий, соответствующих субъектным, объектным и процессуальным особенностям (в частности, специфике системного и кризисного менеджмента).

Крайне перспективной темой отдельного анализа представляется дальнейшее совершенствование социально-психологических основ развития экономической жизни общества, в том числе – применительно к циклам его трансформации, с использованием научного аппарата изучения социокультурных особенностей течения времени.

Сложность наложения черт кросскультурных и специфических для конкретных культурно-цивилизационных миров доиндустриального, индустриального и постиндустриального хозяйственных секторов при усилении в глобальном масштабе тенденций, связанных с формированием «новой экономики», «экономики знаний», «инновационного вектора перемен», требуют специального изучения диапазона ар-

хетипичных основ и ограничения преобразований для оптимизации последующего общественного транзита и повышения конкурентоспособности его отечественной модели.

Составление сложных управленческих композиций для стимулирования желательных изменений предоставляет возможности применения научного инструментария превращенно-иррациональных форм освоения социальной рациональности, а также ее отражения в идеальных презентациях.

Рекомендации органам законодательной и исполнительной власти. Эффективное использование в государственном масштабе и на уровне местного самоуправления наработок научной школы архетипики требует активизации политики по обеспечению социально привлекательного дизайна страны – как внутреннего, так и внешнего.

Адаптация к условиям активных мультикультурных влияний и переплетенности капитала предполагает, в первую очередь, развитие собственной системы социального партнерства, государственно-частного партнерства, социокультурной среды предпринимательства и инвестиционного климата в стране.

Успешное обеспечение предлагаемых трансформаций ориентирует на активизацию механизмов участия в модернизационных альянсах.

Для обеспечения защиты фундаментальных ценностей народа необходимо обновление информационной инфраструктуры страны.

Дерегулирование и дестатизация общественных отношений эффективны лишь в строго очерченных пределах и не предполагают тотального сложения государством с себя ответственности за организацию социальной сферы и трудовых отношений. Напротив, целесообразно усилить роль государства в налаживании партнерского институционального взаимодействия предпринимателей и персонала с организациями гражданского общества (экологов, правозащитников, потребителей и др.), поощрении (например, на уровне политических гарантий, дополнительных инвестиций, расширения ресурсной базы, предоставлении льгот и преференций как общенационального уровня, так и региональных, например, связанных с земледельцами, разрешениями на застройку), установлении государственного заказа и информационной поддержки форм системного социально-ответственного поведения транснациональных корпораций в стране.

Фундаментальным направлением сохранения своей идентичности и повышения конкурентоспособности отечественной модели развития становится продолжение изучения и распространения за счет ресурсов государственного управления и местного самоуправления эффективных форм интеграции собственных социокультурных традиций и мирового опыта передовых практик, что, в свою очередь, требует развертывания и соответствующих исследований, а также организационно-информационной сети.

Список літератури:

1. Афонін Е.А. Громадська участь у творенні та здійсненні державної політики / Едуард Афонін, Лілія Гонюкова, Радміла Войтович. – Київ : Центр сприяння інституційному розвитку державної служби, 2006. – 160 с.
2. Борисова Ю.В. Традиціоналістські та модерністські цінності в структурі молодіжної ціннісної свідомості: соціологічний аналіз : дис. ... канд. соціол. Наук : спец. 22.00.01. – теорія та історія соціології / Ю.В. Борисова. — Харків, 2001. – 151 с.
3. Вакулова Т.В. Функции мифов в государственном управлении / Т.В. Вакулова // Публичное управление: теория и практика. – 2010. – № 3–4. – С. 10–17.
4. Головаха Е.И. Постсоветская аномия: особенности выхода из состояния аномической деморализации в России и на Украине / Е.И. Головаха, Н. В. Панина // Ответственные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 5–10.
5. Донченко О.А. Психофрактали як природна вимога ненасильства в управлінні [Електронний ресурс] / О.А. Донченко. – Режим доступу : <http://www.politicon.iatp.org.ua/tm/donchneenas.htm>.

6. Залеський З. Соціальна перцепція національностей у Центрально-Східній Європі / З. Залеський, Б. Рожновський, З. Хлевінський // Соціальна психологія. – 2004. – № 6. – С. 63–76.
7. Кривицька О. Історична пам'ять у контексті створення національного міфу / О. Кривицька // Сучасна українська політика. – 2012. – Вип. 27. – С. 104–113.
8. Левенець Ю. Роль національного міфу у відродженні національної свідомості українського народу [Електронний ресурс] / Ю. Левенець. – Режим доступу : <http://www.myth.net.ua/lib/yung4.htm>.
9. Лич В.М. Місце людського капіталу у здійсненні стратегії ефективного розвитку та забезпеченні конкурентоспроможності національної економіки / В.М. Лич, В.С. Шедяков // Людський капітал України: стан, проблеми, перспективи відтворення : у 2 ч. : Ч. II. – Київ : КНУБА, 2009. – 236 с.
10. Магун В. Жизненні цінності населення України: сравнение с 23 другими европейскими странами. Ст. 1. / В. Магун, М. Руднев // Вестник общественного мнения. – 2007. – № 3 (89). – С. 21–34.
11. Нагорна Л.П. Історична пам'ять: теорії, дискурси, рефлексії / Л.П. Нагорна. – Київ : ІПіЕНД, 2012. – 328 с.
12. Радченко О. Ціннісна система суспільства як механізм демократичного державотворення / О. Радченко. – Харків : Магістр, 2009. – 380 с.
13. Серова Ю.В. Соціальна міфотворчість як невід'ємний механізм функціонування суспільства / Ю.В. Серова, В.М. Скалацький // Гілея. – 2012. – Вип. 67. – С. 226–231.
14. Цораев З.У. Мифический смысл и социальный код / З.У. Цораев. – СПб : Изд-во СПбГУ, 2007. – 270 с.
15. Черных В.Ю. Историческая антропология и аксиология истории / В.Ю. Черных // АНТРО: Анналы научной теории развития общества. – 2011. – Вып. 8. – С. 7–17.
16. Шайгородський Ю.Ж. Політика: взаємодія реальності і міфу / Юрій Шайгородський. – Київ : Знання України, 2009. – 400 с.
17. Шедяков В.Є. Використання міфологічних конструкцій в інформаційному впливі: можливості та обмеження / В.Є. Шедяков // Політологічний вісник. – 2012. – Вип. 65. – С. 422–433.
18. Шедяков В.Є. «Людський капітал» і розвиток трудових відносин: взаємопереплетення внутрішніх і зовнішніх тенденцій / В.Є. Шедяков // Новий формат стратегії і тактики соціально-економічного розвитку України: людина, громада, держава : Ч. 3.11. – Київ : Корпорація, 2005. – С. 371–380.
19. Шедяков В.Є. Информационные воздействия в периоды избирательных кампаний Украины (1991–2012): стратегии, технологии, инновации / В.Є. Шедяков, Д.Д. Попов, Л.Ф. Гаврилова ; [общ. ред. П.Д. Морозова]. – Київ : Преса України, 2012. – 152 с.
20. Шедяков В.Є. Ресурсний потенціал методології: піар в соціальному просторі / В.Є. Шедяков // Розбудова іміджу інститутів сектору безпеки України: viribus unitis : колект. монографія. – Київ ; Женева ; Луганськ : Янтар, 2013. – С. 76–117.

сюда можно что-то поставить...

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Приветственное слово..... 5

ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Олег Амосов, Наталья Гавкалова. Модели публичного администрирования (архетипическая парадигма). 6

Елена Боровицкая. Архетип как фактор стратегической регуляции государственного управления. 14

Татьяна Бутырская. Категории неоплатонизма как архетипы современного государства..... 23

Александра Власенко. Влияние архетипов национальной ментальности на формирование механизмов государственного управления национальной инновационной системой..... 32

Сергей Дорошенко. Государственно частное партнерство как следствие архетипики в государственном управлении. 42

Валентина Евдокимова. Мировой опыт моделей государственного управления как архетипическая составляющая для совершенствования механизмов государственного управления в Украине. 49

Татьяна Новаченко. Архетиповая природа наставничества как фактора становления и развития авторитета молодых руководителей..... 55

Виталий Омеляненко. Управление процессами создания региональной экосистемы инноваций с учетом особенностей институциональных архетипов..... 64

Елена Шибанова-Роечко, Сергей Котов-Дарти. Проблемные доминанты публичного управления в аспектах антикризисного знания..... 71

Ольга Шипунова, Алла Сафонова. Сакрализация в контексте публичной политики: архетип социального строя 81

ПУБЛИЧНОЕ ПОЛИТИКА

Ирина Березовская. О специфике художественного медиа-образа политика: опыт феноменологического анализа..... 87

Татьяна Бельская. Публичная политика и система властно-общественных отношений: архетипический подход..... 94

Алексей Валевский. Культурная политика как создание архетипов модернизации украинского общества. 101

Владимир Васильев. Коммунизм как прельщение. 108

Татьяна Кадлубович. Архетипические основы политического поведения. 114

Василий Куницкий. Общественная экспертиза как архетип публичной политики органов власти 124

Екатерина Меркотан. «Архетипы трансформации» как средство манипулирования сознанием избирателей..... 133

Мария Пирен. Архетипические основы становления и развития украинской национальной идеи. 138

Тарас Плахтий. Стратегии взаимодействия украинских политических элит (архетипический подход). 146

Людмила Приходченко, Николай Ижа. Архетипические основы элиты и лидерства в политико-административном реформировании системы государственного управления..... 158

Вячеслав Сальников. Международные отношения, мировая и региональная политика в архетипической парадигме. 164

Виолетта Трофимова. К вопросу о женских архетипах в публичной сфере: Архетипические основы европейской салонной культуры. 171

Сергей Юшин. Архетип властной цефализации в системе координат государственного строя..... 177

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Татьяна Авраменко. Государственное управление здравоохранением в условиях медико-демографических изменений (архетипическая составляющая). 187

Эдуард Афонин, Андрей Мартынов. Архетип и социетальное: взаимодействие и взаимовлияние. 197

Елена Донченко. Индивидуальная интересубъективность как архетип дома. Типы интересубъективности. 207

Ирина Корчак. Архетипическая составляющая устойчивого развития общества. 216

Павел Крупкин. Архетип сакральности. 222

Алексей Крюков, Александр Радченко. Архетипные основания типологизации постсоветских политических режимов в условиях демократического транзита ... 227

Николай Кузьмин. Граница как архетип социального пространства взаимодействия этнокультурных групп: крымские реалии. 234

Мария Лашкина. Информационное пространство как фактор трансформации архетипа национального государства в условиях глобализации. 241

Валерий Ребкало, Владимир Козаков. Архетип как ключевой элемент становления и развития национального сознания государственного служащего. 251

Елена Суший. Социальный диалог в фокусе архетипной парадигмы. 258

Владимир Шедяков. Специфика формирования и использования мифа в системе социальной регуляции 263

Еще какая-то хрень на одну страничку 273

CONTENTS OF ISSUE

Opening address 5

Section I PUBLIC ADMINISTRATION

Oleg AMOSOV, Natalia GAVKALOVA. Public administration patterns (archetypical paradigm) 6
The authors present their vision of public administration and evolutionary development of patterns. In addition, they argue the existence of the national archetypes that build up the paradigm foundation of public administration. The article proves the necessity of forming a «Good Governance» foundation model in the national public administration based on the archetypical paradigm. Recommendations are presented to the legislative and the executive bodies that aim to develop public administration taking under consideration the national archetypes.

Olena BOROVIYTSKA. Archetypes as the driving force of strategic regulation of the state governance 14
The article talks about state governor's strategic reflective tendencies as unconscious mechanisms of his/her activity. Archetypes are viewed as the driving force of its regulation. The author demonstrates the relevance of the scientific concept of strategic organization and regulation of the creativity process, developed by academician - V.O. Molyako, since it is regarded as a version of the methodological additions in the state management.

Tatyana BUTYRSKA. Categories of neoplatonism as archetypes of the modern state ... 23
This article reviews such principle questions relating to the basic concepts of human existence, as a state, state-building, is devoted to the problem faced by a technical civilization and which is formulated as the problem of the one and the rich, since this problem is the basic in philosophical doctrine of neo-platonism, the author turns to the philosophical categories and concepts of neo-platonism, as cultural phenomena of humanity, which are archetypes information; the category of neo-platonism are considered in relation to the most complex object of human knowledge, which is a state, analyzes the state value, the value of state for internal harmony of the society.

Aleksandra VLASENKO. The influence of national mentality archetypes on the formation of mechanisms in state government of the national innovation system 32
The article investigates the connecting systems among the archetypes of national mentality, socio-economic model, the national innovation system and the national pattern of public administration. It is argued that formation and development of the national innovation system depends on the depth and rate of transformation from the traditional economy to the knowledge based economy. The author suggests a classification of national innovation systems based on ethno-metric approach aiming to establish the best mechanisms for their management.

Sergii DOROSHENKO. Public private partnership as the result of archetype in government administration 42
The article is devoted to the scientific and the practical understanding of public-private partnerships as viewed through the archetype in government administration. The analysis reveals the structural elements of the human psyche, hidden in the collective unconsciousness, with the emergence and the current state the PPP, as an instrument of governmental administration. The main advantage of the PPP is the flexibility of its usage, as is the human intellect itself, as well as its application in solving systemic problems of socio-economic development in accordance with the logic of social behavior.

Valentyna IEVDOKYMOVA. International experience of public administration model as the archetypical element in improving the mechanisms of public administration in Ukraine 49
The article compares the archetypical approaches to the formation of public administration system of advanced countries and system of governmental control in Ukraine. In addition, an attempt is made to justify the need to preserve academic staff in the process of improving both the mechanisms of governance in general, and providing the administrative services in particular.

Tetyana NOVACHENKO. An archetypical nature of mentoring as a factor of formation and development of young managers' authority 55
The article analyses an archetypical nature of mentoring. The supervisor-coach is a trusted person, a friend, a facilitator, a partner, the inspirer, the teacher. His/her competent and confident personality accumulates the strength in the archetype of the Self. A real example of a reputable supervisor-coach is the one who corrects and strengthens the values and motivations of a young manager, which would allow the latter to lay the foundation for his/her own authority. Mentoring is a significant factor in the formation of the young leader's authority.

Vitaliy OMELYANENKO. Administering the processes of regional ecosystem innovations creation considering the peculiarities of institutional archetypes	64
<i>The article describes the creation of innovative regional ecosystem and its peculiarities in the context of the archetypes paradigm. It suggests a framework of regional development based on archetypes of open innovations and the motivational component of innovation and investment processes.</i>	
Elena SHIBANOVA-ROENKO, Sergii KOTOV-DARTI. Problematic dominants of public management in the aspects of anti-crisis awareness	71
<i>As multidimensional and diverse as the public administrative process is all its forms, including an anti-crisis spectrum and the complexity of choosing the optimal management decisions, it inevitably predisposes the knowledge of certain patterns inherent in the public and private relations as well as ability to predict, admire and even use the emerging deviations from the general regularities. It appears that crisis often stands out as a dominant of information from the position of problematization of the public phenomena.</i>	
Olga SHIPUNOVA, Alla SAFONOVA. Sacral in the context of the public policy: the social order archetype	81
<i>The article emphasizes an existential-value aspect of public affairs, which assumes the balanced combination of freedom choice principle and social order archetype. Spontaneously appearing mechanisms of public agreement are analyzed together with social unity and trust in the authority institutions. The effectiveness of sacralization takes the central place as the method of controlling totally the individual's actions and thoughts; it is identified by fusing the archetypal contents of personal and collective unconscious.</i>	
Section II SOCIAL POLICY	
Tirina BEREZOVSKAYA. The specifics of the artistic media image of a politician: the experience of the phenomenological analysis.....	87
<i>The image of a public figure largely determines the social and political tensions in the country. For this reason, the media creates the image of a politician, implementing both the expectations of the population, and the intentions of the politician. The quality of how the media executes this task largely determines the success of the state's progress. The phenomenological analysis that this author offers for the study of the artistic media-image of a politician, will enhance greatly the creation of an image of a politician.</i>	
Tatiana BELSKA. Public policy and the state-public relations system: archetype approach.....	94
<i>The article identifies the fundamentals of human consciousness evolution. The author states that forms of governance and subordination emerged based on archetypes in the process of historical development. She also determines the influence of archetypal structural elements on public policy and public relations, as well as analyzes the characteristics of influence the planetary level of consciousness has on the power-public relations at the present global stage of civilization evolution.</i>	
Oleksii VALEVSKYI. Cultural policy as creating modernization archetypes of the Ukrainian society	101
<i>The article analyses the reasons for failures in modernization of Ukrainian society. The author argues that the liberal reforms were unsuccessful due to the weak cultural policy and its inability to create modernization archetypes in the public consciousness. The cultural policy is defined as the creation of set values determining the behavior of people and forming the symbolic foundations of an identity. The main directions of cultural policy are shown as those aimed at the development of innovative potential of the Ukrainian society.</i>	
Vladimir VASILIEV. Communism as a form of flattery	108
<i>This article analyzes the archetypal angle of Chernyshevsky, Turgenev and Dostoevsky's works in the way they describe the process of luring the «russian boys» to the idea of communism.</i>	
Tatiana KADLUBOVICH. Archetypal foundations of the political behavior	114
<i>The article investigates unconscious foundations of political behavior represented by archetypal heritage of people, determining their experience and stimulating for participation in politics.</i>	
Vasiliy KUNITSKIY. Social expertise as an archetype of public policy of governmental authorities.....	124
<i>This article analyses the main problems that arise when civil society institutions conduct expertise of governmental authorities' performance. It investigates the main stages of public expertise formation as a variation of public control in Ukraine. The author makes certain recommendations for improvement of public expertise as an instrument of effective and constructive dialog between authority and society.</i>	

Kateryna MERKOTAN. “Archetypes of transformation” as means for manipulation of voters’ consciousness	133
<i>The article is devoted to the problems of the archetypes used in writing election agendas, as well as in creating the image of a political leader for the election campaigns. The authors reviews the manipulative potential of the transformation archetypes used to win the elections. The election agendas of the winning political parties from the last parliamentary elections in Ukraine are analyzed in terms of the use of archetypal images of the Hero and the Trickster. Manipulative possibilities of using archetypes in the formulation of election programs of candidates for people’s deputies of Ukraine are illustrated.</i>	
Maria PIREN. Archetype principles of Ukrainian national idea, its formation and development	138
<i>The article describes the emergence of archetypal principles in the development of the national idea as well as investigates the essence and role of the national idea in the context of state development in Ukraine.</i>	
Taras PLAKHTIY. Strategies of interaction of Ukrainian political elites (the archetypal approach)	144
<i>The article analyses the cumulative impact of group effects and processes among the self-organized and organized (structured) elite groups. Based on it and as a result of using a systematic approach, the factors that contribute to the selection of aggressive strategies interact with homogenous groups within the national elite have been identified. The conditions of cooperative strategies selection have been identified within the competitive environment of elite organizations. The appropriate algorithms for collaboration of its members are proposed.</i>	
Lyudmila PRYHODCHENKO, Nikolai ????. The archetypal principles of elite and leadership in political and administrative reformation of public administration	158
<i>The article summarizes the historical lessons of the impact elite and leadership had on the processes of state development. Based on this the archetypal principles of political and administrative reformation of public administration system in independent Ukraine were identified. For instance, the article describes how leaders emerged according to scale, intensity of problems, and financial sources and shows its specifics (institutionalization, specification, pragmatism and professionalization).</i>	
V’yacheslav SAL’NIKOV. International relations, international and regional politics in the archetypal paradigm	164
<i>This article talks about the necessity and the possibility of looking at the international relations, international and regional politics through the prism of the archetype. In this article the author demonstrates the peculiarities of applying the archetypal approach to international and regional research and shows its relationship with anthropological, socio-cultural and civilization approaches as well as indicates the main differences and notes the need to improve its scientific objectivity and its tools.</i>	
Violet TROFIMOVA. Women archetypes in the public sphere: archetypal principles of European saloon culture	171
<i>The article discusses women archetypes of Greek goddesses, revealed through the life and personality of Marquise de Rambouillet, the owner of one of the first French saloons in XVII century. The author identifies the link between these archetypes and the success of her socio-cultural project.</i>	
Sergii YUSHYN. Archetype of power cephalization in the state structure system of coordinates	177
<i>State power in Ukraine according to its Constitution is carried out on the basis of combination of centralization and decentralization. But how exactly must this “combination” be expressed? Theory is silent about this for now. The practice is such, that formally the priority of decentralization is declared in Ukraine, but actually the reverse tendency prevails. The concept of “cephalization” must be integrated to the search of optimal combination of “centralization” and “decentralization” of power.</i>	
Section III STATE AND SOCIETY	
Tetiana AVRAMENKO. The public administration of health care under conditions of medical and demographic changes (archetypal component)	187
<i>This article analyzes the theoretical foundations and practical aspects of the national health care system reformation from the perspective of the archetype methodology in the context of developing new public health management approaches under the conditions of medical and demographic change.</i>	

Eduard AFONIN, Andrii MARTYNOV. Archetypes and the societal: the interaction and interdependence 197
The article shows how the ideas and concepts of the archetypes and societal are dialectically united. The archetypes universalize social space and time on the ontological level. The convergence of “the archetype” and “the societal” provides an opportunity to transform the ontological approach and investigate the archetypes using the qualitative and quantitative methodology when researching the dynamics of societal change.

Olena DONCHENKO. Individual intersubjectivity as the archetype of the house. Types of intersubjectivity 207
This article highlights an individual intersubjectivity (INIS) as the archetype of one’s own home, which emerges and works together with the other two types of intersubjectivity - special and coded.

Irina KORCHAK. Archetypal component of sustainable development in the society .. 216
This article reveals the meaning of sustainable development as well as shows the archetypes of man and nature unity and their interrelationship based on the analysis of possible ways and implementing the concept of sustainable development.

Paul KRUPKIN. Archetype of sacred 222
The article discusses the archetype of sacred, which is introduced for an individual’s psyche, and is viewed from the historical perspective – both when it was formed as a result of aromorphosis in the evolution of pre-human tribes, and when it was involved in another aromorphosis, laying the foundation for the social evolution. It was discovered that despite the rather long process of secularization in the developed countries, the sacred remains there even though in different forms than it existed before and continues to be important for people and society.

Oleksii Крюков, Olexandr RADCHENKO. Назва 227
 см
 а
 м
 ты

Nikolai KUZMIN. Border as an archetype of ethnocultural groups in social space interaction: Crimean realias 234
In the article investigates the nature of symbolic social borders. Social border is considered an archetype constituting the cultural groups. The social border is viewed as an archetype constituting the cultural groups. Using the example of modern Crimea the author shows how symbolic borders between ethnical communities emerge.

Maria LASHKINA. Information space as a transformation factor of a national state archetype in the global environment 241
The article investigates some features of Ukrainian information space that influence the transformation of the National State archetypes in global environment as well as the new communication technologies development. The author analyses a positive scenario of development under the conditions of globalization. It constitutes the incomplete national consciousness, having absorbed the diversity of global world may cultivate in itself the best features of tolerance, self-organization, cooperation, and practically become a cultural and worldview standard.

Valerii REBKALO, Volodymyr KOZAKOV. Formation and development of the national consciousness of civil servant as represented by archetype, being its integral element. 251
The article identifies the specific impact of the archetype on the formation and development of Ukrainian nation’s self-consciousness. There is particular emphasis on the important governmental administrative problem: the role archetype plays in the formation of national consciousness of a civil servant.

Elena SUSHYI. Social dialogue in the focus of archetypal paradigm 258
This article attempts to unite the findings from research of interrelation between social (institutional) and mental (psychosocial) processes as a basis for reframing the traditional views of social dialogue. The elements of informal institutional practices are analyzed, as well as their influence on the formation of the political process parameters.

Volodymyr SHEDYAKOV. The formation and usage of “myth” concept in the social regulation system 263
The article presents the results of post-modern myth study, its specifics and conditions while implementing the societal level control. Myth is analyzed as an important part of cultural codes revitalization process while ensuring the success of society modernization.

Наукове видання

ПУБЛІЧНЕ УПРАВЛІННЯ: теорія та практика

збірник наукових праць
Асоціації докторів наук з державного управління
Спецвипуск: червень, 2013 р.

Засновано у 2009 р.
Збірник зареєстровано Міністерством юстиції України,
Свідоцтво про Державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації
Серія КВ № 15786-4258Р від 02.11.2009.

Відповідальний за випуск д. соц. н., проф. Е.А.Афонін

Технічний редактор В. С. Мартинов
Комп'ютерна верстка О. В. Радченко
Обкладинка В. Л. Ковтун

Підписано до друку 22. 05.13. Формат 70x108/16. Папір офсетний.
Гарнітура Times New Roman. Умов. друк. арк. 24,5. Зам. № 01274.
Наклад 500 прим.

Видавництво Асоціації докторів наук з державного управління.
Свідоцтво про Державну реєстрацію суб'єкта видавничої справи
Серія ДК № 3543 від 05.08.2009 р.
61001, м. Харків, просп. Московський, 75.